

ISSN 2658-6614

ИСТОРИЯ Петеробурга

№ 3(87) | 2022

ПОСЁЛОК КОМАРОВО

ПОСЁЛОК КОМАРОВО

Содержание

ИСТОРИЯ КОМАРОВО

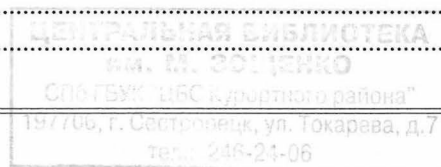
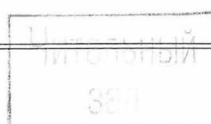
<i>Травина Е.М.</i> Келломякские дачники Кобелевы.....	3
<i>Ерофеев А.Д.</i> Улицы посёлка Комарово	15
<i>Богданова Г.Г.</i> Магия вдохновения.....	22
<i>Львовский Ю.В.</i> Я родом оттуда (Записки старого комаровца).....	26

КОМАРОВО КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

<i>Попов В.Г.</i> Дом творчества.....	40
<i>Круглов Р.Г.</i> Комаровский период Анны Ахматовой	54
<i>Кудрявцева Т.А.</i> Китайский мальчик Анны Ахматовой.....	56
<i>Лукин Е.В.</i> Высокие сосны Глеба Семенова	66
<i>Носов С.А.</i> Аутентичность	75
<i>Подопригора Б.А.</i> «Странные люди».....	90
<i>Кельмович М.Я.</i> Ностальгия по Комарово. Ахматова, Бродский	96
<i>Линник Э.В.</i> Два академика	104
<i>Штемлер И.П.</i> Сколько предсказала кукушка.....	107
<i>Следков А.Ю.</i> Орбели в Комарово.....	110
<i>Кирпичникова Е.В.</i> Вспоминая Комарово	117
(Фрагменты из книги «Сцены из семейной хроники». Нью-Йорк, 2020)	
<i>Боярская Е.Н.</i> Запах детства. Комарово.....	123
<i>Скурлов В.В.</i> Келломяки. Дача Агафона Карловича Фаберже	134
<i>Руднев А.П.</i> Комарово: взгляд из Москвы и Подмосковья	137
<i>Мирзаев А.М.</i> Комаровские байки	139
<i>Лурье Ф.М.</i> Прогулки с Граниным.....	146

КОМАРОВО – МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ!

<i>Дмитриев В.В.</i> «Дождь не шёл, а стоял над посёлком».....	153
<i>Аникина О.Н.</i> Комаровские... ..	154
<i>Бойцов Ю.И.</i> «Бреду к заливу в Комарово».....	155
<i>Илюхина Г.А.</i> Комаровские прогулки.....	156
<i>Круглов Р.Г.</i> На могиле Ахматовой.....	157
<i>Ахматов А.Д.</i> «Какая тишь, когда с утра».....	158
<i>Егорова Т.П.</i> «Она гуляла здесь одна».....	161
<i>Медведева Ю.Е.</i> Там, где море по колено... ..	162
<i>Михайлов М.В.</i> Ах, спасибо Вам, Анна Ахматова.....	162
<i>Толдова И.</i> Брошу летнюю жару... ..	163
<i>Полянская Е.В.</i> Ночь в Комарово	164
<i>Семенова Т.Ю.</i> «Здесь всё – стихи. Витает Гений места»	164
<i>Цукер Б.Ю.</i> «Обошелся этот день со мной сурово»	165
<i>Мальцева А.М.</i> На могиле Ахматовой	166
<i>Баранова Л.А.</i> «Ах, Комарово, Комарово!».....	167

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Полторак С.Н., доктор исторических наук, профессор, (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА, ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Зотова А.В., доктор исторических наук, академик РАН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

Анисимов Е.В., доктор исторических наук, профессор (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия)
Васильев Ю.С., академик РАН (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия) **Гальперина Б.Д.**, доктор исторических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Гуркина Н.К., доктор исторических наук, профессор (Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия) **Измозик В.С.**, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Кальницкая Е.Я., доктор культурологии, профессор (Государственный музей-заповедник «Петергоф», Санкт-Петербург, Россия) **Кашеваров А.Н.**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель высшей школы РФ (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Михеева Г.В., доктор педагогических наук, профессор (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия) **Молин Ю.А.**, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Северо-Западный государственный медицинский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Молкина О.И., педагог (Экзаменационный центр Test TOEIC, Санкт-Петербург, Россия)

Мудров Ю.В., искусствовед (Государственный музей-памятник «Исаакиевский Собор», Санкт-Петербург, Россия)

Савельев Ю.Р., доктор искусствоведения, профессор, академик Российской Академии художеств, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург, Россия).

Скурлов В.В., кандидат искусствоведения, эксперт Министерства культуры РФ (Музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия)

Смирнова Т.М., доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия)

Третьяков В.П., доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Яковлев В.П., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия)

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602.

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области МПТР РФ.

ISSN 2658-6614

Адрес редакции и издателя

195220, Россия, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 913

Почтовый адрес: 195220, Россия, Санкт-Петербург, ООО «Полторак» (до востребования)

Тел.: +7 950 024-14-05; +7 931 333-20-09. E-mail: poltorak2006@yandex.ru, historyofpetersburg@gmail.com.

Сайт: historyofpetersburg.com

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п. л. (электронная версия обязательна).

Подписка на журнал «История Петербурга» осуществляется по каталогу агентства «Урал-Пресс». Индекс 71467.

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

© «История Петербурга», 2022

© Авторы публикаций, 2022

© Издательство «Полторак», 2022

На 1-й странице обложки – *«Худ. Н.М. Подопригора. «Комарово. Образец дачного северного модерна» (акварель). Май 2022 г.*

На 4-й странице обложки – *Худ. Н.М. Подопригора. «Комаровская библиотека» (акварель). Май 2022 г.*

Келломякские дачники Кобелевы

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ТРАВИНА

кандидат философских наук, координатор исследовательской группы
«Старые дачи», автор книг и статей по истории дачных местностей
Карельского перешейка

Посвящается Виктору Викторовичу Крюкову

■ В списке дачников селения Келломяки нет имени «Василий Кобелев», но тем не менее, он незримо присутствует в генной памяти своих детей, которые купили там участки или приезжали всеми семействами в гости. А потом уже внуки Василия Васильевича Кобелева, дети Лидии и Николая Крюковых, породнились после 1917 года с семьями таких же, как они, дачников, оставшихся на территории Финляндии – Сандиных, Сидоровых, Шлейферов, а через них с Забелиными, Гесли, Ленковыми, Марковыми, фон Шмидт. А ещё, семья Василия Васильевича Кобелева дала российской архитектуре самое большое число архитекторов, связанных родственными узами, и Келломяки стали для кого-то эпизодом, а для кого-то важной страницей их жизни.

Гражданский инженер Гавриил Барановский, женатый на Екатерине Кобелевой, имел здесь большой участок, на котором построил виллу «Арфа». Помощником при постройке «Арфы» (равно как Елисеевского магазина и здания Русского географического общества) был её брат, гражданский инженер Михаил Кобелев, впоследствии архитектор Главного управления почт и телеграфов. Гражданский инженер Виктор Крюков, женатый на Лидии Кобелевой, купил участок по соседству; затем его продали, но продолжали снимать дом рядом с Барановскими. Архитектор Стефан Карасимеонов, муж Варвары Кобелевой, приобрёл в Келломяках большой земельный участок, протянувшийся от железной дороги до залива, разбил его на участки для продажи и успел несколько продать до начала Первой мировой войны. На двух из этих участков до сих пор стоят дачи.¹ Однокурсник Барановского, Александр Кобелев, вскоре после окончания Института гражданских инженеров уехал на службу в Киев, но семейное, дружеское и профессиональное общение сохранялось. В Киев же уехал еще один их однокурсник, гражданский инженер Фёдор Эссен, женатый на Марии Кобелевой. После его смерти в 1919 г. вдова вернулась к родным в Петроград, как и сестра

Гражданский инженер
Николай Викторович Крюков.
Фото до 1909 г.*

Елена, в замужестве Гирс, в 1914-м. На келломякском кладбище были похоронены их мать Дарья Александровна, урожденная Горчакова, и сестра Анна Кобелева, сотрудница типографии «Строитель» Барановского, умершие уже в эмиграции, в «финский период». Здесь же лежит и архитектор Гавриил Барановский.

Большую семью разбросала Первая мировая и Русская революция, но остались воспоминания, документы, фотографии, а кроме этого, к счастью, материальные свидетельства их пребывания – дачи, фундаменты, парковые затеи. Остатки бывлой дачной «роскоши». На Большом

* Все фото, использованные в статье, представлены из семейного архива Крюковых (Финляндия).

проспекте пока пустует участок некогда одной из самых прекрасных вилл Карельского перешейка – виллы «Арфа» Гавриила Барановского². О былом великолепии напоминают лишь парковые сооружения – встроена в обрыв терраса да пруд, да беседка, обитая фанерой и варварски превращенная в будку то ли для сторожа, то ли для собак. О том, что Барановский был замечательным архитектором, который построил здания Русского географического общества, Буддийский храм, Елисейский магазин (это лишь из самых известных), помнят только применительно к Петербургу. В 40 километрах от города его постройки уже – ничто.

На соседнем участке стоит загадочная дача Гернандта – «Käpulinna» («Замок Шишка»); почему загадочная? – строил неизвестный пока профессиональный архитектор по авторскому проекту. Может, кто-то из соседей-архитекторов? Барановский, Михаил Кобелев, Николай Крюков? Рядом еще совсем недавно сохранялись и дачные строения на участке Крюковых. На ул. Лейтенантов отреставрирована и стала памятником истории и культуры дача Сандиных, на соседней улице в нулевые снесена простоявшая 100 лет дача Забелиных. А дальше, на ул. Отдыха, в глубине участка дома отдыха Союза театральных деятелей, спряталась дача Сидорова.³

Со всеми этими семьями Василий Васильевич Кобелев оказался связан через браки своих детей и внуков. И что-то увидели небеса в этом человеке, что наградили его семью такой памятью. А начиналась эта общая семейная история задолго до возникновения Келломяк.

В 1829 г. на дежурной конюшне Зимнего дворца случился пожар, вследствие которого погиб старший берейтор, титулярный советник Василий Иванович Кобелев.⁴ Остались вдова

и малолетние дети. Вдове, Анне Андреевне Кобелевой и детям, Ивану, Марии и Екатерине, в 1830 г. были назначены пенсии. Еще один сын, Василий, был отправлен получать образование на казенный кошт в Главное немецкое училище при евангелической церкви св. Петра в Петербурге – Петришуле⁵. По окончании, 13 марта 1840 года, он был определен по стопам отца в Придворную конюшню младшим берейторским учеником.

Придворные конюшни, в которых служили объездчики лошадей, берут своё начало еще от Московского Конюшенного приказа. При Петре в Петербурге были выстроены деревянные здания на Мойке, а в 1823 г. на их месте – каменные. Комплекс Придворного Конюшенного ведомства включал конюшни, манеж, канцелярию, дома для служащих и церковь. Всё, что было необходимо для обеспечения берейторской службы. По архивным документам можно проследить и некие негласные правила, относившиеся к обязанностям берейторов. Скорее даже, это были некие «бонусы», связанные с фактом принадлежности к данному ведомству и добросовестным несением службы. С одной стороны, выездка лошадей «под собственные Его Величества седло» относилась к непосредственным служебным обязанностям берейторов, и за это они получали жалованье и двигались по ступеням Табели о рангах. Но с другой, если лошадь и её выучка нравились императору, то следовало особое вознаграждение.

Так, 9 октября 1872 года был подан рапорт министру Императорского Двора графу Апраксину об одной из таких выездок. «Военно-походный шталмейстер генерал-майор Лефлер рапортом донёс мне, что 12-го минувшего сентября в Ливадии во время гулянья была подана государю-им-

ператору выездная старшим берейтором Кобелевым молодая верховая лошадь, жеребец светло-серый, называемый «Дервиш», на котором Его Величество изволил ездить и остался им довольным. Основываясь на донесении генерал-майора Лефлера, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство об исходатайствовании г. Кобелеву за выездку означенной лошади Всемилощивейшего денежного вознаграждения по бывшим подобным примерам 285 рублей 70 копеек». На рапорт 17 октября 1872 г. была наложена резолюция «Изволил пожаловать».⁶ Аналогично в 1874 году был подан рапорт на пожалование В.В. Кобелеву 285 рублей 70 копеек «...за выездку из числа приведенных в 1873 году из Турции в Ливадию лошадей, молодой верховой лошади, жеребца серого, называемого «Карагер», ... на котором Его Величество изволил ездить два раза и остаться им очень довольным».⁷

По некоторым признакам можно судить, что пожалованные суммы шли в «общий котёл» берейторам, из которого уже распределялись. Сумма в 285 рублей 70 копеек была прецедентной, то есть выдавалась одинаково за все выездки. Лошадей было много, и император редко ездил на одной лошади несколько раз. Таким образом, берейторы без дела не сидели, и кроме жалованья получали такого рода «премии» за выездку каждой лошади, которая понравилась императору.

Работа в Придворном конюшенном ведомстве, принадлежавшем Министерству Императорского Двора, приносила и другие привилегии. Так, служащим можно было обратиться с прошением о вспомоществовании на образование детей, свадьбы или похороны, что обычно удовлетворялось. Семья Кобелевых получала такую помощь часто. Начиная с пенсий вдове и детям Василия Кобелева-ст. в связи

с потерей мужа и кормильца, и далее по прошениям его сына Василия Кобелева-мл. Эти прошения касались денег на оплату обучения детей и на их свадьбы; последним было прошение его вдовы о выдаче пособия на похороны. Наверное, высшей формой благоволения и поощрения было Высочайшее согласие стать крёстным. Это не было чем-то из ряда вон выходящим: члены Императорской фамилии нередко «выходили в народ», то есть к своим верным служителям, становясь восприемниками их детей. При этом, обычно на обряде они присутствовали не сами, а через замещающих их особу лиц. Так, крёстным Александра Кобелева, по семейному преданию, был император Александр II. Конечно, это было не только почетно и статусно в среде служителей, но и приносило реальные материальные блага в виде подарков крестникам на крестины, «на зубок», ежегодно на именины и так далее.

Имя В.В. Кобелева вписано в летопись трагических событий 1 марта 1881 года. По воспоминаниям, именно унтер-шталмейстер Кобелев доставил сообщение наследнику престола, великому князю Александру Александровичу, о смертельном поранении его отца, императора Александра II во время покушения. «Сани с Августейшим страдальцем, следуя от Мошкова переулка по Миллионной, остановились у собственного Его Величества подъезда, внутри тамбура. Прибывший в то же время великий князь Михаил Николаевич приказал унтер-шталмейстеру Кобелеву ехать в Аничков дворец для извещения о случившемся Государя Наследника Цесаревича. Наследник Цесаревич, как уже было упомянуто, отправился прямо с развода в свой дворец и сидел с семьей за завтраком, когда раздался один за другим оба взрыва. Наследник и Цесаревна

не могли себе разъяснить их причины, но сразу почувствовали какое-то тяжелое предчувствие, которое несколько минут спустя еще усилилось при виде прискакавшего во двор Аничковского дворца шталмейстера Государя. Оба поспешили ему навстречу, но он не мог в первую минуту произнести ни слова от волнения и только после отчаянной просьбы Их Высочеств ему удалось проговорить: «Он ужасно ранен». Этим слов было достаточно, чтобы понять ужасную действительность. Наскоро заложили сани, и Их Высочества поспешили в Зимний дворец, куда прибыли первыми после Михаила Николаевича».⁸

В 1890 году, после 50 лет службы, унтер-шталмейстер, статский советник Кобелев вышел в отставку. Его начальником, шталмейстером генерал-майором Мартыновым было подано прошение о производстве Кобелева в действительные статские советники, «не в пример прочим»⁹ и о назначении ему ежегодной аренды. В прошении приводилась краткая биография Кобелева: определен в Придворную конюшню младшим берейторским учеником в 1840 году по окончании Петришуле; перемещен в старшие берейторские ученики в 1842 году; назначен младшим берейтором в 1845 году, а старшим берейтором в 1864 году. В 1877 году назначен унтер-шталмейстером Берейторской части и в том же году произведен в статские советники. С преобразованием в 1882 году Конюшенного ведомства в Придворно-Конюшенную часть назначен унтер-шталмейстером Высочайшего Двора. Таким образом, Кобелев может считаться «старейшим и единственным в составе служителей», так как «на его долю приходится не только 50 лет усердной службы в одном и том же ведомстве, но и личная служба трём Императорам: Николаю I, Александру II и ныне благополучно царствующему

Государю-Императору». Далее перечислялись ордена, которыми он был награждён за службу: св. Владимира 3-й и 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Станислава 2-й степени без короны и с короною 3-й степени.¹⁰

В.В. Кобелеву была пожалована просимая аренда, чин, и за ним после отставки была сохранена казённая квартира в Конюшенном ведомстве, где он жил с семьёй до своей смерти в 1898 году. Похоронен Василий Васильевич Кобелев был на Смоленском кладбище, рядом с первой женой и матерью, и где в 1901 г. была погребена его сестра Екатерина Васильевна Кобелева. После смерти В.В. Кобелева его вдова с незамужними дочерьми Анной, Варварой и Еленой была вынуждена съехать с казенной квартиры; они поселилась в Финском переулке, дом № 6, у Финляндского вокзала, а затем с 1901 года – в доме на углу Фонтанки и Чернышева переулка, 66/12, рядом с семьей Барановских.

Первый брак В.В. Кобелева с Ольгой Михайловной, урожд. Пучковой, был бездетен. В 1858 году, через два года после ее смерти, он женился вторично на дочери командира роты дворцовых гренадер Дарье Александровне Горчаковой. Несмотря на громкую фамилию, Горчаковы происходили из крестьян Симбирской губернии, но отец Дарьи, Александр Дмитриевич, сделал блестящую карьеру, поднявшись из рядовых к чину полковника и командира исторического подразделения.¹¹ Правда, для этого ему надо было пройти через Русско-турецкую войну 1806–1812 года, уцелеть в сражениях Отечественной войны 1812 года под Смоленском, при Бородине, Красном, перейти в 1813 году через Неман, выжить в сражениях при Теплице и Кульме и дойти до Парижа. В полном смысле этого слова, грудь А.Д. Горчакова была в орденах, включая русский Георг-

гиевский и прусский Железный кресты.

После войн служба продолжилась. В 1819 г. А.Д. Горчаков был произведен в унтер-офицеры, в 1825-м в фельдфебели, в 1827-м в подпоручики и тогда же зачислен во вновь сформированную роту дворцовых гренадер. Это было историческое формирование, связанное с памятью о войнах и вкладе «нижних чинов» в победы русского оружия и образованное указом императора Николая I в октябре 1827 г. Дворцовые гренадеры, которых неофициально называли «Золотой ротой» за их расшитые золотом темно-зеленые мундиры и золотые шнуры с кистями на огромных медвежьих шапках, несли службу в наряде почетных караулов при различных торжественных мероприятиях, связанных с присутствием императоров. Кроме того, они несли караул у памятников императорам, а также дежурство во дворцах. В Роте служили уже немолодые люди. По сути, это была почетная пенсия для тех, кто героически сражался в войнах и был таким образом поощрён своими командирами. Сам А.Д. Горчаков получил чин полковника в 68 лет, был назначен командиром роты в 74 года, а умер на этом посту в 89 лет. В 58 лет у него родилась дочь Дарья, ставшая женой Василия Васильевича Кобелева.

У Василия и Дарьи Кобелевых было десять человек детей: Анна, Александр, Мария, Михаил, Екатерина, Василий, Владимир, Варвара, Лидия и Елена. Почти вся эта большая семья впоследствии оказалась связана с Келломяками. И по делам, и потому что жили там или ездили друг к другу в гости.

Александр Кобелев, Гавриил Барановский и Фёдор Эссен были однокурсниками по Институту гражданских инженеров (ИГИ). Вероятно, Александр и ввёл друзей в свою семью. Для

«иногороднего» Барановского, который скитался по наёмным комнатам, возможность посидеть у «домашнего очага» была счастьем. Хлебосольная Дарья Александровна кормила вечно голодных студентов, а прекрасно образованные барышни придавали семейным вечерам не только интеллигентность и теплоту, но и романтику влюбленности. В итоге, Фёдор Эссен сделал предложение Марии, а Гавриил Барановский влюбился в юную Екатерину, и она стала любовью всей его жизни.

Гражданский инженер, архитектор
Александр Васильевич Кобелев.
Фото 1890-х гг.

Александр Кобелев еще в Институте проходил летнюю практику на Юго-Западной железной дороге в службе ремонта путей и зданий. В Киев он и отправился по окончании ИГИ. Строил по всей Украине станционные здания и пассажирские вокзалы, доходные дома и банки. Историки архитектуры считают, что произведения А.В. Кобелева отличает удачная интерпретация разных исторических стилей.¹² С 1899 г. А.В. Кобелев преподавал в Киевском политехническом институте (с 1912 года в статусе профессора). Умер в 1942-м в Киеве, похоронен на Лукьяновском кладбище. В 2016 г. улица

в Соломенском районе Киева, на которой находится здание построенного им приюта, была наименована улицей Архитектора Кобелева (Вулиця Архітектора Кобелева).

Фёдор Федорович Эссен после института строил по всей империи станционные здания и казармы, затем в 1892 г. с женой Марией Кобелевой переехал в Киев. Там он, как вначале и Александр Кобелев, служил инспектором подъездных путей Юго-Западной железной дороги. Затем, в 1901–1909 гг., занимал должность архитектора Университета св. Владимира в Киеве. По его проектам были построены клиника, химические корпуса и университетская студенческая столовая, а также здание гимназии Дучинской и два доходных дома. В 1919 г., в разгар Гражданской войны, Фёдор Эссен умер (был убит?), и его вдова с детьми, Николаем и Варварой, вернулась в Петроград. После Второй мировой войны переписка с родными, жившими в Финляндии, возобновилась. Известно, что в начале 1970-х Варвара с семьей снимала дачу в Комарово, но могилы бабушки Дарьи Александровны на кладбище уже не нашла.

Довольно редкое имя Варвара было дано Марией Эссен своей дочери в память о рано умершей младшей сестре (разница в возрасте была 13 лет). Варвара Кобелева (1875–1905) также «внесла свою лепту» в семейную архитектурную историю. Ее мужем стал архитектор Стефан (Степан Петрович) Карасимеонов, болгарин по происхождению, получивший образование в Школе искусств в Софии и Школе прикладных искусств в Вене. В Петербург он приехал в 1901 г. и сразу же открыл строительно-художественную подрядную контору «С.П. Карасимеонов и К°». Она находилась на Фонтанке 66/12, где жил с семьей Гавриил Барановский и где находились

Василий Гаврилович Барановский,
сын архитектора Г. В. Барановского,
в форме воспитанника
Императорского училища
правоведения.
Фото ок. 1910 г.

его типография и издательство «Строитель». Вполне вероятно, что, познакомившись с Барановским, Карасимеонов был введен в круг его семьи, увидел Варвару Кобелеву и женился на ней. У них родились сын Петр и дочь Мария.

Петр Карасимеонов (1903–1980) пошел по стопам отца, получив архитектурное образование. Профессор, доктор архитектуры Петр Карасимеонов много лет преподавал на кафедре Истории и теории архитектуры архитектурного факультета Государственного политехнического университета в Софии. Его сестра Мария (1905–1907) ненадолго пережила свою мать, умершую через три месяца после ее рождения от чахотки.

После смерти жены и дочери Стефан Карасимеонов начал новое дело, для которого ему понадобилось жить ближе к финляндской границе. В 1908 г. он арендовал участок земли в Сестрорецке, в Канонирских дачах, у железнодорожной станции Курорт. Там он построил большой дом, облик которого сохранился на старых фотографиях.¹³ В этом доме он открыл гостиницу

«Булаир», магазины и туда же перевел свою контору, поскольку его предпринимательские интересы простирались дальше на запад, к финским Келломякам. В Келломяках Карасимеонов совместно со своим компаньоном, строительным подрядчиком Максимом Синицыным, купил большой участок земли для продажи и застройки под дачи. Участок находился в восточной части Келломяк, на границе с Куоккала, и простирался от полотна железной дороги до залива. Центральной осью участка был Болгарский проспект (и теперь только становится понятно, почему он так назывался)¹⁴. Земля была размежевана и оставалось только привлечь покупателей, которые поначалу не заставили себя ждать. Было продано несколько участков; их владельцами стали М.Д. Шихин (участок № 150), А.П. Куренков (участок № 234), П.В. Уперов (№ 146), А.А. Дембская (№ 148).

Но в августе 1914 года всё рухнуло. Началась война, которая свернула планы застройщиков по всей России, да и по всей Европе. Ситуация для Карасимеонова осложнилась еще и тем, что он оставался подданным Болгарии, которая присоединилась в октябре 1915 года к Центральным державам (Германии и Австро-Венгрии) и стала противником Российской империи в Первой мировой войне. 2 февраля 1915 г. были высочайше утверждены «Положения Совета Министров о землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных». Имелись в виду приграничные земли полосой с севера на юг от Великого Княжества Финляндского, через Эстляндию, Курляндию, Царство Польское к южным губерниям, а далее на восток к Приамурскому генерал-губернаторству. Согласно этим положениям, означенным

подданным запрещалось владеть или пользоваться недвижимыми имуществами, быть поверенными или управляющими. Такое имущество требовалось самому продать или уступить, в противном случае следовало принудительное отчуждение, а для владельца – ссылка в Сибирь.

Положение распространялось также на различные общества – спортивные, технические, музыкальные. Подданные вражеских государств изгонялись из правлений банков, акционерных обществ, товариществ или распорядительных комитетов. Запрещались любые объявления на немецком языке, а также использование его в общественных местах и разговоры по телефону. Поражение в правах не распространялось на тех, кто принял российское подданство до 1 января 1880 года или не перешел в православие до 1 января 1914 года, а также тех, кто сам или его предки, «пролили кровь» за Россию, участвуя в войнах и получая награды.¹⁵ Требование 35-летнего срока русского гражданства кажется запредельно бесчеловечным: два десятилетия трудов на благо России условного немца

Ольга Михайловна Кобелева,
дочь гражданского инженера,
архитектора М.В. Кобелева.
Фото ок. 1916 г.

Вильгельма-Фердинанда, ставшего русским подданным Василием Фёдоровичем в феврале 1880 года, во внимание не принимались, и в свои 60 и старше он становился изгоем общества. Сколько судеб замечательных петербуржцев было таким образом сломано. В газетах печатали списки «вражеских подданных», и по одному только Великому Княжеству Финляндскому их было не менее 200, а человек 15 владели землей в Келломяках.

Стефан Карасимеонов был выслан в Иркутскую область, откуда его освободила Февральская революция, аннулировавшая этот царский указ, после чего вернулся в Болгарию. Последняя информация о нем относится к 1938 году: он упомянут в Списке действующих русских архитекторов за границей (тех, кто окончил русские архитектурные школы и иностранцев, работавших до революции в России).

Накал злобы и истерия вокруг поиска «врагов» были очень сильны в Петрограде, особенно в самом начале войны. И именно тогда в неприятную историю попал сын В.В. Кобелева, гражданский инженер и статский советник Михаил Васильевич Кобелев. За десять дней до события, которое было описано в «Биржевых ведомостях», в Петербурге уже вовсю шли погромы, а «патриотично» настроенная толпа разгромила германское посольство и скинула с крыши конные статуи. «Громадное здание посольства было освещено только внизу. Там бегали какие-то люди и выбрасывали в окна какие-то предметы. Скоро появился свет во втором этаже, затем и выше. Бегающие фигуры появились во всех этажах. Особенно суежилась там какая-то барышня в шляпке. Кипы бумаг полетели из окон верхнего этажа и, как снег, посыпались листами на толпу. Летели столы, стулья, комоды, кресла... Все с грохотом падало на тро-

уары и разбивалось вдребезги. Публика улюлюкала и кричала ура. А на крыше здания какая-то группа, стуча и звеня молотками, старалась сбить две колоссальные конные статуи. Голые тевтоны, что держали лошадей, уже были сбиты. Их сбросили, с крыши и, под восторженное ура, стащили волоком к Мойке и сбросили в воду».¹⁶

Михаил Кобелев был моложе на 6 лет брата Александра и Гавриила Барановского, позже окончил ИГИ, а потому в начале карьеры получал практические знания, как это было заведено, помощником архитектора. Таким архитектором стал для него муж его сестры Екатерины, Гавриил Барановский. Со временем, Михаил Кобелев прошел ступени лестницы гражданских чинов и наград, много строил самостоятельно, женился и купил дачу в районе Всеволожской. Вот с этой дачи он и ехал по Ириновской железной дороге в начале августа 1914 г., когда оказался свидетелем инцидента в вагоне поезда. Некий пристав Матвеев, невооруженным глазом «вычисливший» в вагоне «немца», стал требовать его паспорт с пропиской, а также сведения о других немцах, ему известных. По версии журналиста и пристава, неизвестный господин вмешался в разговор, сказав: «Что вы притесняете немцев, и так довольно поиздевались над ними, оставьте их в покое». Пристав сослался на то, что он делает ровно то, что велит ему закон и не собирается говорить об этом с неизвестным господином. В итоге, этот «неизвестный господин» передал приставу свою визитную карточку, тот отправил ее своему начальству, и дело дошло сведения министра внутренних дел Н.А. Маклакова, который потребовал от Михаила Кобелева рапорта с объяснениями. Рапорт достоин того, чтобы привести его практически полностью. «Ис-

полняя приказание Вашего Превосходительства, честь имею доложить, что заметка, помещенная в газете «Биржевые Ведомости» 8 августа 1914 года № 002406 не соответствует действительности.

1. Пристав 2-го стана Шлиссельбургского уезда г. Матвеев мне хорошо известен, ровно, как и я ему.

2. Вопросы о притеснении немцев я не обсуждал, а обратил лишь внимание г. Матвеева, в виду весьма возбужденного настроения публики в вагоне, на несвоевременность требования паспортов в данном месте.

3. Ввиду грубого замечания со стороны г. Матвеева, разговор мною был немедленно прекращен.

4. По выходе из вагона мною было замечено г. Матвееву с глазу на глаз, что, хотя с его слов он и поступает по закону, но можно же вежливо было сказать об этом мне, тем более, что он отлично меня знает.

5. Никакого гнева и угроз я не выражал, а разговор велся в обычном тоне.

6. В субботу 9 августа с разрешения г. начальника Главного Управления почт и телеграфов я был у Санкт-Петербургского губернатора и лично изложил обстоятельства дела, упомянув о крайне невежливом обращении г. Матвеева.

7. Указанный разговор происходил приблизительно неделю тому назад, время точно не помню. Тотчас же заявление мною не было сделано Санкт-Петербургскому губернатору на грубость г. Матвеева, так как губернатор за болезнью не принимал. Значения инциденту мной не придавалось никакого... 11 августа 1914 г.»¹⁷

Трудно поверить только в то, что «значения инциденту» Михаил Кобелев не придавал. В Петербурге он жил на Ново-Исаакиевской и мог быть свидетелем разгрома германского

посольства и буйства толпы (или видеть последствия этого). А потому, его вступление в разговор пристава с «немцем» могло принести большие неприятности вплоть до физического насилия, учитывая «возбужденное настроение публики в вагоне» и градус ненависти к «немцам». В мирное время пристав не посмел бы вести себя подобным образом с человеком неизмеримо выше его по статусу (статский советник соответствовал полковнику в армии или капитану I ранга на флоте). Но война, накал «патриотизма» и адреналин погромов делали из пристава, еще три недели назад автоматически учитывающего паспорта дачников на вверенной ему территории, поистине героя, на котором только и держалась империя. Правда, чувство собственной значимости, когда можно грубить «чистой публике», закончилось через какие-то два с половиной года. В феврале 1917-го убивать стали в первую очередь приставов. Настоящим же героем в августе 1914-го оказался именно Михаил Кобелев, который не

побоялся в наэлектризованном ненавистью вагоне поезда заступиться за невинного человека. Хочется верить, что это было и следствием жизненных уроков его отца. А приставы Шлиссельбургского уезда всенепременно должны были знать М.В. Кобелева и по причине того, что в 1912 году он был назначен еще и почетным членом шлиссельбургского попечительства детских приютов.

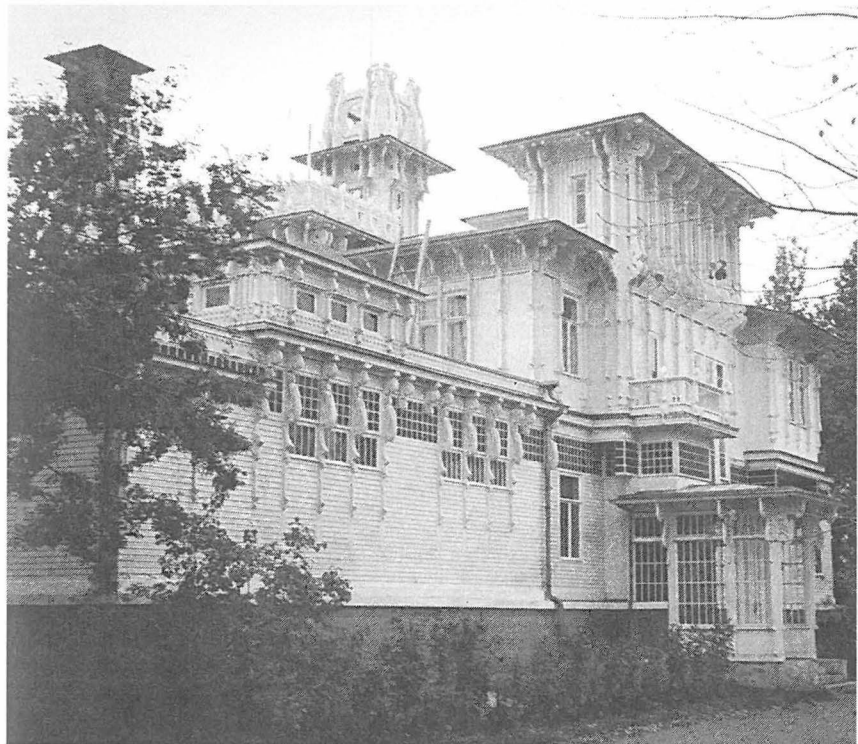
Михаил Васильевич Кобелев сделал достаточно обычную для выпускника Института гражданских инженеров карьеру: Техническо-строительный комитет МВД, членство в Обществах гражданских инженеров и архитекторов, работа архитектором (управления, банка, фабрики, больницы), а в данном случае – Главного управления почт и телеграфов, повышения по службе (к 50 годам – действительный статский советник). Первое построенное им здание – Императорский павильон в Беловежской пуще на станции Гайновка (сейчас г. Хайнувка, Польша), за ним последовали разные здания для

Министерства путей сообщения и оборудование их водопроводом (специализация М. Кобелева в ИГИ). С 1909 г. он был назначен старшим архитектором Главного управления почт и телеграфов с оставлением по ведомству путей сообщения. В этом качестве он построил почтово-телеграфные конторы в Киеве, Великих Луках, Самарканде, Югорском Шаре, Вайгаче и некоторых других городах, а также здание Управления городского телефона и телеграфа в Петербурге на Почтамтской, 15 и центральную больницу почтово-телеграфного ведомства на Лиговском, 143.

Как уже упоминалось выше, Михаил Кобелев в течение 10 лет сотрудничал с гражданским инженером Г.В. Барановским в лице его помощника и заместителя. Из их совместных работ главнейшими были: пятиэтажный доходный дом Г.Г. Елисеева в Петербурге на Фонтанке, 64; пятиэтажный дом по Чернышеву пер., 14; большой торговый дом купцов Елисеевых с концертным залом и сценой на углу Невского пр. и М. Садовой, а также вилла «Арфа» Барановского в селении Келломяки. Фотография, хранящаяся в семейном архиве Крюковых, вероятнее всего изображает М.В. Кобелева на строительстве «Арфы».

После революции Михаил Кобелев с женой Еленой Васильевной и дочерью Ольгой остался в Петрограде/Ленинграде. Он работал инженером жилищно-строительного отдела Управления Николаевской/Октябрьской железной дороги с местом жительства по Фурштатской/Петра Лаврова, д. 42, кв. 10. Там семья и умерла в блокаду: он и жена в 1941-м, дочь в мае 1942-го.

После 1917 года Александр и Михаил Кобелевы, Елена Гирс и Мария Эссен остались по одну сторону границу. По другую, в Финляндии, оказались Лидия Крюкова с детьми, Екатерина Барановская и Анна Кобелева с их

Вилла Харпулинна (вилла «Арфа») – дача Г.В. Барановского на Большом проспекте

матерью Дарьей Александровной Кобелевой.

«Вилла Арфа» Барановских была, наверное, самой необычной по архитектуре дачей на всем Карельском перешейке. А также самой пышной и самой дорогой. Гавриил Барановский не жалел денег на ее обустройство, и судя по воспоминаниям современников, результат превзошел все их ожидания. Окрестные дети фантазировали, что это был замок зачарованной принцессы, а взрослые просто восхищались. Дом был двухэтажным с балконами, террасами и башнями. На самой высокой была устроена «Эолова арфа», которая мелодично звучала под воздействием ветра. Зимой жили на первом этаже, летом открывали и второй. В доме было несколько комнат в разных исторических стилях, обставленных соответствующей эпохе мебелью – в стиле эпохи возрождения, рококо, класси-

цизма или мавританского. На стенах висели картины, на столах и горках фарфоровая посуда. В доме была даже небольшая концертная гостиная со сценой-подиумом для фортепьяно.¹⁸

Вокруг дачи был разбит парк с красивыми кустами по аллеям, цветами на клумбах, фонтанами и статуями. В глубине участка – теннисные корты и конюшни; на краю обрыва – электростанция. Летом приезжало много гостей, для которых устраивались всевозможные развлечения, в том числе концерты на открытой террасе на краю участка. Владелицей всего этого великолепия была Екатерина Васильевна Барановская, на имя которой в 1905 г. муж и купил участок.

Мы почти ничего не знаем об этой женщине, кроме того, что ее боготворили муж и сын, который помнил о ней постоянно, а из путешествий присылал, едва ли не каждый день, открытки. А

она следила за его взрослением и, наверное, настояла, чтобы он получил и второе образование – музыкальное, которое так ему помогло в жизни.¹⁹ Можно также предположить, что два женских портрета на стенах виллы «Арфа», запечатленные на фотографиях интерьеров в нач. 1930-х годов, изображают именно Екатерину.

При этом, не всё так гладко было в реальной, не сказочной жизни. Вилла была построена на кредиты, долги надо было отдавать, а служителям платить. Первая мировая подорвала строительный рынок, частных заказов у мужа-архитектора почти не было, а на жалованье в Техническо-строительном комитете со всеми затратами на дачную роскошь прожить стало невозможно. В декабре 1917-го вилла была продана владельцу петроградской фабрики металлических изделий Арнольду-

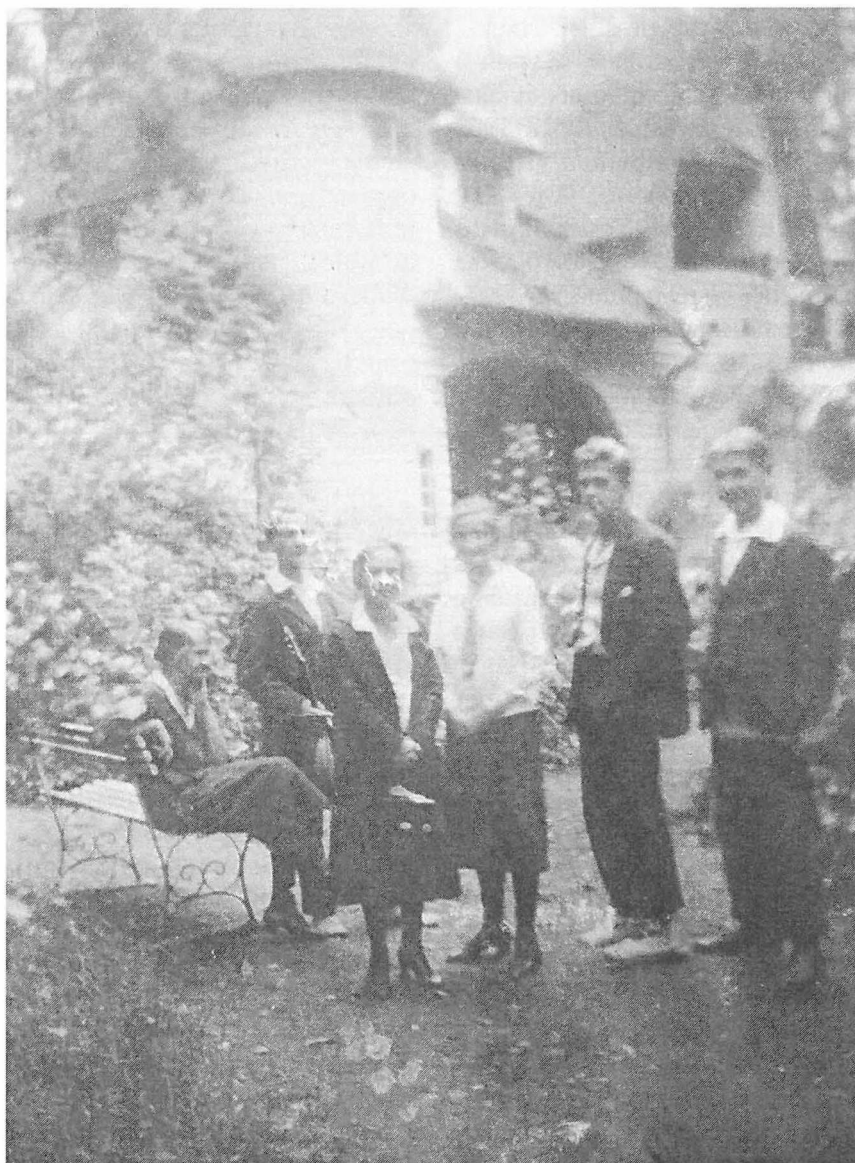

Лидия Васильевна Крюкова с детьми Марией, Алексеем и Еленой Крюковыми и сестрой Анной Васильевной Кобелевой. Фото к. 1920-х гг.

Гансу Ортлиху. Барановские переехали на какую-то дачу в Келломяках (куда – пока не известно), а Русская революция и объявление Финляндией своей независимости начертили границу на карте. Барановские остались пережить смутное время на даче, где 28 июля 1920 г. Гавриил Барановский скончался от сердечного приступа. Екатерина стала вдовой, рядом находились лишь сестры Анна Кобелева и Лидия Крюкова; мать Дарья Александровна скончалась в Келломяках 1 июля 1918 года, сын Василий строил свою жизнь в Швеции.²⁰

Анна Васильевна Кобелева была, наверное, самой незаметной из сестер, но как это часто бывает, именно на таких людях всё держится. Старшая в семье, она не вышла замуж и отдала себя заботе о младших сестрах, матери, а затем стала и материально поддерживать семью, зарабатывая деньги. Работала она у зятя, Гавриила Барановского, в типографии «Строитель». Типография создавалась, в том числе, и для издания одноименного журнала, контора и издательство которого находились в доме жительства Барановского по Фонтанке 66/12, где жили и Анна Кобелева с матерью. Можно предположить, что Анна занималась делопроизводством: вела переписку и/или бухгалтерию, и/или рассылку журнала – или всё сразу. Типография работала и по сторонним заказам: к примеру, в 1908 году было издано «Краткое описание сооружения храма во имя Святого Духа в честь сошествия его на апостолов в селении Келломяки по Финляндской железной дороге».

С 1915 года местом жительства Анны значатся Келломяки по Финляндской железной дороге, дом Барановского. Она скончалась 18 июня 1933 г. и была похоронена на келломякском кладбище, могила утеряна. К тому

Семья Крюковых в Келломяках у виллы «Шишка»/«Käpulinna».

Фото ок. 1920-х гг.

времени ее сестра Екатерина уже давно уехала к сыну в Швецию, и в Келломяках оставалась только сестра Лидия Крюкова.²¹

Лидия Васильевна Кобелева и гражданский инженер Николай Викторович Крюков поженились в 1895 г. сразу после того, как он окончил ИГИ. Деньги на свадьбу были выданы из Министерства императорского двора по прошению Василия Васильевича Кобелева. Поначалу Крюков служил инженером в управлении казенных железных дорог, а впоследствии перешел ревизором-технологом в департамент контроля Министерства императорского двора. Жила семья в

собственном, еще родительском, доме Крюковых в Новой Деревне по Чернореченской улице, 3 (сейчас это сквер наискосок от метро «Черная речка» за павильоном «Макдональдс»). 7 декабря 1906 года гражданский инженер Николай Крюков, как значится в учетной карточке на недвижимость, приобрел участок № 2-342 «Новая» площадью 0,43 га. в Терийоках, в волости Кивеннапа. На самом деле, этот участок находился в Келломяках, которые тогда иногда относили к Терийокам. Участок был соседним с Барановскими, тоже по Большому проспекту. С дачей в Келломяках были связаны большие надеж-

ды – подрастали дети: Елена, Владимир, Николай, Мария и Виктор. Но внезапно все планы семьи рухнули в пропасть. В 1909 году Николай Крюков умер, и последний мальчик, Алексей, родился уже после смерти отца. Похоронен Н.В. Крюков был на Смоленском кладбище, где десятью годами ранее был погребен его тесть, В.В. Кобелев.

Участок пришлось продать, и по плану Келломяк 1913 года он значится уже за Вальтер-Кюне (№ 210). Помощь семье Лидии Крюковой оказали Барановские, и к тому времени относится семейное воспоминание об имени, каким называли племянники Гавриила Барановского – «дядя Галя». Крюковы по-прежнему жили зимой в своем доме на Чернореченской, 3, а летом – на даче в Келломяках. Сейчас, к сожалению, невозможно сказать, был ли это какой-то гостевой дом на участке Барановских, или еще какой поблизости.

6 декабря 1917 г. Финляндия приняла акт о независимости своего государства, а 31 декабря Совет народных комиссаров Российской советской республики этот акт признал. Многие историки считают, что признание прошло так гладко, потому что большевистская партия во главе с Лениным собиралась разжечь огонь мировой революции, и признание акта о суверенитете в этой связи много не стоило. И действительно, в конце января 1918 г. в Финляндии началась кровопролитная и жестокая с обеих сторон гражданская война между пробольшевистски настроенными «красными» и «белыми» – буржуазно-демократическими силами страны. Первых поддерживала Россия со своими левыми интернациональными силами, вторых – Сенат Финляндии, Германия и многочисленные добровольцы. Действенную поддержку «белым» оказал созданный тогда шпоцкор –

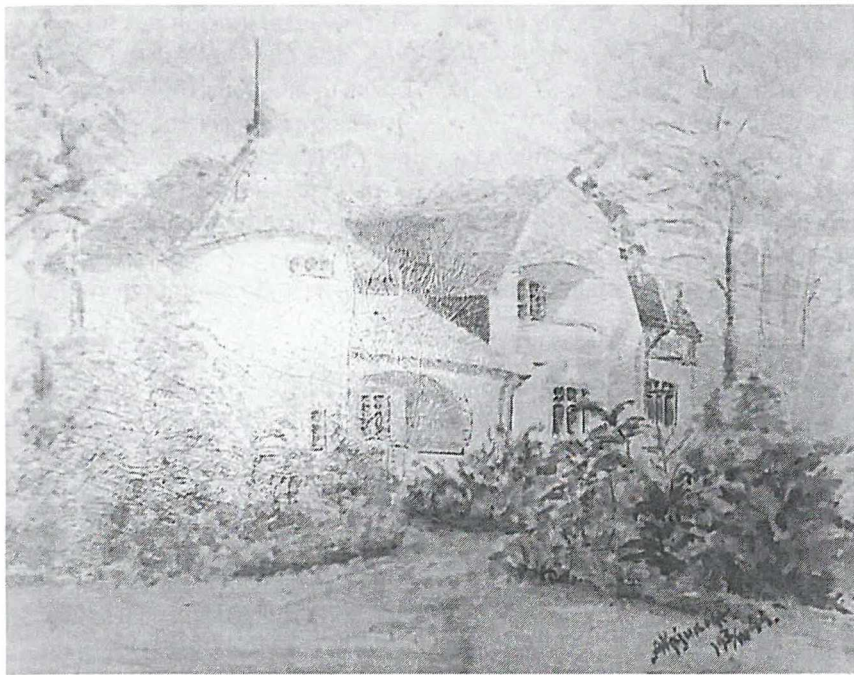
добровольная военизированная организация, состоявшая из обычных граждан – горожан и крестьян, а также его подразделение – «Лотта Свьярд», женская организация, которая заботилась о раненых и мирном населении во время боевых действий. Война длилась 3,5 месяца и закончилась бегством красного правительства из Выборга в Петроград и парадом представителей всех победивших полков в Хельсинки 16 мая 1918 г.

Но дачники, которые, как обычно, приехали в Келломяки в мае 1917-го, и не подозревали о своем будущем. Лето они провели, как проводили всегда ранее, за тем исключением, что очень беспокоились за родных и знакомых, кто оставался в революционном городе, где уже царили разруха, страх и карточная система. Один из последних документов в личном деле Барановского – это уведомление о необходимости получить карточки на сахар на его семью из 14 человек. За получением таких он должен был явиться лично или через своих доверенных в канцелярию градоначальника по продовольствию по адресу Гороховая, 2, ежедневно, кроме праздников с 7 до 10 час. вечера. Число 14, скорее всего, означает, что в «большую семью», кроме самого Барановского с женой, входили ее мать и сестры с детьми. После смерти мужа в 1914 году, в Келломяках появилась и самая младшая сестра, Елена Кобелева, в замужестве Гирс, с дочерью Еленой и сыном Ильей-Николаем.²² В августе 1916 г. он поступил в I класс Терийокского реального училища (ТРУ) и должен был продолжить обучения во II классе в 1917/1918 учебном году.

Октябрьская революция стала полной неожиданностью: избиратели готовились к выборам в Учредительное собрание в январе 1918 года, и приход к власти большевиков в конце октября

стал настоящим шоком. В одночасье часть населения страны лишилась своей недвижимости, ценностей и вкладов в банках, а большинство еще и службы, и возможности заработать деньги. На дачах остались в том, в чём туда приехали на лето. Отцы семейств бросились в Петроград спасать остатки своего имущества, пока не закрыли границу с Финляндией. Разыгрывались настоящие трагедии, когда через границу обратно уже не пропускали, и удавалось лишь передать с оказией прощальное письмо родным. Три с половиной месяца гражданской войны в Финляндии мирное население Карельского перешейка сидело за закрытыми ставнями и по подвалам, стараясь не выходить без нужды на улицу. Скосить могла и шальная пуля, и намеренный выстрел красного ли, белого ли отряда, занявшего селение. Отметки о таких смертях есть в приходских книгах местных церквей. Когда закончилась гражданская война и границу со временем закрыли окончательно, перед вчерашними дачниками встал вопрос: как жить дальше?

Кто-то чуть ранее принял решение вернуться в Петроград к семьям, кто-то решил остаться на даче и дожидаться свержения большевиков. К середине 1920-х годов стало понятно, что большевики «взяли власть всерьез и надолго». Здесь, в Келломяках, Куоккале, Терийоках, в чужом государстве, без знания языка, да и не стремясь вписаться в чужую жизнь, остались тысячи петербуржцев. К ним время от времени присоединялись те, кто бежал из Петрограда на лодках контрабандистов, а в марте 1921 г. до Терийок добрались сотни выживших участников Кронштадтского восстания – те, кому удалось пересечь по льду Финский залив. Кто-то после двухнедельного карантина в Келломяках оседал в дачных селени-

А.Н. Крюков. Келломяки, вилла Шишка. Картина по фотографии. 1944 г.

ях, кто-то ехал дальше в Выборг и Хельсинки, кто-то транзитом через Финляндию – в Западную и Южную Европу.

Те, кто остался на своих дачах, начинали с нуля свою жизнь в новых условиях. Согласно данным газеты «Новая русская жизнь», на Карельском перешейке на 1920 год находилось около 10 тысяч дач, принадлежавших русским. Большинство из них после 1917 года пустовало.²³ Среди многих из тех, кто остался, бедность царилла страшная. В той же «Новой русской жизни» публиковались объявления с просьбами о помощи умирающим от голода и холода старикам, женщинам с детьми, мужа которых пропали без вести. «Обращаем внимание добрых людей на крайне тяжелое материальное положение больной и престарелой Марии Алексеевой, обремененной двумя малолетними внучатами. Жит.: Келломяки, по Вокзальной улице у первого переезда».²⁴ Люди стали распродавать последнее, появились скупщики: «Приехал покупатель из Стокгольма, на короткое время и по наивысшей цене покупает в районе Уусикиркко – Оллила драгоценные

камни, платину, золото, серебро, ковры, бронзу, фарфор, картины, меха и другие всевозможные предметы. Письма: ст. Келломяки, дача Поповой для А.Р.»²⁵ Но больше было объявлений о продаже ненужных теперь пианино, патефонов, мебели, старой одежды и обуви, а также орденов, медалей и коллекционного оружия. И о поиске работы – репетитором, садовником, подёнщицей.

Петербуржцы стали жить очень закрытым сообществом, сплоченным вокруг церкви. Старшее поколение разговаривало на русском, их дети финский уже знали, но лишь немногие учились в финских школах, которые давали право на получение высшего образования. Русская община категорически восстала против введения финского языка в школьное обучение, что позволило бы включить многочисленные русские школы в систему школьного образования Финляндии. Учились по старым дореволюционным учебникам в холодных классах: зимой ученики приходили в школу с поленом для печки. Перспективы найти работу и получить хорошее образование были самые туманные:

архитекторы, если повезёт, строили коровники, художники клеили коробочки из папье-маше, дамы в который раз перелицовывали свои старые платья, измазанные на огородах, в курятниках и крольчатниках. Вчерашние обеспеченные дачники были готовы на любую подённую работу, чтобы выжить и поднять детей. И как-то выжили. Наверное, помогло чувство принадлежности к семье, к общине, к родному языку, к одной вере. Были и праздники, были и радостные, и горькие дни. Их проживали свои среди своих: бывшие дачники стали одной большой семьей, заключая соседские браки.

На страницах приходских книг Духовской церкви – отметки об их исповедях, повенчаниях, крещении детей, отпеваниях. Дети Лидии Крюковой заключили браки с соседскими барышнями и молодыми людьми, многие из которых были знакомы со времен старого дачного безмятежного детства. Николай женился на Марии Шлейфер, Виктор на Людмиле Сандиной, Владимир на Нине Сидоровой. Брат Нины, Олег – на Милице Сандиной, Арсений Сандин – на Валентине Марковой, Николай Сандин – на Валентине Ленковой, а ее сестра Мария вышла замуж за Гесли. Ниточки родственных связей протянулись в Келломяках от улицы к улице, от дома к дому.

На фотографиях с двух юбилеев И.Е. Репина (1924 и 1929 годов) запечатлены многие, кто остался тогда в Финляндии. Есть среди них и большая семья Крюковых-Сандиных-Сидоровых.²⁶ В 1920-е на дачах были популярны лекции, на которые съезжались с окрестных дач, и из Терийок. Эти лекции сплывали людей и погружали их в атмосферу интеллектуальной работы. В Келломяках такие лекции обычно проводились на даче Антонины (Нины) Кауше, и Валентина Сандина (Ленкова) была непременно их

слушательницей. В Келломяках была и своя любительская театральная труппа, которой руководила Мария Александровна Бьеркелунд и в которой блистал Алексей Крюков: это не могло не привести к их браку. Алексей Крюков был хорошим художником, и у его внуков сохранились

рисунки, изображающие виллу «Арфа» и виллу «Шишка», написанные в 1940-е уже после эвакуации из Келломяк.

Трагедия петербургских дачников заключалась еще и в том, что бросать всё, спасти свои жизни и бежать им пришлось дважды. Первый раз из большевистского

Петрограда, второй раз в 1939-м, при эвакуации в Зимнюю войну, когда правительство Финляндии вывезло с Карельского перешейка всех: и граждан страны, и тех, кто жил по нансеновским паспортам. И дважды пришлось начинать всё с начала.

Но это уже другая история.

¹ Дача М.Д. Шихина на Лесном пр., 2, и дача доктора Куренкова на Большом пр., 18.

² В декабре 2019 г. бывший участок Барановского был передан городом Академии танца Бориса Эйфмана.

³ Дача Барановского, Большой пр., 9; дача Гернандт, Большой пр., 11а; дача Сандина, ул. Лейтенантов, 17/2; дача Забелина, ул. Лейтенантов, 13; дача Сидорова, Советская ул., 31. Подробнее о владельцах и их дачах в Келломяках: режим доступа https://terijoki.spb.ru/old_dachi/komarovo_owners1913.php

⁴ Кобелев Василий, титулярный советник, ст. берейтор. О смерти его. РГИА СПб. Фонд 472, оп. 1, д. 902. 1830 год.

⁵ Школа пользовалась заслуженной славой, и в ней получили образование многие известные петербуржцы. Примерно в одно время с Василием Кобелевым там учился сын П.А. Вяземского. А в конце 1890-х туда отдали Василия Барановского, внука В. В. Кобелева.

⁶ О награждении за выездку лошадей под собственное Е.И.В. седло. РГИА СПб. Фонд 47, оп. 11, д. 147. 1872 год.

⁷ Там же. Д. 379. 1874 год.

⁸ Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года. СПб, 1882 Режим доступа: <http://coollib.com:8080/b/166868/read>

Кельнер В.Е. 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания. Л., 1991.

⁹ Ко времени отставки статский советник Кобелев достиг «потолка» в чинах, далее он двигаться не мог. Но учитывая его заслуги перед Императорским Домом, он был произведен в действительные статские советники «не в пример прочим», то есть без создания прецедента.

¹⁰ О производстве унтер-шталмейстера Высочайшего Двора статского советника Кобелева в действительные статские советники и о назначении ему арендного производства в 1 200 р. в год. 1890. РГИА СПб. Фонд 468, оп. 42, д. 117.

¹¹ Горчаков Александр Дмитриевич (1782–1881), второй по времени командир Роты Дворцовых гренадер (1856–1871). Был похоронен на Георгиевском кладбище Большой Охты.

¹² Подробнее о постройках: Кобелев Александр Васильевич. Режим доступа <http://histpol.pl.ua/ru/lichnosti/arkhitektory-stroiteli?id=2227>

¹³ Подробнее о даче С.П. Карасимеонова в Сестрорецке: Участок № 71 С. Карасимеонова <https://terijoki.spb.ru/photos/index.php?/category/2349>

¹⁴ Сейчас такого топонима – Болгарский проспект – на карте Комарово сейчас нет, но местность, по которой он проходил, найти можно. Это – просека, которая начинается у полотна железной дороги, пересекает территорию бывш. дома отдыха «Комарово», проходит вдоль забора бывш. дачи А.П. Куренкова/Д.Д. Шостаковича (сейчас детсад на Большом пр., 18) и далее спускается по обрыву где-то дорогой, а где-то тропинкой до залива.

¹⁵ Высочайше утвержденные Положения Совета министров «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных». Финляндская газета, 10 (23) февраля 1915 г. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров «Об установлении ограничительных мер в отношении болгарских подданных». Финляндская газета, 3 (16) декабря 1915 г.

¹⁶ Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Режим доступа http://militera.lib.ru/memo/russian/spiridovich_ai/01.html

¹⁷ Кобелев М.В. О службе архитектора М.В. Кобелева. О назначении старшего архитектора Главного Управления почт и телеграфов гражданского инженера, статского советника М.В. Кобелева членом ТСК. 1914. РГИА, фонд 129, оп. 146, д.16.

¹⁸ Подробнее о вилле «Арфа»: Е. Травина. Villa Nagppulinna. Неоконченная мелодия для арфы. 1905–2021. //Карельский перешеек. Страницы истории. Вып. 5. С. 152–168. И: «Дача Барановского – «вилла Арфа», участок 208» <https://terijoki.spb.ru/photos/index.php?/category/928>

¹⁹ Василий Гаврилович Барановский (1890 СПб–1946 Лунд, Швеция) получил среднее образование в Петришуле, высшее юридическое в Училище правоведения. С 4-х лет к нему приходили учителя, которые занимались с ним музыкой. В 1914 г. он экстерном сдал выпускные экзамены в консерватории по классу фортепьяно. После эмиграции в Швецию гастролировал по Европе в составе ансамблей и с солистами, в числе которых была его жена, скрипачка Нора Дюсберг-Барановски.

²⁰ Вскоре после смерти мужа Екатерина Барановская приехала в Лунд погостить к сыну, а затем переехала к нему навсегда.

²¹ Екатерина Васильевна Барановская скончалась в г. Лунд, Швеция, 19 января 1932 г.

²² Мужем Елены Кобелевой (1880–?) был Николай Александрович Гирс (1860–1914), служивший в Дворянском земельном банке. Его брат, горный инженер Владимир Александрович Гирс, был поручителем на свадьбе Степана Карасимеонова и Варвары Кобелевой в 1903 г.

²³ Пограничный дачный вопрос в Финляндии. Около 3.000 дач без присмотра. Новая русская жизнь, 28 сентября 1920 г. С. 2.

²⁴ Местная жизнь. Келломяки. Новая русская жизнь, 10 января 1920 г.

²⁵ Объявление. Новая русская жизнь. 31 декабря 1919 г. Дача Поповой стояла на Морской улице, на участке 48. А.Р. – это, скорее всего, Август Рейхе, до революции врач, владелец санатории для лечения заикания в Келломяках, а после – работавший торговым представителем различных фирм и корреспондентом нескольких европейских газет.

²⁶ Подробнее: И.Е. Репин и его окружение в Финляндии. Режим доступа: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/repino_Repin.php

Улицы посёлка Комарово

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ЕРОФЕЕВ

член Союза журналистов Санкт-Петербурга, член правления Санкт-Петербургского Союза краеведов, член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга, собкор «Парламентской газеты»

«На недельку до второго я уеду в Комарово». После того, как Игорь Скляр исполнил эту песню Игоря Николаева, дачный посёлок Комарово на Карельском перешейке стал известным на всю страну. Прежнее его название Келломяки, что в переводе с финского языка означает «колокольная горка» помнят сегодня немногие. Впрочем, ещё меньше людей помнит, что было и ещё одно название этой местности – «Хирвисуо», то есть «лосиное болото», поскольку территория долгое время оставалась незаселённой, и небольшое болото было главной топонимической доминантой.

Когда в 1869 году через Карельский перешеек начали прокладывать железную дорогу между Петербургом и Гельсингфорсом, то бишь, Хельсинки, возле будущей платформы установили медный колокол, с помощью которого оповещали строителей о

Железнодорожная станция Келломяки.
Дореволюционное фото

начале обеденного перерыва или об окончании работы. Отсюда и пошло название Келломяки.

Улицы в дачном посёлке тоже носили, в основном, финские наименования: Мерикату (Морская), Асемакату (Вокзальная), Энсиммайненкату, Тойенкату, Колмаскату, Нельякату и так

далее – номерные имена. Все перечисленные улицы сейчас носят русские названия. Правда, в Морскую включена бывшая Торговая (Каупаккату), Вокзальная переименована в 1974 году в улицу Лейтенантов, а номерные улицы стали 1-й, 2-й и далее по списку Дачными, разве что порядок немного изменился. Скажем, вместо финской 3-й появилась 4-я Дачная, так как 3-й Дачная стала бывшая Торфяная. Хаукиярви, то есть Щучье озеро в переводе с финского, таковым и осталось. Как и ведущий к нему Щучий переулок.

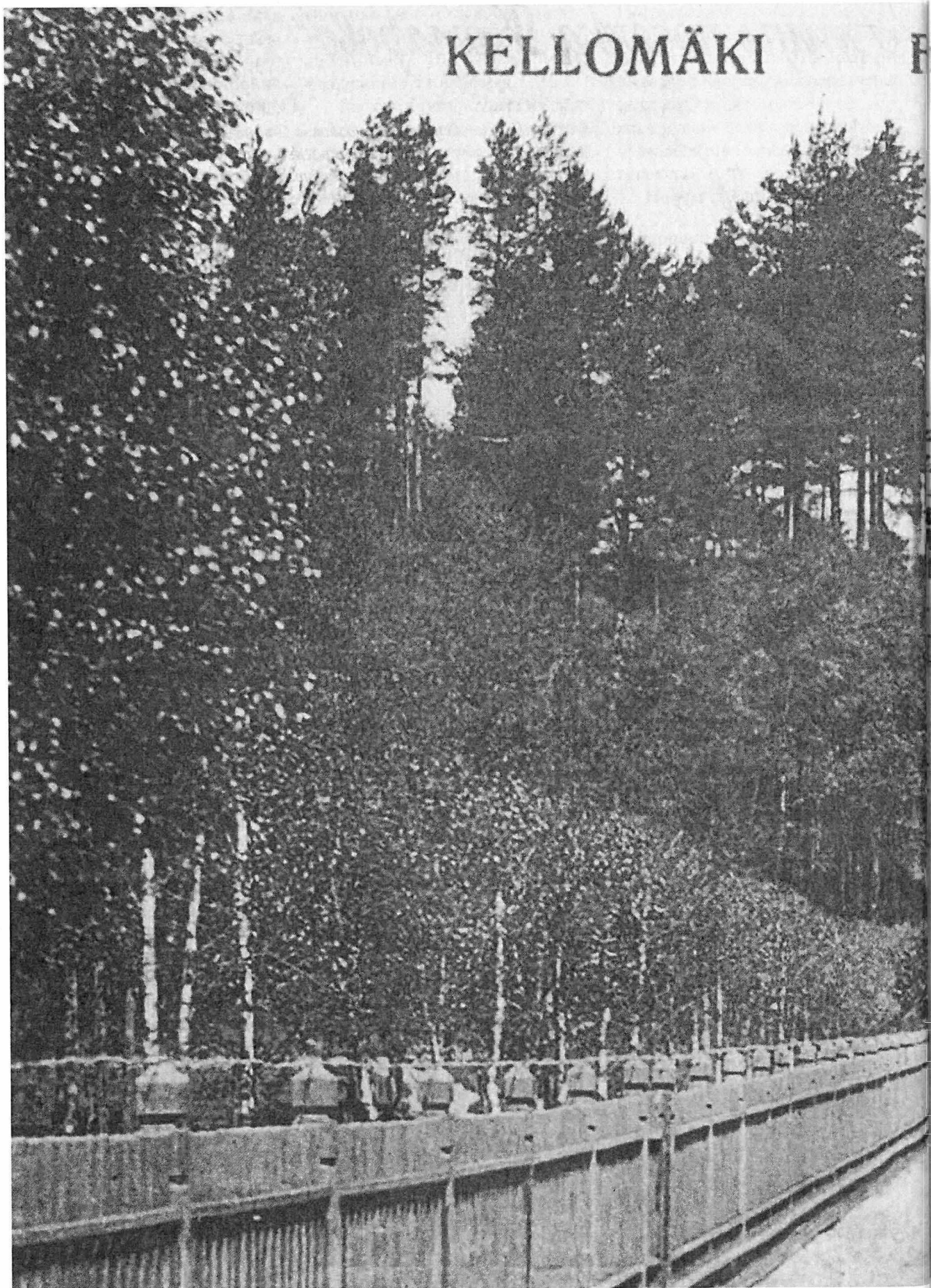
Были в посёлке и русские наименования, связанные с именами земле- или домовладельцев: Александровская, Николаевская, Вильгельмская, Аделина.

Был Толстовский проспект, названный так в честь Льва Николаевича Толстого, был Болгарский, имя которого, скорее всего, было дано в память об освобождении Болгарии в ходе

Станция Келломяки. Начало 1910-х гг.
Дореволюционное фото. Из коллекции Сергея Ренни

KELLOMÄKI

Келломяки. Морская улица. 1910-е годы

ЦЕНТРАЛЬНАЯ УБЛАЖИТЕКА
им. И. СОЛЗЕНКО
«Бриллиантового района»
197706, г. Сестрорецк, ул. Токарева, д.7
тел.: 246 24-06

Читальный
зал

Станция Келломяки. Церковная улица.
Дореволюционное фото

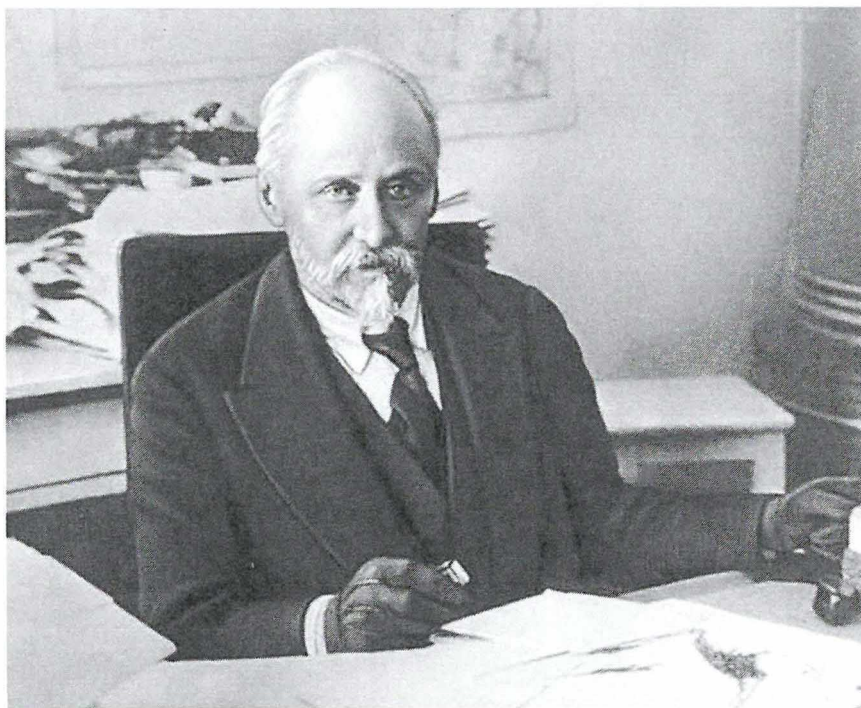
Русско-турецкой войны 1876–1877 годов.

Подавляющее количество топонимов посёлка изменили свои имена в 1948–1949 годах, когда практически на всём Карельском перешейке финские названия стали менять на русские.

В первую очередь, посёлок Келломяки получил имя выдающегося ботаника, академика Владимира Леонтьевича Кома-

рова, Президента Академии наук СССР, Героя социалистического труда.

Финские кату стали русскими улицами. Иногда, как с номерными, предлагался русский аналог. Например, Валтакату стал Большим проспектом, но всё же чаще имена меняли на другие. Аделина улица стала Советской, Исаковская Пограничной, Николаевская – улицей Связи.

Владимира Леонтьевича Комаров.
Президент АН СССР с 1936 по 1945 г.

а Реновская улица, носившая имя местного хозяина конторы по продаже недвижимости А.И. Рена, повторила ленинградское название в память вождя – переулочек Ильича.

Интересная метаморфоза с Октябрьской улицей. Казалось бы, вполне себе революционное имя. Однако довоенная Октябрьская именовалась так в память об октябрьском царском манифесте 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», согласно которому в России учреждалась Государственная Дума.

Эта улица превратилась в Лесной проспект, а Октябрьской в честь революции, произошедшей 25 октября 1917-го, стал Болгарский проспект.

Лесным переулком стала бывшая Докторская улица, именовавшаяся так в честь домовладельца, действительного статского советника, доктора медицины Владимира Сергеевича Кудрина (1834–1908). Любопытно, что при этом осталась Кудринская улица, существующая, к счастью, до сих пор, как и Коробков переулочек, напоминающий о владельце дачи. О Коробкове практически ничего нельзя сказать, а вот Кудрин был известным человеком. В качестве медика участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны, затем, в Русско-турецкую, при освобождении Болгарии, был старшим врачом морских сил на Дунае, а впоследствии стал главным медицинским инспектором флота. Велика его роль в создании госпитальных судов, оснащённых самым современным медицинским оборудованием.

Появились в посёлке улицы Ломоносова и Пушкина, – как обойтись без классиков? Тем паче, в посёлке открыли Дом творчества писателей. После смерти Юрия Германа, автора знаменитой трилогии «Дорогой мой человек», «Дело, которому ты служишь» и «Я отвечаю за

«Пруды виллы Рено» (акварель).
Май 2022 г. Худ. Н.М. Подопригора

Вилла Рено. 2016 г.

Восстановленная вилла Рено. 2019 г.

«Ворота виллы Рено» (акварель). Май 2022 г. Худ. Н.М. Подопригора

Келломяки. У обрыва. Морская улица

Фотооткрытка магазина хитоваров Зевальда (Терийоки).
Начало-середина 1920-х гг. Из коллекции С. Ренни

всё», одна из улиц Комарова стала носить его имя.

Но из мемориальных названий большая часть связана с войной. В первую очередь назовём улицу Лейтенантов, которая именовалась Асемакату в финский период и Вокзальной до 1974 года. Поскольку Вокзальных в ленинградских пригородах было несколько, эту переименовали. Несмотря на кажущуюся абстрактность и отсутствие привязки к местности, это наименование несёт в себе память о тех молодых необстрелянных командирах, которые погибли на Карельском перешейке в годы Великой Отечественной и за полтора года до неё – в Советско-финляндскую войну 1939–1940 годов. О тех, кому посвятил свои ранние романы писатель Юрий Бондарев; о ком пронзительные строки написал поэт Михаил Кульчицкий, который в возрасте 21 года, будучи уже состоявшимся поэтом, ушёл на фронт добровольцем с тысячами своих ровесников. Командир миномётного подразделения, младший лейтенант Кульчицкий погиб в январе 1943-го под Сталинградом.

*Мечтатель, фантазёр,
лентяй-завистник!
Что? Пули в каску
безопасней сабель?
И всадники проносятся
со свистом
Вертящихся пропеллерами
сабель.*

*Я раньше думал:
«лейтенант»
Звучит «налейте нам»,
И, зная топографию,
Он топает по гравью.*

*Война ж совсем не фейерверк,
А просто – трудная работа,
Когда –
черна от пота –
вверх
Скользит по пахоте пехота.*

*Марш!
И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промёрзших ног
Наворачивается на чёботы
Весом хлеба в месячный паёк.*

*На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжёлых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино.*

Под Ленинградом, на Карельском перешейке, погибли тысячи таких же молодых парней, которые могли бы подписаться под каждой строкой, написанной Михаилом Кульчицким.

Таким парнем был Александр Макарович Васильев, в честь которого ещё в конце 1940-х назвали бывшую 5-ю улицу.

До начала Советско-финляндской войны Александр Васильев работал бригадиром-полеводом в колхозе «Русское Егорово» Чудовского района Ленинградской, а ныне Новгородской области. 11 декабря 1939 года отделение 81 стрелкового полка 163 дивизии 9 армии, командование которым после ранения командира взял на себя младший командир Васильев, успешно отразило атаку финнов и отбило захваченные ранее орудия. За проявленные в том бою мужество и отвагу Александру Васильеву через полтора месяца, 26 января 1940 года, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Великую Отечественную войну Васильев встретил также на Карельском перешейке. Он был командиром разведки, неоднократно совершал вылазки в неприятельский тыл. 26 августа 1941-го в бою за посёлок Тиури Васильев погиб.

Как ни удивительно, но происхождение некоторых мемориальных названий неясно. Лишь несколько лет назад краевед, специалист по Карельскому перешейку Евгений Балашов выяснил происхождение названия улицы Громыхалова. Она названа в честь младшего командира 151 стрелкового полка войск НКВД, погибшего при переходе через минное поле.

Почти со стопроцентной вероятностью можно утверждать, что улицы Валиева и Кривцова названы также в память о бойцах Красной армии. Но это ещё предстоит выяснить.

Магия вдохновения

ГАЛИНА ГАВРИЛОВНА БОГДАНОВА
член Союза художников России и АИС

Любое творчество воплощается, благодаря способности человека испытывать вдохновение. Энергетика природы дает силы любому человеку, а особенно представителям творческих профессий, благодаря которой появляется возможность плодотворно творить, уединившись с ней, создавать свои произведения. Природа всегда была критерием вечной красоты и совершенства.

Традиция отдыхать за городом возникла по идее Петра, чтобы дворяне летом находились вблизи от города, а не в отдаленных своих поместьях и «заграницах». До этого времени их загородные дома пустовали, а в деревню уезжали лишь на короткий срок или на склоне лет. Петр I стал выделять своим подданным землю по дороге в Петергоф, где они могли обустроить себе дома. В XVI веке слово «дача» употреблялось в значении дар, подарок (от глагола «дати» – давать). После этого каждый год в апреле-мае стали появляться вереницы обозов и карет, которые перевозили городских жителей на природу в их имения или летние постройки, именуемые дачами.

Впрочем, некоторые историки считают точкой отсчета их появления – 1821 год, когда император Николай I подарил своей супруге Александре Федоровне землю, также в районе Петергофа, которая впоследствии стала называться «собственная ее Величества дача Александрия». До

революции отдыхать за городом не нравилось, жаловались на скуку, но старались возвращаться в пыльные города как можно позже, считая, что для здоровья это более полезно. В 30-х годах XIX века в ближайших пригородах стали создаваться специальные места для летнего проживания.

Предполагается, что тогда впервые в Шереметьевских владениях начали переоборудовать свои жилища и сдавать дачникам. Для этого надстраивали вторые этажи с балкончиками, пристраивали наружные лестницы. Такой балкончик на два человека и считался «террасойм». Обычно, нанимающие летнее жилье, задавали неизменный вопрос «А терраса есть?». Условия были скверными: пол скрипел, сквозь щели проникали холод и шум, но, если цена устраивала, все-таки нанимали. Для некоторых крестьян «набеги» столичных дачников (так это называли) превращались в источник дохода, т.к. несостоятельным людям в крестьянской избе арендовать место было более

финансово доступно. Так или иначе, если не было собственных усадеб, в основном, дачи того периода были наемными.

Более активный интерес к этому виду летнего отдыха возникнул к середине XIX века, когда появились железные дороги. Помимо направления в Петергоф, обживали и другие посёлки. Большим спросом пользовались деревянные домики, расположенные на лесных дорогах, соединенные пешеходными тропинками. Размеры этих помещений были 70-80 кв. м, с мезонинами наверху, открытыми террасами, с отоплением, обнесенные изгородями или без них. А около них – лавочки для отдыха. Небольшие дачки меньших размеров, устроенные по-летнему – без отопления, нанимали желающие с низкими доходами по более приемлемой цене.

Первый императорский указ, в котором употребляется слово «дача» был подписан Николаем I 29 ноября (по ст. стилю) 1844 года. Он назывался «О раздаче в городе Кронштадте загородной земли под постройку домиков или дач и разведение садов». По этому постановлению указывалось, что участки следовало выделять предпочтительно лицам военного звания, обязанным по роду службы постоянно проживать в Кронштадте. Для этого четко предписывалось, какие, где и как строить владения и въезды в них.

Те, кто не имел фамильных усадеб, а хотели выехать из дымных городов, арендовали себе по более выгодной цене загородное жилье на три или четыре летних месяца, таким образом, экономия на съемном жилье в городе, которое освобождали весной, выезжая на природу со всем своим скарбом, а на зиму нани-

мали другую квартиру. В самых престижных местах на природе аренда домика была сопоставима с арендой жилья в центре города, что могли себе позволить только обеспеченные люди. Чтобы снять в пригороде хороший дом и закрепить его за собой, люди платили аренду за 3 года вперед.

Количество дачников росло стремительно. Жилища отличались разнообразием: и это были теперь не только «террасы», но и, перестроенные под наем, крестьянские избы, называемые «холодничком». Расцвет освоения дачных территорий под С-Петербургом относят к началу 70-х годов XIX века. Самыми популярными местами летнего отдыха под Петербургом были Сиверская, Красное Село, Дудергоф, Царское село, Гатчина и, конечно же Комарово. Самые дорогие и фешенебельные дачи были в Солнечном, Репино, Сестрорецке, Тарховке, Разливе, Павловске, Петергофе. Не всегда была необходимость в заборах: дома стояли в отдалении друг от друга, скрытые деревьями, поэтому личное пространство соседей не нарушалось. В некоторых местах на заливе и у водоемов были устроенные купальни с утрамбованными песком дорожками, что давало возможность гулять даже в сырую погоду, сразу же после дождя, это было комфортно, поэтому петербуржцы и полюбили эту окрестность. Не в каждом съемном жилище был душ и даже упрощенный персональный туалет. Дачники сами организовывали себе культурный досуг: приглашали музыкантов, певцов или устраивали любительские представления и балы.

Комарово находится на берегу Зеленоградской бухты Финского залива, а на его территории – Щучье озеро и небольшие ручьи с «дикими» пляжами. Поселок до начала XX века назывался Хирвисуо (в переводе с финского Лошиное болото из-за неболь-

шого болотца, расположенного рядом). В 1901 году построили платформу железной дороги, ведущей из Санкт-Петербурга в Выборг, и назвали ее Келломяки (Колокольная горка). 1 мая 1903 года считается днём рождения посёлка Комарово. До появления железной дороги эта местность была совершенно незаселённой. Поблизости был холм, где между сосен подвесили колокол, звон которого созывал рабочих к обеду.

Из неподтвержденных источников в 1916 году в посёлке насчитывалось около 800 дач. Планировка участков по финскому типу была составлена заранее, что исключало хаотичную застройку. По данным переписи 1916 года, на территории посёлка проживало 10 000 человек – не только русских, а также самых разных национальностей: карело-финнов, финнов-ингерманландцев и других. Улицы получали русскоязычные названия. В настоящее время в Комарово проживает около 1300 человека. Привлекают скандинавские черты исконных жителей Комарово, что проявлялось в укладе жизни и предметах обихода, а при слиянии с собственными, стали характерными для этого места. Это объясняется тем, что из-за разногласия России с Финляндией на протяжении длительного времени эти земли становились то финскими, то российскими, потом снова финскими и опять российскими. С 1948 года поселок переименовали в честь известного ботаника В.Л. Комарова (1869–1945) – известного исследователя природы и растительности Восточной Азии, ботаника-систематика, флориста, географа и биолога.

Так, многие дачные места в начале XX века утратили свое назначение как исключительно для летнего отдыха и приобрели статус поселков, заселенных круглый год людьми «среднего класса», зимующих за городом,

которых прозвали «зимогорами», или «зимниками».

Постепенно осваивались и другие пригороды, где строились магазины, школы и т.д., чтобы детям не нужно было каждый день ездить на учебу в Петербург.

Начиная от станции по мере приближения к поселку, чувствуется связь человека и природы и какая-то необыкновенная аура ожидания: зарождающаяся суггестивностью воодушевления и нарастающий подъем творческого пробуждения. Магия природы и предвидение общения с близкими по таланту и духу личностями, проживающих рядом, с которыми можно поговорить, поразмышлять, посоветоваться, давали импульс для творческого развития и взаимообогащения. Поэтому часто скромный комаровский быт не был большой помехой. Для многих пребывание в Комарово было своеобразным бегством от привычного городского быта, вечных проблем с властью. Бежать в свои летние пенаты, как Ахматова в свою «будку» (так она называла свой дачный домик), было даже спасением или некоторой отсрочкой от ареста. Здесь содружество трех стихий – «Воды, земли и леса» давало иллюзию Покоя и Счастья.

Нынешние дачники гордятся этим местом, считая, что Комарово – это культурное повторение Петербурга, который прославили такие известные личности как Матильда Кшесинская, Карл Фаберже, Жорж Борман, Гавриил Барановский, Анна Ахматова, Василий Соловьёв-Седой, Олег Каравайчук, Николай Черкасов, Евгений Шварц, Григорий Козинцев, Дмитрий Шостакович, Дмитрий Лихачев, Иннокентий Смоктуновский, Иосиф Бродский, Алиса Фрейндлих и мн. др. Жил в посёлке в особняке Попова И.П. Павлов (1849–1936) – первый нобелевский лауреат России, поселившийся здесь с 1922 по

1936. Эти знакомые имена связаны со многими событиями и уникальными встречами в Комарово. Нередко поговаривают, что созвездие, в таком составе имен, лишь миф для прославления этой ойкумены, а они жили где-то рядом в некотором отдалении. Но и не у кого не «поднялась рука» опровергнуть это. Оставим это для историков и скептиков.

Здесь до сих пор приезжают ценители прекрасного прошлого, чтобы ближе прикоснуться к волшебному миру искусства, и вместе со старожилами, обменяться дарованиями: поделится воспоминаниями, прочитает собственные стихи или других поэтов и послушать песни бардов. На одной такой встрече Валерий Георгиевич Попов (писатель, поэт, сценарист) рассказал о своих встречах с И. Бродским (1940–1996). С. Довлатовым (1941–1990) и о других друзьях юности. Такие встречи проходят каждый месяц с мая по сентябрь, а то и по октябрь.

Здесь находится Музей «Келломяки-Комарово» с предметами знаменитых людей, собранные энтузиастами, которые помещали их в здании библиотеки, служащее до сих пор местом общения жителей поселка. Сюда приносили книги с автографами, личные вещи именитых дачников – не только живших здесь, но и побывавших в Комарово в качестве гостей. Это музыкальные инструменты, пластинки, посуда, мебель из искусственного ротанга. Очень активно этим занимался писатель Даниил Гранин (1919–1017). Еще любимым местом общения в Комарово служит Зеленый шатер-беседка, находящийся вблизи шести писательских домиков, где в теплые вечера собираются до сих пор в Комарово добрые друзья, связанные многолетней дружбой.

На Петербургской улице поселка стояла пожарная часть, имевшая помещение для любительского театра, дававшего ле-

том спектакли. Славился обширный сад, посаженный Зерингом, где росли яблони, груши, сливы. По соседству с садом находилась православная церковь Святого Духа (арх. Н.Н. Никонов), которая сгорела. Среди предприятий была лесотоварная биржа и завод Халленберга, основанный в 1903 году, производивший торфяную подстилку.

На территории находится памятник Культурно-исторического наследия Курортного района Санкт-Петербурга – братская могила воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, которую свято почитают.

Комарово – эта та уникальная дачная местность, которую облюбовали художники, писатели, архитекторы, ученые – любимые кумиры петербургской интеллигенции. Келломяки равно любили как в Серебряном веке, так и в советское время, что остается незыблемым до сих пор. «Без этой столицы маленькой не выжили бы точно», – такой вывод сделал Валерий Попов.

В библиотеке, где встречались старожилы Комарова, в т.ч. Ирина Александровна Снеговая и Елена Аркадьевна Цветкова, общими усилиями стали собирать материалы об истории поселка и его знаменитых обитателях. За несколько лет скопился материал, который экспонировался на небольших выставках, привлекая большое внимание петербуржцев.

В 2004 году в здании Муниципального совета на нижнем этаже был организован краеведческий музей с выставочным залом, экспонаты которого рассказывают о поселке Комарово как об исключительном явлении в истории петербургской культуры разных периодов: дореволюционном, финско-эмигрантском и советском времени. Основу экспозиции составляют вещи, которые воссоздают дачный быт с середины XX в. Музейная коллекция вхо-

дит в состав Историко-культурного музейного комплекса в Разливе (с 2019). Екатерина Боярская – комаровская дачница, театровед, переводчик и литератор очень много уделяет внимания истории этого поселка, легендарным дачникам с их похожими судьбами и той культурной идентичности, которая их связывала по сфере деятельности.

Кроме Дома творчества здесь есть собственные дачи: писателя Даниила Гранина, поэта, фантаста Геннадия Гора (1907–1981), замечательного лингвиста и литературоведа Виктора Жирмунского (1891–1971) – там сейчас живет с семьей его внук, филолог и писатель Андрей Аствацатуров (1969), К.Г. Протасова (1903–1975) – ректора ЛИИЖТа и мн. других. Также много лет тут жил Дмитрий Сергеевич Лихачёв (1906–1999) – русский культуролог, филолог и искусствовед. Есть несколько домов, связанных с именем Иосифа Бродского, который не имел дачу здесь, но, в своей Нобелевской речи упомянул Комарово как значимое для него воспоминание.

Всех, кто посещает эти места, привлекает, как дань памяти А. Ахматовой, ее «Будка», где царит, как и в те времена, та же атмосфера, где растут те же сосны, где распахнута дверца того же колодца, что и при ее жизни, благодаря трепетному пиетету современников к поэту. Все содержится в неплохом состоянии. В знаменитых шести домиках, по-прежнему живут писатели, т.к. посёлок Комарово всегда было местом сосредоточения представителей элитарной культуры Петербурга: эта территория до сих пор принадлежит Литфонду. Каждая дача поделена на две части, т.е. на две семьи. Сейчас в «будке» на одной половинке живет петербургский писатель Валерий Попов, а в другой – поэт и переводчик по фамилии Ахматов – однофамилец Анны Андреевны. Это случайное

совпадение, но флер загадки этого места присутствует во многом.

Комарово сразу же стал магнетически притягательным и вдохновляющим для многих талантов – гордости российской культуры и науки.

Не удивительно, что он привлёк внимание и замечательной семейной пары: художницы-акварелиста и графика Натальи Михайловны Полупригора – архитектора по образованию и ее супруга литератора Бориса Александровича, проживающих с 2011 года. Наталья Михайловна получила архитектурное образование, окончив Новосибирский инженерно-строительный институт. Она была главным архитектором киргизского города Майли-Сай (в настоящее время Майлуу-Суу).

Но истинным ее влечением была любовь к акварели, которая в конце концов слилась с другим поприщем – преподаванием, которое стало ее вторым призванием. Своими работами она сохранила для будущего – изображения Комарова как воспоминание о любимейшем месте, оставшемся ностальгически притягивающим многих российских людей до сих пор. Постройки, запечатленные на акварелях Н. Полупригора, документально иллюстрируют пейзаж, придавая глубокий смысл ушедшей эпохи и их обитателям, присутствие которых, в них явно ощущается – живших здесь и творивших историю. Показать прошлое – это всегда интересная задача для художника. Красота природы этих мест в ее композициях приобретает особую выразительность: каждый фрагмент воспринимается важным, а подчас и главным элементом работы. Она художник с необычным, острым взглядом на мир, хорошо владеющей линией и композицией.

Наталья Михайловна обучала детей декоративно-прикладному

искусству в Домах культуры и школах Новосибирска, Читы и Санкт-Петербурга. Затем она в числе первых в России начала преподавать в государственных учебных учреждениях китайское традиционное искусство (стиль гохуа) как во Дворцах пионеров (Домах детского и юного творчества), так и в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга с изучением китайского языка и искусства, чем занималась более двадцати лет.

Она неоднократно была в Китае, где занятия в мастер-классах, общение с художниками дополнили ее образование. Большим вкладом Натальи Михайловны в культурную жизнь был обмен выставками между СССР и КНР и др. странами. Ее педагогическая деятельность позволила ей побывать с выставками своих учеников не только в Китае, но и в Испании, Сирии, Кубе, которые она подготовила и организовала. Ее архитектурные виды часто служили подарком для высокопоставленных особ, глав и членов правительства, посещавших Санкт-Петербург с официальными визитами, которые были связаны по роду службы ее супруга. На протяжении уже многих лет мы видим глазами этой художницы через окошко ее акварелей неповторимый мир этого «сакрального чуда» нашей культуры.

Особого внимания заслуживает ее персональная выставка, которая экспонировалась в Санкт-Петербургском Доме Народного творчества и досуга в 2000 году.

Ее брак с Борисом Александровичем Полупригора (1955) оказался долголетним и творчески плодотворным. Он прозаик, сценарист, публицист, поэт, переводчик (знает 5 языков), полковник запаса. Окончил ленинградскую школу № 157 Академии педагогических наук РСФСР (ныне гимназия им. Принцессы Ольденбургской).

Затем дважды прошел обучение в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ) по специальности переводчика-референта по китайскому, английскому и дари. За участие в подготовке телесериала «Честь имею» был удостоен российской национальной телевизионной премии «ТЭФИ» за высшие достижения в области телевизионных искусств, а также наградой «Золотой Орел» в области кинематографического искусства. Он автор книг, в том числе «Если кто меня слышит» (2016) – о событиях последних лет советской эпохи, о восстании наших и афганских военнопленных в апреле 1985 года в пакистанской крепости Бадабер, который написал совместно с Андреем Константиновым – писателем, сценаристом. Борис Александрович во время своей военной службы побывал в 7 военных точках. В должности зам. командующим федеральными силами служил на Северном Кавказе в 2002 году.

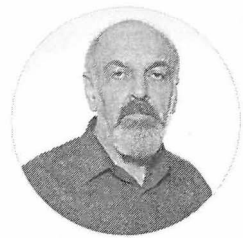
Их дочь Вероника Борисовна – китаист.

Многими мифами, совпадениями, курьезными историями, почти мистическими, наполнено Комарово. Такой уж этот фантом таинственного прошлого! По сию пору большой интерес вызывают поэтические встречи под названием «Зеленый шатер» (беседка, находящийся около знаменитых 6 домов в Комарово). Их инициирует и проводит Галина Илюхина, известная питерская поэтесса. Сейчас эти встречи проходят камерно, с меньшим стечением людей, но остаются по-прежнему значимым событием. Поводом служат дни рождения, презентации книг, анонсы кинофильмов, спектаклей, и, конечно, воспоминания. Переплетения реминисценций ярко отражают речи выступающих.

Здесь, в этом легендарном «Одеоне» – ни Кто и ни Что не забыто!

Я родом отсюда

(ЗАПИСКИ СТАРОГО КОМАРОВЦА)

ЛВОВСКИЙ ЮРИЙ ВОЛЬКОВИЧ
педагог

СПАСИБО ВАМ!

*Владимиру Марковичу
Львовскому,
моему отцу, в 1956 году
построившему
дачу в Комарово.*

Сажу напротив печки и сквозь закопченное огнеупорное стекло смотрю на лениво играющие язычки огня под аккомпанемент потрескивающих сосновых поленьев. Но мысли мои далеки от так любимой мной топящейся печки. Стоит ли на это тратить время? Кому это может быть интересно? И кто это захочет читать? Я понимаю, литературные или театральные адреса Комарово. Какие-либо даже мало-значительные штрихи из жизни А.А. Ахматовой, И.А. Бродского, Г.А. Товстоногова, И.П. Владимирова и многих других знаменитостей, живших постоянно или отдыхавших в Комарово, интересны всем. Но об этом рассказывает прекрасная экспозиция замечательного музея «Келломяки-Комарово». А кому интересен период истории нашего поселка в советское время, критиковать которое считается правилом хорошего тона в кругах интеллигенции?

Но взяться за эти, простите за нескромность, записки побудили меня три причины:

во-первых, стремительное разрушение строений той эпохи и строительство на их месте коттеджей и особняков за высокими непроницаемыми заборами, которое, как ластик на листе бумаги, стирает следы советской дачной архитектуры;

во-вторых, даже в школьном курсе истории Санкт-Петербурга (а точнее было бы назвать его историей архитектуры нашего города) почти не упоминается период советской истории, хотя живы еще многие писатели и историки, как и я, родом отсюда; в-третьих, мой давний знакомый со школьных лет писатель Борис Подопригра ободрил меня, сказав, что если эти заметки будут написаны грамотно (я ведь не профессионал в литературе), то это будет интересно прочитать.

Сразу оговорюсь, что эти записки не являются историческим исследованием, поэтому в них отсутствуют числа, месяцы, годы образования и исчезновения, создания и разрушения тех или иных сооружений советского прошлого, а также точные даты описываемых событий.

По указанным выше причинам я также умышленно не касаюсь жизни деятелей литературы, искусства, науки, проживавших временно или постоянно в нашем поселке. Я хочу рассказать лишь о жизни обычных людей поселка Комарово Сестрорецкого района сначала Ленинградской области, а затем города Ленинграда 60–70-х годов XX столетия.

Я также умышленно не буду употреблять полные официальные названия государственных учреждений (ведь перед Вами не юридический документ), а воспользуюсь «народной» терминологией того времени.

И, наконец, последняя ремарка: когда я буду упоминать место нахождения многочисленных сохранившихся и исчезнувших

строений, то, чтобы каждый раз не писать «если встать ..., то справа (слева) от него...» сразу оговорюсь: все местоположения будут указаны, если Вы будете стоять лицом к существующему объекту.

Итак, господин Владимир Алексеевич Гиляровский! Осмелюсь просить Вашего благословения...

А вам спасибо, уважаемые читатели, за то, что вы уделите время воспоминаниям старого комаровца.

О! Дрова в печке уже догорели. Так я начинаю...

КАК ДОЕХАТЬ ДО КОМАРОВО?

На рубеже 50–60-х годов XX столетия от Финляндского вокзала в Зеленогорск по Приморскому шоссе ходил автобус № 412. В принципе он повторял маршрут нынешнего 211 автобуса. Но им пользовались только жители прибрежной территории, а таковых в Комарово почти не было. Да и билет тогда на пригородный маршрут стоил около 1 рубля. Поэтому главным видом транспорта были электропоезда. Поскольку личные автомобили были тогда большой редкостью, основная масса отдыхающих прибывала сюда на электричках от Финляндского вокзала за 35 копеек. И, несмотря на то, что они ходили часто (в часы пик и в выходные дни интервал между ними не превышал 10–15 минут), вагоны набивались битком. Тогда еще в Удельной не было станции метро, поэтому в субботу, а она была почти повсеместно рабочим днем, вечером летом на первой от Ленинграда станции Ланской

Экотропа. Фото Вероника Undina

«Воспоминание о дачных деньках» (акварель). Худ. Н.М. Подопригора

Финляндский вокзал. Фото 1975 г.

в вагон можно было не войти, а только втиснуться. Аналогичная картина ждала любителей загара и купания летом в воскресенье вечером. Конечными станциями электричек были Рощино и Зеленогорск (до Выборга тогда ходили 4 раза в день только пассажирские поезда, передвигаемые тудягами-паровозами, которые в Комарово не останавливались). Так вот, по воскресеньям расчетливые отдыхающие старались уехать из Комарова днем, или ранним вечером, так как в после 19 часов даже в зеленогорскую электричку можно было протолкнуться только в последние вагоны. О том, чтобы ехать сидя не было и речи.

Главным средством передвижения по поселку был его величество велосипед. Утром у магазинов и в хорошую погоду на берегу Щучьего озера железные двухколесные «школьники» «орленки», «украины» прислонялись ко всему стоящему вертикально. Особым шиком было иметь трехскоростные с более узкими шинами полуспортивные, имевшие только ручные тормоза «спутники», а немного позднее и четырехскоростные «спорты».

У ВАС ДАЧА СДАЕТСЯ?

Этот вопрос начинали задавать хозяевам дач уже в апре-

ле-мае. Заботливые родители ходили по комаровским улицам в поисках жилья для отдыха летом. Поскольку у подавляющего большинства дачников были дети, то снимали помещение на три месяца. Наибольшим спросом пользовались комната с верандой. Обычно бабушка с внуками жила там все лето, а родители приезжали на выходные и в отпуск. Съем такого помещения на период с июня по август в зависимости от бытовых условий и близости к станции обходился дачникам в 180 – 250 рублей. Это было недешево. Для сравнения не в курортной зоне можно было бы снять дачу и за 100 рублей. Тем не менее, спрос на жилье превышал предложение. Население Комарово летом увеличивалось в несколько раз.

ВКУСНЫЕ ДЕФИЦИТЫ

Поскольку в Комарово многие госдачи предоставлялись работникам ленинградских райкомов, горкома КПСС и исполкомов разного уровня, то приезжающие в них руководители, хотя бы из окна служебного автомобиля, должны были видеть, что народ питается ничуть не хуже, чем они. Поэтому в наши магазины завозились продукты, о которых жители Белоострова или

Рощино могли только мечтать. «Невским проспектом» Комарово была Морская улица. Между поворотом с Привокзальной и до поворота на Северную улицу располагались главные поселковые продуктовые магазины. По четной стороне Морской рядом находились булочная и рыбный (затем овощной) магазин. Сейчас на этом месте круглая площадка, на которой в будущем предполагается установить бюст А.А. Ахматовой. По нечетной стороне был главный магазин, в котором продавались все остальные продукты. В начале перестройки магазин закрыли. Периодически на лето его арендовали разные предприниматели, пока он ни сгорел (или пока ему «ни помогли» сгореть?). Сейчас на этом месте участок дома № 21.

Когда одним летом уже в начале 90-х годов я во время отпуска подрабатывал в этом магазине, то увидел в кабинете арендаторов фотографию молодого человека на фоне дома № 23 по Морской улице. Мой начальник сказал мне, что ее подарил пожилой финн, сказав, что на ней изображен он сам, сын хозяина этого магазина. А в доме № 23 жила их семья. Эта постройка сохранилась, хотя и в сильно перестроенном виде. Сейчас ее занимает Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие дачного обслуживания «Пригородное». Отделение Комарово.

Значит, торговля здесь велась еще в финский период, когда Комарово носило название Келломяки.

В начале 1960-х годов на 2-й Дачной улице (дом № 3) построили новый кирпичный продуктовый магазин. Он сохранился до сих пор и выполняет прежнюю функцию. Сейчас здание занимает ООО «Карман». Чтобы не путать его с «продуктовым ветераном», новичка в народе стали называть «Желтым магазином» (по цвету стен) или «Магазином

на 2-ой Дачной», а магазин на Морской ласково окрестили «Деревяшкой».

Но настоящий торговый бум на «комаровском Бродвее» начался в середине 1960-х, когда здесь оборудовали синие типовые летние пластиковые торговые павильоны. В каждом из них была своя специализация: молочные продукты, овощи-фрукты, мясо.

В Деревяшке остались гастрономический, винный, бакалейный и кондитерский отделы.

Особо стоит сказать о мясной торговле (на месте этого павильона сейчас находится газораспределительная станция «Петербурггаз»). Говядина в советское время продавалась вместе с костями. Задачей покупателя было выбрать кусок, где было побольше мякоти и поменьше кость. Почти все хозяйки из кости с небольшим количеством мякоти варили суп, а остальное мясо шло на приготовление второго. Чтобы купить кусок, пока еще был выбор, нужно было занять очередь в обычные дни не позднее 8 часов утра (павильон открывался в 9), в выходные еще раньше. Как известно большинство магазинов Советского Союза мясо не получало, или получало его в сотни раз ниже потребностей населения. Таковой же была и участь деревень и поселков Карельского перешейка. Исключением была курортная зона побережья Финского залива (Солнечное – Репино – Комарово – Зеленогорск – Ушково), но даже в этой элите наш поселок снабжался по указанной выше причине немного лучше.

Так вот, на самых ранних электричках жители от Роцино до Выборга приезжали в Комарово отовариваться мясом, колбасой, сыром. Поэтому к 10-11 часам в мясном отделе оставалась одна жирная грудинка для любителей поспать утром подольше. Аналогичная ситуация касалась и развесных молочных продуктов.

Так что, закупочный день на Морской у комаровца начинался примерно так: в 7-30 – 8 утра занимались очереди в 3-4 торговые павильона, и дальше нужно было успевать курсировать между ними, чтобы не пропустить время подхода к прилавку. Нередко покупатели заключали договор: в мясной я за Вами, а в молочный Вы будете за мной.

Кроме торговых магазинов на Морской в нашем поселке работали еще 6 продуктовых торговых точек: на улицах Кривцова, Цветочной, Курортной (в Академгородке), Громыхалова, 1-й и 2-й Дачных.

На улице Кривцова в доме № 6 (он сохранился, и сейчас является частным владением) на рубеже 1950–1960-х годов работала продавцом знаменитая тетя Тося. У нее всегда были вкусные молоко и молочные продукты, так как она никогда не портила товар, то есть не разбавляла молоко, сметану и творог. А «навар» по ее же собственному признанию имела через небольшое обвешивание. Но на нее никто не обижался, и я сам был свидетелем, как одна покупательница сама заплатила ей на несколько копеек больше названной суммы.

В 1960-е же годы, чтобы разгрузить этот магазин, на Цветочной улице рядом с домом № 19/12 открыли молочную лавку (сейчас в ней летняя жилая избушка), где стали продавать разливное молоко, творог и сметану.

Остальные строения продуктовых магазинов на 1-й Дачной улице напротив места, где в наши дни останавливается машина с разлитым молоком совхоза «Поляны», а также магазины на улице Громыхалова и в Академгородке не сохранились.

Следует упомянуть особо торговлю фруктами и овощами.

Если купить огурцы помидоры, картофель, капусту, яблоки не составляло никакого труда в течение всего лета, то с се-

зонными ягодами и фруктами (вишней, черешней, клубникой, абрикосами) а также с заморскими бананами все обстояло не так просто. Появлялись они в конце месяца, чтобы магазину выполнить план. Почему именно в конце месяца – это отдельный длинный разговор, касающийся всей системы торговли в СССР, а не только Комарово.

Продажа вышеперечисленных фруктово-ягодных дефицитов осуществлялась на отдельных прилавках, состоявших из типового стола с навесом от дождя. Ящики с фруктами или ягодами выгружались прямо на землю. Естественно, мгновенно выстраивающаяся очередь (предусмотрительные бабушки в последние дни месяца чаще обычного заглядывали в торговую зону, проводя разведку обстановки, и при появлении какого-либо дефицита со скоростью, которой позавидовал бы современный Интернет, оповещали своих соседей где, что и почему). После того, как товар был разгружен, активистки из очереди (а среди бабушек-покупательниц недостатка в активистках никогда не ощущалось) устанавливали норму продажи товара «в одни руки» (то есть одному человеку). Обычно она составляла 2 килограмма. И хотя в правилах о торговле никаких ограничений на отпуск товаров не предусматривалось, продавец беспрекословно подчинялся решению очереди. Следует также отметить, что советские бабушки были, мягко говоря, изобретательнее своих современных сверстниц. Когда до подхода к прилавку оставалось 10-12 покупателей, к ним подходили внуки и внучки (чаще свои, но иногда «взятые напрокат» у соседей, которые сами не могли по какой-либо причине подойти к прилавку). Соответственно, на детей также полагались свои 2 килограмма.

Садовые ягоды (клубнику, малину, крыжовник), яблоки,

овощи (огурцы, морковь, редис) зелень (лук, укроп, петрушку) можно было купить и на маленьком рынке, состоявшем всего из одного длинного прилавка с навесом от дождя. Расположен он был примерно на середине тропинки, соединявшей Морскую и Озерную улицы справа от детской площадки, которой тогда еще не было.

Дело в том, что в Комарово подзолистые неплодородные почвы: 10-15 сантиметров слабого перегноя, затем слой вымывания, переходящий в песок. Отсюда, чтобы получить мало-мальски приличный урожай, нужно вносить в землю удобрения. Поэтому большинство постоянных жите-

лей поселка, а тем более дачники, огородничеством и садоводством не занимались или занимались для души. Отсюда и спрос на подобную продукцию, который часто удовлетворяли жители близлежащих населенных пунктов: Ленинского, Рошино, Белоострова и других.

Еще одним путем приобретения дефицитных продуктов был Стол заказов. Его маленький деревянный павильон с большими стеклянными окнами располагался справа от Желтого магазина на 2-й Дачной. Без какой-либо очереди здесь можно было оформить заказ из трех позиций: одна единица дефицита (банка растворимого кофе, коробка

шоколадных конфет «Ассорти», килограммовый пакет гречневой крупы, банка сайры и ряд других) и две позиции «в нагрузку» (хотя официально это слово не звучало). Нагрузочными товарами, то есть не пользовавшимися спросом, были грузинский чай, подсолнечное масло (его «двоюродная сестра» кукурузное масло относилось к первой позиции), разные крупы, кроме гречневой, сахарный песок, рыбные консервы, кроме сардин и сайры. Почти каждый покупатель включал в два нагрузочных товара один килограмм сахарного песка: и храниться может долго, и рано или поздно всегда дождется своего использования.

ЧТО МОЖНО БЫЛО КУПИТЬ В КОМАРОВО В 1960-е ГОДЫ

Наименование товара	Единица измерения	Цена
Хлеб ржаной	1 буханка	14 коп.
Батоны	1 шт.	13–25 коп.
Масло подсолнечное	1 бутылка (0,7 л)	99 коп.
Масло сливочное	1 пачка (200 г)	72–76 коп.
Молоко	1 бутылка (1 л)	50 коп.
	1 бутылка (0,5 л)	30 коп.
Молоко сгущенное	1 банка	55 коп.
Сыр голландский	1 кг	3руб. 00 коп.
Сыр швейцарский	1 кг	3руб. 60 коп.
Мороженое фасованное	1 шт. (100 г)	7–28 коп.
Колбаса докторская	1 кг	2 руб. 30 коп.
Колбаса любительская	1 кг	2 руб. 90 коп.
Сосиски молочные	1 кг.	2 руб. 60 коп.
Мясо говядины	1 кг	2 руб. 00 коп.
Апельсины	1 кг	1 руб. 40 коп.
Конфеты	1 кг	1–11 руб.
Пирожное	1 шт.	22 коп.
Лимонад	1 бутылка (0,5 л)	22–27 коп.
Квас разливной из бочки	1 кружка (0,25 л)	3 коп.
	(0,5 л)	6 коп.
Мыло туалетное	1 кусок (100 гр.)	12–30 коп.
Марки почтовые	1шт.	3–50 коп.
Газета, выходящая ежедневно	1шт.	2–3 коп.
Карандаш простой	1 шт.	1–5 коп.
Спички	1 коробок	1 коп.

Торговля непродовольственными товарами в Комарово была представлена намного скромнее. В конце 1950-х годов напротив платформы, куда прибывали электрички из Ленинграда, стоял деревянный магазин, работавший круглый год. В нем можно было купить все от канцелярских товаров до одежды, обуви, посуды. Но однажды весной, приехав на дачу, мы его не увидели. Говорили, что он сгорел.

В летний сезон прямо на песке главного комаровского пляжа открывался павильон летних товаров. В ассортимент его входили ласты, маски, купальные костюмы, резиновые шапочки для плавания, соломенные шляпы, темные очки, разные кремы, одеколоны и т.д. За другими товарами нужно было ехать в Репино или Зеленогорск.

Надо сказать, что цены на товары практически на всей территории РСФСР были одинаковы. Исключение составляли лишь территории Крайнего Севера и Дальнего Востока, где и цены, и зарплаты были выше.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

В Комарово было, где покусать.

В 1950-е–60-е годы справа от вокзала, находился типовой для того времени пристанционный ресторан, окрашенный, как и современная билетная касса, в светло-бежевый цвет. Там можно было за 1,5-2 рубля вкусно пообедать, что для простого советского человека было дороговато. Однако особой популярностью (в основном у творческой интеллигенции, так как цены там были ресторанные) пользовался буфет. Там всегда имелись коньяк, водка, вино и, конечно, традиционные для буфетов того времени бутерброды с сыром, копченой колбасой, шпротами, черной и красной икрой. Поэтому туда периодически заходили (кто-то реже, кто-то чаще) писа-

тели, художники, композиторы, музыканты и другие представители творческих профессий, как тогда модно было говорить, «пропустить по 50 грамм».

Люди попроще располагались прямо на траве. Дорожки, клумбы в Комарово тогда никто не делал, поэтому назвать газонами траву, где люди садились или ложились для принятия пищи и напитков разной степени крепкости, можно назвать весьма условно.

Между Морской и 1-й Дачной улицами слева от современного магазина-пекарни стояла Домовая кухня (здание не сохранилось). Там можно было недорого и вкусно пообедать или купить куриные, мясные котлеты, сырники и другие полуфабрикаты, чтобы самим дома пожарить. Обед из трех блюд обходился меньше 1 рубля.

Пообедать можно было также и в столовой пансионата «Заря» (улица Ленинградская, дом 28) за наличный расчет после двух часов дня, после трапезы тех, кто отдыхал по путевкам. Эта столовая пользовалась большим спросом у жителей поселка. Там всегда былолюдно, поэтому повара готовили с большим запасом. И, действительно, многие родители, уезжая на работу в Ленинград, оставляли детям деньги и были спокойны, что их чад здесь накормят качественным обедом. Полуразрушенный двухэтажный корпус, в котором располагалась столовая бывшей «Зари», грустно взирает на нас кое-где разбитыми окнами до сих пор.

Отдыхающие побогаче могли купить курс питания на любое количество дней в Доме творчества ВТО (Всероссийского театрального общества), сохранившегося до наших дней по адресу: улица Лейтенантов, 31. Несколько лет назад его переименовали в Дом отдыха и творчества «Комарово». Четырехразовое питание на день стоило около 4 рублей.

На углу Морской и Курортной улиц (сейчас на этом месте частное строение, его адрес: Морская улица, дом 7/2-а) перед крутым спуском к Финскому заливу стояло типовое для того времени летнее кафе, называемое в народе «Стекляшкой» за стены, выполненные из толстого стекла. Посетителей там почти не было. Разве только заходили туда в жаркую погоду проходившие на главный пляж и обратно отдыхающие, чтобы выпить что-нибудь прохладительное. Кафе это проработало несколько лет, после чего его закрыли.

И, наконец, в жаркую погоду прямо на берегу Финского залива на месте, где сейчас расположен отель «Лайнер» (Приморское шоссе, дом 482) работало типовое для курортного побережья пляжное кафе с геодезическим знаком на крыше, который мы, дети, наивно воспринимали как вышку для спасателей, удивляясь, почему там никогда никого не видно. Несколько столиков со стульями на бетонном полу и буфетная стойка. Бутерброды, чай, кофе, мороженое, прохладительные напитки. А что еще нужно на пляже? И даже в советские пуританские времена, когда в обычных предприятиях общественного питания нельзя было появляться даже в шортах, сюда запросто заходили в плавках и купальниках.

СЛИВОЧНОЕ, КРЕМ-БРЮЛЕ, ШОКОЛАДНОЕ ...

*Взял мороженщик лепешку,
Сполоснул большую ложку,
Ложку в банку окунул,
Мягкий шарик зачерпнул,
По краям пригладил ложкой ...*

Самуил Маршак описал с фотографической точностью продажу развесного мороженого.

Мальчишки и девчонки 1960-х знали это стихотворение С. Маршака «Мороженое» наизусть. Еще бы! Ведь тогда не было ни «сникерсов», ни чипсов, ни чу-

па-чупсов, ни кол со спрайтами. И любимым лакомством детей и взрослых было, а для многих и сейчас остается, мороженое. Можно было купить его в упаковках по 100 граммов в магазине. Но ни с чем несравнимое удовольствие мы получали, заходя в мороженицу. Она находилась напротив платформы между 1-й и 2-й Дачными и представляла собой типовую восьмигранную салатного цвета будку с несколькими столиками. Каждый из них был окружен четырьмя стульями. Стандартной порцией развесного мороженого были два шарика (100 граммов), которые продавщица клала в креманку на толстой ножке из нержавеющей стали. Стоило это удовольствие 19 копеек, и за 3 копейки его могли полить сладким сиропом. В жаркую летнюю погоду в мороженице часто не было свободных мест. Хочешь, лакопись на улице, а хочешь, жди свободный стул ...

От этих воспоминаний я даже сейчас ощущаю во рту приятный сладкий холодок.

«КЛИЧ ПИОНЕРОВ – ВСЕГДА БУДЬ ГОТОВ!»

Ну, кто же из людей старшего поколения ни помнит слова этой самой популярной пионерской песни, не раз звучавшей в пионерских лагерях! В Комарово было три пионерских лагеря.

Первый занимал обширную территорию на Цветочной улице, слева от дома № 22. Это был лагерь Академии наук с традиционными белыми гипсовыми фигурами мальчика и девочки, с поднятыми в пионерском салюте правыми руками. Развалины домиков, бетонные столбики с остатками «клетчатого» деревянного забора сохранились до сих пор.

В лагере было порядка 10 отрядов по 20–25 ребят в каждом. Стадион на углу улиц Кривцова и Ленинградской принадлежал ему. Деревянные полосатые бело-голубые футбольные ворота с сеткой,

постоянно обновляемая толченым мелом разметка на травяном поле были свидетелями жарких футбольных поединков. Границы современного стадиона почти полностью совпадают с его предшественником. Кроме того, лагерь имел ограниченную мостками купальню на Щучьем озере. Она находилась на месте основного пляжа, в который упирается Озерная улица. Остатки спиленных деревянных столбов, некогда поддерживавших мостки, до сих пор торчат из дна озера. А на противоположном берегу стоял домик лодочника. Здесь за небольшую плату (30 копеек в час) можно было взять деревянную лодку и покататься по озеру, акватория которого была значительно больше (за последние полвека водная гладь заросла травой примерно на одну треть). Не могу утверждать, но некоторые старожилы говорят, что лодки эти также принадлежали пионерлагерю.

А домик лодочника однажды даже попал в газету. В один из воскресных дней ленинградская семья (мама, папа и дочь дошкольного возраста) выехала в Комарово на лыжную прогулку. Девочка заблудилась и несколько часов блуждала по морозному лесу, пока не набрела на этот домик, в котором зимой никто не жил. Разбив стекло, измученный ребенок заснул прямо на полу, где ее утром и нашли поднятые по тревоги сотрудники милиции. Все закончилось благополучно.

Когда лагерь закрыли, Деревообрабатывающий завод стал использовать футбольное поле под склад сырья. Десятки бревен, досок, бруса лежали круглый год под открытым небом. Без всякой охраны. Думается, что не одни стены и полы многих частных деревянных строений Комарово могли бы поделиться воспоминаниями о времени, которое они когда-то провели на складе.

Но самым известным пионерским лагерем, конечно, был

«Чайка» Ленинградского обкома КПСС. Его деревянные корпуса занимали обширную территорию по обеим сторонам Курортной улицы. Здесь был и собственный стадион, и клуб, и игротека, и все что положено богатому лагерю. Его динамики на многие сотни метров разносили звуки горна, сообщавшие о начале выполнения очередного этапа распорядка дня.

И вот в начале 80-х годов руководители обкома КПСС решили заменить старые деревянные постройки новыми кирпичными. В кратчайшие сроки выросли благоустроенные кирпичные корпуса, новая угольная котельная (ее развалины видны и сейчас рядом с современной газовой котельной). Три или четыре года лагерь отработал. И тут грянула перестройка. Руководству КПСС Смольного стало не до лагеря – себя бы спасти. Еще несколько лет лагерь принимал отдельные горстки детей с родителями. А затем на долгие годы впал в спячку. Там жили только сторожа. И вот несколько лет назад бывшей «Чайке» окончательно «обломали крылья». Прочные почти не познавшие общение с детьми кирпичные корпуса пошли на слом. А на их месте за высоким забором выросли дачи для членов Конституционного суда.

Еще один пионерлагерь был внизу на Кавалерийской улице, не доходя сотню метров до Приморского шоссе. Принадлежал он к какому-то военному училищу. Больше никаких сведений о нем у меня нет. Сохранился от него лишь заросший травой фундамент некогда главного жилого корпуса.

Много было в Комарово и детских садов, более десятка, открывавшихся на летний период. А один из них для детей с ослабленным здоровьем. (Привокзальная улица, 40) работал круглый год. Смена в нем длилась 3 месяца. Этот детсад № 49 комбинированного вида, по-прежнему занимающий территорию между

Привокзальной, 4-й Дачной, Ленинградской улицами и небольшим леском, функционирует и по сей день, но только в летний период.

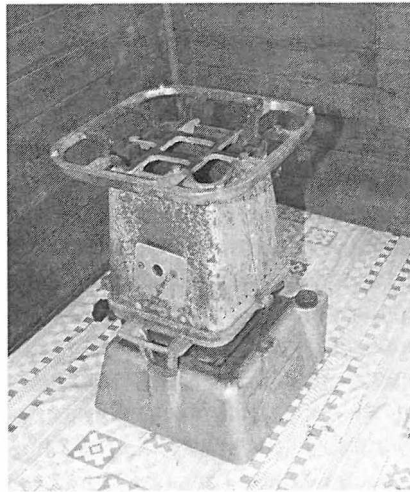
Сейчас в Комарово с июня по август принимают детей только пять детских садов. Остальные загородные дошкольные оздоровительные учреждения были закрыты, их здания постройки конца XIX – начала XX веков разрушены, территории проданы под индивидуальное жилищное строительство.

ТОПЛИВО

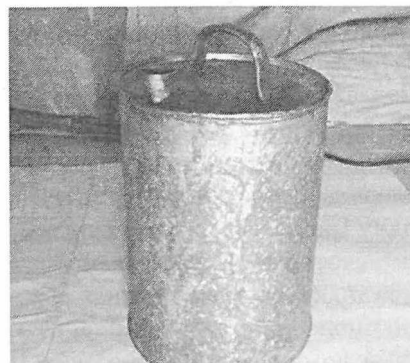
В 1960-е годы основным приспособлением для приготовления пищи были керосинки.

Опытные домохозяйки умудрялись на них не только готовить обеды, но даже печь кексы в чудо-печке. Керосин привозили специальные машины. Они сливали топливо в бидоны, напоминавшие те, в которых сейчас развозят молоко. Бидоны эти стояли в погребе (в целях пожарной безопасности). Погреб этот находился между 1-й и 2-й Дачными улицами примерно немного правее церкви Сошествия Духа Святого на апостолов. В день работы этой керосиновой лавки-погреба выстраивалась очередь из представителей преимущественно женского пола с канистрами для керосина. Из больших бидонов керосинница в круглых очках разливала его и пол-литровыми и литровыми черпаками через воронки по металлическим канистрам (пластмассовые тогда еще не выпускались). Реже приходили со стеклянной тарой (стеклянные трехлитровые банки обычно берегли для закатывания компотов и варенья, и использовать их под керосин было не принято).

С каким же облегчением вздохнули домохозяйки, когда на Кавалерийской улице, 17 в старинном двухэтажном доме (здание недавно было снесено)

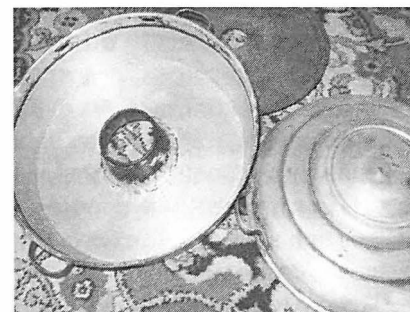

Керосинка

В таких канистрах покупали и хранили керосин

открылось газовое хозяйство. Оплатив на почте квитанцию в 1 рубль 40 копеек (в дальнейшем цена постепенно возрастала), нам в течение двух недель привозили заряженный сжиженным пропаном 50-литровый баллон в обмен на пустой. Все дома имели по 2 баллона. Большинству хозяек одной такой емкости вполне хватало на 2-3 недели, поэтому проблем с газоснабжением не было. Сейчас здесь за высоким забором расположено административное здание «Петербурггаз».

Чудо-печь

По понятным причинам через пару лет керосиновый погреб закрыли. Керосинки отправились на чердаки и стали покрываться пылью.

В наше время баллоны заправляют газом в Зеленогорске, а по мере выполнения программы газификации поселка спрос на баллоны голубого топлива значительно снизился.

Газовый 50-литровый баллон

Культурные развлечения для жителей и дачников Комарово ничем не отличались от набора подобных мероприятий других загородных населенных пунктов советской эпохи: кино, танцы, выступления артистов во время их «чёса», художественная самодеятельность отдыхающих. Для осуществления этого нехитрого перечня развлечений существовало три зала.

Самым старым из них был одноэтажный клуб темно-зеленого цвета Деревообрабатывающего завода на Цветочной улице. Когда клуб снесли, на его месте построили двухэтажное кирпичное здание заводауправления. Сейчас его занимает Местная администрация муниципального образования Санкт-Петербурга поселок «Комарово» и музей «Келломяки-Комарово». От за-

Под музыку этих пластинок танцевали в середине XX века

вода осталась лишь ютящаяся в углу территории труба старой котельной, а на месте снесенных заводских корпусов стоят недостроенные двухэтажные коттеджи, да какие-то будки непонятного назначения.

Так вот, в клубе за 20 копеек можно было посмотреть кинофильм. Кино в то время пользовалось огромной популярностью, особенно зарубежное. Поэтому, если все билеты быстро раскупались, то киномеханик устраивал второй сеанс.

В этом же клубе проходили и танцевальные вечера (слово «дискотека» появилось гораздо позднее).

Когда клуба не стало, единственным местом, где можно было посмотреть кино, остался кинозал на втором этаже Дома творчества ВТО. Интересно, что новые фильмы демонстрировались в поселках Сестрорецкого района раньше их широкого проката в Ленинграде. Почему? Можно предположить, что на нас проверяли идеологическую благонадежность этих фильмов. Но факт остается фактом: испанско-аргентинский «Пусть говорят», французские «Разиня», «Фантомас» и ряд других фильмов были показаны в Комарово недели на две раньше, чем в Ленинграде.

Однако попасть в кинозал ВТО было не так просто. Отдыхающим Дома творчества, и это вполне справедливо, продавали билеты в первую очередь, а нам за 15 минут до начала сеанса предлагалось то, что осталось.

Иногда и ничего не оставалось. И мы упрашивали администратора разрешить киномеханику устроить второй сеанс. Как правило, работники ВТО шли нам навстречу.

Вторым излюбленным местом для танцев, был клуб Дома отдыха «Комарово». Он располагался справа от современной конюшни Спортивно-оздоровительного комплекса «Комарово» на улице Отдыха, 6. Деревянная постройка клуба не сохранилась. Путевки в дома отдыха тогда продавались на 12 или 24 дня. Конечно, летом и часто зимой дома отдыха были переполнены. Но не пустовали они и весной, и осенью. Понятно, что в это наше дождливо-слякотное время мало, кто хотел идти в отпуск. Но некоторые профсоюзы, в которых состояли тогда практически все трудящиеся СССР, за десятипроцентную стоимость, а иногда и совсем бесплатно, предоставляли путевки пенсионерам, бывшим работникам их предприятий и учреждений. И пожилые люди с удовольствием приезжали сюда в межсезонье на 12 дней. За 7-10 рублей они обеспечивались трехразовым питанием, бесплатно посещали культурные мероприятия, пользовались спортивным инвентарем, ездили на автобусные экскурсии, в том числе и в Ленинград. А ведь приезжали сюда жители и других регионов Советского Союза. Представьте себе: за такие небольшие, даже по тем временам, деньги работники или работницы городов и поселков нашей огромной страны не только дышали чистым воздухом хвойного леса, но и бесплатно или за очень небольшую плату знакомились с достопримечательностями Ленинграда и его пригородов, не теряя время в длинных очередях Эрмитажа, Исаакиевского собора, музея Петродворца, Пушкина, Павловска. Ну и что, что идет дождь или мокрый снег?! От этого картины

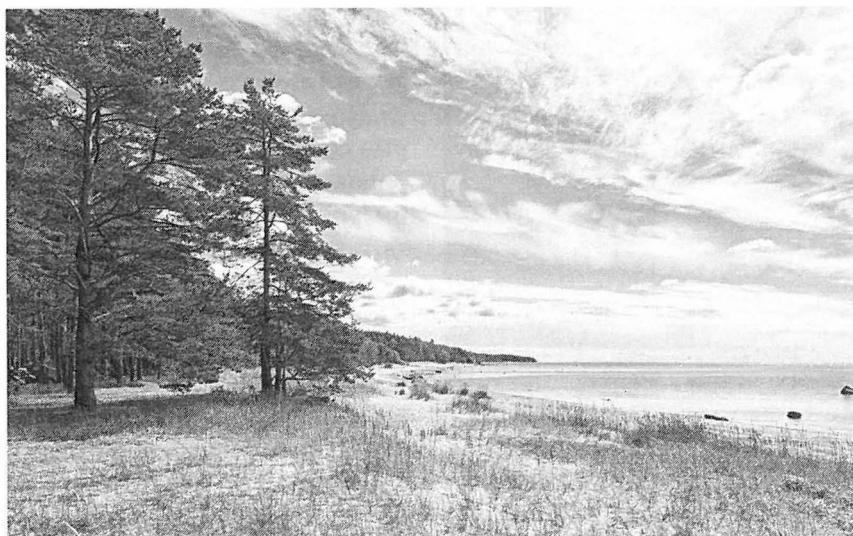
Рафаэля, Рембрандта, мраморные статуи времен ренессанса не выглядят хуже.

Но вернемся к танцам. Старые сосны Дома отдыха «Комарово» могли бы поведать, если бы умели говорить, (простите за такой штамп), как под звуки танго, фокстротов, чарльстонов в клубе зарождались курортные романы и так, мелкие интрижки. Всем этим процессом отдыха и развлечений долгие годы руководил замечательный остроумный с доброй улыбкой бессменный массовик-затейник Валя.

АЙДА КУПАТЬСЯ!

Сколько шуток было отпущено в адрес мелководья Финского залива! Остряки предупреждали входящих в воду: смотри, не доходи до Кронштадта, не то заберут пограничники (Кронштадт в то время был закрытым для посещения городом). Да и кроме того, дно почти всей прибрежной полосы каменистое. Тем не менее, в погожие летние выходные дни в Комарово желающих позагорать и искупаться из электрички выходило немногим меньше, чем в знаменитом Солнечном. Большинство из них по Кавалерийской или по Морской улицам спускалось к Финскому заливу или отправлялось по Морской и далее по Озерной улицам на Щучье озеро.

Береговая песчаная полоса главного пляжа Финского залива в такие дни покрывалась детскими, молодыми и не очень молодыми телами почти полностью. Лишь в центре всегда оставалась небольшая площадка для любителей пляжного волейбола. (Возможно, из этого развлечения потом и родился новый вид спорта с одноименным названием). А в те времена юноши и девушки вставали в круг и перебрасывали волейбольный мяч друг другу. Желаящие произвести впечатление на окружающих «резали». Иногда мяч попадал и в лежащих

Залив в Комарово. Современное фото

на подстилках, но к конфликтам это не приводило. Все заканчивалось извинениями волейболиста, а «пострадавший» передвигался подальше от игроков.

В воде на расстоянии 200-300 метров от берега на якорях мирно покачивались буйки. Заплывать, а в период сильных отливов заходить за них не разрешалось. За этим внимательно наблюдал из лодки спасатель.

Поскольку никакой электроники тогда не было и в помине, любимым для многих занятием на пляже были карты. И хотя официально игра в них причислялась к разряду азартных и была запрещена в общественных местах, даже по-пуритански настроенные мамы и бабушки сквозь пальцы смотрели на своих детей и внуков, отчаянно резавшихся в подкидного дурака. А среди интеллигенции, которой в Комарово было немало, популярен был преферанс. Под ласковыми лучами летнего солнца прямо на подстилках «расписывались пулечки». По-крупному, в отличие от Черноморского побережья, здесь не играли. Даже неудачные взятки на мизере опустошали кошелек не более чем на 3-5 рублей.

Вторым излюбленным местом купания был пляж у каменной Косы. То же песчаное дно, никаких буйков и спасателей, но от-

сутствие «признаков цивилизации»: скамеек, раздевалок, кафе, палаток с пляжными товарами.

Те же, кто хотел нормально поплавать, отправлялись на озеро. Пешком или на велосипедах. Проезд по Озерной улице был открыт до самого берега. За последние 60 лет, как я уже вспоминал, озеро сильно обмелело, и вода приобрела желтый торфяной оттенок.

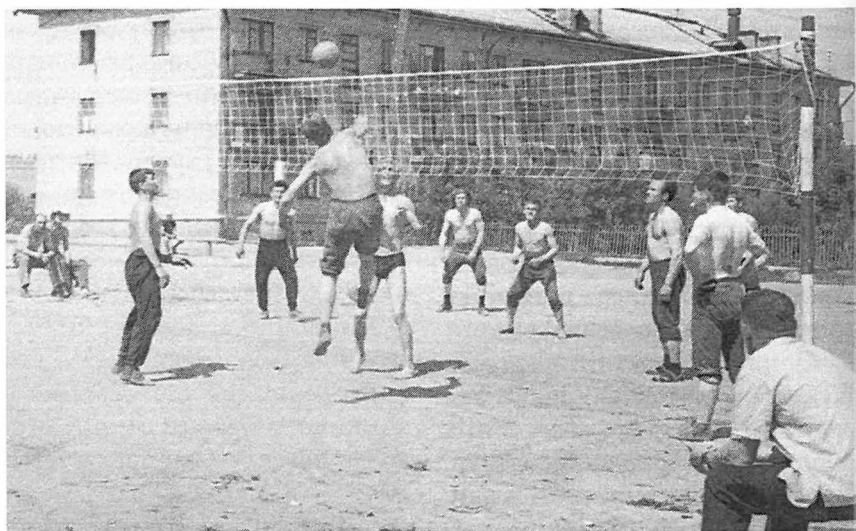
ГИПЕРТОНИЧЕСКИЕ ГОРКИ

Очень популярным видом активного зимнего отдыха было катание на лыжах. Те, кто любил скорость, ехали в Зеленогорск, а оттуда шли на знаменитую

«Серенаду». Несколько холмов с разной крутизной склона удовлетворяли вкус любого любителя быстрого лыжной езды. Ну а многие любители побродить на лыжах получали удовольствие от прогулки на Щучье. 4 километра по хорошо накатанной лыжне Озерной улицы мимо величественных покрытых пушистым снегом елей и сосен – и вы на озере. Сыновьям, дочкам, папам, мамам, бабушкам, дедушкам вполне под силу был этот маршрут на обычных деревянных лыжах (пластиковых тогда еще в свободной продаже не было). Но и тут, если обходить озеро справа, можно было найти невысокие пологие спуски. Не знаю, кто первым назвал иронически эти спуски «гипертоническими горками». Наверное, «серенадочники». Но мы не обижались. Зато сломанных лыж здесь практически не было.

УДАР, ЕЩЕ УДАР, ...ГОЛ!

Футбол в Комарово всегда был чрезвычайно популярен. В начале 1960-х годов здесь было аж два футбольных поля: одно из них – стадиона пионерлагеря Академии наук, о котором уже говорилось, другое находилось между Морской и Кавалерийской улицами чуть левее платформы. После закрытия пионерлагеря

Волейбольная площадка. Конец 1960-х годов

Академии наук оно стало главным местом жарких футбольных баталий. Постоянных составов команд не было. Молодые ребята собирались и на месте делились на 2, реже на 3 команды. Играли обычно «голые» (без футболок) против «одетых». Футбольная форма в магазинах тогда не продавалась. Ее бесплатно выдавали ребятам, занимавшимся в спортивных секциях. Поэтому среди всех игроков особым авторитетом пользовался Ленья. Не столько за игру, сколько за голубую футболку с номером в комплекте с футбольными трусами, которыми он щеголял на поле.

Ворота противостоящих команд почти всегда защищали Марк и Боб рыжий. Сейчас по территории бывшего стадиона проходит автомобильная трасса Сестрорецк – Зеленогорск.

КТО ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНИТЬ?

Как Вы думаете, какой самой популярной была монета в дачных поселках описываемого мною времени? Нынешние бабушки и дедушки сразу ответят: 15 копеек, а после денежной реформы 1961 года – 2 копейки. Именно их нужно было опустить в специальную щель, чтобы позвонить по телефону-автомату.

В Комарово около почты (Морская улица, 25) справа от входа стояли 2 стандартные стеклянные с металлическим каркасом будки с телефонами-автоматами. Одна из них почти всегда пустовала – телефон соединял только с абонентами Сестрорецкого района. Зато вторая пользовалась огромной популярностью. По этому телефону звонили в Ленинград. Начиная с 5-6 часов вечера к почте стягивались люди.

– Кто последний звонить? – спрашивали вновь подходящие к очереди, которая выстраивалась иногда из 15-20 человек. Таймера в телефоне не было, и днем разговор мог длиться долго. Но вечера-

ми по негласно установленному правилу говорить можно было не больше 2 минут. Непонятливым через 2,5-3 минуты недвусмысленно стучали монетой по стеклу. Не успел договорить или хочешь позвонить еще кому-нибудь – занимай очередь снова.

Позднее были поставлены еще два телефона-автомата у здания железнодорожной станции, но они часто были неисправными, поэтому на почте звонить было надежнее.

А чтобы позвонить в другой город, разговор нужно было заказать на почте. Внутри нее слева от входа стояли две будки для переговоров с другими населенными пунктами Советского Союза. Несколько лет назад их убрали. Мобильная связь значительно упростила общение людей друг с другом.

На почте также можно было послать телеграмму, купить открытки, оформить подписку на газеты и журналы, отправить или получить денежные переводы и так далее.

Популярным увлечением советских мальчишек и девчонок было коллекционирование почтовых марок. Большинство из них стоило не больше 10 копеек и было доступно детям с разным материальным достатком. Вообще филателия была очень полезным занятием. Обычно марки собирались по темам. Большинство из них было посвящено каким-либо событиям, технике, или знаменитым героям войн, деятелям науки, литературы, искусства. С приобретением марки у ребенка невольно возникало желание узнать побольше об изображенном на ней человеке или событии. Яркие красивые почтовые миниатюры (второе название марок) продавались во всех отделениях связи страны, в том числе и в Комарово.

Говоря о почте, нельзя не вспомнить недавно ушедшего из жизни ее заведующего Володю.

Шестнадцатилетним подростком он пришел туда простым почтальоном – развозил на велосипеде по адресам газеты, журналы, письма, телеграммы. И проработал на этой почте всю жизнь. К нему с уважением относились все посетители почтового отделения, хотя старожилы по старой памяти называли его просто по имени.

ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН

По данным британских статистических исследований женщина в среднем проводит в парикмахерских ежегодно по 14 часов. Комаровские женщины по этому показателю наверняка не отстали бы от англичанок, а, скорее всего, и опередили бы их, если бы ..., если бы в поселке был женский мастер. Но, увы! В маленьком уютном летнем домике, больше напоминающем небольшой сарайчик, на Привокзальной улице, немного не доезжая бывшего железнодорожного переезда, с июня по август трудился замечательный мужской парикмахер. Зимой он работал в интуристской гостинице «Ленинград», а на летний период более 20 лет приезжал в наш поселок, но стриг только мужчин и детей.

Позже в этом домике разместились аптека, сейчас здесь летнее жилое помещение.

А КАК ЖЕ КЛЯТВА ГИППОКРАТА?

Простудными заболеваниями жители и дачники поселка Комарово болеют редко. Вероятно, сказывается не только теплая погода, но и выделяемые соснами и елями фитонциды, убивающие болезнетворные вирусы и микробы. Тем не менее, забот летом у участкового врача доктора Гурвича, проработавшего в комаровской поликлинике больше 20 лет, было хоть отбавляй. Ведь в летние месяцы количество людей в поселке за счет дачников увеличивалось в несколько раз. Так что скучать ему не приходилось.

Бывали случаи, когда в результате какого-то приступа к нему обращались и поздно вечером, и в выходные дни – он никогда не отказывал в помощи. Поликлиника находилась на переулке Островского (дом не сохранился). А летом здесь даже работал стоматологический кабинет. Принимал ленинградский врач.

Кроме того, во дворе маленького домика № 22 по Морской улице круглосуточно стояла белая «волга» с медицинским красным крестом. Никаких надписей на дверях этого таинственного сооружения не было. Никогда туда не заходили и посетители. Тайна раскрылась, когда однажды вечером срочно потребовалась помощь врача, и одна наша знакомая обратилась к обитательнице этого дома. В помощи ей было вежливо отказано, так как находившаяся там врач имела право обслуживать только жителей «спецдач» (каких она не уточняла) и не могла отлучаться со своего места ни днем, ни ночью.

А как же клятва Гиппократа? Вопрос этот остался без ответа.

Была в Комарово и своя аптека, в некотором роде знаменитая. Находилась она сначала в помещении бывшей парикмахерской на Привокзальная улице, позже переехала в Дом бытовых услуг (Привокзальная, 24). А знаменита она была тем, что в ней продавались «живые лекари» – медицинские пиявки. И их можно было купить только в двух аптеках Ленинграда: в самой известной тогда на улице Желябова, (ныне Большая Конюшенная) и ... в маленькой комаровской.

ПРИЕМНЫЙ ПУНКТ

В описываемый нами период времени стиральные машины были весьма примитивными. Водопровод в Комарово был редкостью. Поэтому заливать воду в бак приходилось вручную. Отжим вели с помощью пропускания белья между двумя

валиками, которые опять же приходилось крутить вручную.

Поэтому многие хозяйки сдавали белье, особенно постельное, в прачечные. Своей прачечной в Комарово не было, но зато был пункт приема и выдачи белья. Сначала он располагался в сарае, находившемся в одном дворе с библиотекой во 2-м Дачном переулке, 8 (постройка не сохранилась). Затем на 1-й Дачной улице, около Дома бытовых услуг, установили типовой вагончик-бытовку на колесах. По пятницам в нем принимали грязное белье, а по субботам выдавали чистое. Срок исполнения заказа – 2 недели. Весьма удобно.

СВЕЖИЕ НОВОСТИ

Телевизоры в те годы в Комарово были редкостью. Транзисторные приемники принимали всего несколько программ. И только обладатели «Спидол», а позднее «ВЭФов» Рижского радиозавода сквозь хрип глушителей втихаря слушали «ВВС» и «Голос Америки».

Поэтому главным источником новостей были газеты. По утрам у киоска «Союзпечати», находившегося на углу Привокзальной и Морской улиц (сейчас здесь большая клумба петуний и бархатцев) выстраивалась очередь в ожидании привоза свежих

газет. Кроме того, там продавались журналы, почтовые марки, конверты, наборы открыток с цветными видами достопримечательностей Ленинграда, различные канцелярские товары. Там же можно было по 8 копеек за штуку купить открытки с черно-белыми фотографиями популярных артистов кино и эстрады. Многие подростки, особенно девчонки, да и взрослые люди, собирали солидные коллекции фото своих кумиров.

Позднее киоск перевезли на место поворота с Морской улицы на тропинку, шедшую к Озерной.

С ПРАЗДНИКОМ!

Как уже было сказано, цветочные клумбы в Комарово украшали многие дачные участки. Но адрес 2-я Дачная, дом 7/2 был известен почти всем жителям поселка. Здесь постоянно проживала Александра Яновна, хотя за глаза все называли ее Шура-финка. Она была одной из немногих, если не единственной жительницей Комарово, отказавшейся покинуть родной дом во время Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Ах, какие росли здесь флоксы, георгины, пионы, гладиолусы! В то время как государственная торговля круглый год предлагала однообразные гвоздики

У киоска «Союзпечати». Фото 1970-х годов

и каллы, у Шуры за 2-4 рубля можно было купить шикарный букет для поздравления с любым праздником. И сама она вела красивый здоровый образ жизни. С начала лета до поздней осени каждое утро в любую погоду на стареньком запорожце она приезжала на Щучье озеро и купалась, не уступая молодежи.

ЧЕГО ТУТ ТОЛЬКО НЕ БЫЛО!

Особого внимания заслуживает здание с современным адресом Привокзальная улица, дом 24/2, лит. А. Строили его по типовому проекту Дома бытовых услуг. Здесь можно было починить нехитрую того времени бытовую технику. Работало также ателье по ремонту и пошиву верхней одежды, причем сроки исполнения заказов, несмотря на то, что трудилась там только одна закройщица-портниха, были в полтора-два раза короче, чем в Ленинграде. И женщины, рискнувшие заказать наряд у «провинциальной» портнихи, оставались довольными качеством работы. Затем ремонтную мастерскую закрыли, и ателье осталось в одиночестве. Потом в этом здании обосновалась аптека. В перестроечные годы какое-то время оно пустовало. До недавнего времени в нем располагались продовольственный магазин и киоск, где можно было купить газеты, журналы, канцтовары, игрушки. Сейчас в здании работает магазин-пекарня «1-й Дачный». Пожелаем ему коммерческих успехов.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ БЫЛО ТРУДНО

Удивительно, что при большом количестве постоянного населения, увеличивавшегося в несколько раз с приездом дачников, в Комарово не было поселковой бани. Собственные русские бани (о саунах в то время никто не знал) встречались редко. По-

этому большинство комаровцев ездило мыться в Зеленогорск. Там работали две бани. Но можно было договориться с дежурными по 1 этажу Дома отдыха ВТО и за 50 копеек – 1 рубль принять душ под видом отдыхающих. И нам хорошо, и им небольшой приработок. Но массовой такая хитрость не стала – если бы дошло до руководства, работницу могли уволить.

БЫТОВЫЕ ОТХОДЫ

С утилизацией бытовых отходов у дачников в середине XX столетия были определенные трудности. Урны на улицах не стояли. Они были только в магазинах, на предприятиях общественного питания, в парке. Поэтому бытовые отходы, как правило, или закапывали в землю в вырытые для этого ямы, или вывозили на поселковую свалку, в которую упиралась улица Громыхалова.

Она занимала обширную территорию почти до самой высоковольтной линии электропередач. Сюда же свозили отходы и из домов отдыха, и из пионерлагерей, и из детских садов. Немалую часть этого «добра» составляли и строительные отходы. Также ассенизаторами сюда сливалось содержимое туалетов. Ежедневно специальная техника трамбовала привозимое ненужное человеку содержание мусоровозов (обычных грузовиков).

Найти дорогу к свалке было нетрудно. Характерный запах встречал подъезжающих за 100-200 метров.

В начале 1970-х годов свалку закрыли, и на дороге поставили шлагбаум.

Но справедливости ради надо сказать, что и отходы советского времени отличались от нынешних. Никаких пластиковых упаковок не было. Бумагу и картон сжигали в печках, стеклянные бутылки и банки массово сдавали в приемный пункт стеклотары,

получая за них залоговую стоимость. Так пол-литровая бутылка молока стоила 30 копеек, а за сдаваемую пустую бутылку возвращали 15 копеек. То есть две пустые молочные бутылки обменивались на одну полную без доплаты. Ну а лимонадную, пивную и винную стеклотару, также банки можно было сдать в приемный пункт магазина на 2-й Дачной. За бутылку 0,5 литра возвращали 12 копеек, 0,7 литра – 17 копеек (для сравнения пол-литровая бутылка лимонада стоила 22 или 27 копеек). За сданную стеклянную банку выплачивали от 3 до 40 копеек в зависимости от емкости.

Естественно, что работники приема стеклотары не скучали без работы.

Так или иначе, любой старожил Комарово, которому за 60, подтвердит, что такого количества мусора по обочинам дорог, как в наши дни, не было.

СПАСИБО ВАМ ЕЩЕ РАЗ!

Уважаемые уважаемые почтенные читатели!

Благодарю вас за то, что вы дошли до этой страницы. И если у людей старшего поколения что-то екнуло в груди, их дети не слишком зевали, а их внуки узнали что-то новое о жизни нашего Комарово и, может быть, изумились: неужели это действительно так было, то я рад, что вы не зря потратили время. И я желаю всем вам не «на недельку до второго», а почаще приезжать в наш родной поселок и жить здесь подольше. И не просто «бывать» в Комарово, а стараться сделать его чуточку красивее. Ведь это так несложно положить фантик от конфеты в сумку или в карман, или поднять и донести до урны пустую бутылку, брошенную на тропинку каким-то неряхой.

Итак, следующая остановка: поселок Комарово. Двери открываются. Добро пожаловать!

Дом творчества

ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ПОПОВ

председатель Союза писателей Санкт-Петербурга

Еще не будучи никаким начальством, мы допускались в комаровский Дом творчества не в лучшее время – с середины января, после школьных каникул. Но мы делали это не лучшее время – лучшим! Стоило только получить путевку – сложенную пополам бумажку с голубой фотографией Дома творчества на обложке, – как сразу же во всем теле начиналась сладкая ломота, предчувствие наслаждений. И вот швырялись в сумку теплые вещи, бережно укладывалась рукопись забуксовавшего вдруг шедевра – и в Комарово, вперед! В Комарово все образуется! С такими надеждами, с таким облегчением – куда можно умчаться теперь?

С первым сладким вдохом чистого морозного воздуха на платформе при выходе из вагона начиналась новая счастливая жизнь, почти не соприкасающаяся с прежней, городской. Снег на елках и под ними сиял, каждая снежинка переливалась сине-зелено-красным огоньком. Небо тут всегда было голубым, безмятежным и безоблачным. Помню, я обычно подпрыгивал, бил рукою по ветке, чтобы запомнить этот момент, смотрел, как сверкает снежная пыль, слетая на разгоряченные щеки и лоб.

Вот жизнь! Прежняя казалась недоразумением: что заставляет людей месить серую грязь, втискиваться в тесные и душные трубы метро, и так день за днем? Если ты что-то собой представляешь, можно заявить о себе где угодно, и лучше всего это получится здесь, где ничто не мутит твой разум и все лучшее в тебе поет и ликует.

Дом творчества писателей.
Фото 1960-х гг.

От платформы мы шли по узкой Кавалерийской улице, среди деревянных финских домов за хилыми оградами. Улица казалась сияющей «снежной трубой». Нижний полукруг – глубокий снег, протоптанный и вздымающийся по краям, верхний полукруг – согнувшиеся под снегом с двух сторон и смерзшиеся посередине белые ветки высоких деревьев.

Как только ты входил в этот перламутровый коридор, в конце его возникало одно и то же видение, ставшее почти ритуальным: появлялся удивительно гармоничный в этом овале черный человек. У него были ноги колесом, чудно вписывающиеся в общий овал улицы. На голове был трюх с торчащими ушами. Черные рукавицы слегка свисали с рук.

Говорили – это был кочегар с дачи Черкасовых в конце улицы, у обрыва. Мы с ним сближались, и по мере сближения поднималось ликование: раз эта неиз-

менная фигура встречает тебя год за годом, и сейчас тоже – значит, и в этот раз все будет так же великолепно, как всегда! Холл, залитый солнцем, узкую лестницу, коридор пролетал одним махом – будто ты не только что сюда приехал, а уже великолепно здесь отдохнул.

Войдя в затхлый пенал номера, я сразу же, радостно сопя после холода, начинал с грохотом передвигать мебель: здесь тебе предстояло жить месяц, и все должно быть расставлено идеально!

Ближе к окну ставился письменный стол, к нему с дребезжаньем придвигалась полка. Кровать и раздвижной диван уходили вглубь комнаты, между ними вдвигался низкий журнальный столик – это будет уголок отдыха и блаженства. Мебель была старая, обшарпанная, пятидесятых годов, поэтому я волохал ее смело, не жалея. Потом стоял, любуясь сделанным: нигде в другом месте нельзя было изменить все к лучшему так быстро и легко.

За таким началом и все следующее должно идти так же!

Иногда после этого вдруг наступала сладкая истома, вызванная перенасыщением организма кислородом, – ты падал на кровать и при ярком солнечном свете спал несколько часов кряду. Сны были легкие, светлые, не похожие совсем на тяжелые городские.

Но чаще заснуть не удавалось – не успевал я закончить перестановку мебели, как раздавался лихой стук в дверь и входил веселый Саша Житинский.

– Приехал?

– А как ты узнал?

– А кто еще такой грохот поднимет на весь дом?

Комаровский берег зимой

Берег Щучьего озера

– А ты в каком номере?

– Да как раз под тобой! Ну что?

И начиналась веселая комаровская карусель, иногда длившаяся сутки, порой неделю, а иногда и весь срок!

Отметив прибытие, замечали, что на улице стало уже темнеть, зато засияли окна столовой напротив. Прикрывая горло рукой, чтобы не простудиться, перебежали снежный двор и врывались в стеклянную столовую, жадно втягивали запахи не забытой за год здешней еды – еда была скромная, «больничная», как называли ее мы, но поскольку она ассоциировалась с другими радостями, то радовала и она. Озирали тусклый зал. Приехали все – друзья, с которыми не общался целый год, а если и общался, то не так! Старались усесться вместе – Житинский, Попов, Прохвятилов, Максимов, Толстоба, Ира Знаменская. Было не расстаться полночи, сбивались у кого-нибудь в комнате, иногда и на сутки. И все равно – наступал самый сладостный момент: оторвавшись от всех, ты, наконец, входил в свою комнату, полный хозяин своего пространства и времени, вольный распорядиться им как угодно! А любили мы все одно и то же. Писать!

Вынимались из папочки листочки. Как и все мастерские, я любил и чисто чувственную сторону дела: сладострастно брякал над ухом кнопками в коробочке, разглядывал черновики, в нужном порядке прикалывал их к полке, вонзая в них жало кнопок. Потом откидывался на стуле, оглядывал стол, с приятной натугой поднимал с пола тяжелую пишущую машинку, расчехлял. Иногда этого удовольствия хватало для первого раза: начало положено, и ты мог сладко уснуть. Но работа затягивала все больше. Стук машинки – один из лучших звуков на свете, трудно не заслушаться им, вовремя остановить-

ся. Но что значит – вовремя? Затем ты и приехал сюда, потому что тут все время – твое, распоряжайся им как угодно. Закончишь страницу, сладко потянешься, глянешь на часы. Господи, полвторого уже! Заработался! Но это не тревога, а счастье. Это в городе надо время рубить на куски, а здесь оно твое, безраздельно. Нырнешь опять. Выныриваешь. Ого! Чувствуя себя настоящим богатырем, дергаешь заклеенную дверь на балкон, сухая белая бумага рвется, выходишь на мороз. Половина окон в доме сияет, сквозь открытые форточки доносится треск машинок – отсюда быстрый, уверенный, отсюда вдумчивый, редкий, а в этом светящемся окне тишина, видно, пишут пером. Но главное – все тут твои друзья, коллеги, наедине с тем же счастьем, что и ты. Это вселяет бодрость, уверенность – раз столько взрослых, неглупых людей занимается этим всю ночь напролет, значит, это дело действительно упоительное. Весь поселок спит, дома темные, и только мы счастливые, бодрствуем. Те комаровские ночи – главное счастье в жизни.

Постепенно наступает истома. Можно, приустав печатать, другим заняться. Попить чайку. Налить из крана воды в стакан, сунуть кипятильник, пошуршать в пачке чаем – есть еще пока. Отдохни... Но разгулявшиеся мысли нелегко остановить. Вдруг «подстрелишь» на лету взглядом фразу в черновике, потом взгляд перелетит на лист, вставленный в машинку. Ах, вот же куда просится фраза из черновика, не зря она столько ждала! А к ней лепится эта вот! Вдруг поехало самое главное – из мертвых букв стали слепляться комочки живого, и их все больше становится, все «сырье» идет в дело.

Что горит? Хватаешься за стакан – он пустой, уже без воды, и мягкий – пальцы влипают в него! Выдернул из стакана за шнур

кипятильник, не успев выдернуть его из сети, и он упал на бумаги, загорелись листы!

Забил ладонями огонь. Выкинул обгорелое в урну. Уф. Запах пожара.

Неплохо погулял. Потом я приезжал в Комарово много лет, и, если попадал в этот номер, любовался ожогом-отметиной на полировке стола.

Горячие были дела!

Ляжешь, наконец, спать и заснешь под открытой в морозную ночь форточкой мгновенно и сладко. Проснешься и, еще не открывая глаз, чувствуешь небывалую радость и бодрость. Выспался и отдохнул так, будто спал неделю, а не четыре часа. Кровь играет, словно звенит в тебе. Вдруг через форточку доносится быстрый глухой стук. Кто-то уже работает? Открываешь глаза. Точно, работает! Верх сосны уже золотой от солнца, и там, среди колючих засохших веточек, трудится роскошный дятел с красной грудью. Постучит, потом – словно послушает гулкое эхо и снова стучит. Первый труженик. И мне пора. Сбрасываешь с кровати ноги. В комнате мороз, но бодрый, веселый, совсем не тот липкий, тяжелый, который в городе заставляет кутаться, горбиться, – на этом морозе хочется распрямиться и двигаться. Фр-р-р! Дятел улетает. Солнечная утренняя тишина. Но вот дом начинает просыпаться.

В каком-то далеком номере открыли воду, и кран протяжно запел, и вся система труб откликнулась, загудела, затряслась. Резко содрогнувшись, трубы утихли. И снова – сладкая утренняя тишина. До следующего «соло» пауза будет долгой. Вот взбрыкнется другой кран – и снова тишина, солнце, блаженство. Это еще не побудка, не подъем.

Тайна не разглашаемая, но известная всем: в столь ранний час к умывальной раковине кидаются вовсе не умываться, а исполнить

совсем другую нужду, и включают воду. Туалет у нас, увы, один на всех в коридоре, а хочется еще понежиться под одеялом, не вставать окончательно – и тайну ранних содроганий водопровода знают все, без них уже наш дом был как бы и не родной. А вот услышишь эти ранние звуки и почувствуешь: приехал, вернулся сюда – туда, куда надо.

Потом завывания крана учащаются – это уже похоже на умывания (что не исключает, впрочем, и других утренних удовольствий). Такой бодрой утренней музыки нет больше нигде.

Сверкает снег под окном, а в протоптанных в нем дорожках свет голубоватый. Бежишь в столовую, завтракаешь – и возвращаешься назад.

И опять все золотое время – твое!

А вечером после ужина – рядом друзья! Идешь туда, где в этот вечер шумно. А иногда вдруг собираются у тебя. Помню вечер, переходящий в ночь. И в моей комнате – двадцать человек – на кровати, диване, креслах, стульях. Запоздавший на сборище Городницкий сидит на столе, приехавший из Москвы мрачный Рейн темнеет на подоконнике. Нигде и никогда, кроме как там, мы не были так близки и счастливы.

Комарово – это легкость, беззаботность. А какая жизнь, а уже тем более – какая молодость может быть без них? Что же еще вспоминать как счастье, если не те дни и ночи?

Нередко дружеский ужин затягивался до утра, а то и на несколько дней. Время от времени возникала необходимость снова бежать в магазин – за железную дорогу и обратно. Помню эти пробежки. Как бодро ходила кровь, как звонко стучало сердце! Не так уж увлекало нас содержимое этих бутылок, мы и без них были возбуждены и счастливы – нашей молодостью, нашей свободой,

нашими особыми способностями, которые собрали нас здесь. Просто появление очередной стеклянной сверкающей «красавицы» в нашем обществе дарило нам еще немного времени, чтобы договорить, доспорить, доблистать, признаться в любви друг другу – на что не каждый из нас решался в трезвом виде.

В Комарово можно было жить шире, добрее, веселее, чем где бы то ни было, поэтому мы все стремились туда. Наша лихость расцветала именно там. Помню, как ко мне приехал в гости мой друг Игорь Смирнов, будущая звезда международной филологии. Визит его затянулся дней на пять, и они запомнились мне как самые удалые в моей жизни. Алкоголь тогда продавали только с одиннадцати, а просыпались мы значительно раньше, и жажда мучила невыносимо. Мы с ним быстро шли к магазину, тому, что в конце платформы. Нам казалось, что там нас любят больше.

Если там и любили нас, то не настолько, чтобы отпускать алкоголь раньше срока. Мы подходили к витрине, через которую нас было видно безжалостным продавщицам, и становились на колени, в придорожную пыль, – дело было летом. Время от времени мы смиренно кланялись до земли. Мол, ничего такого не просим, просто стоим. Иногда мимо нас проходили солидные, степенные обитатели Дома творчества (были там и такие), – шли за фруктами или кефиром и с удивлением смотрели на нас. Мы смиренно кланялись и им. Наконец какая-нибудь смешливая продавщица выносила нам «маленькую». Мы снова кланялись, потом вставали, расплачивались. С восторгом мчались обратно. Эта сверкающая, булькающая вещица в наших руках не была для нас тяжелой необходимостью – она лишь значила, что мы веселы, удачливы и беззаботны. На счет бутылки той я бы уточнил:

дело было не в содержании, а скорее – в форме. Помню, как мы легкомысленно на ходу перебрасывались ею, как она весело сверкала и булькала. Как метельный снаряд она радовала нас ничуть не меньше, чем в положении стоя на столе. Разыгравшись, мы все более обостряли игру – мы стали кидать друг другу «маленькую» так, что поймать ее можно было лишь в отчаянном броске. Солидные прохожие, а также солидные алкаши с изумлением и гневом следили за нашей забавой. И наконец мой особенно хитрый пас – внезапный бросок из-за спины – Игорек не взял!

Не допрыгнул, не долетел, хотя в отчаянном броске пробороздил по траве несколько метров! Бутылочка, брякнув о камень, разбилась, и содержимое ее, потеряв строгую форму, растеклось по траве. Думаете, мы огорчились? Ничуть! Мы возликовали, словно к этому и стремились.

Происшествие привело лишь к новому витку нашей удали.

– Раз я виноват, – смиренно произнес Игореха, – в наказание буду идти до Дома творчества на коленях!

Он встал на колени и быстро пошел. Уже у ограды Дома творчества нам встретился академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, совесть русской интеллигенции, к тому же научный руководитель Игорька.

– Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич! – проходя мимо него на коленях, поздоровался Игорек.

– Здравствуйте, Игорь Палыч! – приветливо поздоровался Лихачев.

Здесь – на воздухе, на солнце, среди любимых друзей – душа молодела, резвилась. И это испытывали все. Лауреат всех премий и член всех обкомов Михаил Дудин, высокий и стройный, был мастером эпиграмм и розыгрышей. Однажды, как раз перед

тем как все пошли на завтрак, он написал желтыми каплями на кристальном снегу имя своего недруга. Тот потом, натянуто улыбаясь, пояснял, что написано, конечно же, струей из заварочного чайника. Народ усмехался.

Постоянно шли какие-то литературные игры и розыгрыши. Серега Давыдов, могучий, басовитый, добродушный, выдумал насмешливые «тонеки». Или их изобрели Лева Мочалов и его жена Нонна Слепакова?

То не ветер шумит на полянке,
То не море грохочет волной,
То Кузьмин по ошибке, по пьянке

Вдруг проснулся в постели с женой!

Обижаться было не принято. Тут поэты живут, а не жалобщики. Если можешь – ответ!

Сколько там было не только талантливых, но приятных, уютных людей.

Когда шел из столовой вразвалку, тяжело, основательно, замечательный поэт и мужик Сергей Давыдов, вспоминалась точная эпиграмма Олега Дмитриева, выражающая самую суть его друга: «Россию не предав и друга не выдав, идет, пообедав, Серега Давыдов». Все точно: и повоевать он успел, и вкусно пожить умел. При этом нигде не работалось так ловко, не писалось так много, как там. Тот же Серега Давыдов, бывший кузнец, понимал в работе. Однажды в последний день срока он пришел в комнату, где мы с Горышиным пили чай, и пробасил, доставая бутылку и усмехаясь: «Давайте выпьем, что ли? Не домой же везти? А то Зойка испугается: Сережа, что с тобой? Не заболел ли?» И мы выручили друга. Именно его огненные строки вдохновляли нас на трудовые подвиги: «Писатель! Не пей все двадцать шесть дней! Как раз в этот срок был написан “Игрок”!».

Захваченный литературной игрой, и я вспомнил старое и

написал на книге, подаренной Давыдову: «Чтоб не только в Комарово говорили мы:

“Здорово!”».

Дом творчества был так привычен, обжит, что был для каждого из нас вторым, а в минуты семейных и прочих проблем – и первым домом. Как в любом доме с историей, в нем водились и привидения. Одним из самых милых и самых любимых призраков был Виктор Андроникович Мануйлов, благожелательный, но задумчивый, то и дело встречающийся в коридорах в своей неизменной камиллавке и со стаканом чая в подстаканнике с дребезжащей ложечкой. Удивительно было встретить его в дальнем коридоре на третьем этаже, где он никогда не жил. Куда же он шел в задумчивости? Этого не знал никто, даже он.

В те беззаботные времена мы даже не запирали дверь в комнату, в лучшем случае – прикрывали. И вдруг – дверь медленно скрипела, приоткрываясь. Это не походило на вторжение друзей-собутельников. Те все же, несмотря на вольность комаровских нравов, а точнее – именно зная о них, всегда робко стучали. А это был – Он! С неизменной отрешенной улыбкой, маленький, плотный, в камиллавке, он входил в номер и медленно шел, дребезжа ложечкой. Хозяин номера, что прилег отдохнуть, порой даже не один, с замиранием сердца следил за гостем.

Окликать, а тем более указывать гостю на его ошибку в нашем интеллигентнейшем доме было не принято. Доброжелательный гость умиротворенно, считая, что наконец-то он в своем номере, уютно располагался – как правило, в круге света у настольной лампы – и о чем-то размышлял. Свою ошибку милый гость замечал отнюдь не сразу – порой уютное позвякивание ложечки длилось час. Хозяину – и, если это случалось, его гостю – при-

ходило это время не дышать или дышать тихо: сбивать Виктора Андрониковича с мысли было не принято. Наконец, после деликатного покашливания хозяйина или сам по себе он замечал свою ошибку и, пробормотав извинения, медленно выходил. Никто и не думал сердиться на него: обстановка терпимости и благожелательности давно пропитала наш дом. Наоборот, в кругу друзей принято было считать, что ночные визиты его приносят удачу и даже небывалый взлет в личной жизни.

Приятен он всем нам был еще и потому, что виделся нам призраком и нашей милой старости в этом доме. Но жизнь распорядилась, увы, иначе. Тот уютный Дом творчества уплыл по волнам, и нам, вместо уютной старости в нем, выпало переживать вне его вторую, третью и четвертую творческую молодость, и сколько их еще предстоит – неизвестно.

АБРАМОВ

Резвость наша несколько утихла, когда в Дом творчества приехал

Абрамов. Его властные повадки, тяжелый взгляд исподлобья впечатляли.

Даже Глеб Горышин, главный редактор «Авроры» и член всяческих горкомов, признавался мне: «Намного тяжелее тут жизнь, когда Абрамов приезжает. Смотрит на тебя и словно не узнает: мол, это что еще за шантрапа тут?»

Я запомнил Абрамова со времен его опалы – все громы и парткомы обрушились на него после публикации очерка «Вокруг да около». Все происходящее там и смелое решение председателя – дать колхозникам денег, чтобы они вышли убирать гниущее сено, сейчас кажется естественным и даже не революционным, но это потому, что мы плохо уже помним гнет той эпохи, когда нельзя было слова сказать и шагу

шагнуть без разрешения. Мы уже делали любые шаги и писали любые слова, потому что никак не соприкасались с властью и могли все, – но много ли это стоило? А Абрамов сделал свой шаг у власти на виду, зная, что на него она пристально смотрит, и свое независимое слово сказал. В этом, конечно, было больше смелости и силы, чем в нашем веселом зубоскальстве, нашей жанровой и сюжетной смелости, поскольку все это касалось только нас. Свои легкие ялики мы могли направлять куда нам угодно, а попытаться повернуть государственный штурвал, как это сделал Абрамов, – другое дело. Государственную мощь мы уже почти не ощущали, жили каждый своим хозяйством, но что где-то там, наверху (хотя для нас это вовсе не было верхом), идет титаническая работа и титаническая борьба, можно было понять, глядя на Абрамова.

Помню, я столкнулся с ним на Большом проспекте Петроградской – маленький, косолапый, довольно сильно выпивший, он шел сквозь толпу словно специально напролом, то и дело налетая на встречных. Это было как раз в дни главных его неприятностей, и он словно продолжал сражаться и тут. Он смело врезался в огромного амбала, тоже весьма нетрезвого. Тот раскрыл было пасть, чтоб соответственно среагировать, но Абрамов снизу глянул на него из-под косо свисающей пряди, и тот, понятия не имея, кто перед ним, отступил.

Отступили и власти. В то время, когда Абрамов стал ездить в Комарово, он был уже в силе и фаворе. Штурвал страны с ржавым скрипом повернулся, и Абрамов приложил к этому руку. Те слова, за которые он пострадал, теперь легко и вполне безответственно звучали с трибун партийных съездов. Но Абрамов, зная их и себя, жил по-прежнему в напряжении, и его

тяжелый взгляд означал прежде: «А кто ты такой? Не враг ли?» Впрочем, и особых друзей у него тоже не было. Не было никого, кто прошел бы такой же путь и с кем ему можно было бы говорить на равных. Что знали мы о Смерше (военной контрразведке), где он оказался, попав на фронт уже из университета, что знали о советских порядках в университете, где проходили погромы, и, главное, что знали о нашей несчастной северной деревне – кроме того, что он написал в своих романах? Оттуда, кстати, тоже шла напряженность – некоторые земляки, узнав в романах себя, обижались и даже писали жалобы. Дети советской власти, они не привыкли к той остроте и откровенности, которую Абрамов вернул нашей литературе.

«Столб воздуха», который давил на Абрамова, раздавил бы любого другого – но не его. Его «ершистость» во всем и упрямая сила в главном всегда были при нем. Даже, войдя в пустую столовую Дома творчества, где еще не было никого, ты уже чувствовал Абрамова. Все наши места за столами были абсолютно неразличимы – одинаковые салфетки, приборы, мы и тут не решались особенно выделяться. Там, где обедал Абрамов, сияла тусклым светом бутылка коньяка. Конечно, почти все мы любили выпить и перед обедом обычно пропускали по полстакана, но тайно, в номерах, – а вот так открыто поставить бутылку на стол и даже не убирать ее, когда уходишь, мог только он.

Его сила, упрямство, власть проявлялись во всем, в том числе и в этом. «А что? Не могу выпить перед обедом? Обязательно (он говорил на «о») прятаться должен?» Никто из нас не решился бы оставить бутылку. Даже официантка могла бы к нам придаться: «Запрещено!» А если бы кто-то из нас и решился оставить бутылку, то ее могли, например,

выпить веселые друзья и для смеха налить туда чаю – каждый из нас живет в той жизни, которую создал. Бутылка же Абрамова стояла незыблемо, и никто не смел даже прикоснуться к ней. Этот его «скипетр власти» я помню очень ясно, и что значит – Абрамов, можно было почувствовать сразу.

При этом он был начисто лишен чванства, которым вполне владели разные облеченные властью, теперь вполне забытые писатели. Он подчеркивал свой народный говорок, простоватость, крестьянское озорство.

– Ну что, прошвырнемся после обеда? – подходил он к тому, кого любил.

И выбирал он достойных людей очень точно, снайперски, вне всякой зависимости от чинов, возраста, национальности, так что все разговоры о его заскоках, выходах, нападках чаще всего несправедливы. Другое дело – к драке он всегда был готов, причем тоже с любым, вне всякой зависимости от чинов, возраста, национальности, поэтому разговоры о его неуживчивости имеют основания. Когда он, со второй уже попытки, получил наконец Государственную премию, он радовался, но тоже по-своему: «Вот теперь я могу шумнуть!» Дрался он не всегда по самому важному поводу, иногда сцеплялся с властями по вопросам второстепенным, квартирным, например, – но характер человека всегда при нем, от него не отделаешься.

Но все, кому посчастливилось «прошвырнуться» с Абрамовым (обычно до зеленого обкомовского забора и обратно), вспоминают эти минуты как самые важные. Абрамов зря времени не тратил, говорил лишь самое веское и только то, что мог сказать один он. Теперь таких людей больше нет

РЫТХЭУ

Мои успехи в литературном мире я меряю тем, как ко мне относился Юрий Рыхтэу. Его не

проведешь! Было время, когда он казался недоступным, мелькал в самой престижной советской «обойме», при этом был абсолютно неповторим. «Значит, можно в любое время, и даже в советское, достичь успеха и полностью сохранить индивидуальность?» – думал я, любуясь его раскосым, азиатским, и тут же холеным и интеллектуальным обликом. Первый раз я любовался им вблизи на его литфондовской даче, которая среди прочих казенных дач выделялась благоустройством: телефон, отопление, ковры, картины – и все это сделал хитрый, улыбчивый и всегда успешный сын Чукотки. На дачу я попал с его сыном Серегой, с которым был в те далекие годы дружен.

Рытхэу был лишен чванства, присущего многим литературным тузам, и общался просто, с улыбкой. Но как бы насмешливые его истории из собственной жизни ясно показывали всем нам: вот как делается имя, успех, как индивидуальность становится знаковой и ценится на самом верху именно благодаря своей неповторимости. Экзотическую, небывалую жизнь Чукотки он нес как главный дар, который просто обязаны были принимать на любом уровне: вот какая у нас бескрайняя, богатая, разнообразная страна! Попробовал бы самый высокий начальник вякнуть что-нибудь против этого! И Рытхэу прекрасно чувствовал свой победный шанс и весьма неглупо его использовал. Одно его появление на каком-нибудь съезде, декаде, докладе вызывало радостное оживление даже у начальства. Раз чукотский писатель Рытхэу здесь, улыбчивый, элегантный, известный, – значит, национальная политика нашего государства успешна: вот оно, яркое, элегантное, улыбчивое доказательство. Для успеха надо каждому иметь свою «Чукотку». Но не каждому повезло там родиться, да потом – еще вы-

живи в ней и прославься! Надо сказать, что Рытхэу обладал еще одним симпатичным свойством – выданный ему властью аванс он использовал до упора, жил в фаворе – и «на грани фола», гениально чувствуя эту грань, время от времени рискуя ее перейти. Этот «баланс на канате» постоянно притягивал к нему взгляды. Рытхэу понимал, что рискует, но при этом знал, что именно таких и любят коллеги и, как ни странно, даже начальство. Да и самому приятно, когда видишь свою силу и удаль. В слегка сиплом его говоре kloкотал гортанный отзвук его родного языка – и, как ни странно, с таким оттенком русская речь особенно обворожительна.

«...Писательский съезд. Открывает сам Михалков. Зачитывает повестку дня. Первый пункт – «Писатель и пятилетка». Какие мнения на этот счет?

Зал молчит. Какие могут быть мнения? Единогласно. Какие же еще?

А я пьяный был, поднимаю руку:

– У меня поправка.

Зал поворачивается, все заранее уже улыбаются.

– Что это за постанoвка вопроса – «Писатель и пятилетка»? – говорю.

– Надо шире ставить вопрос – «Писатель и вечность!»

Все смеются. Михалков улыбается:

– О в-вечности мы позже поговорим, во время банкета. У вас все, Юрий Сергеич? Спасибо!»

Молодец! – думаю я, представляя ситуацию, хотя ни на каких съездах тогда еще не был, предпочитая свободу. Но глоток свободы особенно ценен именно там – здесь я со свободой своей просто не знаю, что делать и куда ее деть. А вот там она дорого стоит! И хитрый Рытхэу знает это. Настроение в зале стало приятным, народ оживился – теперь они могут выдержать и полуторачасовой доклад! Сам Михалков

наверняка ему благодарен – без «оживления в зале» что за съезд? Мы же нормальные люди, не «винтики», в конце концов, – и за чувство это все благодарны Рытхэу. Кто ж не знает его! Он такой!

И благодаря этому он не растворился, не стерся до сих пор.

«Приехали в Баку на декаду Азербайджана, и я сразу же стал пить, с утра до вечера».

Еще одна сочная деталь чукотского колорита – приверженность к пьянству. Но хитрый Рытхэу и это использовал – к пьянству у нас, вплоть до самых верхов, относятся с добродушной симпатией. Мысль такова: если человек сильно пьет, навряд ли у него хватит сил на подстрекательскую деятельность. Пьян – значит, наш! А Рытхэу, он такой – он уж жадно выпьет всю отпущенную свободу до конца, да еще по дoньшку постучит.

«Там был такой Темкин – заведовал дружбой народов. Говорит мне: «Вот такой, Юрий Сергеевич, вы мне не нужны! Я куплю вам билет на поезд!»

Я, конечно, загрустил. В Баку нас хорошо принимали! Уныло сижу.

Открывается заседание. И вдруг в зал входит Рашидов, первый секретарь компартии ЦК Узбекистана. Он тоже писатель был. Романы его популярны были. Мы, конечно, знакомы были с ним, но не настолько уж.

Но тут я понял – мой последний шанс. Встаю, подхожу к нему:

«Привет!» Обнимаю его, целую. Смотрит весь зал, застыв. Но тот сообразил, что вельможей негоже показывать себя: тоже обнимает, целует: «Привет, Юра! Как дела?» Поговорили, и он в президиум пошел.

Прихожу в гостиницу – у меня на столе записка: «По всем вопросам, интересующим Вас, звоните по телефону такому-то. Номер машины, закрепленный за Вами, такой-то». Звоню. Говорю:

«Хочу на рынок поехать!» – «Хорошо, спускайтесь. Машина через пять минут подойдет».

Выхожу – там Темкин стоит, на остановке автобуса. Говорю ему: «Может быть, подвезти?»

Везут меня на рынок, потом в ресторан, директор встречает с поклоном... Но вскоре устал я от этих почестей, захотелось нормально пожить. А в гостинице завтракал я вместе с Кириллом Лавровым. Говорю ему: «Как бы тут вечер нормально провести? Ваши спектакли я уже видел!» Кирилл мне ехидно отвечает: «Ты можешь отлично время провести и не выходя из номера. Сегодня по телевизору «Ленин в

Октябре», дублированный, кстати, на азербайджанский!»

Рытхэу смеется слегка дребезжащим смехом. Ничего особенного вроде и не рассказал – а все на месте! И почтение, и связи, и вольнолюбивый характер! Вот вам урок, юнцы, как надо ставить себя, независимо от времени! В любые времена можно шестеркой записаться, а можно тузом!

Но имя тогда в значительной степени делалось и книгами, хотя имидж, конечно же, многое определял. Неповторимая жизнь Чукотки, тяжелая, отчаянная, полная опасностей, приключений, впечатлений, колоритных героев, небывалых нравов (и даже небывалой сексуальной раскрепощенности, неизвестной у нас), завораживала читателя. Но как национальная особенность, неизбежный местный колорит, все это проходило. Как и у другого лукавого простака, всеми любимого Фазиля Искандера, друга Рытхэу, который также открыл, что как «национальный обычай» в нашей многонациональной стране проходит многое, что бы иначе никогда не прошло. И так они с Фазилом резвились, при их европейском и даже мировом масштабе изображая несмышленных дикарей, которые просто

не понимают по своей дикости и необразованности, что можно, а что нельзя. Все понимали их эту высокоинтеллектуальную игру. Читатели радовались таким «лазейкам свободы», начальники тоже были не дураки и тоже радовались: если у ребят так здорово получается – так слава богу, хоть будет что почитать.

Зануды порой попрекают Рытхэу, что раньше все у него в книгах было по-советски, а теперь все наоборот. Так ведь и сама жизнь переменялась! И надо в любой жизни лучшее видеть. Ну а потом, советская власть на Чукотке – все равно что советская власть на Луне. Все в основном определяется местным колоритом – там чукотский миф побеждает советский. За эту победу его всегда и любили.

Рытхэу слит со своими книгами. Миф Рытхэу ярок и устойчив и настолько колоритен, что интересен везде. Даже в Швейцарии, где Рытхэу стал вдруг бешено издаваться, когда наши новые книжные менеджеры решили выкинуть всю прежнюю литературу и сажать прутьики на месте прежнего леса.

Да, Рытхэу знал законы успеха в советское время. Кто-то занудливо-честный это осудит. Но кому он нужен и в какую эпоху? А Рытхэу и сейчас читают – и не только у нас, но и в мире.

Один из мифов о нем: ветер вырвал у него из рук ведро и унес через пролив в Америку, на Аляску. А потом Юра приехал на Аляску как известный писатель и спросил: «Ведро тут мое не пролетало?» История простецкая, насмешливо дурацкая, в его стиле, а суть, как всегда, хитрая, но глубокая – не про ведро, а про мировое признание.

Рассказывал это сам Юра – или уже рассказывают как созданный, но очень точный миф? Второе даже лучше: когда пересказывают из уст в уста мифы о писателе – он точно есть.

Вспоминаю его семидесятипятилетие в 2005 году, с танцующими чукотскими красавицами, с приветствием губернатора. И тогда Юра был на коне (или на северном олене). И тогда знал хитрый чукча, как, прищурившись, зверя на богатую шапку себе добыть.

Как-то осенью того же года мы встретились с ним среди большого стечения народа в Казанском соборе на отпевании легендарной директрисы Дома книги Самохваловой. После смерти своей любимой жены Гали Юра погрузился. Раньше не замечал я у него склонности ходить на похороны. А тут он отстоял всю службу, и даже в слезах.

Когда мы вышли из храма на Божий свет, Юра стал уговаривать нас со Штемлером пойти выпить. «Бог знает, когда встретимся еще?» И, проникнувшись этим, мы отставили все дела. Мы пошли по каналу Грибоедова в сторону огромного и яркого Спаса на Крови, отражавшегося вместе с синим небом в тихой воде канала. Был ясный, солнечный, прохладный осенний день. Мы вошли в ресторан на краю Михайловского сада. За большим окном торчали желтые и красные листья.

– Как я любил свою Галю! – произнес Рытхэу, поднимая рюмку. – Давайте за нее.

Мы выпили, помолчали.

– Чего я только не вытворял! – произнес Юра. – Но все равно – она всегда была самая главная. Однажды я совсем по черному запил. Она говорит мне: «Ну все, я ухожу от тебя! Ты ведь этого добивался?»

Ушла. Я поспал. Потом проснулся. Страшно хотелось пить. Я стал кричать: «Галя! Галя!» Тишина! Нет ее! Я поднялся с трудом. Дошел, шатаясь, до кухни. Поел борща. Замечательный она варила борщ! Сразу какие-то силы появились. Пошел, опять лег. Долго лежал. Но не спал.

Потом вдруг слышу – скрипит замок. Галя вернулась! Подошла ко мне.

Наклонилась в темноте: «Ну, ты жив?» – «Жив, жив!» Обнялись... Она потом всегда после этого гладила меня по голове и говорила:

«Молодец, молодец!»

Он помолчал, удерживая слезы. Золотые листья сияли на синем небе.

– ...Когда она умерла, мне городское начальство говорит: «На комаровском писательском кладбище не можем ее похоронить!» Говорю:

«Так я сам хочу с нею лечь. Я-то достоин этого места?» Отвечают какую-то ерунду, типа: «Ну что вы, Юрий Сергеич! Живите вечно!»

Хорошо! – Юра улыбнулся хищной улыбкой охотника. – Звоню Абрамовичу.

– Губернатору Чукотки?

Юра кивнул.

– Когда мы общались с ним на Чукотке, он дал мне номер своего личного телефона: «Если что-то будет нужно...» По ерунде я, конечно, ему не звонил. Но тут уж думаю! Набираю номер. Он отвечает: «Алле».

Я говорю: «Здравствуйте, это Юрий Рытхэу». – «Здравствуйте, Юрий»

Сергеич! Слышал о постигшем вас несчастье. Примите мои соболезнования. Чем я могу вам помочь?» Рассказываю. «Хорошо, Юрий»

Сергеевич! Вам скоро перезвонят». Перезванивают через десять минут.

Причем – уже из Смольного! «Юрий Сергеевич! Разрешение получено!»

Хороните свою супругу на комаровском кладбище!» Что значит, когда двадцать миллиардов долларов звонят!

– Да, кстати! – встрепнулся Штемлер. – Насчет миллиардов! Тут я был в гостях у Эрика Райского – он тебя обожает, еще по

Магадану! Жаждет тебя увидеть!

– Так он здесь? – обрадовался Юра. – Мы с ним на Магадане встречались, он там главный строитель был, аэропорт строил! Так он здесь?

– Давно уже! Все дороги у нас строит! Теперь это уже частная его компания. Отличный дом у него за городом. Поехали? – воскликнул горячий Штемлер.

– Когда? – Рытхэу обрадовался, сиял: каких поклонников и друзей заимел он благодаря замечательной своей жизни!

Стали звонить, но не дозвонились.

Юра явно взбодрился. Надменно повел рукой, приглашая официантку:

– Все, что было, повторить!

Это относилось лишь к этой трапезе... Но вообще – все, что было, повторить было бы неплохо!

Потом я узнал: Рытхэу пригласил Штемлера в гости на Чукотку. Завидовал им!

АРРО

Я был оптимист-неудачник, он удачник-пессимист. Мы дополняли друг друга и, может быть, поэтому подружились. Прежде мы виделись мельком в Доме писателя, но лишь на суровых купчинских просторах выросла и окрепла наша дружба.

Помню, была ранняя весна и мы шли на условленную встречу друг с другом через снежный купчинский пустырь. Издалека уже мы махали друг другу, но до самой встречи нужно было еще идти и идти! Огибать пустырь по периметру не хватило терпения – и мы рванули друг к другу по диагонали, по снежной целине. Последние метры мы уже бежали, проваливаясь по колено. Мы сняли шапки, и от голов валил пар! К тому же мы оба оказались в солдатских тулупах мехом внутрь, купленных по случаю, и расстегнули их. И, наконец, почти падая, мы обнялись.

Тяжело дыша, разглядывали друг друга, словно не виделись вечность.

– Мы с тобой встретились, как представители двух фронтов, Волховского и Ленинградского, при прорыве блокады! – держа меня за рукав, улыбнулся Володя. Он, как и сейчас, впрочем, был подтянут, сух, слегка даже костляв. На его четко очерченном лице улыбка раздвигала глубокие складки по углам рта. Он был тут в блокаду, поэтому мог так говорить.

Он был тогда детским писателем. Странно звучит слово «был». Но Арро всегда, решив начать новую жизнь, решительно отбрасывает старую.

Оказавшись с ним на пустыре новой жизни, когда все, что было, исчезло, мы о старой вспоминали чуть-чуть. От Арро всегда исходит уверенность, что новая жизнь будет значительно лучше старой, а ушедшую не стоит и вспоминать. Хотя у него там было немало. Он знал еще довоенный питерский двор, помнил блокаду со всеми ее ужасами, потом эвакуацию на Урал, потом была учеба, учительство на Урале, возвращение в Ленинград. Помимо того, его эстонские корни разрастались, плодоносили – он знал огромное количество эстонских родственников, друзей. Он все время что-то изобретал дополнительное к основной своей жизни – то подолгу жил у друзей в Средней Азии, то покупал дом под Суздалем, в прекрасном месте у знаменитой церкви на реке Нерль, то жил на эстонском хуторе. Обо всем этом он написал груды книг, которые были любимы, переиздаваемы, – казалось бы, живи, отдыхай. Но неукротимый дух Арро гнал его дальше. Во времена глухого застоя, когда, казалось, все застыло навеки, он удивительно чуял, что «детская лавочка» скоро закроется и надо срочно что-то изобретать. Никакого политического чутья у меня

не было, но я тоже испытывал беспокойство. Лихая юность иссякла, отлилась в несколько книг – впереди стояло какое-то облако, в которое надо было входить.

Но – кем входить? Объединяла нас с Арро забота о судьбах наших детей, на которых духовный вакуум пустыря повлиял ужасающе. Мы-то с ним повидали еще кое-что, а дети росли вдруг такими, словно, кроме этой пустыни, не было ничего.

В нашем Союзе писателей смена руководства произошла особенно резко, «контрастно». Бывший партийный выдвиженец, весьма скромный, хоть и неплохой поэт Анатолий Чепуров, и в жизни ничем не выдающийся (кроме порядочности и доброты, что немало), был заменен волей писателей на яркого демократа, победившего в острой борьбе с силами реакции, с партией и КГБ, сколько те ни старались сделать по-своему. Даже в его фамилии – Арро – было что-то дерзкое, невозможное прежде. Володя стал одним из самых знаменитых людей в Питере – вместе с Анатолием Собчаком, который сделал то же самое, но в масштабе всего города. Мы победили – и победили благодаря им! Арро вместе с другими победителями избрали в обновленный Ленсовет. Зрелище было небывалое: в зале Мариинского дворца на Исаакиевской площади, который прежде был заполнен безликими партийцами, теперь мелькали бороды, свитера, джинсы. Наши пришли! Ликование тогда охватило весь город – радовались даже старички и старушки: выгнали наконец-то коммунистов-мучителей. Заседания в Ленсовете шли долгие, бурные.

Арро озабоченно делился со мной: слишком много страстей, разговоров.

Все хотят выговориться после долгого молчания. А до дела все никак не доходит! Впрочем, делом пока и не пахнет. Все

рычаги управления городом по-прежнему в Смольном. Коммунисты помалкивают, а сами тихо продолжают рулить. Ежегодная сводка по городу, как и раньше, ложится на стол первому секретарю обкома Гидаспову, а не Собчаку.

Никто из наших не знал, как руководить городом, хотя амбиции были у всех, и чем меньше было умения, тем больше амбиций. Володя выходил из Мариинского дворца измотанный, но гордый. Он знал, что делает историю, правда, не догадывался, что это будет так тяжело. Таковую махину предстояло повернуть на другой курс – корабль трудно поворачивать, а тут город должен прекратить прежнюю жизнь и начать новую, неизвестную. Помню время, когда город оказался без продуктов – старые каналы были отменены, а новых не было. Собчак делал невероятное, заключал договоры за границей, находил резервы еды чуть ли не в армии. Надо сказать, что эти новые трудности люди в ту пору воспринимали бодро, совсем не так, как постылые и уже надоевшие советские проблемы, – тут проблемы были наши, перестроечные, к тому же временные. Город радостно гудел. Да, не все гладко происходит! А ты как хотел? Володя работал в команде Собчака вместе с другими лидерами культуры, любимцами муз. Вместе с композитором Андреем Петровым они придумали Координационный совет творческих союзов.

Теперь деятели культуры держались кучно, выступали сообща, бились за свое.

– Вчера с Андреем Павловичем в «Астории» хорошо посидели – потом приехал его зять на машине, нас развез, – рассказывал Вова.

То было неповторимое время: город был наш, мы сами решали его судьбу. Кипели споры: какое ему вернуть имя – Петроград или

Петербург? Где хоронить останки Николая и его семьи? От таких тем кружились головы – раньше такое невозможно было произвести вслух!

Арро был замечательным руководителем – он точно и вовремя чувствовал, что можно и нужно теперь делать, чего раньше было делать нельзя. У нас в Доме писателя замелькали иностранные твидовые пиджаки, задымили нежнейшим медовым ароматом «трубки мира».

Готовилось небывалое событие – писательский круиз стран Балтийского моря! Огромный, добродушный, раскованный руководитель шведского Союза писателей Питер Курман, один из организаторов этой затеи с их стороны, показал всем нам, как делаются нынче дела – уверенно, быстро, с размахом! Нужно было решить уйму вопросов – куда плыть, на чем, за какие деньги. У Арро сразу нашлись толковые, цепкие помощники – Дмитрий Каралис, Михаил Глинка, Александр Житинский.

Несколько раз они сплавали в Швецию на комфортабельнейшем пароме «Силия Лайн», в Стокгольм, и там легко все решили.

И вот участники заплыва съехались на борт теплохода «Константин Симонов», стоявшего у причала Морского вокзала в Гавани. Мы сели ужинать в ресторане, и тут пейзаж за окнами «поплыл» – мы отчалили!

То замечательное плавание – одно из самых лучших впечатлений жизни.

Мы неслись по волнам, одновременно в салонах и гостиных корабля шли семинары, диспуты, выступления. Никогда раньше мы не видели столько иностранных коллег сразу – румяные тучные финны, крепкие стройные шведы, голубоглазые норвежки. И все любили нас, вырвавшихся на свободу, – мы обнимались, выпивали, спорили, откуда-то вдруг вспом-

нив забытый со школьных времен английский. Гуляли по Гамбургу, Копенгагену, Стокгольму, потом возвращались на родной корабль, потом чуть не всю ночь отплясывали с нашими новыми друзьями под дикие вопли замечательного ансамбля «Два самолета», приглашенного в плавание Житинским. Утром выходили на палубу, смотрели на волны. Мы мчались к свободе, к нормальной жизни, к равноправию, дружбе и любви со всеми нормальными народами и странами. Стоило все это затевать, все то, что так изменило нашу жизнь. И Володя Арро был в центре этой жизни, деловито сидел в компании руководителей делегаций, решал сложные возникающие вопросы, которых я в упоении не замечал.

Разговоры со скандинавами – всегда благожелательными, великолепными, улыбающимися – были, если честно признаться, не так легки.

Разговаривая с тобой, они все время поглядывали куда-то тебе за спину, словно искали кого-то настоящего, а с тобой разговаривали как бы автоматически, ожидая нормального разговора с кем-то другим. Ну да, они общались между собой уже давно, знали самое важное, о чем надо им говорить, – а с нами разговаривали лишь поощрительно, из желания помочь, из столь рас пространенной у них там политкорректности, холодное сияние которой мы только начинали тут постигать. Это ощущение неприкаянности, нашего несоответствия мировым стандартам, до которых мы вот так, с разбегу, норовили допрыгнуть, угнетало ужасно. И, разумеется, разговоры шли не на русском – любя нас, они почему-то «великий и могучий» осваивать не спешили, предпочитая английский. Поэтому, после долгого этого напряжения услышав вдруг где-то русскую речь, я радостно кидался туда... и нарывался. Странная

компания, до моего радостного появления ну точно говорившая по-русски, вдруг мгновенно забывала наши звуки. Все с холодным изумлением смотрели на меня. Что это за друг явился к ним? (Ничего общего!) Латыши, литовцы, эстонцы, грузины, все наши бывшие «братья» общались между собой на «русском имперском» – а на каком же еще? Им он для душевной беседы годился вполне. Но разговаривать на русском языке с русским? Позор! Свобода, за которую и мы, русские, боролись и страдали, «отблагодарила» нас.

Русский народ, как и все «тюремное братство народов», полагалось забыть. А нам-то казалось, что мы так проникновенно выпивали с эстонцами, так лихо гуляли вместе с грузинами. Русскому языку шел акцент. Омываемый по берегам акцентами, русский становился богаче, где надо – точнее, где надо – смешнее. «О! Це дило!» – так восклицали мы, когда были в веселом настроении. «Слушай, дарагой!» – стараясь расшевелить хмурого собеседника, мы переходили на грузинский акцент. «Ет-то ошень то-ро-ко!» – мы подражали нашим экономным друзьям-эстонцам, и, как нам казалось, это было приятно и нам, и им. Нам казалось, что мы любим наших соседей, а они нас...

Оказалось – вырвано с корнем! Если у кого-то и остались прежние позорные чувства, то их полагалось скрывать. На всех этих коллоквиумах и диспутах мы, как «оккупанты», получили от прежних друзей «по полной». Все выступления наших бывших «братьев», так уютно общавшихся между собой по-русски, делались только на английском. Получи, Ваня, за свою имперскую политику! Я тоже сделал свой доклад на английском – безусловно, самый паршивый в моей жизни: все умственные силы ушли на инфинитивы и герундии. Кончился наш век.

Я лишь злорадно заметил, что и английские доклады бывших наших братьев сделаны на пределе их возможностей в этой области и были значительно хуже, чем принято на таких встречах. Изъятие «русского имперского» им нелегко далось. С русского ствола их листочки отлетели, а попытки прилепиться к английскому стволу были жалкими.

Одно лишь знание герундиев культуры не создает. На английском дереве выросла могучая, но не наша культура, а наша выросла на дереве русском! Но теперь такого оглушительного успеха, какой имели, скажем, грузины или эстонцы в переводе на русский, им не видать. На русском дереве выросло много листьев-культур. Самых разных, и на нем они поднялись высоко и стали видны всем... теперь, отлетев, эти листочки увяли. Им теперь и друг друга не видать – раньше они читали соседей в переводе на русский, также как и всю мировую литературу. Как теперь грузины прочтут латышей, латыши – венгров? Но это их почему-то не беспокоило. Главное – отделиться!

Даже совсем вроде близкие наши друзья-украинцы вдруг возненавидели нас.

«Москали нас душили всегда!» – это откровение, прозвучавшее на дискуссии в главном салоне корабля, да еще высказанное на украинском (по-русски балакать не желали!), подкосило нас.

И это и есть та свобода, за которую мы так страстно боролись? Когда я высказал это Арро, он посмотрел на меня с досадой.

– Вечно ты, Попович, все путаешь, за мелочами не видишь главного! – проворчал он.

Наше взаимодействие с западными партнерами как бы росло. В каком-то порту они даже подарили нашему Союзу несколько компьютеров – до того никогда никаких компьютеров у нас не было. И Арро имел полное право

гордиться: выходим наконец-то из нашего дохлого угла на мировой уровень. А тут этот Попович со своими глупостями прет, всегда не то видит!

Ну, а не кажется ли ему, бурчал я, что наши могущественные западные друзья довольны, что эстонцы теперь против нас, а грузины уже не только против нас, но и с абхазами за один стол не садятся? Теряем мы – или больше находим? Но поговорить на эти душераздирающие темы нам с Володей тогда не удалось – он должен был излучать уверенность и ясность, а я лишь воду мутил!

Вынужденную отчужденность на корабле мы восстановили потом в нашем Купчино, выпивая на наших тесных кухоньках, – тут можно было душу открыть.

Но в руководящем своем кабинете Володя был непоколебим, все наши кухонные колебания он отметал. И был прав: руководитель должен уверенно всех вести вперед. Не назад же? Шел лютей бой между нашими и ихними. Врагом нашим был чекистско-коммунистическо-православный Союз писателей России, точнее – руководство его, свившее свое гнездышко еще в пучинах застоя в бывшем барском особняке на теперешнем Комсомольском. Наш Союз, преобразившийся слишком внезапно для них и руководимый людьми отнюдь не из их номенклатуры, бесил их.

Сюда зачастили всякие ихние литературные вожди, пытавшиеся властно нас ставить на место, – и Володя жестко и четко отвечал им. Кто бы подумать мог, что их окажется так много, и, главное, что и их рядовые писательские массы тоже не одобряют новых перемен! Помню совершенно жуткий Шестой писательский

съезд в конструктивистском, в форме пятиконечной звезды, здании Театра Советской Армии в Москве, когда мы сидели, как в бурю на островке, среди злобно ревущего зала.

Вот, оказывается, каковы они, писательские массы! Более того, даже под кровом нашего Дома обнаружили недовольные, почему-то не верившие, что изменения приведут к лучшему. Пахло расколом.

Володя был прям и тверд. И выдерживал это напряжение довольно долго.

Не выдержал он тогда, когда и среди ближайших сподвижников нашлись недовольные. Оказалось, что принадлежность к прогрессивной партии вовсе не дает гарантий человеческого совершенства, оказалось, что и в наших рядах все непросто. Наш столбовой путь все больше разветвлялся на какие-то запутанные тропки, порой ведущие не вперед, а назад. Даже наши ближайшие союзники в Москве вдруг раскалывались на конкурирующие группы, делили дачи и чины, хотя чины уже не имели того веса, что раньше. Наши левые друзья становились крайне левыми и, чтобы победить своих соперников, бывших друзей, просто левых, неожиданно соединялись с крайне правыми, ушедшими от обычных правых, и т. д. Голова шла кругом. Но Володя требовал от своих помощников и от меня прежней четкости, активности, делал вид, что все идет по плану. Я защищался от наступившей ахинеи привычным способом – сидел с честно открытыми глазами, но думал о другом. Если все это переживать с прежней силой – пропадешь. Порой я вдруг внезапно зевал.

– Попович! Ну ты прям... какой-то митек! – восклицал Вова.

Резкого осуждения очередных наших право-лево-правых уклонистов, которые в очередной раз перевернули все наши святыни даже хуже, чем наши противники, о чем следовало немедленно написать им гневное письмо, – такого у меня не получалось. Увы, как и раньше, понял я вдруг, все зависит от качеств отдельных людей, а не от каких-то спасительных перемен. Вова сердился на меня – я как бы подрывал устои его официальной веры, но расставаться мы и не думали: с кем же еще можно было поговорить неофициально, по душам, в выходной день – о том, что творится на самом деле? Я очень дорожил Володиной дружбой: он ведь все делал правильно, правильно шел, – а, чтобы кому откровенно сказать, как все сложно, был я.

Все передовое тогда яростно сражалось с привилегиями. За это и поднялись мы на бой. Однако в исчезнувшем государстве кой-какие механизмы еще тикали. К примеру, на Союз писателей еще выделялись дефицитные автомобили, и Володя захотел купить себе машину, как блокадник. Соперники тут же обрушились на него: мы боролись за отмену привилегий, а ты что ж? В результате машину ты купил один из ближайших Володиных единомышленников, купил честно и даже с гордостью, поскольку никаких привилегий не имел! Мы с Володей от души тогда напились. И дело вовсе не в машине, а... Ладно. Друзья все-таки лучше единомышленников, поскольку рядом с тобой всегда.

И когда мы в последний раз встретились с ним в немецком городе Майнце, где он теперь живет, – поняли в очередной раз, что любим друг друга не за заслуги, а просто так.

В НАШЕЙ стране люди науки окружены особым вниманием. Советское государство проявляет неустанную заботу об улучшении быта ученых.

Недавно по решению правительства в живописной местности Келломяки на Карельском перешейке развернулось строительство дачного поселка для академиков. Здесь, на лесной поляне среди многолетних сосен и елей, будет сооружено 24 красивых одноэтажных дома.

Дачи зимнего типа. Каждая из них предназначена для одной семьи. Помимо жилых комнат, здесь будут ванная, кухня, гараж, приусадебный участок для огорода и сада.

В тщательно отделанных помещениях — водопровод, канализация, электричество, телефон.

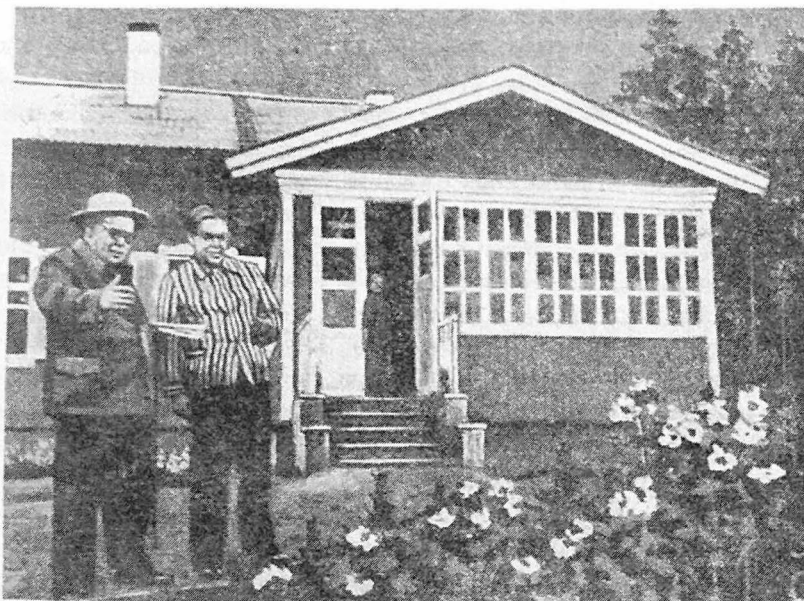
Постройка домов первой очереди уже закончена.

На снимке: общий вид дачи

Фото С. Кропачникова (ЛейТАСС)
 Публикация
 terijoki.spb.ru

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД

Суббота, 24 июля 1948 г., № 173 (13)

На ПОБЕРЕЖЬЕ Финского залива в Келломяках построен дачный поселок академиков. В основном берегу расположены небольшие домики из шести комнат с двумя верандами. Вокруг разбиты цветники. При каждой даче индивидуальны гараж.

В поселке оборудованы водопровод, канализация, имеется электрическое освещение.

В Келломяках уже поселились 24 академика. Здесь отдыхает автор известных исследований по славяноведению и истории славян лауреат Сталинской премии академик Н. С. Державин. Рядом — дача выдающегося математика лауреата Сталинской премии академика В. И. Смирнова.

В дачном поселке проведет свой отпуск президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг, крупнейший ученый в области физической химии и химии силикатов академик И. В. Гребенников, один из виднейших специалистов горного дела академик А. П. Геряев и другие.

В ближайшее время в поселке начнется строительство еще нескольких дач.

На снимке: академик Н. С. Державин и его сын профессор К. Н. Державин на даче в Келломяках
 Фото Б. Уткина

Вырезки из газет разных лет о Комарове

Комаровский период Анны Ахматовой

РОМАН ГЕННАДЬЕВИЧ КРУГЛОВ

кандидат искусствоведения, доцент,
секретарь Союза писателей России,

поэт, писатель, переводчик, критик, исследователь искусства

Во второй половине пятидесятих годов к Анне Ахматовой пришла самая громкая прижизненная слава, ее литературные достижения были широко признаны как в России, так и за рубежом. Именно в тот период она поселилась в Комарово – сначала в Доме творчества писателей на Кавалерийской улице, а потом на даче в переулке Осипенко – в первой писательской даче в поселке. Здесь она похоронена, благодаря чему поселковое кладбище стало некрополем деятелей культуры.

Поздний период творчества Ахматовой можно назвать комаровским. В Комарово она писала стихи и переводила, продолжала изучать наследие Пушкина, принимала гостей – как старых друзей, так и начинающих литераторов – нынешних литературных аксакалов, таких как Евгений Рейн, Глеб Горбовский, Иосиф Бродский и другие.

Почти каждый крупный поэт XX столетия, отражая свою жизнь в слове, создавал автобиографический миф, свою историю среди потрясений эпохи. Это относится и к Ахматовой. В Комарово она дописывала свой миф, завершала начатое, подводила итоги, придавала ему законченную форму, смиряясь с собой и жизнью: «Так мой старый друг, мой верный Север / Утешал меня, как только мог». Позднее творчество – более зрелое, а значит, более глубокое, достигшее наибольшей концентрации личности (опыта), и в то же время – отстраненное, надличностное, обращенное к жизни как таковой: «Здесь всё меня переживет, / Все, даже ветхие скворечни...».

Часто Ахматову интерпретируют как поэта серебряного века. В одной из автобиографий она сетовала на то, что некоторые комментаторы ограничивают ее творчество двадцатыми годами. Манера любовного дневника, присущая ранним стихотворениям Ахматовой, заслонила для

некоторых читателей ее индивидуальный голос, который, по ее собственной оценке, зазвучал полноценно позднее.

Фаина Раневская вспоминала о том, что Ахматова скептически относилась к своей ранней славе. Поэт и актриса познакомились во время войны в эвакуации в Ташкенте; на прогулке Раневскую узнали дети и стали преследовать с криками: «Муля, не нервируй меня». Ахматова ее утешала: «У меня тоже есть свои Мули», а в ответ на вопрос, какие у нее Мули, прочла «Сжала руки под темной вуалью...». Ахматова уже в сороковых годах воспринимала известность своих ранних стихов не без досады, как Раневская – свою знаменитую роль. Причина такого отношения понятна – Ахматова как крупный поэт XX века продолжала творить в тени собственной фигуры из века серебряного. Если Раневская свою досаду не скрывала, то Ахматова оценивала ситуацию с философским спокойствием.

Спустя более двадцати лет после ташкентской встречи, Раневская, навещая Ахматову на даче в Комарово, заставляла ее за работой. Однажды, увидев, что окна занавешены, она решила, что Ахматова спит, но та окликнула ее: «Нет, нет, входите, я слушаю музыку, в темноте лучше слышится». Вероятно, об этой музыке она написала в «Тайнах ремесла»: «...в этой бездне шёпо-

Анна Ахматова. 1960-е гг

тов и звонов, / Встаёт один, все победивший звук». Этот цикл и другие стихотворения комаровского периода говорят о том, что музыка не покидала ее до конца.

В ранних стихотворениях Ахматовой личностное начало тесно связано с миром вещей, материальной конкретностью эпохи, подкреплено взглядыванием в бытовые нюансы (перечисления неотъемлемы от петербургской традиции). В том, как поэт создаёт атмосферу, видно присущее акмеизму любование деталями: «Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки». Ахматова – женская сторона акмеизма, основного самобытного достижения русского поэтического модерна. Однако, как сказано ранее, сужать ее до периода цеха поэтов ошибочно. Акмеизм, в сущности, не был явлением, имевшим начало и конец – тут хронология расходится с онтологией. В начале столетия он аккумулировал в себе все наиболее конструктивное, что было в русской классике XIX столетия и серебряном веке и передал дальше (к примеру, в творчестве Арсения Тарковского).

Юрий Кузнецов говорил, что женская лирика – это или ахматовское рукоделие, или цветаевская истерика. Склонный к гром-

ким фразам и широким жестам, Кузнецов назвал рукоделием то, чем он сам, при всем его таланте, как следует не владел: логичность образной системы, точность, мера и вкус в каждом слове. Эти черты присущи типично петербургскому явлению – акмеизму; они видны и в позднейшей традиции, – к примеру, в творчестве Кушнера. Можно говорить об отличительных чертах петербургской литературы, однако ошибочно сужать ее значение до регионального (почти вся русская литература имперского периода – Пушкин, Гоголь, Достоевский – петербургская литература). Ахматова внесла свою лепту в развитие этой высокой традиции.

Если в ранней лирике Ахматовой преобладала предметная конкретность, провозглашенная Гумилевым как антитеза устаревшему символизму, то в стихотворениях комаровского периода прослеживается тенденция к широким обобщениям с элементами мистики. Так отражается стремление поэта непосредственно выразить смутное, неоформленное общее ощущение: «И все перламутром и яшмой горит, / Но света источник таинственно скрыт». Это свойственно и поздним любовным стихотворениям,

описывающим конкретные ситуации, к примеру, «Меж сосен метель присмирела...», «Красотка очень молода...».

Лирика, будучи по своей природе искусством камерным, показывает «взгляд изнутри». Возникая во внутренней речи лирического субъекта, смыслы непосредственно показывают душевные переживания человека. Однако индивидуальность такого взгляда обретает эстетическую ценность постольку, поскольку становится для читателя достоверным художественным открытием, близким ему. Кроме того, существуют и общие места, свойственные поэзии того или иного периода. Этим обуславливается роль поэзии для понимания состояния духовной культуры общества – выраженный поэтически личный опыт выходит за пределы личности. Искусство, не требующее специфического моторного навыка и материальных затрат, выражает интимные переживания, свойственные человеку той эпохи вообще, а не только автору. В комаровских стихотворениях Ахматова остается самой собой, концентрирует именно собственный опыт, делая его при этом общим достоянием – «На радость вам и мне».

Китайский мальчик Анны Ахматовой

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА КУДРЯВЦЕВА

прозаик, поэт, журналист, эссеист, литературный и арт-критик,
член Союза писателей России и Союза журналистов Санкт-Петербурга

«Всё бревенчато, дощато, гнуто. \ Полноценно цедится минута на часах песочных...»

Ахматова это как раз и написала. Правда, о другом доме. Этот не бревенчатый, хотя и деревянный, и дощатый. Зато как точно про долгую минуту! Сосны согласно кивали мне под дождём мохнатыми головами, слегка погудывая. Про сосны у Ахматовой тоже есть, и как раз про этих исполинов: «Здесь всё меня переживёт, \ Всё, даже ветхие скворешни...».

Я задрала голову, но скворешен не увидела. Ну, правильно, они и не могли случиться на соснах! Про сосны другое стихотворение, вот это: «И сосен розовое тело в закатный час отражено»...

Мне почему-то очень хотелось, чтобы всё было, как в её стихах.

Однако сосны стояли совсем мокрые, никакого тебе розового тела. Время от времени они слегка отряхивались, точно породистые доги. Весна задалась плаксивой. Капает и капает. Зато ветер с залива явно был в хорошем настроении. И сноровисто наяривал, подпрыгивая, словно юный лыжник. А вокруг царили безмолвие и простор. Пусть заборчик по периметру и тарашился, но вид имел несерьёзный. Смотрелся как декорация.

Пам-пам-пам! Торжественный миг: я стою на крыльце ахматовской Будки и сейчас туда войду. Сама бы себе не поверила, если б не допотопный ключ, зажатый в кулаке. От дачи №2 Литфонда. Той, где жила

Ахматова! И пусть полвека тому назад, это ничего не меняет. Полвека, век... Какая разница! У Бога нет категории времени. Есть пространство. Оно всегда кому-то принадлежит. Будка в Комарово – навечно вотчина Ахматовой.

Я открыла дверь и произнесла: «Здравствуйте, Анна Андреевна».

И услышала: «Мравалжамиер». Сдержанное гудение, но явно посильнее, чем у сосен. Словно жужжащий шмель влетел в окно.

Когда Ахматова ловила из космоса строки, она всегда «гудела» – общеизвестный факт! Но здесь-то что? Шмели в апреле ещё спят. Я подошла к окну, отодвинула штору. «Говорили, занавески свои привозите!». А тут уже висят... За шторой стоял гипсовый китайский мальчик, ростом с детскую ладошку. Он растягивал в кулачках эспандер, то ли в раздумье, то ли в улыбке. А взгляд был направлен вверх. Как у Ахматовой на поздних фотографиях. И щёчки у него были точь-в-точь как у неё в преклонных летах – два яблочка, – от них и глаза сужаются до щёлок.

Поворот винта.

– Мравалжамиер – это что?

– Дольгая лета.

– Откуда ты знаешь грузинский?

– Акума науцила. Книзек было много. Вслюх цитали.

– Ты, что, говорящий?

– Я поэтический...

И мальчик смущённо потупил глазки...

У меня ум зашёл за разум. Ахматова ведь, и правда, переводила

грузинских поэтов? Да она и китайских переводила. При полной нелюбви к переводу – Чуковская в своих Записках сей факт упоминает не раз. Неужели эта фигурка – ахматовская вещь? Которую Анна Андреевна в руках держала? Лет пятьдесят действительно прошло с тех пор. Ну, правильно, игрушка как раз в стиле 50-х. Мы тогда с Китаем дружили. Но даже если в 60-е уже и раздружили, игрушка вполне могла остаться! Мальчик-то изрядно потрёпан временем: чёрный чубчик облупился, вишнёвый цвет на губах и на ручках эспандера поблёк. Да, и одет он, как спортсмены в 50-е – их именно так и изображали. Майка и трусы, без всяких излишеств. У этого, правда, резной поясок вылеплен, так, чай, китайский физкультурник-то!

Хотя трудно даже вообразить, что Ахматова ходила по магазинам и покупала себе детские игрушки...

«И никакого розового детства... Веснушечек и мишек, и кудряшек, \ И добрых тётъ и страшных дядь, и даже \ Приятелей средь камешков речных. \ Себе самой я с самого начала \ То чьим-то сном казалась или бредом, \ Иль отраженьем в зеркале чужом...»

Сама точно не покупала. Но ведь подарить кто-то мог! Как сувенир. Чтобы веселее переводились китайские поэты.

Я озиралась, подсознательно соображая, что тут ещё из материального может быть ахматовским? Круглая печка? Но её явно

перекладывали. И недавно. На этой даче (похвастались в Литфонде), только-только ремонт закончили. Сооружение типа стола? Нет, у Ахматовой был какой-то специальный столик, памятный и не совсем письменный, из Фонтанного дома, что ли. Ахматова же постоянно работала! Только не все про это знали. Когда Цветаева (не кто-нибудь, а Кассандра – Цветаева) в 40-м году прочла исковерканный цензурой ахматовский сборник «Из шести книг», то спросила в своём дневнике, что, мол, делала Ахматова с 1917 по 1940? «Внутри себя»? Непоправимо-белая страница, мол. Так это ещё перед войной было, до ждановского приговора в 1946-м. Потом вообще наступило публичное молчание. Не печатали! – отсюда и переводы возникли. А у неё «внутри себя» вечный двигатель стрекотал кузнечиком. За комаровским столом и родились строки: «Здесь всё меня переживёт». И много чего другого. А на столе были расставлены всякие странные ахматовские вещи. Подсвечники нездешние, из позапрошлого века, чернильница – не пушкинская, конечно, но уж не советская, фарфоровая, расписанная незабудками с бронзовой крышечкой; а ещё предмет, которому Чуковская не нашла названия (именно она подробно описывала тот стол в своём томе третьем) – «камень не камень, деревяшка не деревяшка. Форма? Змея не змея, птица не птица»... У Ахматовой же и строфа соответствующая имеется в «Комаровских кроках»: «... И отступилась я здесь от всего, \ От земного всякого блага \ Духом, хранителем места сего \ Стала лесная коряга».

Хотя это про огромную корягу, которая перед Будкой лежала на земле. Значит, была ещё одна, поменьше. Почему бы рядом с корягой не стоять и Китайскому мальчику, к примеру!

Мальчик исподтишка наблюдал за мной с окна – штору-то я отогнула.

Я дотронулась рукой до старого кресла – тоже не из наших дней, обивка начала расползаться. И вернулась к двери, рядом с которой распласталась ненадёжная кровать. Широкая как тахта, но ветхая. Ахматова, судя по воспоминаниям, вместо ножки кровати подкладывала кирпичи. Не сюда ли? Я обошла кровать с трёх сторон. А вдруг она мемориальная? Я осторожно присела на краешек. Буду жить как в музее. Счастье, конечно, но страшно. Вдруг сломаю что-нибудь? Как там было у Чуковской про кровать в Будке? Я сконцентрировалась, вспоминая. Нет, Ахматова клала матрац на кирпичи, она даже шутила, что, мол, у Пушкина в деревне кровать стояла на берёзовых поленьях, а у неё на кирпичках. Значит, тахта эта появилась позже. Ну, и хорошо. Можно спать спокойно.

Поворот винта

Мальчик опять загудел:

– **«Покойный мой отец Боюном звался,**

Чжуань, сын неба, – славный предок мой.

В седьмой день года я на свет явился,

Сей день всех дней счастливее в году».

Стихи он читал совсем без акцента. Должно быть, с голоса Ахматовой заучил. Китайцы – народ способный.

– **Чьи это строки?**

– **Цюй Юаня.**

И поклонился. Цюй Юаню, наверное.

– **Наш первый лирический поэт. Зыл в эпоху Чжаньго – Воюющих царств. Акума его переводила. Цюй Юань утопился. В знак протеста. Был оклеветан. Общное дело при дворе. Акума знает. Он бросился в воды реки Мило. Это было в день Дуань-у. Теперь отмечаю как праздник Драконьих лодок:**

«Мои в нефрит одеты колесницы,

Их тысяча, они летят легко, И восемь скакунов в упряжке каждой,

Как облака, над ними шелк знамен».

И мальчик ещё сильнее растянул свой эспандер, вдохновенно, точно меха саратовской гармошки...

Я начала разбирать вещи в полном волнении, взбаламученная, как река в дождь. Водрузила на стол термос и ноутбук. Подумав, сняла с окна Китайского мальчика и поставила на столик. Мальчик расплылся в улыбке. Похоже, ему наскучило уединение.

Слышимость в будке была удивительная. Словно на сцене. Кто-то огибал её с моей стороны, между сосен. Я выскочила на веранду и выглянула в приотворенную дверь.

Высокий старец с головой патриарха совершал свой моцион неторопливо, как китайский мудрец.

Горбовский! Глеб Яковлевич. Одна маленькая девочка называла его Глеб Я – Кулич.

Старожил здешних мест. Ещё с Дома творчества. Когда «летние» все уезжали, он за скидку снимал там комнату. И сейчас уже здесь, самый первый!

Колосс на нашем постсоветском небосклоне. С Рубцовым дружил, с Соснорой, с Битовым... Кружок Бродского-Рейна-Наймана-Бобышева представил его Ахматовой, и он прочёл ей: «...Но всегда нас под кроватью ожидали / Грузовые эпохальные ботинки». А она сказала, что «ботинки» – нерусское, мол, слово. «У нас башмаки или сапоги. А ботинки – не наше». Но, в конце концов, приняла его и поняла. Он даже машинку ей свою одалживал, купленную с первого гонорара. Машинка называлась «Москва». А когда её вернули, на копирке была – поэма. И он, конечно же, заинтересовался...

И шубу ей подал с почтением, когда она в столовую зашла – зимой, в Доме творчества. А дачи появились позже, в 1955-м.

Он писал гениальные стихи и пил. Дальше 19 лет трезвости – и проза, тоже блистательная. Ну, и шальная жизнь. Сплошные испытания себя. Как кричащие пятна на лоскутном одеяле судьбы. Подранок войны – колония, странствия, экспедиции – поиски беды на свою голову, которую он называл окаянной. А ещё овсяной, какие бывают у зырян. По матери он на четверть – угро-финн.

Всё это сумбурным клубком, разматываясь, пронеслось в моей голове, пока я тупо стояла на крыльце, растерянно взирая снизу-вверх. Но сейчас овсяная голова была уже совсем белой. Снежной...

Горбовский, галантно повернувшись ко мне вполборота, произнёс:

– Доброе утро! Со мной кружок одолеть не хотите? За компанию?

Я заполошно кинулась закрывать дверь.

– Да зачем? Здесь же ещё никого нет. Благословенное одиночество...

«Но тут Китайский мальчик», – чуть не выпалила я. Однако вовремя удержалась и промямлила:

– Здравствуйте, Глеб Я-Кулич! – вышло как у маленькой девочки.

И засеменила следом. В один его шаг помещались моих три.

– Наслышан, наслышан про Вас, – церемонно произнёс Горбовский. – Молодой поэт.

Я поперхнулась воздухом. «Во-первых, не такой уж и молодой... И потом – прозаик, в Союзе писателей по Детской секции прохожу. Стихи, правда, всю жизнь пишу, но печатаю-то прозу. Наверное, он меня с кем-то перепутал». Но ничего не успела произнести.

– Я не перепутал, – прочёл мои мысли Горбовский. – Мы ведь с Вами из одного Союза?

Анатолий Найман и Анна Ахматова в Комарово. 1960-е гг.

– Из одного, – согласилась я.

Это было важное уточнение.

В конце 90-х в Санкт-Петербурге существовали один Союз художников, один Союз композиторов, один Союз кинематографистов, и 11 (!) Союзов писателей. Писатели как удельные княжества. В 2000-е наших Союзов стало поменьше, но до единого ещё было далеко. Мы с Горбовским входили в Союз писателей России.

– Посмотрите-ка мне в глаза! – неожиданно изрёк Горбовский.

Я остановилась как вкопанная и воззрилась на него. Ни дать ни взять: змейка – на факира.

– Поэ-эт, – удовлетворённо констатировал Горбовский.

И тут уж совсем глупо было бы спорить.

Мы двинулись дальше. Сосны вольно разбрелись повсюду, в каком-то только им понятном стихийном порядке. Расступились лишь в одном уголке, на границе участка: я рассмотрела там малину и бузину. Восточная стена!

– «...А ещё у восточной стены, \В зарослях крепкой малины, \Тёмная свежая ветвь бузины... \Это письмо от Марины».

Оказывается, я произнесла это вслух.

Горбовский мгновенно включился:

– В окончательном варианте стихотворение называлось «Нас четверо». А «Литературка» напечатала его как «Комаровские кроки», и заметьте, без единого эпиграфа (их было три) и без последней строфы. Марина ещё находилась в опале. А сложила это Ахматова здесь, в Комарово, в 1962-м...

Мне о многом хотелось Горбовского спросить. Но почтение умеет сковывать. Хотя любимые в его «Безглагольном» строки просто рвались с языка: «Россия... Вольница. Тюрма. \Храм на бассейне. Вера в слово. \И нет могильного холма\ У Гумилёва. \Загадка. Горе от ума. \Тюрма народов. Наций драма. \И нет могильного холма\ У Мандельштама. \Терпенье. Долгая зима. \Длинней, чем в возрожденье вера. Но... нет могильного холма\ И у Гомера».

Если бы я это сейчас прочла, Ахматова наверняка сочла бы меня эстрадницей. Так она именовала актёрское чтение, к тому же внезапное. Да и автору, вряд ли понравился бы этакий пассаж. Ещё решит, что подлизываюсь.

Домик Ахматовой. Фото: Вероника Undina

«Ахматовский колодец с «Серебряной водой»» (акварель).
Худ. Н.М. Подопригра

И я молчала, как рыба все пятнадцать минут. Проще говоря, как идиотка.

Нас приветствовали шелестом лишь сосны, да черничник, который кустился здесь повсюду, оплетая периметр Литфондовской дачной картины живой зелёной рамкой.

Мы вернулись к ахматовской будке, где я вдруг улицезрела куст жасмина. Такое ощущение, что он вырос только что. Пока мы совершали круг почёта.

– Спасибо за молчание. Тронут. Польщён. А народ здесь проживает... пёстрый. – Произнёс Глеб Яковлевич и откланялся.

Он явно умел читать между строк.

Вернувшись в реальность, я начала обходить владения. Веранда была крошечной, но не без обаяния. С игрушечными оконцами и новой дверью. Обеденным, точнее, нет, – «завтракшным» – обед на этом столике не поместился бы, разве что завтрак или поздний ужин. На столике притулился крошечный заварочный чайник с подсолнухом – на одного человека – заботливо оставленным прежним жильцом.

А при Ахматовой веранда стояла не застеклённой – открытой всем ветрам. Да и дачка тогда не была поделена пополам, как коммунальная квартира. Но мне пообещали прекрасного соседа, не надоедливого. Почти не выходит, всё время пишет. Сказали, что я его и не услышу: бесшумный ноутбук – не пишущая машинка.

Я вошла в свои покои. А Мальчик опять стоял на окне, спрятался, наверное! Толстенькие, как у белых грибов, ножки в коричневых тапочках были упёрты в подоконник. Ни дать ни взять – борец сумо. Крепко сжатые кулачки раза в два круглее щёк. А Ахматова утверждала, что у китаянок ручки маленькие, иные в петлю зонтика и не пройдут. Она даже обронила, что по молодости

у неё тоже были крошечные руки, и Срезневский пошутил, что на них невозможно надеть наручники... Но маленькие ручки – это у девочек. Не у мальчиков. Мой вполне себе крепыш. Так я нечаянно осознала Мальчика моим. И погладила его по голове.

Поворот винта

– Не пола ли за работу? И Ли Бо из династии Тан так считал, и Акума так думала. Лежит на кровати, а сама жужжит – слагает строки. А ты чего не слагаешь? – Ещё сложу. Сейчас весна, холодно, я осмотреться приехала.

– «Весны сквозь слезы не видать глазам» – Шэнь Циньци сказала, Акума повторяя. Холодно, так топи печьку. Акума топила.

За печкой, и правда, лежало несколько полешек и даже лучины. Будто Ахматова на минуточку вышла. Я скомкала газету «Смена», что была у меня с собой, пихнула её в топку, сверху лучинки, полешки. Чиркнула спичкой по газете. Огонь весело затрещал. По комнате волнами побежало тепло.

Щёчки Мальчика порозовели.

– Другое дело!

И, улыбаясь, он продекламировал:

– А в женских покоях как раз в эту ночь

Бессонница, вздохи и грусть».

– Откуда грусть? Потеплело же!

– Лирическому поэту свойственна нотка грусти. Всегда.

Я подождала, пока всё прогорит. Закрывает вьюшку и стала собираться домой, пока совсем не стемнело. Термос засунула в шкаф, ноутбук запихнула под кровать. На фоне обретенного Мальчика даже новенький ноутбук утратил свою ценность. А вот Мальчика тут не оставляю!

Однако голова трудолюбивого китаяца, дынькой уходящая на-

зад и вверх, не влезала ни в один карман. Да и как-то не этично такой артефакт – в карман... Но не в руках же нести под дождём! Вздохнув, я вернула фигурку за штору, так, чтобы Мальчика не было видно ни с улицы, ни изнутри. По-моему, он огорчился.

– Не скучай, – попросила я его на прощанье. И с сожалением отчалила.

В тот же вечер позвонила подруге. Она – поэт, у поэтов обострённая ментальность – должна понять!

– Я нашла Китайского мальчика Анны Ахматовой!!

Моя собеседница онемела. Потом осторожно спросила:

– А ты не бредишь?

– Мальчик гипсовый. Ну, из 50-х годов, когда Ахматова как раз и поселилась в Будке. Явно её. Она же переводила китайских поэтов. Я ездила в Комарово. Только обшарпанный очень.

Это был поток сознания. В логические рамки он не вмещался. Но мой восторг и вера в чудо были заразительны.

– Покажи Мальчика! – нетерпеливо потребовала подруга.

– В следующий раз привезу! Он в карман не влез. Сошью для него специальный мешочек. Как переноску для ребёнка.

Шить – было для меня подвигом. От рождения я – не рукаста. Мешочек вышел кривым, я его забрала и взяла с собой шерстяной платок. Может, даже павлово-посадский. По крайней мере, эстетично.

В Комарово мы собрались с дочкой и с Рыжим. Дочка уже полу-взрослая, студентка истфака. А Рыжий – наша собака, прошлой осенью привезли его из Крыма. Это отдельная история, настоящая Гофманиана. Рыжий пришёл к нам сам и поразил способностью к пониманию. Словарный запас, гнездящийся в его памяти, позволял ему с лёту ловить не только слова, но и мысли. На нашей Горе даже

поговаривали, что Рыжий – вовсе не собака...

Он мгновенно освоился в квартире и с первого дня согласился ходить в ботинках. Зимой же улицы солью посыпают, тут вам не восточно-крымская степь. А у четвероногих на подушечках пальцев – уязвимые органы чувств. Их беречь надо. Рыжий это сообразил без долгих объяснений.

Когда он задумывался, наклонял голову набок и замирал. А потом поражал нас в самую сердцевинку.

На Новый год по телевизору показывали «Карнавальную ночь-2». По сюжету Певцов, выйдя на сцену в форме спецназа, сурово scomандовал зрителям: «Вечер окончен. Всем встать и разойтись!». Услышав команду, Рыжий мгновенно вскочил с пола, где валялся в полусне, и почапал на своё место. Разошёлся, одним словом.

Всё это время Китайский Мальчик не давал мне покоя. Но сомнения острой иглой прокалывали тонкий шёлк фантазии, оставляя на затейливой вышивке грубые стежки реального прагматизма. Я выдёргивала эти стежки, как сорняки. И бормотала вслух:

– Почему бы нет! Почему бы нет!

Прикидывала десятки вариантов: кто, как и когда мог вручить Анне Андреевне Китайского мальчика. А что, если?..

«Гитович мог подарить. Александр Ильич! Поэт и переводчик. Или его жена Сильва! Они были соседями Ахматовой по Комарово. Да что соседями – их домики просто стояли рядом. Они жили там в одно время. Да точно, точно! Гитович тоже переводил китайцев. И не просто переводил, он с ними встречался. А его жена помогала Ахматовой по хозяйству, а по сути, вела хозяйство сразу двух домов: их с Гитовичем и Ахматовой. Так что, они виделись каждый день.

Перед моим мысленным взором пронеслось вдруг видение, как кадры немого кино: Сильва протягивает Ахматовой Китайского Мальчика. Анна Андреевна берёт его в руку, и сквозь её торжественную печаль просвечивает улыбка, а горестные брови приподнимаются в радостном удивлении.

В чудо с трудом верят. Но ведь чудеса происходят. Как это однажды сказала Анна Андреевна? Чуковской сказала: «Одна только правда не похожа на правду. Её часто принимают за выдумку». Вот именно! Почему бы Китайскому Мальчику не быть наследством Анны Ахматовой? В качестве чуда... Я даже осторожно поспрашивала в Литфонде, кто жил до меня в Будке. Все, вроде, взрослые, и без детей. Не-е-т, Мальчик явно из 50-х годов. Значит, ахматовский. Но про Мальчика я промолчала. Это была моя жгучая тайна.

Мальчик не выходил у меня из головы.

Я соскучилась по нему. Прошло ведь уже недели три. Наступил почти летний май. Расцвела не только сирень, но и разные водоросли на Щучьем комаровском озере. Там уже появились купальщики. Было жарко, как в июле. Зной накрыл наш город душной «марлей»...

Мы тащили с собой еду, ворох книг и даже купальники. И понятно, красивый плат для Мальчика. Неслись в Комарово на всех парах. Особенно Рыжий! По улице, похожей больше на лесную просеку, нежели на проспект, пусть и приправленный асфальтом. Вот забор, тропинка, наш жасмин.

Жасмин дерзко выпустил в свет свои дурманные цветки. Тонкий аромат уже витал над Будкой, смешиваясь с острым запахом хвои и придавая зелёным дощатым стенам классический шарм.

Но Рыжий, не замечая всех этих деталей, промчался сквозь

ароматы, взбежал на крыльцо, мгновенно миновал веранду. И – ворвался в комнату. Подбежал к окну, взгляделся в штору. Из шторы высунулась дынька с чёрным чубчиком. Рыжий вопросительно гавкнул и наклонил голову набок в большой задумчивости.

Я возликовала:

«Китайский Мальчик вполне себе реален, раз Рыжий на него среагировал! Не стал бы он лаять на простую игрушку».

– Здравствуйте, Анна Андреевна!

В ответ раздалось знакомое жужжание. Я весело водрузила Мальчика на стол.

– Смотри, он улыбается до самых щёк. Прямо как живой! – воскликнула дочка. – Только отреставрировать надо. У тебя же есть знакомые скульпторы?

– Таких, чтобы впечатлились... нет.

– А у тёти Лены? Давай спросим.

Она имела в виду нашу знакомую, которой я рассказала про Мальчика. В словах дочки был резон.

А Рыжий не сводил с Мальчика глаз. Они явно о чём-то толковали. И, похоже, нашли общий язык.

Поворот винта.

– «Приблизился внезапно я к Чуньгуну, \Бессмертья ветвь сорвал я для венка. \Сойду на землю, чтоб цветок прекрасный, \Пока он свеж, любимой подарить.

–Холосо объясняю?

– Гав-гав-гав!

– Что это ты сердисься, Рыжий? – удивилась я. – Жарко тебе? Сейчас на озеро пойдём!

Люди самоуверенны. Считают, что сложен лишь человеческий язык. А сами плохо понимают собачий. Особенно, если собака живёт у них недолго. Одобрение могут спутать с гневом. И наоборот.

Я привычно спрятала Мальчика за штору. Улыбка его показалась мне загадочной.

Мы надели купальники и отправились на Щучье озеро. Наряду было как на южном пляже. А гомон перекрывал даже шум машин на шоссе. Сильно смахивало на перемену в начальной школе, когда каждый отдыхает, как может.

Очень хотелось искупать Рыжего. Поэтому отошли к дальним, «не населённым», диким кустам. Рыжий моментально просёк ситуацию и ступил в воду. Я думала, отряхнётся и выскочит. А он вдруг сосредоточенно поплыл вперёд. Мне даже почудилось – кролем. Я заволновалась, и надев очки, стала вглядываться в кромку воды.

Рыжий доплыл до белых лилий, деловито откусил одну с длинным стеблем, и так, с цветком в зубах, пустился в обратный путь. Подбежал, положил лилию к моим ногам и сел, наклонив голову набок. Воззрился на меня.

Я лишилась дара речи.

– Мама, что ты молчишь? Тебе Рыжий цветок подарил, а ты – что? – ликуя, вскричала дочка.

Я обняла пса за голову, как Китайского Мальчика, с которым они явно составили компанию...

В Петербург Мальчик ехал, запелёнутый в дорогой платок, как младенец китайского императора.

Моя знакомая, взглянув на Мальчика, мгновенно поверила, что он – это он. У поэтов свой строй мысли. Они живут подсознанием. Но её друг, известный скульптор, долго отказывался применить яркий талант к старой игрушке. Тогда она убеждённо отчеканила:

– Не к игрушке, а к раритету. Это Китайский мальчик Анны Ахматовой.

И он проникся. Мальчик засиял румянцем. Чубчик сделался иссиня чёрным, проплешины-горошки с зелёной майки исчезли, и она приобрела цвет майской тишты. Мальчик растягивал новёхонький эспандер и смеялся.

То лето выдалось черничным, грибным и сложно сочинённым. Вдохновение просто водило моей рукой. Июль обернулся Болдинской осенью. По меньшей мере.

Утро вспыхивало для нас с Рыжим с первым лучом солнца. Сосны и впрямь отсвечивали розовым, точно смущаясь собственной зрелой красоты. Мальчик смотрел на них в открытое окно, и носочки на его крепких ногах спортсмена тоже на глазах розовели.

Я произносила:

– Здравствуйте, Анна Андреевна!

Мальчик разворачивался на 180 градусов и комнату заполняло гудение. Уже не сдержанное, а доверительно-триумфальное:

– Мравалжамиер!

Тут просыпался и Рыжий.

Вскакивал на четыре лапы. И становился действующим лицом.

Поворот винта.

– **«В древности глубокой и поныне \ Солнце никогда не отдыхало, \ Человек без изначальной силы \ Разве может вслед идти за солнцем?**

– **Ты имеешь в виду, что надо вставить ещё раньше?**

Мальчик укоризненно качал головой:

– **Это Ли Бо сказалъ. Который из династии Тан. «Дом Тан, прославленный на поле бранном». Акума так говорилъ.**

– **Гав! – наклонял голову Рыжий.**

Вскакивал на улицу и возвращался с розовой сыроежкой в зубах.

– **Он сразу понималъ. А ты нет. Суп надо варить. Силу прибавлять. День растёт, работа стоит. Так не бывает.**

«Мне небом дар отпущен, \ Чтоб расточать его. \ Истраченным богатством \ Я овладею вновь».

Мальчик был прав. Как всегда.

Я варила грибной суп. Мы ели его вместе с Рыжим. И устремлялись в лес, где утренняя свежесть

повисала на кустах прозрачными паутинками, а туман разбрасывал жемчужные капельки росы. Мальчик следил за нами в окно.

На Вокзальную улицу, точнее на угол Школьной и Вокзальной приезжала автолавка. Привозили свежий творог и тёплые воздушные булочки. Мы тащили с Рыжим две сумки, он в зубах, я – в руках. Пили чай на веранде и разговаривали с Китайским Мальчиком. И он нам зримо внимал. И, конечно же, мы ходили на кладбище – навещали Анну Андреевну. По пути собирали лесные цветы. В этом случае я всегда брала Мальчика с собой. У могилы он притихал. Ни гудения, ни жужжания. Рыжий ложился на землю и опускал головы на лапы. Мальчик стоял рядышком.

Только однажды я разобрала едва слышное:

– **«И если смерть сама грозит мне станет, \ Я не раскаюсь в помыслах моих. \ За прямоту свою и справедливость \ Платили жизнью древле мудрецы».**

Это ведь было не только про героев китайского эпоса «Лисао», но и про саму Анну Андреевну...

Литфондовский уголок напоминал мне муравейник «в разрезе». В каждой даче бушевали свой сюжет и своя литература. У кого-то громкая, у кого-то почти неслышная. Горбовский оказался прав: народ проживал тут пёстрый. Но в нашей Будке царил абсолютный покой. В Литфонде не обманули: я почти не видела своего соседа. Он, как и я, целыми днями работал. Общественная жизнь обтекала нас стороной. Китайский Мальчик был вполне этим доволен. У него на лице всё читалось без перевода. Ему нравилось поглощение трудом, чтобы без суеты, чтобы минуты даром не утекали. И они не утекали! Они были освещены смыслом.

Когда мы видели в окне прогуливающегося Горбовского, всегда махали ему, а он – нам. Я говорю

«мы», потому что я размахивала рукой, а Китайский Мальчик – головой. Правда Горбовский про Мальчика ничего не знал (и никто не знал!), он думал, что приветствует лишь молодого поэта с симпатичным псом. А Рыжий иногда высказывал и заботливо семенял с ним рядом, в качестве наперсника. Горбовский не возражал. Во всём этом был какой-то, почти сакральный, смысл. Порядок в моём личном мироустройстве, освещённом дыханием гениев. Да ещё и с Китайским Мальчиком Анны Ахматовой, зажатым в руке. И с верным Рыжим... А лето летело так быстро.

Поворот винта.

– «Дерева, свою листву роняя, \ На осеннее не ропщут небо. \ Кто торопит, погоняя плетью, \ Зиму, осень, и весну, и лето?»

– А почему ты цитируешь только её переводы? А стихи самой Акумы?

– Либо одно, либо другое. Перемеска – нет! Она так говорила. А я – как она. И вообще, я – переводческий.

И Мальчик с достоинством, поистине Ахматовским, гордо вздёргивал подбородок...

Переводы Ахматовой совершенны так же, как и её стихи. Они единственны. Хотя она и относилась к ним критически.

А я всё пыталась решить свою «шахматную задачу» про Китайского мальчика. Проштудировала все воспоминания об Ахматовском Комарово – и Лидии Чуковской, и Сильвии Гитович, и Наймана, и Бобышева... – упорно искала хотя бы какое-то упоминание о маленькой гипсовой фигурке. Но – увы!

Зато у Сильвии Соломоновны вычитала про другого мальчика, сына няни из комаровского детского садика. Его невозможно было выставить с участка, где жила Ахматова. Когда Анна Андреевна медленно двигалась

между соснами, гуляя и собирая грибы, маленький Алик неотступно следовал за ней, срывал для неё грибы, чтобы она не нагибалась, и «захлёбываясь от восторга, спешки и гордости, всё время что-то рассказывал... Он был пленён ею». Втыкал разные красивые веточки в землю у её окна, выкладывал узоры из сосновых шишек. И повторял громко: «Это для писательницы, которая живёт совсем одна и всё выдумывает из головы».

Мне показалось отчего-то, что это касается и Китайского Мальчика тоже.

А потом позвонила Анна Каминская, Анна Генриховна, та самая. Названная внучка Ахматовой. Этот звонок был как удар грома. Как некий водораздел в моей литфондовско-дачной эпохе. Сюжет сложился весьма замысловато. Прямо по Пушкину, отметившему в своей заметке о «Графе Нулине»: «Бывают странные сближения...».

Я писала про художника Кузьминского, создавшего эрмитажный стиль и эрмитажную символику. Аскольда Ивановича не было уже в живых, мне рассказывала о нём жена, Ольга Зусмановна, всю жизнь проработавшая в Эрмитаже.

Мы долго сидели с ней в их маленькой квартирке, заполненной картинами и раритетами. У меня моментально возник в голове образ волшебной пещеры Али Бабы со сказочными сокровищами...

Мы рассматривали оригинальные дневники Аскольда Ивановича, испещрённые талантливими рисунками. Точнее, это была живописная летопись их жизни с короткими остроумными подписями. Часто на полях возникали черты Ольги Зусмановны. Жена, ликом своим напоминая Аскольду Ивановичу один из шедевров Эль Греко, была дочерью художника и издателя Доктора, чьи пейза-

жи хранятся в фондах Русского музея, а открытки, выпущенные им в блокаду, теперь художественный памятник тем горьким дням. Так вот, Ольга Зусмановна оказалась ближайшей подругой Анны Генриховны! Ещё с юности. И понятно, что вместе с Аней и Аскольдом они часто наезжали в комаровскую Будку к Ахматовой. Один из рисунков Аскольда Ивановича Кузьминского являет собой знаменитый гордый полу-профиль, чуть не украсивший обложку «Реквиема». Эту работу успела оценить Анна Андреевна, узнав «печальные брови» и подарив молодому художнику «Реквием» с дарственной надписью... Случай, надо сказать, редкий. Анна Андреевна не часто жаловала свои изображения, разве что шедевр легендарного Моды (Модильяни), который таскала за собой в своей бездомной жизни. Как она говорила: взял, мол, его под мышку, вот и всё наследство.

Портрет Кузьминского так и не был опубликован, поскольку «Реквием» тогда не вышел. В нашей стране действительно надо жить долго: для вечного у нас требуется вечность...

Понятно, что я поведала Ольге Зусмановне о своём жительстве в Будке. Что, мол, брожу по ней, как по Музею. А кресло потрёпанное – вдруг оно ахматовское? Или столик? Или ещё что-нибудь? Про «ещё что-нибудь» я умолчала.

Но мотив на тему «Как тесен наш мир» витал в воздухе.

А где-то за полночь мне позвонила Анна Генриховна, с которой мы и знакомы-то не были. И своим шелестящим голосом умудрилась отчеканить:

– Мы всё вывезли! Ахматовского в Будке не осталось ничего. Мы всё вывезли. И кресло, и столик. Вывезли всё! Почему Вы молчите?

Я находилась в полном обалдении. И от напора. И от желания отрезать от меня только им при-

надлежащую Акуму. Наконец, собрала мысли в пружинку и произнесла:

– Ну, вывезли и – слава Богу...

Китайский мальчик, стоявший на моём письменном столе, слегка съёжился. Но потом всё же расправил плечи и в знак несогласия отчаянно растянул свой эспандер. Это была его нота протеста. Меня утешил Рыжий, который улёгся на моей ноге, как верная собака Качалова...

Уснула я лишь к утру. Но утренние мысли явно мудрёнее ночных. И я вспомнила невпазд (а может, как раз и впазд) про «пунические войны», которые Пунины вели со Львом Гумилёвым за наследие Анны Андреевны. И не просто вели. Они их выиграли! Я живо представила себе, как шёл процесс вывоза вещей из Будки, когда Ахматова ушла. Китайский Мальчик наверняка спрятался за шторой. Как всегда. Они его просто не заметили. А если бы и заметили, наверняка не сочли бы ценностью...

Я взяла гипсовую фигурку в руки, ощутила её тепло и услышала:

«Лин-фэнь мне предсказала счастье в жизни...» Крылатого

дракона обузда\ И колесницу яшмой убрала.\ Несхожим душам должно расставаться, / – Уйду далеко и развею скорбь...

Екатерина Константиновна Лившиц, жена поэта Бенедикта Лившица, долгие годы была знакома с Ахматовой. Она вспоминала, что когда Анну Андреевну отпевали в Никольском соборе, в церковном дворике в снегу возились мальчишки лет десяти. Они съезжали с горок. Март пока не вступил в весёлую пору сосулек, и снег ещё не растаял. Один из мальчиков сказал: «Как много народу, кого это хоронят? Наверное, Ангела какого-нибудь»...

ЭПИЛОГ

Стен Будки я лишилась года через полтора. За то, что не сижу на месте, как положено писателю, занимающему предписанные ему летом стены, а мотаюсь по белу-свету. К тому же, и общественного лица у меня нет. В своё отсутствие я поселила в Будку свою старенькую школьную учительницу литературы. Она

была счастлива. Я попросила её почаще мелькать во дворе, а если что, назваться моей тётёй. Но видимо, мелькала она недостаточно. В Литфонде мне сказали, что была «телега». И ещё сказали, что Глеб Яковлевич с «вязальщицами» (так называла доносчиц Ахматова) был не согласен. Но его не послушали.

Китайского Мальчика я забрала с собой.

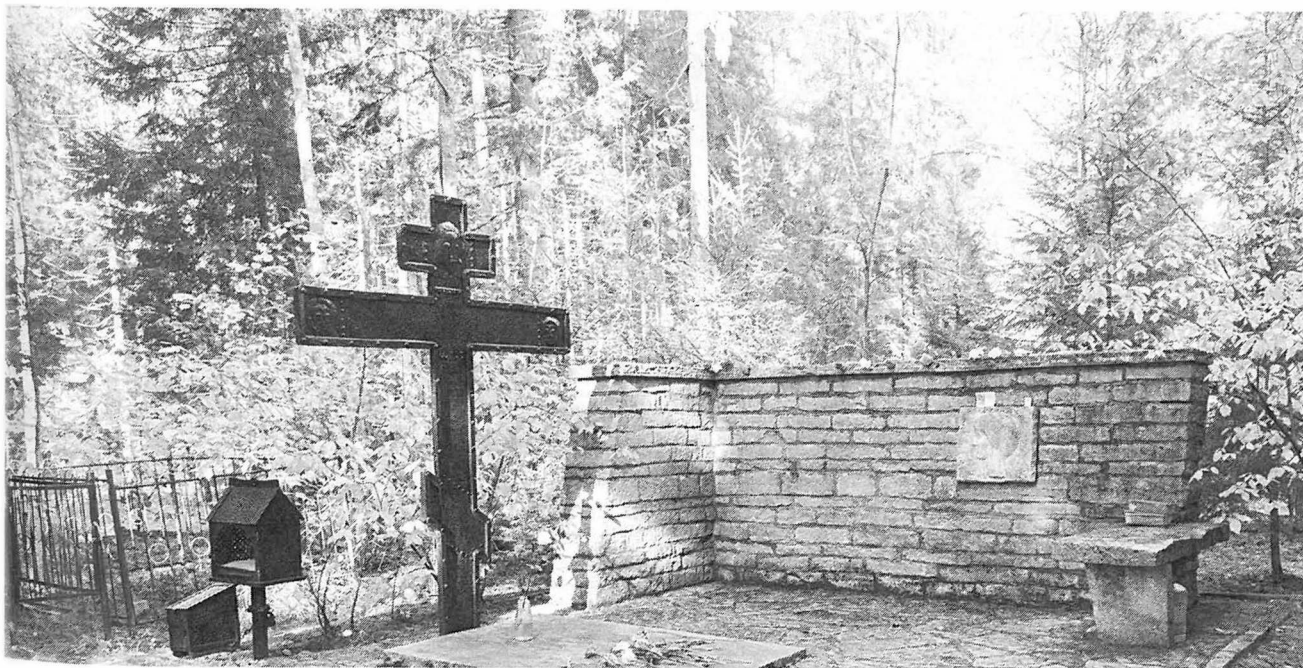
На даче №1, где жил Горбовский, давно уже не он, а мемориальная доска. В его стихах звучат строчки о том, что уйдёт он весной. И что – поутру. Это случилось 26 февраля 2019 года. Почти весной. И в четыре утра. Ему было 87 лет.

На будке тоже появилось упоминание про Анну Андреевну. Много лет спустя после её смерти. Когда одна эпоха сменила другую.

Друг Мальчика Рыженький тоже оставил нас.

А Мальчик так и стоит на моём письменном столе. Время его не коснулось.

Иногда Мальчик начинает жужжать. Я воспринимаю это как втык от Ахматовой. И складываю свои строки. Например, вот эти...

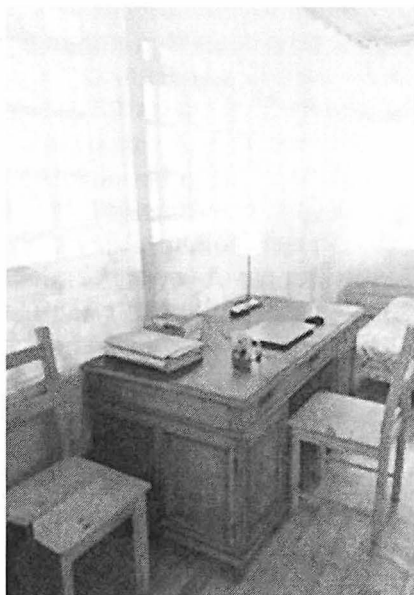

Могила Анны Ахматовой в Комарово

Высокие сосны Глеба Семенова

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЛУКИН
член Союза писателей Санкт-Петербурга,
писатель, поэт, переводчик

СВЕТАЕТ

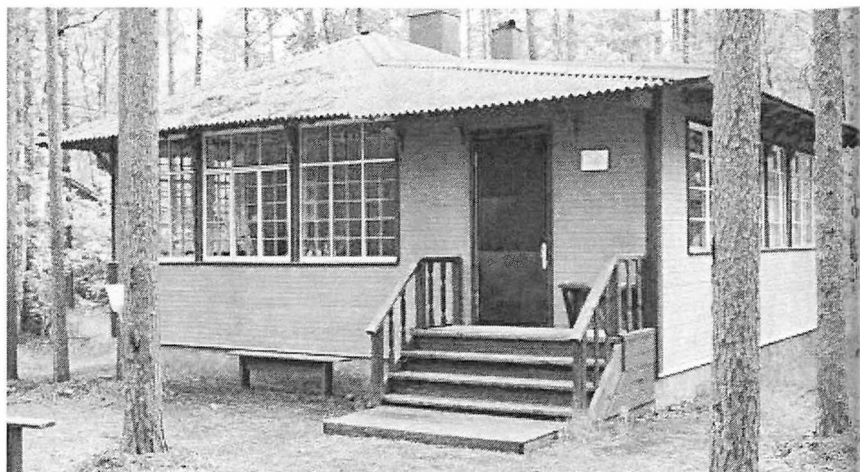
Моя «светлица» в Комарово

■ Эти воспоминания я написал на веранде писательской дачи в Комарово. Здесь много-много лет назад я впервые встретился с поэтом Глебом Сергеевичем Семеновым, ставшим моим духовным учителем. Мне помогли воскресить его светлый образ высокие комаровские сосны, которые поэт очень любил. Не случайно одну из своих поэтических книг он так и назвал – «Сосны».

Однажды в детском журнале «Костер» появилось объявление: «Дорогие ребята! Присылайте свои стихи в “Кружок поэзии”. Лучшие из них мы напечатаем на страницах нашего журнала». Я – тринадцатилетний поэт поселка Семиозерье – отобрал для отправки свои первые творения. Что послал – не помню. Наверняка какую-нибудь пионерскую ерунду. В ответ – полное молчание. Наконец, пришло краткое уведомление: «Прости, что долго не отвечали. Стихи твои нас заинтересовали. Будут новые – присылай». И подпись: «Консультант Семенов».

Спустя какое-то время вновь отправил в журнал «Костер» поэтическую подборку. Признаюсь, ответ был неожиданным: «Ты меня удивил: твоё стихотворение “Ночь и утро” намного лучше того, что ты мне показывал раньше. Но замечания у меня есть

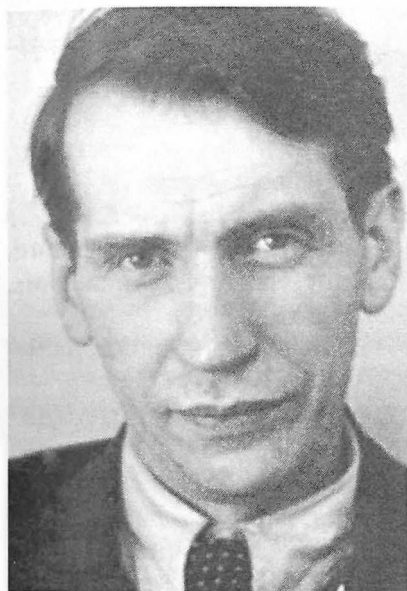
и к нему». И далее консультант Семенов предлагал мне сделать конкретные исправления. Я, конечно, исправил, как мог, и вот в начале июня 1972 года получил уже не письмо, а приглашение: «Дорогой Женя! В переделанном виде “Ночь и утро” мне нравится еще больше. Пожалуй, только не совсем точные строки: “Хитро жизнь передо мною перепутала пути” мешают стихотворению стать совершенным. Не лучше ли будет: “Вся земля передо мною пораскинула пути”? Ведь пути перед тобою тем утром еще не жизненные, а земные, и еще не “перепутаны” они, а просто раскинуты, выбирай любой. Если сумеешь переделать эти две строки, – будем стихотворение где-то зимой печатать. По средам я в редакции, а живу в Комарове (Кудринский пер., 5). Можешь приехать в любой будень». И рукой дописано: «Часов в 11».

Дача Анны Ахматовой в Комарово

Я приехал в Комарово ни свет, ни заря. Отыскал Кудринский переулок и долго бродил вокруг заветного места, освященного именем Анны Ахматовой. Наконец, осмелился открыть калитку и спросить консультанта Семенова. Мне показали дом, и я робко постучался в дверь.

– Меня зовут Глеб Сергеевич, – представился немолодой худощавый мужчина. – Ну, пойдём пить чай на веранду и беседовать.

Поэт Глеб Семенов

Его глаза излучали такой добрый свет, что я как-то сразу проникся к нему доверием. Он расспрашивал меня обо всем – кто мои родители, как я учусь в школе, что читаю. Рассказал, что мои родители – учителя, что живу в интернате, так как в нашем поселке нет средней школы, а к родителям приезжаю на выходные дни. Читаю много – у меня есть ключи от школьной библиотеки, и я по вечерам уединяюсь в ней, чтобы наслаждаться чтением и творчеством.

Потом мы отправились гулять по комаровским аллеям.

– Кто твой любимый поэт? – поинтересовался Глеб Сергеевич.

– Есенин! – с жаром ответил я. Он попросил меня прочесть стихотворение «Ночь и утро»,

видимо, чтобы проверить мои способности чтеца. Я прочитал с выражением:

Словно белая кувшинка,
В небе-озере луна.
Затуманилась лоштинка.
Все умолкло. Тишина.

Ясное дело, Есенин в моих стихах торчал из каждой строки. Глеб Сергеевич настоятельно порекомендовал мне не замыкаться в кругу только «деревенской» поэзии, но и познакомиться с другими звездами первой величины – Тютчевым, Фетом, Блоком.

– Понимаешь, Женя, тебе нужно воспитать свой поэтический вкус, тогда тебе будет понятно, почему те или иные сравнения инородны, неуместны, выбиваются из стиля.

– А какое руководство по поэтическому мастерству советуешь прочесть?

– Все руководства, – улыбнулся он, – сухи и теоретичны, и нужны тебе не они, а собственная вдумчивость и внимательность при чтении стихов.

Глеб Сергеевич проводил меня до железнодорожной станции. Электричка на Выборг приходила через полчаса. Небо хмурилось, назревал дождь.

– У тебя есть зонтик? – прощаясь, спросил он.

– Я не боюсь дождя! – с вызовом ответил я, и Глеб Сергеевич опять улыбнулся: ему понравился мой мальчишеский задор.

Спустя полгода пришло письмо: «Милый Женя! Получили ли ты номер “Костра” с твоими стихами? Рад ли? Чур, не зазнаваться! Чтобы ты не очень задираешь нос, скажу, что твои новые стихи мне не шибко понравились. В твоих стихах появилась гармония, которой раньше не было, они певучи, а иногда даже и сладковаты. Но в угоду звучанию стиха приносится его содержание, смысл. Не огорчайся, Женя, неудачей! Ты много

наверстал за последний год, честь и слава твоему упорству и твоей серьезности. Ты стал понимать, что поэзия – дело не простое, однако это не отпугнуло тебя, а как бы еще больше подзадорило. Теперь нужно до конца подчинить стихотворную форму твоим задачам: надо, чтобы она не мешала, а помогала тебе».

После публикации в журнале посыпались детские послания со всех концов страны – меня поздравляли с дебютом и желали успехов. Почтальонша устала носить пачки писем ко мне домой, и однажды сурово сказала:

– За своей почтой, писатель, будешь приходить сам!

Так я понял, что писательский труд есть труд самостоятельный и одинокий: сам пишешь, сам читаешь, сам отправляешь в редакцию, сам ходишь на почту за ответом, сам пожинаяешь плоды – сладкие или горькие. Все сам, сам, сам. И сам решаешь, как поступить и что сделать. Я вот теперь немного жалею, что не прислушался тогда к совету Глеба Сергеевича:

– Понимаешь, «Ночь и утро» – не очень хорошее название для стихотворения, – заметил он, когда мы гуляли по комаровским аллеям.

– А какое будет лучше?

– «Светает»...

СЧАСТЬЕ ТВОРЧЕСТВА

Моросил осенний дождь. Я перебежал Невский проспект и направился на мост через канал Грибоедова. Вдруг кто-то окликнул меня:

– Женя!

Я обернулся и увидел Глеба Сергеевича. Он был в темном плаще, на голове – черный берет, сдвинутый набекрень.

– Где ты? Куда пропал? – набросился он с расспросами.

Я рассказал, что поступил на первый курс исторического факультета института имени

Герцена, и теперь постоянно живу в Ленинграде. Глеб Сергеевич пригласил меня на занятия литературного объединения «Нарвская застава», которые он вел во Дворце культуры имени Горького.

Занятия проходили в большом зале. Каждый занимал место, какое понравится. Всего собиралось человек десять – пятнадцать. Это был колоритный поэтический народ, правда, намного старше меня по возрасту. Многие давно занимались в «Нарвской заставе». Каждый из них уже нашел свою неповторимую поэтическую интонацию и состоялся как поэт.

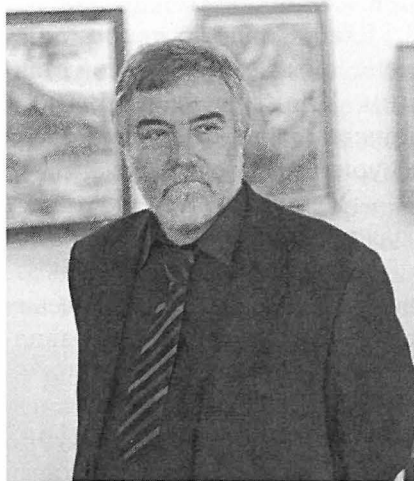
Вот прекрасный балладник Олег Левитан – он ходил на шхуне по морям-океанам, и потому казался этаким морским волком. В стихах звенел северный ветер, шумели синие волны, а названия далеких морей и заливов дышали романтикой. Но, странное дело, свои стихи он читал как-то буднично, прозаически. В общем, не рвал на груди тельняшку. И оттого создавалось впечатление какой-то абсолютной достоверности. Получалось, что серебристая луна Бристольского залива была для него явлением привычным, как эта неоновая лампа на потолке.

Вот очаровательная Зоя Эзрохи. Ее стихи были по-кошачьи ласковы и грациозны, хотя за милыми строками скрывались коготки иронии. Она ехидно сравнивала пьяницу в подворотне, пьющего водку из горла, с горнистом, что играет побудку, и этот опустившийся герой стихотворения невольно приобретал в наших глазах возвышенные черты. Она описывала свою домашнюю кошку и поражала слушателей неожиданной концовкой: «И такое же б/п у нее в анкете», ставя знак равенства между беспородностью кошки и своей беспартийностью.

А вот могучий Михаил Аникин. Внешне он напоминал

русского богатыря. Думалось, он только и делает, что ходит за плугом, как былинный Микула. А он только что окончил Академию художеств и теперь работал сотрудником Эрмитажа, изучал живопись Леонардо да Винчи. Стихи его были крепко сбиты, как картинные рамы, и пропитаны мудростью. Он читал медленно, спокойно, с достоинством, как и положено богатырю. Одно его стихотворение – о счастье творчества – можно считать программным для всех художников:

Я действительно счастлив.
Мне просто везет.
Не с тоски же душа
о прекрасном поет.
Это счастье мое
не отнять никому:
Что мое – то мое.
Нет границы ему.
В нем есть все,
а в руках от него – ничего,
И поэтому трудно
разрушить его.

Поэт Михаил Аникин

Однажды Глеб Сергеевич обвел всех долгим взглядом и сказал:

– Друзья! Вы стали поэтами. Хочу всех поблагодарить за годы совместного труда. Мне больше учить вас нечему. Поэтому объявляю, что нынешний состав литературного объединения

распускается. С нового учебного года я буду набирать молодых начинающих авторов. Конечно, кто-то из вас останется. Попрошу поработать со мной Зою Эзрохи и Михаила Аникина, чтобы продолжить традиции. Конечно, останется и Женя Лукин, который у нас новичок. Остальным хочу пожелать доброго пути! Мы будем рады видеть всех с новыми стихами!

Выпускной творческий вечер состоялся в мае 1975 года. Администрация Дворца культуры даже отпечатаала программку. На вечере выступили выпускники «Нарвской заставы»: Наталья Абельская, Михаил Аникин, Ольга Бешенковская, Вадим Борисов, Ирина Знаменская, Олег Левитан, Михаил Матренин, Юрий Нешитов, Галина Тиме, Зоя Эзрохи...

Было грустное прощание.

ПРАВДУ, ТОЛЬКО ПРАВДУ

Поначалу старостой нового литературного объединения Глеб Сергеевич назначил Михаила Аникина, но тот спустя какое-то время отказался, честно сославшись на служебную и семейную занятость – дети. Это была не отговорка, это была суровая правда жизни. Следом учитель попросил меня исполнять эти хлопотные обязанности. И я это добросовестно делал несколько лет – вплоть до кончины учителя.

Костяк новой «Нарвской заставы» сформировался, когда сюда пришел поэт Андрей Крыжановский, с которым мы крепко подружились. Он был внуком знаменитого советского писателя Евгения Шварца. Правду сказать, Андрей не любил, когда ему намекали на родовитое писательское происхождение. По большому счету, оно не предоставляло ему никаких преимуществ, а даже как бы наоборот. Ведь литературные генералы полагали, что молодому поэту и так помогает незримая

рука Шварца, и посему не считали нужным протягивать ему руку помощи.

Поэт Андрей Крыжановский

Андрей Крыжановский привел с собой бывших однокурсников по литературному факультету Герценовского института – Бориса Григорина и Алексея Давыденкова. Оба писали стихи, оба кочегарили в котельных.

Борис Григорин мне понравился своей важной ученостью. Если он брался анализировать какое-либо стихотворение, то делал это с предельной тщательностью. Его разборы всегда были интересны и умны. Андрей говорил, что из Бориса вышел бы толковый литературовед: «Ему бы надо в аспирантуре учиться, а не в котельной штаны протирать!»

Вот Алексей Давыденков – другое дело. Надежный кочегар, приобретший суровый опыт на Северном флоте. Ему что топка корабля, что топка института – все едино. Везде справится, везде сойдет за мастерового. Алексей еще в юности «заболел» Маяковским, и эта рваная футуристская ритмика зачастую мешала восприятию его поэтических достижений. Еще он сочинял забавные мифологические байки, в которых среди древних греков действовала пресловутая тройца –

Крыжановский, Григорин и Давыденков.

Следом за братьями-кочегарами пришли Наталья Перевезенцева и Сергей Носов. Наталья блистала словоохотливостью, а Сергей напротив – отличался молчаливостью. Наталья сразу определилась как хозяйка литературного салона на Пушкинской улице, и этот обретенный маньеризм сказался на ее замечательной поэзии. Сергей же, писавший блестящие сюжетные стихи, довольно скоро перебрался по ту сторону поэзии – стал талантливым прозаиком, правда, не чуждым поэтических интонаций и находок.

Тем не менее, опасаясь наплыва посторонних людей, Глеб Сергеевич создал бюро литературного объединения, куда вошли Андрей Крыжановский, Татьяна Красовицкая и я. Татьяна – одаренная поэтесса, супруга Олега Левитана. Она обладала великолепным поэтическим вкусом. Я, честно говоря, благоговел перед этой женщиной, исполненной высокой духовности и красоты.

Бюро решало, кого принять в литературное объединение, а кого – нет. Понятно, что товарищи с барабанными стихами через наш суровый невод пройти не могли. Но что было делать с начинающими поэтессами – томными созданиями, готовыми утопить в любви всю «Нарвскую заставу»? Глеб Сергеевич терпеливо объяснял, что для многих девушек поэзия – это «интеллектуально-брачное оперение». В этом нет ничего обидного – из этих девушек в будущем вырастут хорошие мамы и хорошие читательницы. Но принимать их в литературное объединение нужно в разумных пределах. Ну а тем бедолагам женского пола, которые останутся в поэзии, предстоит тяжелый и мучительный путь – достаточно взглянуть на судьбу Марины Цветаевой или Анны Ахматовой.

Еще одно правило, которого придерживался Глеб Сергеевич – говорить правду и только правду. При обсуждении творчества того или иного автора ни в коем случае не давать ему поблажки – говорить о его недостатках честно и по существу. И обязательно отыскивать в каждом его индивидуальную изюминку, его зерно, чтобы на этой основе затем вырос оригинальный поэт, не похожий на других. Надо сказать, этого правила мы придерживались стойко, и обсуждали стихи друг друга с предельной честностью. Глеб Сергеевич говорил: «Толку не будет, если гладить по головке да подслащивать. Так поэта не получится. Так получится слюнтяй!». А еще добавлял: «Сами не забывайте учиться – не задирайте носа!»

РУКОПИСНЫЙ ХЛЕБНИКОВ

Мы жили в эпоху самиздата. Не было настоящих книг, и приходилось самим что-то добывать: переписывать или перепечатывать. Поступив в институт, я первым делом законспектировал классический труд Освальда Шпенглера «Закат Европы». А потом переписал от руки не один поэтический сборник: «Кипарисовый ларец» Иннокентия Анненского, «Жемчуга» Николая Гумилева, «Путем зерна» Владислава Ходасевича, «Форель разбивает лед» Михаила Кузмина, «Опыты соединения слов посредством ритма» Константина Вагинова...

Как-то я жаловался учителю на нелегкий труд переписчика, хотя и отмечал его обязательность при овладении искусством стилизации. Глеб Сергеевич неожиданно прервал меня и задумчиво сказал:

– А ведь с Константином Вагиновым я играл в шахматы. Мне было лет тринадцать. Он приходил к моему отцу – писателю Сергею Семенову.

Много позднее Глеб Сергеевич пригласил нас к себе домой. Он жил тогда на Большой Зелениной улице. Мы – Андрей Крыжановский, Татьяна Красовицкая и я – прихватили бутылку вина и каких-то фруктов. Сидели на кухне, говорили о поэзии, читали стихи. Тогда уже шла война в Афганистане, и Глеб Сергеевич это тяжело переживал, памятуя о страшных последствиях Великой Отечественной.

– Будет кровь, большая кровь, – с тревогой говорил он и покачивал головой.

Я в то время увлекался экспериментами со старыми славянскими словесами, втихоря переводил «Слово о полку Игореве», и, используя образную систему древнерусской песни, написал стихи по мотивам афганских событий:

Божественный метод Бояна
теперь не в почете.
Попробуй-ка сизым орлом
в поднебесье парить,
Попробуй-ка мыслью
по древу растечься в полете,
И я предскажу, что начнут
о тебе говорить.

Не слушай молву.
Выпускай соколиный десяток,
А лучше с баяном
махни в новгородскую глушь.
Там всё, как и прежде:
и причет последних солдаток,
И вылет кукуший
куда-нибудь за Гиндукуш.

Такой осторожный подход к теме Глеб Сергеевич ценит. Не прямой, лобовой удар, свойственный публицистике, а именно тихий, обходной путь ему был по нраву. Он казался ему более действенным, более отвечающим вечным ценностям. В его глазах единственно, к чему здесь мог придрататься цензор, так это к Гиндукушу – горному хребту, отделявшему нашу страну от Афганистана.

А так и придрататься не к чему. И всем понятно, почему теперь Ярославна кукушкой вылетает за Гиндукуш, где, может быть, лежит среди скал ее любимый – убитый или раненый.

Уходя, мы остановились у книжной полки. Мне бросился в глаза сборник стихотворений Велимира Хлебникова, изданный в 1940 году. Глеб Сергеевич заметил это:

– Хлебников – это твое!

Я стал упрашивать его дать мне сборник для переписывания. Учитель крайне дорожил своей библиотекой, и обычно никому не давал книги. Но тут смягчился и разрешил взять сборник с непременным условием принести его на следующее занятие.

Ночью я расположился на кухне, открыл новую тетрадь и с удовольствием переписал стихи Хлебникова, навеянные Пушкиным, точнее его словечком «кюхельбекерно»:

Усадьба ночью, чингисхань!
Шумите, синие березы!
Заря ночная, заратустрь,
А небо синее, моцарты!

РУБЛЕННЫЕ РУБАИ

Глеб Сергеевич достал из портфеля пачку листов и протянул мне:

– Женя, раздай всем ребятам по кругу.

На каждом листе был отпечатан под копирку небольшой текст. Оказалось, это был подстрочный перевод какого-то четверостишия.

– Мы с вами будем учиться переводу с подстрочника, – сказал учитель. – Перед вами рубаи знаменитого персидского поэта Омара Хайяма.

Далее Глеб Сергеевич вкратце поведал об Омаре Хайяме, который при жизни был великолепным математиком и астрономом (звездочетом), а

прославился и остался в веках как непревзойденный мастер стихотворных афоризмов, называемых рубаями. Они были исполнены глубокой мудрости и жизнерадостности. Хотя он закончил медресе, но все же не был религиозным занудой, а скорее отличался веселым гедонизмом и лукавой иронией. Все это отразилось в его четверостишиях, где рифмовались только первая, вторая и четвертая строки.

– Переводчиков Хайяма было много, – сказал Глеб Сергеевич. – А хороших переводов – мало. Про одного из неудачных толмачей даже сохранилась эпиграмма:

Хайям, узнав,
что переводчик Румер,
Воскрес, прочел
и тут же снова умер.

– Так вот, чтобы не уподобиться несчастному Румеру, нужно относиться к переводу серьезно, вдумчиво, без спешки, и сразу не печатать переведенный текст, – продолжил Глеб Сергеевич, видимо, полемизируя с кем-то невидимым для нас. – Я уже давно перевожу Хайяма, и скажу честно: не все мои переводы меня устраивают полностью. Перед вами – подстрочник стихотворения Хайяма, в котором рефреном звучит словосочетание «у меня». Я же перевел с другим рефреном – «могу», что не соответствует оригиналу, и потому не совсем точно. Вот послушайте:

Я румянцем сравниться
с тюльпаном могу,
С кипарисом поспорить
я станом могу.
Но в вопросе –
зачем сотворен я из праха? –
Я считать себя полным
профаном могу.

Глеб Сергеевич поставил перед нами задачу – перевести четверостишие с подлинным рефреном «у меня». Это было высоко

доверие: учитель приобщал нас к собственным исканиям, впускал нас в свою творческую лабораторию. В иконописании есть такой способ: ученика сажают рядом с мастером и заставляют делать то, что делает тот. Постепенно ученик овладевает необходимыми навыками, и сам становится мастером. Такой же способ обучения применял и Глеб Сергеевич.

Через пару дней мы с Крыжановским, пируя в его котельной, весело обсуждали задание учителя.

– Будем рубать рубаи, – вздохнул Андрей.

– Не рубать, а вырубать, – подхватил я. – Из мрамора.

– Хоть из мрамора, хоть из гранита, а все равно лучше всех получится у Бори Григорина. Он у нас известный толмач.

И рассказал такую историю. Однажды Борис переводил стихотворение о стерхах какого-то якутского поэта. Живет пара стерхов. В начале лета самка откладывает в гнездо только два яйца. Птенец, который вылупился первым, должен обязательно вытолкнуть из гнезда второе яйцо. Таков суровый закон природы – двоих птенцов родителям не прокормить. И вот Борис всю эту орнитологическую трагедию

блистательно оформил в двух строках, над которыми сам потом добродушно смеялся:

Ну а летом два яйца у стерха,
Да и то одно обречено.

Через две недели – занятие литературного объединения. Каждый из нас зачитывал свой вариант перевода. Глеб Сергеевич внимательно слушал и сразу отмечал недостатки. Наконец, очередь дошла до меня. Я прочел то, что мне удалось сделать:

Розовеет лицо,
как тюльпан, у меня,
Гнется, как кипарис,
гибкий стан у меня.
Но зачем, о Аллах,
сотворен я из праха? –
В размышленьях подобных
туман у меня.

– Долго трудился? – спросил учитель.

– Порядочно, – признался я.

– Ну что ж, достигнут результат!

НЕЗАБУДКА И ПРЕЗЕРВАТИВ

– На следующей неделе выходим в свет, – сказал Глеб Сер-

геевич. – Людей посмотреть, себя показать.

– ?

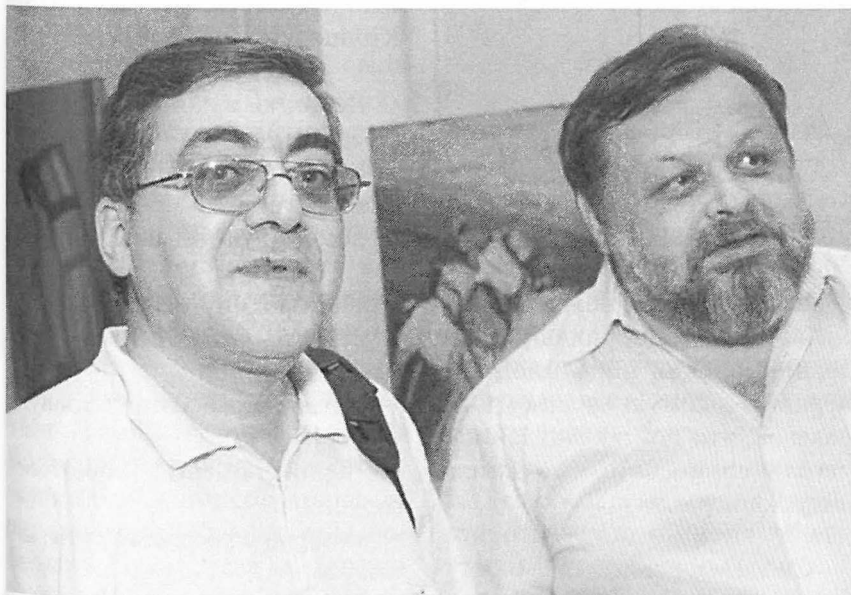
– Встречаемся с литературным объединением Виктора Сосноры – будем читать друг другу стихи.

Это была неожиданная радость! Виктор Соснора – кумир тогдашней поэтической молодежи. Многие зачитывались его необыкновенными яркими стихами, которые были насыщены свежим воздухом грозы. Его последняя песнь Бояна была бесподобна:

Я всадник. Я воин.
Я в поле один.
Последний династии
вольной орды.
Я всадник.
Я воин во все времена.
На левом ремне
моем фляга вина.

И вот я увидел перед собой легендарного всадника. Соснора не сидел, а величаво восседал на стуле, как какой-нибудь средневековый рыцарь. Нога закинута на ногу, руки скрещены на груди, лохматая львиная грива откинута назад. С высоты своего положения он, подобно орлу, гордо озирает робких молодых пиитов из семеновского объединения. Глеб Сергеевич, устроившись в сторонке, как обычно, слегка сторбился за столом, тем самым напоминая нахохлившегося мудрого ворона.

Первыми в бой ринулись конники Сосноры. Они лихо скакали по ритмам, рубя шашкой рифмы и метафоры, ниспровергая идолов традиционного стихосложения. В стремительном поэтическом полете вырисовывалась абсурдная картина бытия, в которой и просвета никакого не было. Пожалуй, самыми оптимистичными выглядели стихи о пьянстве. Словно подтверждая мои впечатления, в небольшой зал вошел мужчина помятого

Поэты Борис Григорин и Евгений Лукин

вида и уселся рядом со мной. Из карманов его потертого пиджака торчали два «фуфыря» – две огромных бутылки народного портвейна «Агдам».

– Давно начали? – просипел он пропитым голосом и дыхнул на меня перегаром.

То ли от хмельного благоволия соседа, то ли от беспорядочного топота стихов лихая конница Сосноры на моих глазах превращалась в стремительную монгольскую орду. Завершил кавалерийскую атаку боевой отрок, из выступления которого я запомнил две строки, но они прозвучали как сентенция всего, что было сказано ранее:

И лишь один остался позитив:
Плывущий по Неве
презерватив.

Мы были ошеломлены. Выступить первым нашел в себе мужество Михаил Аникин. Он прочитал стихи о суровой реальности северной деревни и закончил хвалебной песней творчеству. Следом поднялась Ольга Бешенковская, которая с вызовом воскликнула: «Жизнь радужней, чем крылья стрекозы!» И убедительно закончила: «Еще не все деревья – на кресты, не все цветы придавлены бетоном». Глеб Сергеевич попросил меня прочесть стихотворение о золотой рыбке, которое ему нравилось:

Вот рыбка золотая
Среди морских зыбей
Играется, не зная,
Что я слежу за ней.

Ее удел просторный
Расположился тут.
Улитки, как валторны,
На камушках поют.

Прекрасна рыбка в море,
Старик – на берегу.
И ветер во всё горе
В трубу гудит: гу-гу.

Ни голубой светлицы,
Ни крепкого плетня.
Ни смерда, ни царицы,
Ни хлеба, ни коня.

Есть дом и поднебесье,
Корыто и вода.
И сохнут, как созвездья,
На кольях невода.

А море плещет, плещет,
И рыбка в море том
Играется и блещет
Молчком, молчком, молчком.

Пока я читал, конники Сосноры, вальяжно раскинувшись, как на бивуаке, смешливо переглядывались и осклаблялись, видимо, сравнивая мою золотую рыбку с одиноким резиновым изделием. Они предчувствовали близость победы, которой отсалютуют

Поэт Ольга Бешенковская

две мортиры – два огромных «фуфыря».

Чтобы вырвать победное знамя из рук сосноровцев, Ольга Бешенковская под конец совершила дерзкую вылазку. Она сказала, что под впечатлением сегодняшнего вечера сочинила такую эпиграмму:

Сходилась коллектив
на коллектив,
Как незабудка и презерватив.

Раздались дружные аплодисменты. Остроумной поэтессе хлопали все, даже медный всадник Соснора. Глеб Сергеевич по доброму улыбался: молодец, Оля!

ЗВАННЫЕ ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

Глеб Сергеевич приглашал гостей – не всех подряд, а избранных. К избранным относились те, кого он особенно уважал. Абы кто прийти на занятие литературного объединения не мог. Учитель не любил случайных импровизаций. Как-то к нам на огонек заглянул один подвыпивший поэт – хотел навеселе почитать стихи. Но сходу получил от ворот поворот. В таких случаях руководитель был неуступчив.

На моей памяти лишь однажды Глеб Сергеевич сделал исключение, когда на занятие неожиданно явился поэт Виктор Кривулин. Его привел во Дворец культуры член нашего литературного объединения Володя Шенкман, который долго извинялся перед учителем, но все же добился того, чтобы его другу предоставили возможность выступить.

Виктор Кривулин – поэт не от мира сего, и, конечно, свое выступление начал с дантовских терцин:

Земную жизнь пройдя до
середины,
споткнулась память. Опроки-
нулся и замер
лес, погруженный в синеву.

Из опрокинутой корзины
струятся ягоды с туманными
глазами,
из глаз скрываются в траву.

Черника-смерть! Твой ответ
голубиный
потерян в россыпях росы, не-
осязаем
твой привкус сырости, твой
призрак наяву.

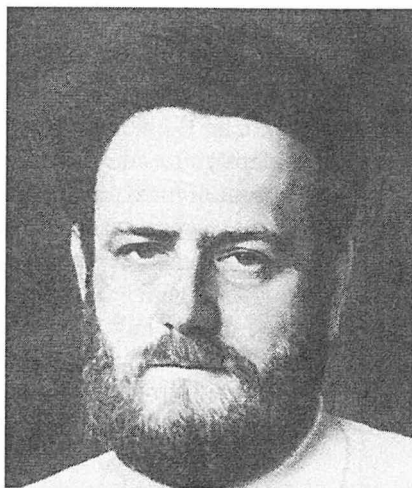
Но кровотоцит мякоть сердцевины –
прилипла к небу, стала головами,
с какими в памяти раздавленной живу.

Глеб Сергеевич смотрел на Кривулина каким-то жалостливым взглядом. А тот читал и читал – слегка надрывно повышая голос, словно его вот-вот остановят и не дадут произнести следующую строфу. После занятия мы шли к станции метро вместе, и учитель, попрощавшись с незванным гостем, вздохнул:

– Какой талантливый, но несчастный человек!

Мне показалось, что таким же взглядом он смотрел и на другого гостя – переводчика Александра Александровича Щербакова, который подарил русским читателям шедевры Льюиса Кэрролла – «Зеркальце» и «Алису в стране чудес». Как представляется, причина такой «жалости» нашего учителя состояла в том, что живой и страстный Щербаков, нападая на своих конкурентов по переводу – Бориса Заходера или Владимира Набокова, не желал взглянуть на обстоятельства со стороны, подняться над схваткой, стать не участником, а наблюдателем. Такая наблюдательная позиция была свойственна Глебу Сергеевичу, составляла значительную часть его философического умонастроения. Ведь она позволяла объективно оценить достоинства или недостатки того или иного перевода, того или иного творца, да и вообще всякого события.

Среди долгожданных гостей «Нарвской заставы» был поэт Геннадий Иванович Алексеев – основоположник современного русского верлибра, сиречь свободного стиха. Русая окладистая борода, правильные черты лица, прямой выразительный взгляд –

Поэт
Геннадий Алексеев

все это свидетельствовало о том, что перед нами настоящий русский зодчий, готовый снова воздвигнуть чудесный храм Покрова. Он и начал разговор прямо, без обиняков:

– Сколько веков существует на Руси силлабо-тонический стих? От силы триста лет, когда в русскую культуру вторглись поляки. А вот свободный стих господствует на наших просторах тысячелетие, начиная со «Слова о полку Игореве», а может быть, и раньше! В мировой культуре свободный стих – абсолютный долгожитель. Сегодня в Европе никто не пишет силлабо-тоникой – там всюду распространен верлибр, который позволяет свободно дышать.

– Как я строю свои стихи? Конечно, это не беспорядочное собрание слов. Это сознательно выстроенная архитектура, это железобетонная конструкция – я ведь все-таки зодчий. В моих стихах есть фундамент, есть последующие этажи, состоящие из перечислений или развития сюжета, и есть крыша, которая гармонично завершает все здание, дает некий синтез, некий образ.

Геннадий Алексеев стал читать стихи. Среди прочих прочел стихотворение «Демон» в качестве яркого примера поэтической архитектуры – фундамент, этажи, крыша:

Позвонили.
Я открыл дверь
и увидел глазастого,
лохматого,
мокрого от дождя
Демона.

– Михаил Юрьевич Лермонтов здесь живет? – спросил он.

– Нет, – сказал я, – вы ошиблись квартирой.
– Простите! – сказал он и ушел,
волоча по ступеням
свои гигантские,
черные,
мокрые от дождя
крылья.

На лестнице
запахло звездами.

Валерий Земских слушал стихи Алексеева заворуженно, словно магнетически заряжался от них. Глеб Сергеевич это заметил, и потом сказал мне:

– Ну да, Валерию Земских это близко, а вот мне, по правде говоря, нет. Я – неисправимый традиционалист, хотя приветствую и другие способы стихосложения.

В этом смысле учитель был человеком разносторонним, который никому ничего не навязывал и каждому предоставлял свободу выбора.

ВОЛКОВО КЛАДБИЩЕ

Последний раз я разговаривал с Глебом Семеновым по телефону накануне 1982 года – поздравлял с Новым годом и желал скорейшего выздоровления. Голос в трубке был слабый и какой-то надмирный, что ли. Он спрашивал о «Нарвской заставе», и я говорил ему, что занятия продолжают, и мы очень его ждем. Действительно, пока не было учителя, его обязанности добровольно возложили на себя мы – Андрей Крыжановский, Татьяна Красовицкая и я. Мы старались

как-то заменить Глеба Сергеевича, хотя прекрасно понимали, что заменить его невозможно. И вот что удивительно: в предчувствии беды мы еще крепче сплотились...

Путь на Волково кладбище был неблизкий. Стоя перед могилой, вырытой в снежном поле для учителя, я ничего не слышал – ни прощальных речей, ни шепота слез. Я, как оглушенный, смотрел на черную воду, которая собиралась на дне ямы. Потом туда медленно опустили гроб, и мерзлые комья земли стали ударяться о деревянную крышку последнего прибежища поэта.

Не помню, как возвращался с кладбища, как садился в автобус. Очнулся, когда меня взяла за руку Нонна Слепакова.

– Что вы теперь будете делать? – спросила она. – Что вы будете делать без Глеба?

– Не знаю, – выдохнул я.

После похорон мы собрались в котельной на Московском проспекте, 80 – Андрей Крыжановский, Наташа Перевезенцева, Сережа Носов, Борис Григорин, Валерий Земских, Наташа Ланковская, Лариса Махоткина, Елена Шалапина... В тот траурный день там кочегарствовал Алексей Давыденков. Накрыли стол, на столе поставили стопку с водкой и черным хлебом. Помянули Глебушку Сергеевича: царство ему небесное! Потом стали читать по кругу стихи учителя. Каждый выбирал самое любимое стихотворение. Я прочитал вот это:

Шум дождя на веранде,
лето, дачный сезон.
Сколько там ни горланьте,
я дождем обнесен.
Я дождем забормочен,
мне совсем не до вас.
Да и весел не очень
я, наверно, сейчас.

Шум дождя на веранде,
каждодневный недуг.
Никаких нет гарантий,
что разведется вдруг.
Ни малейшей отсрочки.
Так что, брат, не ершись!
Недописаны строчки,
недодумана жизнь.

Шум дождя на веранде
до конца моих дней.
Напоследок сварганьте
кофе мне почерней.
Или нет, погодите,
лучше сам я сварю.
Вы со мной посидите,
я на вас посмотрю.

Этот ясный и лучистый взгляд Глеба Сергеевича, еще недавно такой близкий и родной, согревавший своей добротой и любовью, теперь был обращен на нас с недостижимой небесной высоты.

Лето 2020 года. Комарово

Аутентичность

РАССКАЗ*

«Надо думать по-русски», – подумал Стив определенно по-русски. Заодно подумал по-русски, что здесь, на кладбище, русскими словами думается легко, без принуждения. Это потому, наверное, что на чтение про себя – в уме, то есть – бессмертных ее стихов он настроился загодя – in advance.

Русским, по мнению многих, он владел превосходно.

Где-то далеко затихала электричка, поглощаемая тишиной. Все замерло и застыло, и, если бы не листья, падавшие один за другим, замерло бы и застыло действительно все.

Никого не было, ни одного человека; он знал, что в иные дни к этой могиле идут толпами, и благодарил провидение, что сейчас он один. Менее всего хотелось думать о себе, но он не мог не вспомнить вчерашний день: как друзья друзей показывали ему Царское Село и он страдал из-за отсутствия одиночества.

Царскосельские первыми пришли на память – двадцать первого года, со сложным ритмом: «Пятым действием драмы / Веет воздух осенний, / Каждая клумба в парке / Кажется свежей могилой...» – и далее – до конца, как читают молитву, шевеля губами, – прочитал про себя Стив. Этот «воздух осенний»!.. Он дышал им так же сейчас, как она им дышала тогда!.. По крайней мере, он сейчас этому верил.

Он помнил наизусть множество стихотворений Ахматовой. Он мог их декламировать часами. Но что-то случилось тут – он не

ожидал этого, – случилось нашествие: вслед за первым стали вспоминаться все сразу, без очередности, одновременно, друг друга тесня, давя и калеча. Стив испугался. Он испугался за свою голову и Ахматову в своей голове. Словно были стихи не стихами сейчас, и уж тем более не стихами Ахматовой, а какими-то мозгключейными ментальными бесами, посторонними оборотнями, овладевшими формами не принадлежавшего им совершенства. Такого с ним никогда не было. И с ней (у него) – тоже. Его едва не трясло. И все-таки он взял себя в руки – он приказал себе громко: «Молчать!», нет: Shut up! – и все прекратилось.

Воздух осенний. Воздух сосновый. Перенасыщенный здесь кислородом.

Нет, не мигрень.

Вечернее солнце касалось вершин деревьев.

Сердцебиение и частота дыхания приходили в норму.

Спасибо вороне на ветке за то, что молчит.

Просто побыть.

И хорошо, что побыть.

И хорошо.

Хорошо.

Хорошо.

Просто побыть – это очень по-русски. Это быть и не быть, но с кучей нюансов. Побывать – это где-то побыть. Когда-то побыть. С кем-то побыть. Но про «побыть» вдруг словари. Побывать – это еще молчать ни о чем. Молчать ни о чем, думать (себе) ни о чем. Русский дзен, постигаемый лишь через опыт. К своим двадцати де-

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ НОСОВ

писатель, поэт, драматург

вяти Стив твердо усвоил: между «думать ни о чем» и «ни о чем не думать» – бездна несказанного смысла – *great difference*, но постичь глубину эту только русские могут. Тайну глагола «побыть» Стиву в годы его кройдонского отрочества поведала бабушка Лора, уроженка города Куйбышева, она же научила способного внука не бояться двойных отрицаний.

Урной с прахом бабушки Лоры заведует дядя Энди в Аккрингтоне. Стив никогда этой урны не видел.

Повернулся на шорох: по опавшим листьям, не боясь ничего, шустрил мимо могилы еж.

Господи, как хорошо!

Едучи сюда в электричке, Стив питал в себе дерзость прочесть на могиле Ахматовой – и обязательно вслух – свои переводы: два-три на английский. Сейчас эта идея казалась ему дикой.

Он коснулся рукой чугунного креста и негромко сказал:

– Простите.

В поселок Стив шел вдоль канавы по левой стороне шоссе. Ему хотелось, чтобы это называлось лесом; дорожки тут не было: под ногами мох, кочки, корни сосен, черничник. С черникой он в сентябре опоздал, хотя отдельные ягоды еще попадались. Ягоды черники не столько черные, сколько синие, и называть черничник синичником было бы намного вернее. К черному тут пристрастны. Черная речка, черные лестницы в Петербурге, черный человек, напугавший Есе-

* Впервые опубликовано в журнале «Октябрь», номер 11, 2016. Публикуется с разрешения автора.

нина. Однако нет черничного цвета, тогда как брусничный имеется. Стив знал: брусничного цвета был фрак Чичикова. Стиву покамест не встречалась брусника.

Он поступил по совести, по человечески, верно, как нужно, правильно, что приехал и побыл тут по-людски. Было легко на душе, свободно.

Надо было обойти муравейник.

Стив перепрыгнул канаву и вышел один на дорогу.

Одна машина проехала. Стив до сих пор не переставал удивляться, что каждый раз еще отмечает, что ездят не по той стороне.

Почему-то ни в Европе, ни в Америке ему так не казалось, и только в России почему-то казалось именно так.

Возвращаются со Щучьего, подумал Стив... *shchautsya* – *so-shchuchevo*... со Щучьего озера.

Он и скороговорки подчинял языку, мог изловчиться: «Стоит копна с подприкопеночком, а под копной перепелка с перепеленочком».

Другая резко затормозила и остановилась шагах в десяти.

– Стив!

Это была Арина. Она вышла из машины и махала ему рукой.

Стив ее сразу узнал, но, что Арина, вспомнил не сразу.

– Ничего себе! Еду и глазам не верю: Стив!.. Ты куда? В город?

– Угу, – отвечал Стив в разговорной манере. – На железнодорожную станцию.

Поцеловались три раза.

– Садись. Мы тоже в город.

Молодой человек лет четырнадцати освобождал рядом с собой от курток и сумок место для Стива, внимая указаниям сидящего на переднем сиденье владельца рыжей бородки. Стив поместился. Арина, сев за руль и повернувшись к Стиву, знакомила: тот, кто с бородкой, был Влад, а это Коля, их сын. О себе Стив услышал, что он «английский поэт и большой знаток русской поэзии» и что Арина с ним познакомилась в Доме писателя на вечере его переводов. И что он тут на месяц всего и скоро назад.

Они же всей семьей ездили за грибами.

Пожав руки Владу и Коле, Стив поинтересовался:

– На Щучье?

– Не совсем на Щучье, – сказала Арина, пытаясь отогнать от лобового стекла существо, похожее на осу. – На Черное.

– На Черное?

В том, как Стив отозвался на «черное», было что-то такое, что побудило Колю весомо добавить:

– На Черное озеро, за Черный ручей.

– Интересно, в Черном озере можно купаться? – зачем-то спросил Стив.

– Осень, – сказал Влад, открыв дверь. – Последние часы доживает. – Он проводил взглядом осоподобную муху, наконец изгнанную из машины. – Всё уже, откупались.

– Короче, это в лесу, – сказала Арина, поднимая стекло. – А машину, да, у Щучьего оставили, перед шлагбаумом. Ну а ты, значит, к Ахматовой? Молодец. Что же не позвонил? Мы бы тебя за грибами взяли.

Тронулись.

Стив открыл рот сказать: «Поехали!», а произнеслось невольно: «Повезло!» – что, впрочем, тоже оказалось кстати.

Арина охотно ответила:

– Конечно, повезло. Трясся бы в электричке.

– Много ли грибов собрали в лесу? – спросил Стив.

На это Коля сказал:

– Три корзины в багажнике.

Щучье озеро

– Подсосновники? Или больше груздей?

Коля хихикнул.

Арина стрельнула глазами в зеркальце заднего вида:

– Преимущественно лисички. Будку ты, конечно, уже посмотрел? Ну и как – постоял на крыльце?

Муж Влад счел нужным пояснить:

– Будка – это дача Анны Ахматовой, писательская, она ее сама называла будкой.

– Слушай, он лучше тебя знает про будку. Он Ахматову на английский переводит. Он про нее все знает.

Они въезжали в поселок.

– Там живут, – сказал Стив. – Я думал, музей. А там забор. Плохо видно.

– Блин! Ты испугался забора? – воскликнула Арина, всплеснув руками и снова схватившись за руль. – Приехал в Комарово и не подошел к будке Ахматовой? Ну я на вас англичан поражаюсь!

Про англичан Стива задело. Он хотел сказать о надписи, которую прочитал на калитке: «Территория Литфонда. Посторонним вход запрещен», но промолчал. Влад что-то буркнул невнятное, Арина ему отрывисто ответила, и они стали спорить о чем-то своем – с какой стороны лучше куда-то заехать, с улицы Осипенко или Кудринского переулка. Стив молча глядел в окно. Здешние поэтессы, вероятно, думают, что Стив остерегается их, потому что они будто бы ждут от него перевода на английский их нетленных творений. Так они, вероятно, думают о Стиве. Стив догадывался, что они о нем так, вероятно, думают, но он сам не знал, правы они или нет. Со своей стороны, он не хотел давать им повода так думать о себе и сам понимал, что дает повод так думать (хотя бы некоторым). Арина повернула в Кудринский переулок.

Честно признаться, Стив не помнил ее фамилии, но у него

была книжка ее стихов, с автографом.

У него уже книг двадцать с автографами, а ведь он здесь всего две недели.

Слева потянулась безукоризненно ровная стена.

– Дача Медведева, говорят, – сказала Арина с наигранной гордостью, но, о каком Медведеве говорят, Стив не сообразил.

Повернули направо, к покосившемуся забору, остановились. Этот убогий штакетник с облезлой краской составлял контраст величественной стене «дачи Медведева», оставшейся теперь позади. Влад выскочил из машины, подбежал к забору и снял с него кольцо из проволоки – забор немного раздвинулся, и Стиву стало понятно, что здесь не столько забор, сколько ворота. Влад поочередно развел створки забора, а иначе ворот, одну он зафиксировал на месте с помощью булыжника, а другую придерживал сам. Арина въехала на территорию. И только сейчас, когда уже въехали, Стив сообразил, куда его привезли – на территорию Литфонда. У него замерло сердце.

Он узнавал эти углые дачи. Прежде он видел их с другой стороны – с улицы Осипенко. Проехали одну, другую, проехали колодец и остановились прямо перед ахматовской будкой.

– Ну вот, любуйся, – сказала Арина.

Вышли из машины.

– Спасибо, – выдохнул Стив.

Когда часа три назад по пути на кладбище он рассматривал дом из-за ветхого того забора (то бишь со стороны улицы Осипенко), обращала на себя внимание просторная веранда, дом оттуда не казался будкой. Он и отсюда не казался будкой, но не потому, что здесь тоже была веранда – она была небольшая, гораздо меньше, чем та, – а потому, что под будкой Стив понимал нечто другое – скорее вытянутое в высоту, чем распространенное по

ширине и долготе поверхности. Если дом внешне и напоминал будку, то будку, положенную набок. Будку, положенную набок, с пристройками.

Перед окнами рос куст шиповника. На крыльце лежали желтые листья. Между двух сосен была натянута веревка с бельевыми прищепками. Устройство для умывания, именуемое рукомойником, было приделано к третьей сосне, ближайшей к дому. Под кривоватым дачным столиком, накрытым клеенкой, Стив заметил ржавый, покореженный мангал – наверное, очень старый, но вряд ли когда-нибудь принадлежавший Анне Андреевне. Все говорило о том, что дом и сейчас обитаем.

Арина подошла к столику и стала стряхивать рукой сосновые иголки с клеенки. Коля, глядя себе под ноги, поплелся к забору в траву – он хотел найти еще один гриб. Приближался Влад, закрывший ворота:

– А ведь нет никого! Конец сезона!

– Не кричи, – сказала ему Арина. – Зачем кричать?

– Смотрите, – сказал Влад, понизив голос. – Все дачи пустые. Литфонд, а не могут сторожа нанять. И сколько же она тут жила?

– Достаточно долго, – сказала Арина.

Стив знал точно:

– Десять лет. С пятьдесят шестого по шестьдесят пятый. Последние десять лет жизни. – И тут же поспешно уточнил: – Десять лет, но не зим.

– Разумеется, – пробормотал Влад. – Это летние дачи.

Сопровождаемый Владом и Ариной, Стив обходил дом посолонь – *posolon*, по часовой стрелке – *clockwise*. Он пожирал глазами все, что видел, любую деталь: окно на чердак, две обитые железом трубы, кривые березки и стройные сосны, окружавшие дачу, а также редкие пни – *stumps*.

– Третье крыльцо, – удивился Стив.

– Запасное, – сказала Арина. – Сейчас в этих домиках по два писателя живут. Каждому по крыльцу, и одно общее. Так у всех.

– Двенадцать писателей на шесть будок, – сосчитал Влад.

– Будка только у Ахматовой, – сказал Стив.

– Да они тут все одинаковые.

– Нет, – настаивал Стив на своем, – только Ахматова называла свой дом будкой. Теперь это историческое название.

Подошел Коля, он держал гриб:

– А как по-английски «будка»?

– Если говорить *kennel* или *sentry-box*, в данном случае будет неточно. Это все-таки не собачья будка и не караульная будка... Поэтому я перевожу так: *budka*.

– А правда по-английски «дача» так и будет «дача»?

– *Cottage*. Но и *dacha* тоже есть. Это после Чехова, – сказал Стив.

– Значит, мы обменялись: вы нам коттедж, а мы вам дачу, – заключил Коля.

– Нет, нет. Это не обмен. В Англии не отказались от коттеджей, в России не отказались от дач. Правильно будет: мы поделились.

– *Is it a dacha?* – обращался Коля в пространство. – No, it is a *budka*.

Гриб у него был подберезовиком. Коля сказал:

– Подсосновник.

Помолчали.

– Вообще-то, – сказала Арина, – можем и внутрь зайти, если так уж вам хочется.

Стив не понял:

– Куда?

– Туда. Он ключи рядом с крыльцом прячет. Я знаю.

– Кто прячет ключи?

– Ну, тот, кто арендует эту часть дома.

Стив снова не понял:

– Простите?

Арина наклонила чурбан перед столиком – посмотреть, нет ли ключей под ним. Подвинула

дощечку, зачем-то прислоненную к фундаменту.

– По-моему, – сказал Влад, – эта идея не очень хорошая.

– А по-моему, очень хорошая, – и просунула ладонь в щель под крыльцом, к ужасу Стива. – Посмотрим и на место положим.

– Нет! – воскликнул Стив. – Ни в коем случае! Это неправильно! Нельзя!

– Без паники, – сказала Арина, достав мобильник из кармана куртки. – Сергей Анатольевич, наши приветствия! Не сильно отрываю?.. Слушай, мы тут в Комарово рядом с тобой. С нами англичанин, ты, наверное, знаешь... Стив Роут, помнишь, на вечере... Да нет, он Ахматову переводит... Короче, я хочу ему показать... Под окном?.. А где под окном?.. Слева, справа?..

Она протиснулась между столиком и шиповником к стене дома и приподняла с земли край железяки, засыпанной мелкими веточками и сосновыми шишками, – там лежал полиэтиленовый пакетик с ключом.

– Ага! Спасибо! Нашла. Чао!

Сердце Стива сильно забилося. Он и представить себе не мог, что побывает в будке Ахматовой.

– Делов-то, – сказала Арина, открыв дверь. – Милости просим.

Вошли на веранду все четверо. Стив увидел старое дачное кресло, журнальный столик на трех тонких ножках. У стены стояло в собранном виде то, что называлось, как он знал хорошо, раскладушкой. На кухонной тумбе, похожей на ящик, располагались электрические плитка и чайник. Тщательно вытирая ноги о пупырчатый половичок из жесткого пластика, Стив разглядел веник, топор и резиновые сапоги, надо полагать, Сергея Анатольевича.

Как видно, веранда одновременно служила кладовкой и кухней.

Направо вела застекленная дверь – Арина открыла ее и по-

сторонилась, приглашая Стива переступить первым порог.

Стив сделал шаг и оказался в комнате.

В комнате Ахматовой.

– Ну, проходи же, Стив, мы тоже хотим.

Но он оцепенел. Очнулся, когда его отодвинули в сторону.

Перед ним была печка-голландка, когда-то она грела Ахматову – Стив сожрал ее глазами немедленно; у противоположной стены стояли бок о бок два старых шкафа – Стив сожрал их глазами немедленно; стол у окна – Стив его сожрал, и еще раз сожрал, и еще раз глазами сожрал. Странно, что предметы не исчезли: столь ненасытен и всепоглощающ был взгляд Стива. Арина с опаской следила за гостем.

– Тю-тю, – коснулась его плеча.

– Можно? – спросил Стив сдавленным голосом.

– Можно – что?

– Сесть на стул.

– Да кто ж не дает?

– За стол.

– Да садись на здоровье.

Стив сел.

Стул был старый, неустойчивый, аутентичный.

Стол был старый, письменный, аутентичный. С выдвижными ящиками. И перед окном.

Стив сидел за столом и смотрел в окно, как смотрела когда-то Ахматова.

За второй дверью – там, по видимому, коридор (Стив помнил описание этого дома, богатого какими-то чуланчиками и закутками), за второй дверью отец и сын обсуждали рычажки электрораспределительного щита. «Мам, щелкни выключателем!» Стив слышал, как Арина щелкала выключателем за его спиной, но свет не зажигался. «Мам, а теперь?» – «Слушайте, оставьте в покое электричество! Еще светло».

– Какой ты впечатлительный, Стив.

Он сказал:

– Не представляю.

– Чего же ты не представляешь?

– Они здесь живут и работают.

– А, ты про этих. Так они на разных половинах дома. У Валерия Георгиевича большая веранда, но там печки нет. А у этого веранда маленькая, зато комната с печкой.

– Что же они пишут?

– Прозу пишут. Прозу обыденной жизни. – У нее защебетал телефон птичьими голосами. – Вот, легок на помине.

Стив перевел взгляд с раздернутой занавески на деревянный стакан, из которого торчали шариковые ручки – колпачки у них были явно обгрызены.

– Да, вошли, без проблем, спасибо, – говорила Арина. – Чай зеленый? В пакетиках?.. Так ты же электричество отключил... Ладно, разберемся... По-моему, да... По-моему, очень... На грани потрясения... Сидит за столом, кайф ловит... Туалет – это не главное, не переживай... А может, ему переночевать здесь, как думаешь?.. Очень остроумно. – Она вышла на веранду. – Нет, не со мной... Ты дурак?.. У меня, между прочим, муж здесь... И нам еще грибы дома чистить... Да, спросу. – Появилась в дверях. – Стив, ты хочешь переночевать здесь?

Стив спросил:

– По-настоящему?

– По-игрушечному. – И в телефон: – Да, хочет. – И Стиву: – Только чистого белья нет. Есть одеяло и подушка.

– Я не буду спать, я буду бодрствовать.

– Он будет бодр... бодрствовать... Зараза, не выговорить!..

– Мам, шелкни еще!

Арина протянула свободную руку к выключателю, и свет на сей раз в самом деле включился – прямо над Стивом зажглась подвешенная к потолку лампочка.

Стив боялся поверить в происходящее – *to believe in what's*

happening. Все это походило на жестокий розыгрыш. Разговор телефонный, между тем, продолжался, но теперь Арина ограничивалась короткими ответными репликами, а в основном слушала. По ее «ну да», «о'кей», «само собой разумеется» Стив догадывался, что даются ей наставления. Отец и сын перемещались по комнате, трогая что-то и передвигая. Они то входили, то неведомо зачем выходили то в одну дверь, то в другую. Наконец, Влад бесцеремонно сел на кровать, покрытую шерстяным одеялом, – на старую деревянную кровать как бы с аутентично лакированными и обшарпанными спинками... У Стива на душе защемило. Но он вспомнил, что кровати у Ахматовой не было здесь, а был здесь, он читал когда-то, матрас на кирпичах, и сразу как-то отлегло.

– Слушай, повтори ему сам, – сказала Арина и передала телефон Стиву.

– Здравствуйте, Стив. Никаких особых правил нет. Пожалуйста, не забудьте завтра перед отъездом положить ключ на место. Не знаю, открыта ли со стороны коридора дверь к соседу, туда заходить нельзя: это чужое. Ночью будет холодно, вы умеете топить печь? Дрова лежат за плитой на общей кухне, вход со стороны коридора. Надеюсь, плиту вы разжигать не будете (Стив тут вспомнил о второй трубе на крыше), ее сто лет никто не топил. Что касается печки, Стив, тяга отличная! Будьте осторожны, задвижку уберете, когда прогорят угли, иначе вы угорите. Вы знаете, что такое задвижка? Вода в колодце отличная, питьевая, но рекомендуется кипятить. Не отпускайте ручку, пока не взяли ведро, иначе ведро полетит вниз и вас ручкой ударит. Сообразите. И что касается еды. Ну там только чай зеленый в шкафчике, и, кажется, всё. Рекомендую сходить в магазин на станцию. Сковородка, кружки там, вилки, ложки и тому

подобное – всё на веранде. И да – перед уходом отдерните занавески, пожалуйста. Это для того, чтобы наркоманы видели, что в комнате нет ничего ценного. На ночь занавески я лично задергиваю. Но это как вам нравится. Вы же за впечатлениями приехали, не так ли?

– Так! – ответил Стив живо. – Я буду всю ночь работать с Ахматовой!

Магазин закрывался через полчаса.

Стива подкинули. («Мы тебя подкинем», – сказала Арина, и Стив подумал, что этот глагол очень правильный: состояние легкой подкинутости уже давно располагало Стивом.)

Все торговые точки в Комарове рядом с платформой – здесь попрощались. От грибов к ужину Стив категорически отказался и не захотел слушать, как надо готовить грибы. Уже потемнело порядком. Семья грибников в самом что ни на есть приподнятом настроении отправилась в город, а Стив, слегка обалдевший, смотрел им вслед – как они поворачивают на Привокзальную улицу и уезжают по ней в сторону железнодорожного переезда. Через минуту Стив обнаружил себя у дверей одноэтажного домика с белыми стенами и красной крышей – это был магазин «Продукты».

Подкинутый Стив тут вспомнил слово «подкидьш». Как раз про него. Большой комаровский подкидьш. Откроется дверь магазина «Продукты», выйдет хозяин и крикнет жену, они оглядят Стива-подкидьша, возьмут его под руки и заботливо введут в магазин.

Этого не случилось.

Он смело вошел в торговый зал магазина «Продукты», но тут же остановился, чтобы сосредоточиться и понять, чего же он хочет.

Стив был голоден, он с утра ничего не ел, и все же, несмотря на аппетит, он строго определил

себе иметь умеренный ужин. Кроме того, он решил ограничить себя выбором аутентичной еды, отвечающей исключительности обстоятельств.

– Эти огурцы соленые? – спросил Стив, показывая на банку на полке.

– Маринованные, – ответила продавщица.

– А есть ли соленые огурцы?

– Есть квашеная капуста.

– Очень хорошо, – сказал Стив.

Продавщица поставила на прилавок небольшой контейнер с квашеной капустой, круглый и, если быть точным, четырехсотпятидесятиграммовый. *Too much*, – подумал Стив, но тут же отогнал эту внезапную мысль.

На витрине он разглядел плавленые сырки, один из них назывался «Дружба». О «Дружбе» Стиву доводилось читать у Довлатова и других авторов, но он никогда не пробовал «Дружбу». От одного лишь вида плавленого сырка потекли слюнки – *it made his mouth water*. Попросил «Дружбы» две штуки.

«Черный хлеб», – вспомнил Стив, без чего нельзя. (Именно черный. Или иначе – ржаной.) Ему дали полхлеба, минимальную расфасовку.

Тогда Стив спросил:

– Есть ли баранки?

– Баранок нет, бублики есть. Последний остался.

– Могу ли я на него посмотреть?

Продавщица надела на правую руку прозрачный полиэтиленовый мешочек, словно это была варежка или перчатка, взяла из коробки бублик и молча показала Стиву.

– Это бублик?

– А что же еще?

– Это мак?

– Берете или не берете?

– Конечно, беру.

Еще он взял бутылку простой питьевой воды, потому что, вспомнив об электрочайнике,

передумал кипятить колодезную воду для остужения и помышлял ее кипятить только для зеленого чая. Он также положил себе обойтись без электроплитки – отчасти этим определялся выбор продуктов. Он был очень доволен тем, что отказался от грибов, которые ему предлагала Арина: никогда прежде грибов не жарил и не хотел теперь осквернять дачу Ахматовой неумелой поварской колобродницей.

Продукты ему сложили в полиэтиленовый мешок без картинки, с ним он и вышел из магазина. Вздохнул полной грудью.

Стив не то чтобы оттягивал предбудущие ощущения – ... *ushchie-oshchushche*... – но Стив был отчаянным кофеманом, а тут за невысоким заборчиком столики под зонтами и вагончик круглосуточного кафе возникли перед глазами Стива. Требовалось окончательно собраться с мыслями, а для этого очень хорош интернет за чашечкой кофе.

Стив сам не знал, дорого ли ему сейчас это ощущение нереальности – возможно, нет, и тогда он нуждался в простых подтверждениях наличия под подошвами тверди, в предметах – весомости, в пище – вкуса, и в частности в кофе – аромата и крепости, но никак не горьковатости, ценимой российскими потребителями; а может быть, да, и тогда эта зыбкость, тревожащая душу... – тут он терял мысль. Мимо проходил товарный поезд, он был одновременно реален и нереален – что может быть очевиднее грохочущих вагонов-цистерн? – но поезд был бесконечным, действительно бесконечным, вагоны все шли и шли, шли и шли, шли и шли, и в какой-то момент Стив сказал себе: «Не может быть» – в тот же миг состав прекратился.

Самым фантастическим было то, что он сидел за столиком в этом придорожном монрепо с чашечкой эспрессо перед собой

и ключом от дачи Ахматовой в кармане.

Он набрал заветное: «будка Ахматовой», – посыпалась лавина ссылок. «Ахматовская “будка” не может стать музеем...» «Петербургские писатели опасаются за сохранность дачи...» Стив узнал, что несколько лет назад домик Ахматовой ограбили – унесли старый сундук, хранившийся на чердаке. А кроме того, на этот мемориальный объект регулярно покушаются некие коммерческие структуры. Стив не вдавался в подробности местных склок, его больше заинтересовало сообщение Светланы Крючковой.

Актриса Светлана Крюčkова рассказывала: «Мы снимали в “будке” фильм об Ахматовой. И знаете – я все время чувствовала ее присутствие».

Стив не видел этого фильма и не знал, как выглядит актриса Крюčkова, но Крюčkова играла Ахматову, а Стив Ахматову хорошо представлял. Он и Крючкову теперь представлял похожей на Анну Андреевну. Для пущей убедительности Стив простым движением пальцев увеличил размер шрифта на экране. Во время съемок актрисе казалось, что кто-то подсказывает ей текст роли. А вот еще: двое из съемочной группы – «двое наших мужчин», как назвала их Крюčkова, – захотели переночевать в будке – обоим донимали таинственные шорохи, а одного подбросило на кровати.

Так и сказано: «...подбросило на кровати».

Стив поднял глаза: к нему подходил человек в тюбетейке. В одной руке он держал бутылку, в другой – башенку взаимовставленных одноразовых стаканчиков.

– Хвост поверху. Не унывай. Уныние – грех.

– Это не так, – ответил Стив.

– Не грех? – удивился Тюбетейка. Он улыбался, его глаза выражали заботу.

– Я не унываю. И не пью, – поспешил добавить Стив, потому что он увидел, как Тюбетейка отделяет пластмассовый стаканчик от прочих, вложенных друг в друга. Получился даже не один, а целых три неразлепленных стаканчика – был бы один, ветерок мог бы сдуть его со стола, а утяжеленную комбинацию из трех он лишь опрокинул. Строенный стаканчик совершил полукруг по столу и уткнулся в блюдо с чашечкой кофе. Не надо было поднимать, а Стив поднял и поставил и, хуже того, придержал рукой на столе, чтобы не опрокинуло снова.

Тюбетейка плеснул ему водки.

Стив отдернул от стаканчика руку, словно отклонив угощение, но было поздно уже – стаканчик, наполненный на треть, больше не боялся ветерка.

– Будем живы, – сказал Тюбетейка.

– Я много не пью, – принужденно чокнулся Стив и сделал маленький глоток.

– А я неделю уже. Скоро конец. Ты где живешь? Я – на проспекте Ветеранов. Недалеко от торгового центра. А ты?

– На улице Рубинштейна.

– Ты знаешь, кто такой Рубинштейн? Ты слышал оперу «Демон»?

– Я слышал оперу «Демон».

– Где ты мог слышать оперу «Демон»?

– В записи семьдесят четвертого года.

– Ты из какой страны?

– Акцент? – спросил Стив.

– Видно же.

– Из Англии.

– Бекингем, – сказал Тюбетейка. – Только не говори мне, что Нельсон великий адмирал. Британский флот – это миф. Вспомни Нахимова. Испанский – тоже миф. Потерять Великую армаду... Голландский – ничего не скажу. Но все в прошлом.

– Я пойду, – сказал Стив.

– Подожди. Можно тебя попросить? У меня в лесу машина

стоит. Мне не выехать. Видишь какой. Ты сможешь. Отвези меня в город, на проспект Ветеранов, пожалуйста. Я покажу дорогу.

– Я без прав, – сказал Стив.

– Я тоже без прав.

– Я не вожу.

– Совсем?

– В России – совсем.

– Почему?

– Много сумасшедших на дорогах.

– Это да. Но мы с тобой тихо.

– И потом, я уже выпил.

– Это не считается.

– Считается. – Приподняв стаканчик, Стив провозгласил: – На здоровье.

– За здоровье, – поправил Тюбетейка. – Почему вы все говорите «на здоровье»? За здоровье!

Выпили, причем Стив теперь уже до конца – он теперь точно не сядет за руль.

Он знает, как надо. Он просто оговорился.

– В остальном отличный русский язык, – сказал Тюбетейка.

– Моя бабушка русская.

– Я сам наполовину еврей, – сказал Тюбетейка. – Жаль, что мы не встретились раньше. Значит, не повезешь?

– Нет, – сказал Стив.

– Пойдем тогда к Веронике.

– Нет, – сказал Стив.

– Ты знаком с Вероникой?

– Нет, – сказал Стив.

– Ее знают все. Вероника Репинская. Идем. Ты ей понавишься. Увидит – упадет.

– Нет. У меня другие планы.

– Не шути, – сказал Тюбетейка, он достал телефон, стал, путаясь, набирать.

– Я не пойду.

– Пойдешь. – Набрал. – Здравствуй, красавица. Узнаешь? Как дела? Все мысли только о тебе. Тут рядом сидит, нет, увидишь – упадешь. Англичанин. В очках. Нет, без очков. Он хочет тебе сказать кое-что. Я трубку даю, – дал трубку Стиву.

Стив встал: он говорил с женщиной.

– Здравствуйте, Вероника. Это недоразумение. Мне нечего вам сказать...

– Во-первых, я не Вероника, – сказала трубка усталым женским голосом, – во-вторых, вы пьете с Игорем, скажите мне, долго ли он собирается быть в Белоруссии. Он обещал приехать в понедельник. Сегодня четверг.

– Секунду, – сказал Стив. – Он сам ответит.

Стив протянул телефон Тюбетейке:

– Спрашивает, когда ты вернешься из Белоруссии.

– Это кто?

– Вероятно, жена.

– Чья?

– Вероятно, твоя.

– Мы же договаривались, ты мне сюда не будешь звонить. Это дорого, ты забыла?

Стив взял пакет с продуктами и пошел прочь. Он слышал еще:

– Я тебе сам позвоню, мы же договорились... В понедельник не смог... А сегодня вторник еще...

А может быть, действительно вторник и Комарово находится где-нибудь в Белоруссии?.. Магазин уже был закрыт, лампа на столбе освещала каменную стену, за которой пряталось что-то архитектурно-строительное – не то вилла, не то терем. Стив шел медленно, не совсем уверенный в правильности направления. Проход вдоль стены вывел на Морскую улицу – ее пустынный вид оживляла фигура единственного пешехода. Пожилой мужчина в длинном плаще ковылял в направлении станции и тянул за собой сумку на колесиках. Под его ногами суетилась короткая тень, сначала она от него отставала, а теперь захотела его перегнать – здесь, под уличным светильником. Стив разглядел лицо человека и сразу расхотел спрашивать, как отсюда попасть в Кудринский переулок. Что-то подсказывало ему: торопиться не надо. Он как будто боялся загубить поспешным движением

зыбкую логику невозможных обстоятельств – вот он придет, а ключ откажется проникать в замочную скважину, или еще лучше – будки Ахматовой не будет на месте. Из двух возможностей – «будки Ахматовой не будет на месте» и «в будке Ахматовой ночует Стив» – ему самому менее фантастической казалась первая.

Или, например, он заблудится среди этих дач, а спросить не у кого: поселок вымер как будто.

Перспектива заплутать в Комарове была реальной вполне: днем Стив этим путем не ходил.

Он и ста метров не прошел по Морской улице, как на обе ее стороны простерлась зеленая зона – эту часть Комарова не застроили дачами, сосны тут росли свободно и в безопасности. Похоже, здесь была автобусная остановка, лампа на столбе хорошо освещала площадку, и слева от себя Стив разглядел щит с картой поселка. О лучшем он и мечтать не мог. Просто бонус какой-то. Стив подошел – света хватало, чтобы разобраться в этих улицах и переулках. Словно нарочно для Стива, на карте была особо обозначена главная достопримечательность – дача Ахматовой. Все это оказалось настолько к месту и вовремя, что Стив готов был поверить в чудесное явление карты персонально ему. Кто сказал, что она здесь каждодневно наличествует для общей пользы? На какое-то мгновение Стив ощутил себя героем рассказа, которому помогает незримый повествователь. Несколько портил историю дурацкий эпизод в кафе, явно проникший сюда из другой эпопеи. Стив решил как можно быстрее забыть нелепую встречу, он бы уже и забыл, если бы что-то внутри головы не напоминало ему, что немножечко выпил.

Карта советовала воспользоваться пешеходной дорожкой. Стив по ней и пошел – наискось через зеленую зону к Озерной улице. Здесь было темно. До-

рожка была выложена плиткой, а по бокам чернели кусты. Что-то замаячило впереди. Стив посторонился. Мимо проехал велосипедист – уж не с прибором ли ночного видения? Стив посмотрел на звезды. Не так давно он перевел на русский свое старое стихотворение, посвященное самоубийству Владимира Маяковского, там есть строки: «...никогда / не корми с ладони / демонов суеты...» Помчись он сломя голову к заветной цели, это будет уже не Стив.

Ключ подошел, замок не обманул, дверь легко поддалась, но Стив ее тут же, тихо ликуя, снова закрыл и повернул ключ в обратную сторону. Дом впускал Стива, но Стив не торопился проникнуть внутрь, он хотел еще немного побыть снаружи.

Про «побыть» он так подумал еще: вот он не курит, но «побыть» это было бы, как если бы он выкурил сигарету.

Словно дом тоже нуждался во времени, чтобы привыкнуть к персоне Стива.

Осмотрелся. Владения Литфонда покоились в темноте – кое-что в виде тусклых полосок и пятен им доставалось от уличного освещения. Эти редкие просветы разрежались тенями от сосен. Окна домов были еще темнее, чем сами дома. В одном что-то поблескивало, будто кто-то развлекался с мобильником. Стив, не отводя взгляда от мерцающего огонька, сделал несколько шагов в сторону и убедился, что это отсвет дальнего фонаря. В другом доме из окна веранды выглядывала странная загогулина, днем Стив не приметил ее. Подойдя ближе, он разглядел жестяную трубу – вероятно, арендатор веранды пользовался печкой-буржуйкой: каменная печь, надо думать, была на половине соседа.

Стив прогуливался по участку, стараясь не отходить далеко от ахматовской будки. Когда он останавливался, воцарялась ти-

шина, и он вдоволь наслаждался ею, но, стоило ему сделать шаг-другой, тишину нарушал треск сосновой шишки, оказавшейся под подошвой ботинка.

Стив заметил, что он старательно обходит островки света, словно прячется от чьих-то глаз.

Рассмотрев контуры будки с разных сторон, Стив вернулся к исходной точке.

Теперь он вошел в дом уверенно и столь же уверенно зажег свет на веранде и в комнате.

Странная вещь: снаружи не холодно, а в комнате зябко. Гораздо зябче, чем вечером было. Обязательно протоплю, решил Стив.

Но сначала надо было поесть.

Ужин Стива, к счастью, не нуждался в готовке.

Тут же на веранде Стив нарезал дольками плавленый сырок «Дружба» и, смастерив сэндвич с двумя кусками черного хлеба, проглотил это кушанье с превеликим удовольствием. Затем он пощипал квашеную капусту прямо из контейнера. И выпил полбутылки воды. Бублик он решил оставить на потом, к чаю.

Далее Стив зажег свет в коридоре и принялся рассматривать печь. Стена между комнатой и коридором делила печь надвое, так что голландка обогревала сразу оба помещения, причем топилась она со стороны коридора. Доставалось ли тепло Валерию Георгиевичу, соседу Сергея Анатольевича, Стив не знал: дверь к соседу была в торце коридора сразу за печкой. Стив ее не касался.

Ему очень не хотелось пожара. Убедился, что пол покрыт металлическим листом, потрогал кочергу и пошевелил задвижку. Дрова, как и было ему обещано, обнаружились в общей кухне за плитой (там еще стоял древний советский холодильник, отключенный от сети, дверца его была настежь открыта, и в нем ничего не было). Кроме поленьев, за плитой валялись различных размеров лучины и свитки бересты.

приготовленной на растопку. В печь влезло четыре полена. Стив, хоть и пошевелил до того задвижку дымохода, выдвинуть ее забыл – дым поначалу пошел в коридор, а в печи береста только тлела. Стив вспомнил о задвижке, выдвинул ее – теперь у него получилось. Тяга была отменной – *the draught was excellent*. Закрыв на защелку чугунную дверцу, Стив еще постоял и послушал, как шумит за нею огонь.

Затем Стив без особых приключений сходил за водой. Правда, рабочее ведро на цепи долго не хотело окунаться и все норовило поплавать, но и с этой проблемой Стив справился. Стоя у колодца, он любовался тем, как ожил дом, освещенный изнутри электричеством. Еще Стив наблюдал дым из трубы – впрочем, не столько непосредственно дым, сколько погашение звезд почти невидимым дымом.

Колодезной водой Стив наполнил электрический чайник. Включил.

Он постоянно прислушивался к ощущениям. Что-то было такое, растворенное в здешнем воздухе, распространенное по доступной взгляду поверхности предметов и таящееся за их оболочкой, что надо было ему уловить и непременно прочувствовать. Он хотел прочувствовать ЭТО, чтобы почувствовать ТО же.

То же, что и она.

Стив решил подмести пол 1) в комнате, где, как ему казалось, он наследил, и 2) в коридоре, где на полу лежала трухлявая береста. Он поработал веником, собрал сор на совок и вынес на веранду – высыпать в полиэтиленовый мешок, который уготовил для бытового мусора, – да так и замер с совком в руке. Он глядел в совок и видел в нем то, из чего – при счастливейших обстоятельствах ниспослания свыше – «растут стихи, не ведая стыда». Это был самый натуральный – ахматовский – сор, прославленный словом.

Аутентичный, без дураков. Стив глядел на труху, на комочки пыли и грязи, как на что-то священное. Сиротством, немотой, недоволенностью веяло от этого сора: из него уже ничему не суждено было вырасти.

В конце концов он этот сор, конечно, высыпал в мусорный мешок, но прежде все-таки умудрился усмотреть на совке кое-что совершенно особенное. И он это особенное отделил от прочего мусора. Безопасную булавку, вот что. Вряд ли она имела отношение к Ахматовой, но она имела отношение к Стиву, потому что по-здешнему булавка была – английской. Только в России такую булавку называют английской, и Стив знал это.

Вошел в комнату, положил булавку на стол, сел рядом, задумался. Шутки шутками, но с булавки все и началось, по крайней мере если верить ее биографам. Пятилетним ребенком будто бы она нашла на прогулке булавку с изображением лиры. «Станешь поэтом», – будто бы сказала ей няня. Стив не помнил, чтобы тема острых предметов получила развитие в творчестве Ахматовой. И в отличие от найденной Стивом булавки та, ахматовская, не была английской. Но ведь и сама Ахматова никогда не была гражданкой Великобритании... Стив сидел неподвижно. Что-то тут относилось к чему-то странным образом как-то. Той заветной булавке из ее детства как-то странно в сознании Стива отвечала английская, эта, только что найденная непосредственно здесь, в гостях у Ахматовой – хоть и не был он зван Ахматовой в гости. Где-то читал, что девочка Аня, найдя булавку с изображением лиры, думала, что эту булавку потерял Пушкин, – Стив был бы и сам рад вообразить, что он обнаружил булавку Ахматовой, но только понимал, что это не так. И все же, и все же...

Он заходил по комнате. Раза три он приближался к печке и

трогал ее. Печь не была горячей. Она и теплой-то была на уровне головы и выше. Он подбросил еще два полена: прежние почти прогорели.

Стив заварил чай. Пил чай, ел бублик. Вспомнил про совет задернуть окно. Между стеклами лежали мертвые мухи. Задернул окно. Пил чай, ел бублик напротив окна, задернутого занавеской.

Тревога, в которой он до сих пор не хотел себе признаваться, овладевала им все больше и больше. Он понял, что ждет чего-то, но не понимал, чего.

В Англии много примет, связанных с булавками, но Стив никогда не интересовался ими. В России тоже наверняка есть булавочные приметы, вряд ли они сильно отличаются от английских. Стив даже не знал, находить булавку – к счастью это или к беде. Он не считал себя суеверным. В принципе, он мог бы увлечься приметами – как антрополог (в широком смысле мы все антропологи). Что-то смутно вспоминалось о погребальных булавках...

Стив подумал, что на всю окрестность он тут единственный живой человек. Вспомнил дачи с темными окнами. А эта, в которой он сейчас, она светится изнутри, как китайский фонарь. Он подумал-подумал и выключил свет.

Дом как будто вздохнул.

Он лег на кровать поверх покрывала. Эта кровать была полукровать-полудиван-полутахта – в сумме что-то парадоксально полуторное и притом никакое. Он снова вспомнил мемуарное свидетельство о спальном месте в «зеленой будке»: тогда был обыкновенный матрац, установленный на кирпичках. А не это – что-то позднее, не аутентичное. Стив никогда бы не лег, если было бы аутентичное.

Звукам – слабым шорохам, слабым потрескиваниям, – чтобы оживиться, наверное, требовалась темнота. При свете он ничего не слышал такого.

Слушал – лежал.

Теплело, он растянулся.

Не выдержал и, продолжая лежать на спине, вошел в интернет – фиолетовые блики метнулись на стену и потолок.

Гуглил «Ахматову» с «булавкой» и «лирой». Игнорировал несущественное. Вышел скоро на первоисточник – в литературоведческой статье приводилась цитата из неведомой ему девятнадцатой записной книжки:

«...а наверху в Царском Саду я нашла булавку в виде лиры. Бонна сказала мне: “Это значит, ты будешь поэтом”, но самое главное случилось не в Киеве, а в Гунгербурге, когда мы жили на даче Краббу, – я нашла царь-гриб».

Запись явно предназначалась не для Стива. Он не знал, где это – Гунгербург и кто это – Краббу. До сих пор он был убежден, что булавку нашли в Царском Селе (читал у кого-то). А тут Царский Сад, это Киев. И что за зверь – царь-гриб, продолжающий царскую тему? Зачем Ахматова подчеркнула: «я нашла царь-гриб»? В чем смысл этой находки? Почему царь-гриб в Гунгербурге важнее булавки в Царском Саду? Раньше эта запись ему на глаза не попадалась. Другие – да (много печаталось), но не эта. Знал ее в пересказе. Он, конечно, имел представление о туринском издании всех записных книжек Ахматовой (более семисот страниц), но, не владея экземпляром книги, никогда не испытывал сильных страстей по этому необъятному скопищу бесчисленных записей исключительно для себя. Стив ощутил неловкость: он подглядывал за чужим, его уму неподвластным. Было бы где, но только не здесь. Что-то было воровское в том, что Стив позволял этим буковкам на экране прочитываться тут в темноте. При других обстоятельствах он бы, конечно, погуглил и Гунгербург, и дачу Краббу. Но только не тут, не на даче Ах-

матовой. Он как будто обжегся об эту непонятную запись – и вышел из Гугла, и выключил интернет.

Зря там побывал: негоже в этом доме и в эту ночь пользоваться интернетом. Словно в гости пришел и подглядывал в замочную скважину за хозяйкой.

Экран погас, но в глазах Стива все еще тускнел мнимым прямоугольником. Показалось, что стало темнее, чем прежде, и как будто резче все теперь запотрескивало.

Звуки исходили из-под обоев, от шкафа. Даже стол у окна словно щелкнул суставам.

Стив поднялся и сел на постели.

Природа звуков была понятна. Мир вещей так отвечал на прогревание воздуха.

И все же от этих вполне объяснимых шорохов, от этих вполне объяснимых похрустываний становилось не по себе.

Но не ощущений ли, подобных этой смутной тревоге, чаял Стив, соглашаясь тут ночевать?

Не сама тревога тревожила Стива, но то, что не знал Стив, как с ней поступить.

Идеально было бы написать стихотворение.

Верлибр.

Ничего еще не было – ни строчки, одна тревога, но мгновенно представилась запись в конце: «Комарово. Будка». И дата.

«Сор звуков», – подумал Стив, напрягая слух. Из этого сора не выростала музыка – слух Стива не настроился на волшебство.

Распознать бы в этом звуковом мусоре четкое что-нибудь – вроде английской булавки.

Стив подошел к печке, потрогал и руку отдернул: горячей была.

Дверь в коридор сама собою тихо открылась.

Стив закрыл дверь.

Она снова тихо открылась.

Он закрыл дверь.

Тихо открылась.

В коридоре было так же тепло, как в комнате. Дверь в тепле

отказывалась закрываться. «Пусть», – решил Стив.

Вспомнил: «Здесь всё меня переживет...» Сейчас, в темном коридоре, ему причудилось в глаголе «переживет» еще что-то помимо очевидного смысла. «Переживет» – в ударной позиции (конец строки) – очень сильный глагол. Сильнее, чем *will outlive*. Блеклое свечение источалось из-под верхнего края печной дверцы, и Стив подумал, что глагол «переживет» – непостижимый и страшный. «Меня переживет» – это не просто «будет жить после меня». Это еще «со мной сотворит» что-то, чему-то «меня» подвергнет. «Меня переживет» предполагает действие надо мной. Переживет кого? Меня.

«Неужели этого никто не чувствует?» – думал Стив, открывая дверцу. Может ли он понимать русский лучше русских?

Здесь – может.

Кочергой мешал угли (аутентичная кочерга) – были красные, яркие, но зримый жар над ними уже не казался огнем. «Бледный огонь», – подумал Стив. *Pale Fire*. Задвинул задвижку.

И в темноте комнаты строка не отпускала его: «Здесь всё меня переживет...» Это ведь об этом «здесь». И теперь он, Стив Роут, именно «здесь», ох, да какое тут «здесь!» – он в самом эпицентре этого «здесь!»

«Здесь», за столом.

Он снова отдернул занавески: от кого закрываться, если все равно выключен свет? (А в самом деле, кто тут будет заглядывать в окна? – Стив решил, что выключил свет для остроты ощущений и только.)

«Всё, даже ветхие скворешни...»

Вот отчего было не по себе – от этого «всё». Потому что ахматовское «всё» теперь принадлежало персонально ему. Он «здесь» – и вот оно «всё». «Всё», ее «пережившее», сейчас его достояние.

И все же в этом «всё» не всё было ахматовским. Он «здесь», но «ветхих скворешен» уже нет, он их сам не застал – «пережил», но как бы заочно. Значит все-таки «всё», но не «всё».

В эти секунды он сам себе показался воришкой, вслепую обобравшим человека и теперь в уединении выясняющим, чего стал владельцем. Этот нехороший образ он тут же в себе убил. Он хотел уйти от метафоры обладания.

Нет «ветхих скворешен», зато есть, скажем, не предусмотренный тогда рукомошник теперешнего жильца или его же топор на веранде. А вот сам Стив, он тоже есть, и чем он хуже рукомошника, или шкафа, или уже пропавших «скворешен»? Чем он хуже сосен, уже выросших после нее? Он сидит в темноте перед окном – вместо нее, присутствует «здесь» – вместо нее, он чувствует почти физически себя причастным к тому, что она назвала словом «всё». Да, перед этим окном – разве он сам не принадлежит обновленному «всё»? Он позже родился, он молодой, он не совпал с нею по времени, по полноте восприятия мира, но, если он «здесь», он тоже часть этого обновленного «всё». «Всё» обновляется. Может быть, он конкретно обновил собой «ветхих скворешни» – он «здесь» вместо них, он их заменил. Он – заменитель. Значит «меня переживет» относится к нему тоже – он тоже «переживет». Он и «пережил», но – заочно, заочно!..

Стив чувствовал, что с ним что-то происходит, но он боялся отвлечься от мысли: она ему казалась туманной и ясной одновременно. Еще немного, и он охватит разумом «всё».

«Всё» – это то, что отчуждается от человека после его прекращения.

Смерть – это активная экспроприация мира. Это когда у тебя теперь нет ничего. «Всё» – не твое. «Всё» – теперь не твое достояние. Кстати, вот почему

«Пушкин – наше всё»: потому что он умер.

Вспомнил о Бродском. Невежливо: он, двадцатитрехлетний, тоже сидел в этой комнате, перед этим окном. Здесь он, наверное, и ошеломил Ахматову «Большой элегией Джону Донну». А ведь там тоже про «всё». То есть про смерть. «Уснуло всё» – и это рефреном.

У Ахматовой – «ветхих скворешни», приморский ветер и месяц на небе, а у Бродского – необъятный перечень вещей, явлений, сил... «Здесь всё меня переживет, – вновь и вновь повторялось в мозгу Стива. – Всё, даже ветхих скворешни, / И этот воздух, воздух вешний, / Морской свершивший перелет...» Но тут же что-то цеплялось в голове за одно из нескольких «уснуло всё» и вспоминалось наугад: «Уснуло всё. Бутыль, стакан, тазы...» – «Уснуло всё. Окно. И снег в окне...» – «Уснуло всё. Спят реки, горы, лес...» Стив понимал, что «Большая элегия» – это ответ Анне Ахматовой и что этого не знают литературоведы. Ему казалось, что он близок к разгадке какой-то тайны, которую можно лишь здесь разгадать, в этой комнате, перед этим окном, но что-то происходило со Стивом, и он испугался, что все забудет. Страшно заболела голова. Он ощутил себя частицей мировой несправедливости. Он – английская булавка, заваливавшаяся в пыли. Он частица мира, утраченного другими. Отбранного у других.

Дальше мысль не работала. Стало еще темнее. В сознании блеснула иголка из «Большой элегии» – образ голоса души умирающего Джона Донна. Не хватало воздуха. Он исчезал.

И тогда был ему удар по затылку.

Подзатыльник, если по-русски.

– Быстро! Окно!

Он вцепился двумя пальцами в крючок и потянул на себя. Был

крючок приделан к подоконнику и вдет в ушко на раме окна.

– Вверх тяни! Не на себя!

Вверх потянул – крючок отскочил. Он надавил на раму – окно открылось.

Перегнулся через подоконник и ловил воздух ртом, словно ел темноту.

Она сказала недовольным голосом:

– Даже я знаю, что нельзя закрывать дымоход, пока не прогорят угли.

Он не удивился ни ее голосу, ни тому, что в комнате стало как будто светлее. Она сидела по ту сторону стола, положив руку на скатерть. Но все стало размытым каким-то, неочерченным. Он плохо различал черты ее лица, но и по тому, что различал, узнавал ее. И не удивлялся нисколько.

– Легче?

Похоже, что легче. Но голова болела, и в ушах стоял звон, будто с обеих сторон ударили ладонями по ушам.

– Не представляешь, сколько народу здесь угорело.

Вряд ли под словом «здесь» она имела в виду свой дом. Стив наверняка был единственным, кто угорел в «зеленой будке».

Он вспомнил, как угорел молодой Герцен, когда попал под арест. То ли комната была, то ли монастырская келья. Стив несколько раз перечитывал это место, но так и не понял, что же произошло. Жандарм его отпаивал квасом. Квасом с хреном. Или опаивал?

– Отпаивал, – сказала Ахматова. – Кваса у меня нет с хреном, а что посолидней должно быть. Открой шкаф и возьми.

Стив не заметил своих шагов по комнате – он сразу нашел себя рядом со шкафом. Открыл. Внутри было пусто. Не было даже перекладины для вешалок. И только внизу, в левом углу, стояла бутылка водки. Небольшая. Стив вспомнил, что такие раньше называли «маленькая» (*malen'kaya*).

– Поставь на стол, сходи на веранду, возьми две кружки. Человеческих рюмок у них нет, конечно.

Стив хотел сказать, что не пьет, но вовремя вспомнил, что это будет неправдой: он сегодня уже выпил немного. И опять он не понял, как это у него получилось – пойти на веранду, взять кружки. Вот они уже на столе, а он пытается открыть «маленькую».

– Руки, что ли, дрожат?

– С непривычки, – сказал Стив и не узнал своего голоса (зато ее голос был ее голосом – низким, богатым, хорошо известным по записям).

Он нащупал английскую булавку на скатерти и попробовал воспользоваться ею как открывашкой. Сразу же отказался от затеи. Сказал:

– Тупиково.

Наконец получилось.

– Мне чуть-чуть, а себе побольше.

Стив так и сделал.

– Пейте, милостивый государь, – сказала Ахматова. – Вам впрок пойдет. Ну давай же, давай.

Стив чуть не сказал «за здоровье» – он вовремя прикусил язык и почувствовал, как холодеет спина от предотвращенной бестактности.

Выпил не одним глотком – двумя, закашлялся.

Он читал у разных авторов: Анна Андреевна всегда гостям выставляла «маленькую».

Сама она не пошевелинулась даже, чтобы взять кружку. Кружка так и осталась стоять на столе.

– Ну как? Лучше теперь?

– Я тут и так хожу как пьяный, – сказал Стив. – От одного воздуха пьянею. Сосны, кислород.

– В шестьдесят пятом тоже много грибов было. Я в лес ходила. Некоторые меня упрекали за это.

– Я читал.

– У кого?

– Не помню.

Правда, не помнил. Голова была словно ватой набита. Кста-

ти, может быть, в каком-нибудь пересказе какой-нибудь книжки ее записной. Как тогда ответить по-честному? «У вас прочитал, Анна Андреевна, в записях для себя, это теперь общественное достояние...» Жуть. Просто жуть... Вот, однако же, способен Стив сейчас на эмоцию, почему же он удивиться не может? Стиву не нравилось, что он не удивляется. Потому, наверное, что он еще не отошел, не опомнился. Подумалось о Светлане Крючковой. Так же сидела здесь, когда играла Ахматову. Подсказки, говорит, слышала. Теперь он знал, как должна выглядеть Светлана Крючкова, которую он никогда не видел. Даже мелькнула неправдоподобная мысль, что перед ним и есть Светлана Крючкова, но думать дальше в этом кошунственном направлении Стив себе не позволил.

Глагол «пережить» снова овладел рассеянным вниманием Стива. Теперь «переживет» ему мнилось глаголом прошедшего времени. Мерцало в уме еще какое-то слово, вспомнить не мог, Стиву казалось, оно имеет лично к нему отношение. «Пережиток», – вспомнил Стив. Он не был уверен, что правильно понимает значение слова, но это слово о нем: Стив и есть пережиток. Он уже был сегодня подкидышем. Подкидыш и пережиток.

– Так и будем сидеть? – спросила Ахматова и показала глазами на «маленькую». – Нет, нет. У меня налито. Себе.

Стив плеснул себе.

– Давай, не стесняйся.

Выпил.

Он видел, что Ахматовой нравится, что он и за нее тоже. Он не говорил: «За вас», он и такпил за нее.

Оказалось, что вместе с кружками он принес еще с веранды хлеб – два кусочка. Одним закусывал. Ахматова одобрительно следила за ним. Он не знал, как быть с другим кусочком. Он протянул другой в направлении

кружки Ахматовой и вопросительно взглянул на Анну Андреевну. Ахматова молчала. Тогда он взял на себя смелость положить кусочек хлеба на ее кружку с водкой. Что-то такое он видел в кино.

Ахматова молчала, и Стив упрекнул себя за то, что не поступил так раньше.

– Извини, что касаюсь этой темы, друг мой, но, по-моему, ты поступаешь с Линдой по-свински. Если уж рвать отношения, значит рвать. Но нельзя человеку внушать слепые надежды. Или все дело в ее отце? Чувствуешь от него зависимость? Но тогда, друг мой, это вдвойне гадко.

– Анна Андреевна, – пролепетал ошарашенный Стив, – отец Линды тут ни при чем, честное слово.

– Может, тебе неприятно слышать это, друг мой, но я хочу, чтобы тебе было известно, что я думаю про твою Милли. Твоя Милли круглая дура, я сильнее скажу – стоеросовая. Кукла. Пустышка. И ты сам это прекрасно понимаешь. Ладно бы она просто смазливой глупышечкой была, но ведь она еще и на подлость способна. Может быть, ты не знаешь, как она поступила со своей же сестрой? Или если ноги длинные, то все можно прощать? Мне страшно за тебя. Не пей из копытца, козленочком станешь.

– Анна Андреевна...

– Катя, конечно, девушка с приветом, однако из этого не следует, что ей не надо было сегодня позвонить хотя бы. Ты даже ни разу не вспомнил о ней. Только не говори, что она к тебе сама приставала. Ну хорошо, хорошо, в Англию ты ее все равно не возьмешь. И правильно. Стихи она пишет плохие.

– Катя хорошая, – сказал Стив.

– А Арина?

– А при чем тут Арина?

– Хоть бы кто-нибудь из вас объяснил ей, что нельзя рифмовать «утро» и «перламутра».

Сто лет назад уже нельзя было. Ладно, делайте что хотите. Мне-то какое дело, действительно. Я, собственно, о Линде... Грустно это все, грустно. Разлюбил, так не притязай больше!.. Нет, он, видите ли, стесняется родинки на ее щеке. Да если бы не ты, она бы не пошла под скальпель.

– Там не скальпель, Анна Андреевна, там другое. Просто у меня есть знакомый косметолог, очень хороший... Вы, может быть, не знаете, операция пошла ей на пользу.

– Ну конечно, ты много знаешь!.. Раньше нас любили такими, какие мы есть...

– И теперь то же самое, Анна Андреевна!

– Пожелать смерти близкому человеку. Да ведь это ж чудовищно, просто чудовищно.

– Не было такого, – сказал Стив.

– Не было? А на пляже в Египте?

– Анна Андреевна! Все было не так. Линда заплывла далеко, я ждал ее на берегу. У меня мелькнуло в голове: вдруг она утонет, вдруг на нее нападет акула. Что делать тогда? Только мелькнуло. Я не пожелал ей смерти. Честное слово, Анна Андреевна.

– Это будешь не мне рассказывать.

– А кому?

Она не ответила.

Стив налил еще себе и нервно выпил.

– И еще попрошу вас, молодой человек... – Она перешла с ним на «вы». – Пожалуйста, перестаньте распространять слухи, что «будка» и «будущее» однокоренные слова.

– Это было давно, Анна Андреевна.

– Не очень давно. Не далее как в прошлом году на конференции по известному поводу вы читали свои переводы, а заодно высказали предположение, что Ахматова комаровскую дачу нарекла «будкой» в честь глагола «будет»...

– Я объясню, как было. Мне тогда показалось, что вы слово «будка» могли бы интерпретировать в стиле Хлебникова, как неологизм, восходящий к слову «будет». Помните, «будетляне» у Хлебникова? Мне показалось, что, произнося «будка», вы должны были вспоминать «будетлян». То есть из глагола «будет» вы как бы производили существительное с уменьшительным суффиксом. «Будка» – это как бы приватный фрагмент будущего, может быть, даже квант будущего, но очень личного, не связанного с большим временем. Если переосмыслить вашу метафору «бег времени», это не «бег», а «шаг». Просто «шажок». «Шажок» в предстоящем. Вот, скажем, сейчас – здесь и сейчас. «Будка» – это микрособытие, понимаете? Так мне тогда представлялось. Теперь я не держусь за эту идею. Она мне давно уже показалась сомнительной.

– Сомнительной? И это вы говорите мне? Не сомнительная, а бредовая!

– Согласен, – охотно покорился Стив.

Помолчали.

– Анна Андреевна, может быть, это лишнее, но я должен сказать вам: я чрезвычайно высоко ценю ваше творчество и просто люблю вас как человека. Это единственная причина, по которой я здесь.

– Знаю, знаю, – пробормотала Ахматова и вдруг повеселела. – Что же получается? Прошлое – это, что ли, прошловка, да?.. Нет, прошивка!.. А настоящее? – Она глухо засмеялась. – Что ли, стойка, да?

Стив тоже засмеялся – принужденно. Странно было, что разговор только о нем. А столько можно было вопросов задать!..

– Прошивка, настойка, будка, – похохатывала Ахматова.

– Анна Андреевна, а вы сейчас пишете?

Смех ее медленно затухал. «Не надо было», – подумал Стив.

Замолчала. Стив слышал ее тяжелое дыхание.

– Только в стол, – тихо сказала Ахматова, настолько тихо, что Стив мог и ослышаться, и добавила еще тише (да так ли сказала?): – Цензура была, а тут еще круче.

Вспомнил! Не рассказать ли ей о цензуре веселое? Как он сам нашел цензурное вмешательство в советское издание «Робинзона Крузо». Он один знает секрет «Робинзона Крузо», вышедшего в Ленинграде в 1955 году, – в область его интересов эта книга попала совершенно случайно. Чем же данное издание отличается от всех английских? А вот чем. О том, что Робинзон делал стул, там сообщается в записи от 12 ноября, тогда как в оригинале он мастерил стул – 7-го. Так в дневнике Робинзона. Еще бы! 7 ноября – священный день, Анна Андреевна знает. А тут стул какой-то. Смешно же, нет? Очень смешно. Стив гордился собой, это он сам обнаружил. Но рассказать Ахматовой не решился. О цензуре Ахматова понимала больше него.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем она заговорила снова:

– Молодежь уроки не учит. Когда же ты окно закрыл? Окно закрыл, а дымоход не стал открывать? Угли-то, поди, не прогорели. Второй раз угораешь.

Он тоже не заметил, когда закрыл окно. А сразу и закрыл, наверное.

– Всё в порядке, Анна Андреевна. Мне хорошо. Второй раз не получится.

– Ну, тогда я не знаю, что с тобой делать.

«Надоел, значит», – догадался Стив. Обидно. Так и не поговорили. Хотел спросить о Бродском, правда ли, что он читал в этой комнате ей «Большую элегию Джону Донну», и помнит ли Анна Андреевна, что в числе отчужденного от уснувшего Джона Донна упомянуты там сосны, а главное «пустые скво-

решни» – не «скворечники» (*birdhouses, nesting boxes, starling houses*), а «скворешни» (непереводимо!) – совсем как у нее, только не «ветхие», а «пустые». Но правильное слово «скворечник» соотносилось в мозгу Стива со словом «синичник», и он сосредоточился на «синичнике», вспомнил, что это не жилище синицы, а что-то другое, дикорастущее, из его прошлой жизни. Забыв о скворечниках, Стив увидел коряги, редкие синие ягоды, мох, муравьев.

– Кыш, кыш!

– Куда? – Он очнулся.

– В лес! За грибами! За лисичками! Корзина на веранде, фонарик на полке у двери. К Черному озеру, за Черный ручей, там много грибов. Где кладбище, знаешь? Ну так быстро, давай же, давай!..

Стив метался в темноте непонятно где – какие-то углы, стены, ступеньки..

– Шоссе повернет, а ты прямо – и за шлагбаум, и в лес. Потом левее наискосок. Ноги сами приведут. Видел лисички? Увидишь – узнаешь. В них китайское что-то. Вдоль тропинок смотри. Помногу растут. Ну, давай же, быстрее, поторопись. Кыш, кыш! И чтобы без лисичек не возвращаться!

Последние слова звенели у него в голове, когда ноги пытались удержать его на асфальте улицы Осипенко. Стива шатало, мотало из стороны в сторону, а он торопился вперед с фонариком и корзиной.

Озерная улица освещалась лампами с высоты бетонных столбов – света хватало, даже когда улица стала просто дорогой, но Стив не выключал все равно фонарик. Ему навстречу по обе стороны неслись темные сумасшедшие высоченные сосны, но как-то пунктирно у них получалось – то все сборище действительно стремилось бег свой, то становилось на время незримым, чтобы снова зримо навстречу

рвануть уже в обновленном составе. Стиву даже показалось, что на нем сапоги-скороходы и что по четным широченным шагам он зряч и внимателен, а по нечетным – слеп и беспамятен. Только спешил Стив не потому, что спешил, а потому, что на бегу чувствовал себя устойчивее.

Появилось кладбище – Стив сбавил темп.

Он даже не запыхался.

Озерная резко поворачивала налево – к Щучьему озеру, но Стив не забыл, что надо прямо идти.

Прямо идти был шлагбаум и непроглядная лесная дорога, и темень – не видно ни зги (*it is pitch-dark*). Фонарик был тут определенно полезным. *The flashlight was definitely useful here.*

Ноги повели Стива за шлагбаум вперед по дороге в лес и оставили перед загородившим путь препятствием. То был человек. Живой. Вероятно, живой.

Он стоял посреди дороги и не позволял себя обойти.

– Хватит светить в лицо!

Стив отвел фонарик. Был человек узнал.

– Где тибетейка? – спросил Стив.

– Посвети на себя и не задавай глупых вопросов.

Посветил на себя.

Без-тибетейки сказал:

– Владычица морей!.. Какая встреча!

– Что ты делаешь тут? – спросил Стив строго.

– Стою и не пропускаю.

– Меня?

– Всех. И тебя тоже. Других пока не было никого.

– Я иду за волчками.

– Там нет волчков.

– Почему я должен верить тебе? – спросил Стив. – В лесу очень много волчков.

Без-тибетейки сказал:

– Я потерял машину.

– Это запой, – сказал ему Стив.

– На себя посмотри, приятель! Ты в курсе, что у тебя корзина в руке?

– Я угорел.

– А для чего?

– Не знаю, но я теперь угорелый.

– Держись, приятель! Главное – не расслабляться. Ты не одинок, всегда помни об этом. Я потерял всё. Машину, тибетейку, жену. Молодость, надежды, солнце. Ты уверен, что сейчас ночь?

– Твердо!

– Хорошо тебе. У тебя есть цель. Представления о Вселенной. А выпить... есть у тебя?

– Нет.

– Тогда на!

В руке у него возникла уже открытая бутылка, и он протянул ее Стиву.

Впервые в жизни Стив пил водку из горлышка.

Без-тибетейки выпил вторым.

Он спросил Стива:

– Одного не понимаю, почему ты не хочешь меня пропустить?

– Ты свободен, – сказал Стив, отстраняясь.

К своим переводам из поздней Ахматовой, опубликованным в третьем номере *The Findings*, Стив Роут предпослал небольшое вступление, в котором среди прочего признавался: «Невозможно забыть воздух Комарова. В знаменитой “зеленой будке”, до сих пор принадлежащей Литфонду, я провел полночи и встретил рассвет в дремучем лесу. Я вернулся из Комарова совсем другим человеком».

В этих словах молодого переводчика некоторые нашли претензию на обладание особыми моральными правами, допускающими прерогативное понимание предмета. Другие здесь распознали намек на какой-то реальный опыт, о котором автор не желал распространяться. Как бы то ни было, признание выглядело по меньшей мере загадочным. Что за ним стояло и стояло ли вообще что-нибудь определенное, ска-

зять трудно, и, может быть, всех труднее было самому Стиву. Он действительно избегал рассказывать о своем посещении Комарова, а что до встречи «рассвета в дремучем лесу», то помимо этого неясного высказывания никаких других свидетельств о своих ночных лесных приключениях Стив обществу не предъявил – ни печатных, ни устных. И на то было немало причин, главная из них – он ничего не помнит.

Между прочим, изучая позже карты местности, он обнаружил географический казус: Черных озер оказалось целых два – оба лесные, совсем небольшие, соединенные короткой протокой. Официальный лимноним (разновидность гидронимов) представлен во множественном числе и относится к обоим вместе – Черные озера; при этом каждое из озер не перестает само по себе подобно соседу быть Черным озером. Вызволением из зоны неопределенности (Стиву хотелось думать об этом такими словами), проще сказать своим спасением (Стив, правда, не совсем ясно представлял, от чего), он был обязан восточному озеру, в которое, судя по карте, впадал Черный ручей. О Черном ручье память Стива молчала, Стив даже не знал, дошел до ручья или нет. После прощания с Безтубетейки, вполне сносно запечатлевшимся в сознании Стива, и до самого озера все заместилось в его мозгах мраком беспомыслия, озаряемого редкими вспышками припоминаний – это когда Стив, споткнувшись, падал на землю. Впрочем, запомнилось еще сногшибательное чувство невероятной отваги – Стив не боялся ни волков, ни медведей, и только муравьев он взаправду страшился – муравейники здесь в рост человека, – так что, упав, он немедленно вскакивал на ноги.

Неопределенность, имевшая власть над Стивом в течение неопределенного, хотя и поддаю-

щегося в целом оценке времени, стала стремительно расточаться, когда Стив увидел перед собой определенно цельное и притягательное – водную гладь.

С каждым шагом по направлению к ней Стиву возвращались обычные представления о предметной реальности: лес как таковой снова оказывался суммой деревьев, а линии, застилающие от глаз опознанную поверхность воды, – не просто деревьями, но несомненными соснами. Влекла туда через утренний сумрак – теперь он почувствовал это – тропинка, и Стив по ней побежал. Он уже никогда не сумеет объяснить себе ту внезапную стремительность и целеустремленность. Ему и в одежде не было жарко, он и в одежде порядком замерз, но, если бы не мешала корзина, которую он, оказывается, до сих пор не потерял еще, он бы стал раздеваться уже на бегу. Он торопился так, словно от этого зависела жизнь. Стоило добежать до дощатых мостков, и он мигом разоблачился догола – с такой быстротой, словно боялся окончательно окоченеть. Не раздумывая ни секунды, он рванул по мосткам, уводящим от заболоченного берега, и с разбегу кинулся в воду.

Тысячи булавок вонзились в тело. И – ошпарило холодом. И не было разницы между «студеным», «темным» и «мокрым» – все под водой было одно.

По счастью, там не случилось ни коряг, ни утопленных бревен.

Он вынырнул, ему показалось, почти на середине озера.

Он только сейчас увидел, какое оно... мааааалёхонькое.

И в это мгновение мир окончательно возвратил себе прежние очертания. Все упорядочилось и налилось объемом.

И Стив ощутил себя.

Как будто душа улизнула куда-то, а теперь опомнилась и вернулась.

Первое, кем он ощутил себя, когда возвратилась душа, было человеком, оказавшимся в холодной воде и таращившим по сторонам глаза: со всех сторон возвышались стройные сосны и над ними сияло небо – только сейчас он осознал, что ночь прошла и уже рассвело; и тем человеком, который осознал, что уже рассвело, а ночь прошла, было второе, кем он ощутил себя, когда душа возвратилась.

Стив понял, что надо на берег.

Выбраться из воды оказалось непросто. Озеро было сильно заболочено у берегов (*bog lake*). Стив предпринял несколько попыток вскарабкаться на кочки топкого берега – ноги вязли в иле, и не на что было опереться руками. Боясь замерзнуть и рискуя поломать ноги, он полез на мостки, предназначенные не для купания, а для рыбной ловли. Доски торчали враскоряку – Стиву было не подступиться, но в итоге он все же изловчился и выбрался.

Прыгал на суше, фырчал, натягивал одежду на мокрое тело, не переставая приплясывать.

И, одевшись, прыгал еще, да так, что из кармана куртки – хорошо, увидел! – выскочил *iPhone* и шлепнулся в мох. Поднял. Проверил. Пять непринятых ночных звонков от Кати, один от Милли и ни одного от Линды.

Еще сообщение от Арины. Одно только слово: «Живой?»

Больше не прыгал. Прислушивался. Тишина была поразительная.

Будто все они, эти сосны, да и Черное озеро это, наблюдали за Стивом. Будто все спросить хотели: «Ну как?»

Ему показалось, что корзина светится изнутри. Так и было: поверх волчков лежал невыключенный фонарик.

Волчков было немного, но дно корзины закрыли.

Желтенькие... Было в них китайское что-то.

Стив не помнил, где он их собрал и когда.

«Странные люди»

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОДОПРИГОРА
член Союза писателей России

Эта характеристика – родом из 60-80-х годов прошлого столетия. Так многие дачники-комаровцы, а также «аборигены» и стихийные экскурсанты называли обитателей шести арендуемых писателями домиков (на 12 семей), да и, возможно, всех, кто был в них вхож. Дальше расскажу об этом подробнее. Впрочем, и некоторые дачники-писатели *так* (а иногда и жёстче) именовали гостей своих соседей – если их самих к ним не приглашали (а порой и просто не пускали). А приобщиться к «великим» очень хотелось. Никакой талант не «отменяет» ревности...

Об этом и многом другом мне поведал «преемник» Анны Андреевны Ахматовой по её «будке» – писатель Даниил Натанович Аль (Альшиц). Мне, в 2011 году занимавшемуся подготовкой документов для его награждения от имени Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, довелось неоднократно с ним общаться. Увы, не хватило ни времени, ни чутья, чтобы пусть и вчерне записать его откровения: я в то время готовился к переезду в другой город, торопился-суетился. Да и комаровские сюжеты показались тогда отвлечёнными. А потом Даниил Натанович нас покинул...

Не люблю ссылаться на ушедших – у них уже ничего не переспросишь. Зато легко исказить ими сказанное. Но никто столь подробно – пусть и подчёркнуто субъективно – не открыл для меня «литературно-дачную» атмосферу тех лет. Тем более, что он неоднократно гостил в Комарово и после того, как оставил «будку» Ахматовой. Проявлю деликат-

Дачники. Келломяки (Комарово). 1912 г.

ность при упоминании особо «красноречивых деталей», но пунктирно пройду по не забытым фрагментам воспоминаний Даниила Натановича. Некоторые эпизоды, вызывающие сомнения, оговорю, так сказать, по тексту.

Судя по всему, посёлок Комарово 1960–1980-х годов действительно был центром притяжения культурной (не только писательской) элиты и Ленинграда, и Карельского перешейка (прежде всего, из Репино и Зеленогорска), и частично Москвы. В летнее время сюда едва ли не еженедельно наведывались знаковые москвичи. Их по разным причинам не всегда устраивала атмосфера творческих площадок Москвы и Подмосковья, да и «питерские» всегда претендовали на особую самооценку. Наиболее характерными поводами для встреч

были дни рождения, выход книг, фильмов, спектаклей, а также неформальные подведения итогов съездов-собраний творческого (и не только!) актива или знаковые решения, касавшиеся отечественной культуры. Даниил Аль запомнил не только показательно интернациональный состав собиравшихся, но и особую откровенность звучавших здесь оценок: сам он дважды или трижды бывал в этом кругу. Это, помимо прочего, ставит под сомнение присююзную одноликость-подконтрольность творческого сообщества. Причём, откровенничали не только склонные к диссидентству, но и лица, деятельно лояльные властям: «странные люди» никого не боялись! Не стану уточнять и высокие визиты (иногда на уровне членов Политбюро), прежде всего, к

юбилярам. Правда, таковые носились на собственные, а не арендуемые дачи комаровских знаменитостей. Тем не менее, «ограниченность» многих дач теплым сезоном позволяет усомниться в регулярности таких встреч-визитов.

Так, начиная с 1960-х, именно в Комарово сложилось особо доверительное содружество литераторов, артистов, музыкантов, художников, учёных (не только гуманитариев). Это в конечном счёте связало «комаровскими аллеями» трёх Нобелевских лауреатов – пусть и жившими-бывавшими здесь в разное время: Ивана Павлова, Иосифа Бродского, Жореса Алфёрова. Даниил Натанович со своими нобелевскими современниками не общался, хотя с Иосифом Александровичем и его окружением, по крайней мере, виделся. Можно предположить, не только с «ахматовскими сиротами-птёнцами», но и другими их современниками, на дружеской ноге он не был. Например, с жившим рядом с писательскими дачами Даниилом Граниным и не только с ним.

В памяти Даниила Натановича остались «творческие субботники» (в отличие от более ранних и уже исторических «репинских сред») с участием Михаила Дудина, Глеба Горышина, Всеволода Азарова, Юрия Рытхэу, Глеба Семёнова, Глеба Горбовского, Бориса Штоколова, Игоря Горбачёва, Евгения Лебедева, Юрия Толубеева, Вениамина Баснера, Фёдора Углова и многих-многих других, не уступавших им в известности. Причём, в этот список Даниил Аль внёс лишь тех, кто бывал, по крайней мере, мог бывать именно на писательских дачах. В частности, на одной из них – «строении №1». Якобы, там, пользуясь отдельным входом на веранду, периодически собирались дачники и их гости из числа «не воинствующих трезвенников». Что и сохранило за

верандой шутовое прозвище – «малина».

Впрочем, существует и иное мнение: никакой предопределённости мест встреч не существовало. Ибо более-менее «представительные ассамблеи» вспоминают и по другим домикам и ближайшим к ним столикам-скамейкам. Но судя по деталям, в 1960–1980-е выпивали, скорее всего, регулярнее и крепче, чем после. Безотносительно имён и событий. Так многим запечатлелось. Может, и поэтому Георгия Товстоногова, как не посещавшего застолья, называют чаще других. Но повторю: главное не то, что выставлялось на стол, а то, что витало над ним. В основном, подчеркну, по субботам, иногда на протяжении целой ночи. Мне, с 2011 года арендуящему «строение № 1», достались залежи часто замусоленных литературных журналов и газетных вырезок 60–80 годов. На полях напечатанных в них произведений (авторы и их «ad hoc рецензенты» сидели за одним столом) нередко читались реплики-оценки (химическим карандашом), *иногда цензурные*, типа «Откуда ты – такой-растакой – это взял?!» Повторю: не буду вдаваться в де-

тали – особенно если они далеко не однозначно характеризуют «героев своего времени».

Здесь своевременно сделать оговорку. Список тогдашних комаровских знаменитостей можно продолжить не менее знакомыми именами: Юрий Герман, Ольга Берггольц, Дмитрий Шостакович, Аркадий Райкин, Василий Соловьёв-Седой, Александр Володин, Иосиф Хейфиц... Но Даниил Аль не уверен, что они изначально приезжали именно на писательские дачи, скорее – на свои, к друзьям или в близлежащие дома творчества. Уже потом некоторые могли навестить наиболее «гостеприимные» писательские домики. «Особо уставшие» оставались в них на ночлег – не без приключений. Кстати, возможно, на упомянутой веранде коротали ночи и «ахматовские сироты», включая Иосифа Бродского.

Даниил Натанович с улыбкой вспоминал: в летние выходные стихийные экскурсанты обращались с просьбой показать им «будку» Ахматовой (эта традиция закрепилась уже в наши дни), а заодно просили автограф знаменитого дачника. Нередко возникала ситуация конфуза:

Анна Ахматова в окружении поэтов – «ахматовских сирот». 1950–1960-е гг.

получив автограф – в блокнот или на открытке, его соискатель громко недоумевал: «А разве Вы не... (далее – постороннее имя)?» Или ещё более хлётко: «Так, значит, это Вы прогнали (такого-то!)» В случае непростых отношений между давшим автограф и тем, с кем его перепутали или сиюминутно связали, возникало обострение... Бывало, что и скандальное. Черту подводила реплика экскурсанта или случайного свидетеля – вроде: «Странные (или даже – страшные) люди – эти писатели. Стихи пишут, а так ругаются»...

«Дачные» легенды касаются и отдалённо других. Так, близкая к Борису Пастернаку Ольга Всеволодовна Ивинская в конце 1980-х рассказывала мне о посещении Борисом Леонидовичем комаровских дач. Было это, якобы, в середине 1950-х годов. Борис Леонидович решил познакомиться с Анной Ахматовой молодого Андрея Вознесенского. После сухих приветствий Анна Андреевна, якобы, сказала: «Боря, иди-погуляй. Я хочу с поэтом поговорить». Правда, сам Андрей Андреевич публично об этом не вспоминал. Да и Ольга Всеволодовна испытывала к Анне Андреевне что-то наподобие ревности, чего не скрывала.

Более достоверно посещение могилы, а потом и «будки» Ахматовой Владимиром Высоцким и Мариной Влади. Моя сводная сестра и её муж, навещавшие на комаровском некрополе могилу родственника, вступили с ними в разговор. Тем более, что места упокоения Анны Андреевны и нашего родственника – одного из основоположников отечественной онкологии профессора Александра Ивановича Ракова (вот, ведь, игра слов!) соседствуют, да и надгробия им поставил один и тот же скульптор – Александр Игнатъев, у него, скорее всего, и лечившийся.

А тогда: вместе с Владимиром Семёновичем они вчетвером

подъехали к «будке» (сестре запомнилась кастрюля с варёной картошкой на заднем сидении «Волги» – потом кастрюлю взяла на колени Марина Влади). Но поскольку была уже не ранняя осень (как раз годовщина смерти Александра Ракова), подъехавшие не застали никого из дачников. Ограничились фотосъёмкой «будки» и почему-то находящегося рядом с ней колодца. В памяти сестры сохранились слова Высоцкого: «Колодец с серебряной водой». Было это в конце 1970-х.

Ещё такая частность. Приблизительно в то же время дачи мог навесить и космонавт Алексей Архипович Леонов. Он подъехал к ним на автобусе с группой, скорее всего, космонавтов или космических конструкторов. Дачники некоторых из них узнали и приглашали к столу, но гости торопились и даже попросили их не фотографировать: Даниилу Натановичу это особо запомнилось. Сами же посетители, возможно, делали снимки. Но «фотографических» подтверждений я не нашёл.

Имён и сюжетов много. Но мне легче обратиться к тому, чему был свидетелем сам. Не обойтись без промежуточной темы. Есть версии, кажущиеся и реальными, и едва ли не конспирологическими. Одной из них проиллюстрирую характерный литературоведческий диспут с моим участием. Сразу оговорюсь: дополнительными изысканиями не занимался, но визит писателя-эмигранта Бориса Зайцева в финское Келломяки (Комарово) в 1935 году, на мой взгляд, несколько странен. Дело в том, что озвученная Борисом Константиновичем версия сводилась к посещению им... финского же в те годы Валаама. Тут же упоминается и Ваммельсуу (ныне Серово), где проживала семья Леонида Андреева, приятеля Бориса Зайцева по дореволюционной

Москве. Есть и собственно комаровская привязка: якобы, Борис Константинович искал чью-то могилу на местном кладбище. Но и Валаам, и Серово явно далеко от Комарово. Да и местное кладбище в середине 1930-х насчитывало лишь несколько десятков могил, хорошо известных по именам покойных: искать там вроде бы некого. Зато именно тогда в советской литературной печати Борис Зайцев был заклеимён как всяческий «агент и диверсант». Странное совпадение...

А вот в не менее спорную тему размещения финнами дальнобойной артиллерии для обстрела Ленинграда и Кронштадта внесу посильную ясность. Речь идёт о 1942–1943 годах, и Келломяки при этом упоминалось самими финнами. Так вот: беседы в 1990-е годы с высокопоставленными финскими военными, а также историками подводили к мысли: соответствующие площадки действительно готовились (южнее железнодорожной платформы, а также приблизительно там, где сегодня находятся писательские дачи), но немцы так и не поставили финнам дальнобойные снаряды. Запомнился сарказм одного из финских полковников: «В отношении Финляндии пакт Молотова-Риббентроппа, видимо, действовал до конца войны». Иные версии на этот счёт (они тоже есть) перепоручим военным историкам. Да и невоенным – явно есть, что добавить к странным и очевидным страницам жизни комаровцев. На эту мысль наводит экспонируемый в музее Хельсинки портрет Маннергейма, якобы, сделанный Ильёй Репиным недалеко от Келломяки в 1920-е годы.

Мне, начиная с 2011 года, довелось поучаствовать во многих встречах-беседах как на территории дач, так и в Доме творчества литераторов. Более того, традиция, что ни говори, частных «междусобойчиков»

«Посиделки за самоваром» (акварель).
Май 2022 г. Худ. Н.М. Подпригора

Дачи Всеволода Азарова, Глеба Горышина и других.
Фото: Вероника Undina

нашла развитие в ежевоскресных творческих вечерах под «Зелёным шатром», специально для этого возведённым. Мне хочется поблагодарить своих дачных «современников»: Валерия Попова, Илью Штемлера, Галину Илюхину, Алексея Ахматова (по иронии судьбы он снимает ахматовскую «будку»), Людмилу Баранову, Алексея Любегина, Евгения Лукина, Романа Круглова, Екатерину Полянскую, недавно оставившего нас Владимира Шпакова, Татьяну Семёнову, Виталия Дмитриева, Ольгу Аникину, Дмитрия Легезу, а также навещающих нас литераторов: Бориса Орлова, Владимира Малышева, Максима Замшева (главреда Литературки), Ольгу Хохлову, Бориса Цукера, Олега Левитана, Дмитрия Каралиса, Наталью Перевезенцеву, Артёма Горшенина, Бориса Краснова, Максима Грановского, Юрия Бойцова (кстати, профессор Бойцов воспитывает 11(!) приёмных детей)...

Других приезжих отмечу отдельно: это – в основном, члены питерских ЛИТО, а также студенты-гуманитарии, хочется верить, впитывающие в себя комаровскую ауру. Все они существенно разнообразят и обогащают часто мелочный будний быт комаровских дачников. Правда, общение под «шатром» традиционно продолжается за «придачными» столиками. *Иногда за самоваром...*

... может, лет через 20-30 о них, «местных» и приезжих, станут говорить с тем же «придыханием», что и об их знаменитых предшественниках. Во всяком случае, с ними, их близкими, а также другими гостями наверняка будет, что вспомнить. Не только о строго ежегодных (кроме ковидного 2021-го) торжественных ахматовских днях в последнее воскресенье июня. Запомните и приезжайте. Не пожалеете! Тем более, что усилиями дачниц, даже

местная флора стала здесь разнообразней и привлекательней.

Особую надежду связываю с Валерием Георгиевичем Поповым и Ильёй Петровичем Штемлером. Будучи дачными старожилами, они, как никто, могут обогатить «комарововедение», давно требующее историко-научного упорядочения. Тем более, что первый шаг к этому – в виде публичного представления дачных «адресатов» – уже сделан: у стенда с именами и датами, а также у табличек «Здесь жили...» теперь обязательно останавливаются экскурсанты.

С комаровскими дачами связываю первые шаги к общероссийскому объединению творческих сил. Именно здесь подписаны соглашения между председателями Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борисом Орловым (дачным сменщиком и во многом литературным преемником Всеволода Азарова) и Союза писателей Санкт-Петербурга Валерием Поповым. Так что – ждём продолжения. Со значением повторю: во имя сохранения того, чем гордится не только Комарово, но и питерская интеллигенция. Значит, российская культура.

И совсем личное. Для меня всегда особо содержательными становились комаровские встречи со своим соседом по «строению №1» Николаем Коняевым, возможно, пока недооценённым писателем-философом. Наши беседы были не частыми, прерывались повседневными заботами, более того – я далёк от религиозных исканий и православных интерпретаций Николая Михайловича. Всегда казалось, что в следующий раз договорим... Наш последний разговор, продолжавшийся до полуночи, состоялся в последний день августа 2018 года, за 16 дней до его ухода. Николай Михайлович почти полностью его посвятил

своей редакторской работе с Валентином Пикулем в 1970-е годы. Ох, каким непростым оказался путь Валентина Саввича к всесоюзной славе! И как много Николай Михайлович поведал об издательской атмосфере того времени. Есть о чём подумать и написать отдельно. Кстати, вдова Валентина Саввича – Антонина Ильинична – тоже отдельно оценила вклад Николая Коняева в популяризацию творчества Пикуля.

А теперь – улыбнёмся... Под завершение творческого – под шатром – вечера Ильи Штемлера, вечера академического и одновременно глубоко проникновенного, я в качестве эмоциональной разрядки, а заодно неформальной оценки общественного вклада писателя привёл эпизод афганской войны. Тогда, уже в конце 1980-х, в наши гарнизонные военторги стали поступать книги, не доступные большинству советских читателей: Ахматовой, Пастернака, Пикуля (не просто так мы его вспомнили!) и, неисповедимы пути Господни, английского поэта Джона Китса.

Книги покупали на чеки «Внешпосылторга». Особо дефицитные продавались строго по одной книге в одни руки. Ради правды заметим: в одной из самых лирических песен афганской войны – её написал известный бард-афганец Михаил Михайлов – есть строка: «Ах, спасибо Вам, Анна Ахматова, за ночной разговор по душам!»...

Так вот: более «массовые» потребности «воинов-интернационалистов» часто оборачивались неформальным обменом самых востребованных книг на менее популярные. За «Пикуля» «давали» «двух Штемлеров» («Универмаг», «Таксопарк» – напоминания о мирной жизни). А «Штемлер» «стоил» порой и трёх «Ахматовых».

В Комарово их дачи соседствуют...

Ностальгия по Комарово. Ахматова, Бродский

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ КЕЛЬМОВИЧ

писатель, поэт, член Союза писателей Санкт-Петербурга

*Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн, всегда набегавших по две,
И. Бродский*

НОСТАЛЬГИЯ

О чем эта история? О красоте карельских побережий, об истоках поэзии, о ностальгии? О ностальгии, наверное. Начнем.

В сорока километрах на северо-запад от Питера, на берегу Финского залива, в окружении сосновых лесов расположился поселок Комарово. В довоенные времена – Келломяки. В 60–70-х он был тих, малолюднен и известен, как академический. Населяла его, если говорить на языке того времени, советская творческая интеллигенция: выдающиеся ученые, писатели и поэты, известные режиссеры и другие деятели искусств. Оттого витал в этих местах особенный дух. Высокий полет мысли людей творческих и незаурядных сплетался в воздухе со смолистым запахом соснового бора, ровным дыханием ветра с залива, с сухим шелестом травы в дюнах. Мир этот, открытый не для всякого, был пропитан покоем и достоинством. По крайней мере, так казалось пришлому человеку, блуждающему в тихих переулках более похожих на дорожки в лесу. А может быть, так представляется нам сейчас, потому что над всем этим ушедшим покоем и очарованием встает величественный и строгий профиль Анны Андреевны.

Каким мы видим Комарово сейчас?

Леса, как будто, те же, и целы, залив не изменился. Но отчего-то все это кажется декорацией. Дворцы нуворишей, сгнившие дачи детских садов и пантеон русской культуры на маленьком лесном кладбище возле могилы Ахматовой. Последнее, что у нас осталось. С запахом соснового бора здесь больше не сплетается ничего.

О покоящихся на комаровском кладбище можно написать грандиозный труд, многотомную энциклопедию советской и русской культуры. Но так устроено коллективное сознание, что при обращении мыслью к истории Комарово, из всех его великих жителей всплывают: Анна Андреевна Ахматова и «волшебный хор» молодых поэтов вокруг нее. Среди них Иосиф Бродский.

Не стало ли это такой же декорацией, как и сам поселок?

В детстве и в юности я прикоснулся к этому миру, тогда еще живому, настоящему. И для меня мучительно наблюдать, как биографические исследования о властителях дум того времени и последующее их возвеличивание, превращают ту настоящую жизнь в нечто монументальное и не соответствующее действительности. Понимаю, что память не может быть живой. Что процесс ваяния неизвестно чего вечен и объективно необратим. Та часть детства и юности, где ты встречался с этими людьми, неизбежно превратится

в подобие античного барельефа. Но живое внутри продолжает биться, как птица о прутья клетки. Фальшь – разновидность грязи. Более всего, хочется отмыть от нее руки, когда, при живых еще свидетелях и участниках тех событий приходят некие всезнающие компетентные люди и начинают «рулить». Почему именно они? У тебя на глазах «эксперты» и «знатоки» на месте твоей прошедшей жизни устанавливают одинаковые монументы, высекают одни и те же во все времена барельефы «всемирной памяти».

Бог с ними! Попробуем рассказать свою, хотя бы отчасти настоящую историю. Для меня естественно, и я чувствую себя в праве, вспоминать о Бродском.

ИЗ ОБЩЕИЗВЕСТНОГО

Из общеизвестного о жизни Иосифа Бродского в Комарово и окрестностях.

1. Седьмого августа 1961 года Евгений Рейн привез Иосифа в Комарово и познакомил его с Анной Ахматовой. Вокруг Анны Андреевны в те годы сложился кружок молодых, талантливых поэтов, который назвали «волшебный хор». В кружок входили: Евгений Рейн, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев и Иосиф Бродский. Бродский – на последнем месте, потому что самый младший, менее образованный и известный. По крайней

мере, так было в 1959–1961 годах. Иосиф посещал Анну Андреевну в Комарово до самой ее кончины. (Эпизоды, связанные с судом, ссылкой и борьбой за освобождение Бродского, опустим с учетом ограниченного объема текста).

2. Осенью 1962 года Иосиф познакомился и подружился с Михаилом Мейлахом и в дальнейшем часто бывал в знаменитом комаровском доме его отца, известного пушкиниста, лауреата Сталинской премии.

3. Осенью и зимой 1962–1963, Бродский жил на даче выдающегося генетика Раисы Львовны Берг. Основная причина временного переезда – начало отношений с Мариной Басмановой, необходимость иметь личное пространство. К сему прилагались: цикл стихотворений «Песни счастливой зимы», тесное общение с Ахматовой, знакомство с В.М. Жирмунским и т. д.

4. Второго января 1964 года Марина Басманова встретила Новый год с Дмитрием Бобышевым. Что стало причиной драматического развития ее отношений с Бродским и ухода Бобышева из «волшебного хора», сыграло определенную роль в аресте будущего нобелевского лауреата. События скорее литературной, чем личной истории. Считается, что дачу для празднования Нового года снимали в Зеленогорске, но располагалась она и до сих пор стоит где-то на границе Зеленогорска и Комарово.

5. Со слов Михаила Мейлаха, в 1962–1963 годах Иосиф Бродский зимой некоторое время жил в Комарово, в домике, который снимал и уступил ему на время Константин Азадовский. А на даче Р.Л. Берг, Бродский провел зиму уже после возвращения из ссылки.

6. 5 марта 1966 года умерла Анна Ахматова. Ее похоронили 10 марта на комаровском кладбище. Место для могилы выбрали Иосиф Бродский и его друзья.

Попробуем, до некоторой степени, оживить сухие факты и отыскать в них внутренние сюжеты. Первая из сюжетных линий – наставники Бродского.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Среди моей, точнее нашей с Иосифом родни было немало состоявшихся, успешных людей искусства, инженеров и врачей – ленинградская интеллигенция. Взрослые, прошедшие войну и сталинизм, они помнили революцию и Гражданскую войну, имели классическое образование и впитали дух Серебряного века. В то же время полжизни этих людей прошло в окопах сталинизма и диктатуры пролетариата. Но, может быть, страшнее всего был гнет убогого советского быта. Все это наложило на них совершенно определенный отпечаток.

В конце 50-х Иосиф в их понимании был непутевым парнем, вечно сбивающимся с дороги. Его надо было куда-то пристроить. Осино увлечение поэзией вначале не одобрял отец. Позже, когда талант поэта расправил крылья, проклянулась общесемейная гордость за него и вместе с ней опасения. Возникло снобистское, основанное на жизненном опыте представление о том, что Оськины друзья – околелитературная шушера. Они сбивают его с толку и мешают творить. «Опять пришел этот ужасный Рейн» – говорил некто их наших родственников. В детстве, естественно, я смотрел на Осиных приятелей настороженно, так же, как моя бабушка и ее сестры.

Сегодня в друзьях Иосифа я узнаю повадку старшего поколения моей семьи. Взрослые люди, ленинградские интеллигенты, которые прошли через многое, впитали дух, не Серебряного века, конечно, но советского ренессанса 60-х. Многие стали известными деятелями искусства и культуры. В них читается, за

редким исключением, некая монументальность живых классиков, осанка и интонация метров литературы, виден и похожий, до некоторой степени, снобизм. Подозреваю, на молодые дарования, шмыгающие вокруг имени Бродского, они смотрят, как на околелитературную шушера.

Нет ничего нового под Луной.

Меня это не смущает. Я воспринимаю Осиных друзей такими, какими видел в детстве, но уже без старых семейных установок. Нахожу такому взгляду подтверждения в воспоминаниях Людмилы Штерн, Рады Аллой, Славинского, Мейлаха и т. д. Из осколков воспоминаний складывается картина жизни в 60-х. И ничего кроме восхищения, а так же, не свойственного мне чувства зависти, я не испытываю. Кажется, чему завидовать? Нищие, голодные времена, убогий быт, невозможность говорить вслух, маячащие за спиной лагерь и кутузки, смертоносное жало сталинизма. Но какими отчаянными, веселыми, безумно талантливыми они были. Сколько внутренней свободы, творчества и смысла излучали в спорах, поступках и стихах. Как много их было рядом друг с другом.

Ничего этого нет в нашем относительно благополучном мире. Только монументы великих людей двух прошедших веков и супермаркеты вокруг.

БРОДСКИЙ И РЕЙН

Обращаясь к воспоминаниям Евгения Рейна и Игоря Славинского можно представить, что путь в большую поэзию для Иосифа Бродского начинался приблизительно так. В 1960 году Славинский и Ентин с женами сняли квартиру в Благодатном переулке. Отдельная квартира по тем временам – большая редкость. Там собирались веселые литературные компании, молодёжь.

Из интервью Игоря Славинского:

«Леня Ентин приволок однажды туда Бродского, который всем понравился. Молодой, здоровый, рыжий, он приехал на велосипеде в дырявом спортивном трико. Он моментально стал читать стихи. Тогда все читали стихи. Конец 1950-х – это исключительно стихи. Окуджава и барды были позже... Бродский нас совершенно задурил своими стихами. Я его познакомил с Рейном».

Из интервью Евгения Рейна:

«Игорь пригласил меня на нососелье. Я пришел. Там девушки, юноши, все выпивают, и какое-то замешательство. Выходит ко мне Славинский и говорит: «Слушай, ты должен нам облегчить положение». Я говорю: «А в чем дело?» «Тут находится один человек, который нас зачитывает своими стихами. Мы не хотим слушать эти стихи. Ты можешь ему сказать, чтобы он ничего больше не читал?!» Я говорю: «А кто это?» Он говорит: «Я тебя сейчас познакомлю». И он выводит юношу рыжего, румяного. Я ему говорю: «Тут же не читают стихи. Тут выпивают, закусывают, ухаживают за девушками! Приходите ко мне домой и там будете читать». Я дал ему свой адрес. Это был Бродский».

Из интервью Игоря Славинского:

«У меня гипотеза такая, что если бы Бродский вовремя, в двадцать лет, не познакомился с Рейном, Найманом и Бобышевым, то не было такого Бродского, которого мы знаем. Они к тому времени состоялись как поэты, а он пришел зелененький. Он писал тогда под Пабло Неруду. Они развивались до конца 1970-х, а он только начал разворачиваться. Вот если бы он познакомился тогда не с ними, а с Евтушенко, например? Это был бы другой человек. Кто в то

время играл такую же роль, как Рейн? Он же уникален. О себе он написал, что он выучил писать стихи двенадцать человек. У него есть стихи на эту тему: «Выучил дюжину учеников – шесть негодаев, шесть мучеников».

В значительной степени, для Иосифа Бродского многое в поэзии начиналось с Евгения Рейна. Рейн обозначил контекст и показал инструментарий стихосложения, ввел Иосифа в круг молодых ленинградских поэтов. Он, можно сказать, поставил Иосифа на лыжню, как первый тренер, будущего чемпиона.

7 августа 1961 года, в день, когда Германа Титова отправили в космос, Евгений Рейн привез Бродского в Комарово и познакомил его с Анной Ахматовой.

БРОДСКИЙ И АХМАТОВА

Связь Бродского и Ахматовой – нечто совершенно другое.

Перед глазами современников и очевидцев проходили эпизоды повседневной жизни. Бродский приезжал к Анне Андреевне часто, один или вместе с «волшебным хором»: Найманом, Бобышевым, Рейном. Заходил каждый день, когда жил в поселке. Помогал в простых житейских делах: сходить в магазин, что-то сделать по дому. Но за всем этим стояло нечто совершенно особенное.

Известно множество фактов, историй и мифов об отношениях Бродского и Ахматовой. Прежде всего, в памяти всплывает знаменитое восклицание Анны Андреевны в период суда над Бродским: «Какую биографию делают нашему рыжему!» Кстати, у соседей Анны Ахматовой был большой рыжий кот, очень энергичный, шумный и симпатичный. И в шутку, Бродского, за его темперамент, Ахматова называла «полтора кота».

Лев Лосев вспоминал: «Фраза Ахматовой «Вы сами не пони-

маете, что вы написали!» после чтения «Большой элегии Джону Донну» вошла в персональный миф Бродского как момент инициации».

О стихотворении Бродского «Закричат и захлопочут петухи», Анна Андреевна сказала, что после Мандельштама ничего подобного не читала. Она взяла строки эпиграфом к своему восьмистроичью «Последняя роза».

Множество стихов Бродского, посвящено Ахматовой: «Садовник в ватнике, как дрозд...» и так далее.

Его часто спрашивали об отношении к Анне Андреевне. Он говорил о том, что в момент первой встречи не осознал сразу, кто перед ним. Но позже, возвращаясь домой в электричке, понял, точнее, почувствовал, с кем его свела судьба.

Одно из многих его воспоминаний об Анне Андреевне: «...Всякая встреча с Ахматовой была для меня довольно-таки замечательным переживанием. Когда физически ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты. Гораздо лучшим. С человеком, который одной интонацией своей тебя преображает. И Ахматова уже одним только тоном голоса или поворотом головы превращала вас в хомо сапиенс. Ничего подобного со мной ни раньше, ни, думаю, впоследствии не происходило...»

Список крылатых фраз, посвящений и поступков и велик. Где здесь мифы и где факты не так уж и важно. Все они говорят об одном. Но самое главное и достоверное для себя я нашел в позднем интервью Иосифа. Как это обычно бывает, сущностное произносится между делом, вскользь... Бродский говорил об узнавании. Это особенная, очень тонкая вещь, сложно передаваемая словами. Суть ее – чувство: когда два великих мастера, две почти нечеловеческие сущности – чистое воплощение поэзии – вдрут уз-

нают друг друга сквозь мирскую оболочку, сквозь причуды характера и шероховатую плотную фактуру обыденности. Нечто совершенно эфемерное, но обладающее особенной силой. Дух поэзии, который живет в каждом из них, вдруг объединяется. Для этого нужен только взгляд. Не нужно мысли, анализа. Только узнавание. И потом жизнь течет дальше, как текла, и они идут, каждый своим жизненным путем, как шли: проблемы, отношения, сложности быта. Но за всем этим теперь стоит неотрывно узнавание и соединивший их взгляд. Это, в некотором смысле, родство, родственное чувство.

Если говорить о формальной стороне наставничества и влияния Ахматовой на Бродского, мнение исследователей, при множестве оговорок, можно назвать совпадающим. Высказывание Евгения Рейна отражает его, в значительной степени, точно:

«Это довольно сложный вопрос, сложный и коварный. Я думаю, <...> у Бродского нет прямой стилистической связи с Ахматовой. Влияние Ахматовой прослеживается в очень важных вещах, но утопленных куда-то во второй ряд: в каком-то культурном слое, в каком-то нравственном отношении, в цене слова, в психологизме».

Смерть Ахматовой для всех ее близких стала неожиданным и сильным ударом. Бродский плакал на похоронах.

Позже он искал место для ее могилы, по одним воспоминаниям, вместе с Ардовым, по другим – с Мейлахом. В статье сотрудников Фонтанного дома обнаружился подробный рассказ о том, как это было. Вместе с Иосифом поиском места для захоронения Ахматовой занималась архитектор Зоя Борисовна Томашевская¹.

Томашевская обратилась за помощью к Игорю Ивановичу Фомину, заместителю главного

архитектора города. «Он знает каждый камень, каждую пядь земли. Человек, который все понимает – и подлинное место Анны Андреевны, и все сложности. Умен, дипломатичен, хитер. Будучи беспартийным, занимает очень высокий пост».

Фомин и посоветовал Комарово, маленькое, бывшее финское, кладбище русских эмигрантов: «Ее могила станет центром кладбища. Туда будут все стремиться. Кладбище станет ахматовским». Вызвал архитектора Курортной зоны с планом кладбища. Точно по центру продольной аллеи обозначили место для могилы. И уже Томашевская с Бродским на комаровском кладбище договаривались с могильщиками».²

Так возник пантеон русской культуры в Комарово.

НЕКТО ТРЕТИЙ В ТЕНИ

В 1964 году Бродский был в ссылке в Архангельской области и попросил Анатолия Наймана взять с собой к Ахматовой в Комарово художника Гарика Гинзбурга-Воскова. Восков вспоминал о той встрече.

«Я был очарован с первого взгляда. <...> Несмотря на ее возраст, от нее исходила энергия прелестной молодой женщины. И внешне она очаровывала: черное кимоно, босые ноги в сандалиях, педикюр, красивые руки, перстень с темным камнем. Поразила посадка головы, сама голова, мощь, многообразие выпуклостей, когда с каждого угла зрения возникает другой образ».

В дальнейшем он не раз приезжал к Ане Ахматовой и рисовал ее портреты.

Почему мы вспомнили именно этот эпизод?

Для меня в истории с портретом многое соединилось. Три наставника Бродского как будто бы встретились. Три составляющих его гениальной поэзии собрались в тот момент в единый фокус.

Несколько слов о Гарике Воскове и его дружбе с Бродским.

Долгие годы я считал духовную одаренность Иосифа феноменом самозародившимся, не развитым какой-либо религией или иной силой. Но последнее время фигура Гарика Гинзбурга-Воскова все больше привлекает мое внимание. Один из самых близких и, одновременно, незаметных друзей поэта. Большинство знакомых Бродского, не вспоминая о Воскове или говоря вскользь о его жизни, как о чем-то непонятном и чуждом. Однако по кратким замечаниям Иосифа и некоторых общих друзей, особенно внимательных к феноменам внутренней жизни, можно воссоздать портрет этого человека.

Лев Лосев считал, что от Воскова Иосиф получил в юности сильную прививку восточной духовной культуры. В том же духе высказывается Татьяна Никольская и некоторые другие. Михаил Мейлах вспоминает забавный эпизод.

«Я не люблю пафос и эти слова – мистика, духовность. Духовка какая-то. Эта шутка родилась на дне рождения Бродского. Там был наш общий друг, действительно духовно одаренный человек Гарик Гинзбург-Восков (и Бродский, и я с ним ездили в горы, на Тянь-Шань, Бродский посвятил ему стихи). Гарик был человек абсолютно не светский. И вот, Бродский представил его другому нашему приятелю, че-

¹ Близкий друг А. Ахматовой. В последующем инициатор создания музея Ахматовой в Царскосельский гимназии искусств и в Фонтанном доме.

² Копылов Л., Позднякова Т.: Похороны Анны Андреевны Ахматовой. Хронология событий.

ловеку насмешливому: «Это мой духовник» (с ударением на «о», вообще у Бродского с ударениями было не всегда благополучно). На что тот указал на даму светскую и весьма легкомысленную и сказал: «А это – твоя духовка». Так эти два слова стали на свое место».

Итак, пусть в несколько ироничном стиле – характерное в те годы снижение избыточного пафоса – Иосиф говорит о Воскове, как о своем наставнике. Что нам еще известно? Бродский называл Гарика своим старшим братом, и тот действительно приобщил его к йоге и метафизике индуизма. Они вместе путешествовали по Тянь-Шаню и Средней Азии. В этих походах Бродский «трижды тонул...», то есть встретился со смертью и видел немало чудесного.

В качестве дополнения, передающего стиль и настроение их жизни и поиска – из воспоминаний Натальи Шарымовой: «Он (Бродский) любил рискованные ситуации... В Ленинграде начала 60-х вместе с другом, художником Гариком Гинзбургом-Восковым, любил забираться на крыши заброшенных соборов: Смольного или храма Спаса на Крови».

Их совместные поиски метафизического горизонта не похожи на философствования и пространные рассуждения о духовности сидя на диване. На пересечениях их жизненных сюжетов случилось много всего. В качестве общего знакомого – Александр Уманский: дело об угоне самолета. Путешественник и велосипедист Юра Сорокин. Разгромная критическая статья о йогах, в которой пропечатали и Бродского – очевидная предвестница другой, фатальной для Иосифа статьи – «Окололитературный тругень». Рядом с ними ощущался нерв реальной опасности, настроение поиска свободы, настоящих ответов на настоящие вопросы, дух андеграундного

подполья, бродяжничества и побега из фальшивого мира, характерный для «диких» туристов, геологов, нелегальных искателей истины того времени.

В феномене дружбы Бродского и Воскова выделим два наиболее существенных момента. Первый – она была очень важна для обоих. Второе – они не афишировали свое знакомство, не посвящали в круг своих интересов других, включая близких литературных друзей, родню. Надо сказать, вокруг Гарика Воскова существовало и существует сейчас некоторое поле неопределённости, некий туман неизвестного, что очень характерно для людей такого склада. То, как о нем говорят: осторожно, будто нащупывая ответ в размытом облаке фактов, очень знакомо.

Для меня важны не сами свидетельства их дружбы, но скорее, узнавание того, что за ней стоит. Здесь точка соединения моих воспоминаний об Осе и опыта проживания сходных ситуаций и обстоятельств. Я встречал таких людей, как Восков и очень хорошо представляю их образ мыслей, поступки и ауру их вечного поиска. Я путешествовал в тех же местах на Тянь-Шане, бывал в сходных обстоятельствах. Знаю сколько можно встретить чудесного в горах Заилийского и Кунгей Алатау. Помню так же, как влияло на человека мифологическое нутро старых квартир в центре Ленинграда. В их темных закоулках таилась не только пыль, но нечто зазеркальное, шорох времени...

В этом и заключен механизм распознавания. На основе соотнесения, совпадения со своим внутренним опытом, угадывается и прочитывается то, что стоит за словами Иосифа и воспоминаниями его друзей. С большой долей вероятности – а для меня достоверно – Гарик Гинзбург-Восков был для Иосифа Бродского проводником в метафизическую

реальность и в области мистического восприятия.

А далее, скорее всего, Иосиф шел сам. Далее, были не учителя, а скорее движущие силы. «Смерть-советчик» одна из них.

Десятилетиями существовать, зная, что ты можешь умереть в любой момент. Выставляет на цыпочки непрерывно, день за днем, год за годом. Никуда от этого не деться. Очаровывать женщин, втолковывать нерадивым студентам азы изящной словесности, раздраженно спорить с издателями, нащупывая в кармане трубочку с нитроглицерином. Чтобы ни происходило, приходится стоять на пуантах экзистенциального.

Это совершенно особая жизненная ситуация, обостряющая восприятие и изменяющая интенсивность жизни. По большому счету – достаточно очевидная вещь. Главное воспринимать ее не отвлеченно, как некую литературную историю, но попытаться сопереживать реальному, живому человеку, в данном случае, Иосифу Бродскому. И все станет по-настоящему понятно.

Проследивая путь поэта, находишь во всем следы совершенно особенного, необычного восприятия и сознания. Прежде всего, в стихах и в прозе, но, естественно, и в жизни, на каждом шагу. Внимательно изучая его биографию, несложно найти людей, знакомство с которыми вытаскивало за пределы повседневного, обнаружить идеи, впечатления и события метафизической природы. Однако, основой дальнейшего движения становится ведущая сила его судьбы. Сам Бродский сформулировал это так:

«Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения».

Три наставника. Три начала гениальной поэзии Бродского

соединились в единый фокус в Комарово, в тот день, когда Гарик Восков рисовал портрет Анны Ахматовой.

Инструменты поэта и андеграунд 60-х открыл Иосифу Евгений Рейн.

Гений и дух поэзии пробудила Анна Ахматова.

Проводником к метафизическому горизонту стал Гарик Восков.

У Бродского было много друзей, действительно близких. Но среди них, как мне кажется, только трое или четверо понимали, с кем они имеют дело. Мало кому открылась истинная природа его гениальности.

Лев Лосев. «Бродский был гением, то есть от природы человеком очень крупного масштаба; даже когда писал сугубо лирическое стихотворение, оно приобретало у него космический размах просто в силу масштаба его личности».

Михаил Мейлах. «Метафизическая сторона поэзии присутствует у него в очень высокой степени». «Что касается уроков жизни: важнейшая заповедь, которую я воспринял от Бродского, – это избегать накатанных путей».

В качестве лирического отступления: еще из воспоминаний Михаила Мейлаха о встречах с Иосифом в Комарово.

«... зимой он некоторое время жил в Комарове в домике, который снимал и ему уступил Костя Азадовский, и он каждый день приходил ко мне на дачу: здесь его ожидал обед или ужин, и в его распоряжении была пишущая машинка».

«Однажды осенью он снова прожил в Комарове, на этот раз на даче Раисы Львовны Берг в Академическом поселке, и через весь поселок ездил ко мне на дачу на велосипеде. В доме у меня ему особенно нравилась выходящая в сад и увитая диким виноградом веранда – он говорил, что, если бы у него была такая веранда,

он «написал бы “Божественную комедию”, и не одну».

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ 2021 ГОД

Конец октября. На пороге глубокая осень. Воздух – хрусталь, последние желтые листья кленов кажутся цветным стеклом. Особенно на фоне молчаливых сосен. Неподвижный и безлюдный мир. Писательская деревня – последний осколок великой русской литературы – зачарована. Все ее дома пусты и, кажется, заколочены. Четыре фанерные дачи, сырые и выкрашенные зеленой краской, на открытом большом участке. Среди них «будка» Ахматовой. Тоже жилила, но с табличкой. Летом здесь суетно, и не ощущаешь ничего, кроме разочарования. Но сейчас, когда общежитийский писательский подвиг растворился в небесах, растаял в городской дымке, сейчас, в хрустальной тишине, среди немеющих в предзимье деревьев, оживает нечто. И не знаешь, как это назвать. Как в храме молитва, как не замирающее до конца эхо. Тихий голос великой поэзии... Слова набегают тихо, как волны Финского залива. Голос проговаривает чуть слышно знакомые строки... Ироничный ум сопротивляется, но ведь слышу буквально кожей.

Заехали ненадолго, по случаю. Оказалось, по пути. Два поэта и писатель. Вроде не чужие здесь. Вспорхнули как три черных дрозда – наглые птицы – на лавки возле уличного стола. А стол – вот прямо рядом с Ахматовской «будкой», посередине участка. Поэт из местных притащил из домика бутылку коньяка, стопари и соленых грибков, как положено. Но выпить отчего-то согласились только чаю. Накрыла тишина, ее неслышный, «безучастный голос». И правда, есть еще что-то святое в этом мире. Сидим в хрустале, пьем чай молча.

Как будто пусты писательские дачи, но неслышно, из неоткуда появляется вдруг за спиной товарища еще один известный питерский поэт. По шагу и рюкзаку видно, что идет со станции. Останавливается, молча наливает коньяку. Хлоп – опрокинул. Без закуски. Осветилось улыбкой лицо, поздоровался. Не сбиваясь с шага, двинулся дальше. Не обращившись, помахал на прощанье рукой.

Вновь сомкнулась тишина, хрусталь. Зазвучало стихотворение. Нам уезжать скоро.

ДОРОГА ИЗ ЗЕЛЕНОГОРСКА В КОМАРОВО

Зеленогорск. Я помню старые финские дома с советским окрасом, превращенную в склад, православную церковь недалеко от залива. Она без куполов, с березой на крыше. На колокольне – будка финского снайпера, похожая на дачный туалет. Кинотеатр «Победа», переделанный из церкви лютеранской. Такой аккуратный, тесный для публики домик, без шпиля и креста... Лес полный грибов, выцветшие веранды с цветными стеклами. Людей мало, но публика интеллигентная, вся знакомая. Гости все те же, что и в городе. Пустой берег залива, кусты, развалюхи в кустах. Дикие дюны, советские санатории и пансионаты. И разговоры о запрещенных книгах и смысле жизни...

Зеленогорск и Комарово всегда были и есть – одно целое. Нет разрыва, нет границы. Дома и старые дачи на окраинах поселка и городка стоят редко, некоторые прямо в лесу. Но цепочка их совсем не прерывается. Только истончается до появления мысли: «Нет, это все-таки уже лес», и тут же домики начинают мелькать чаще.

Особое предназначение у Курортной улицы. Приморское

шоссе, внизу, это нечто отдельное, не связанное с населенными пунктами, скорее эстетический атрибут побережья. О верхнем шоссе можно сказать то же самое. К тому же, в 60-х годах его еще не было.

Курортная улица – нечто другое. Она начинается почти в центре Зеленогорска, идет прямо через окраину городка и заканчивается в Комарово, недалеко от станции. Она почти не изменилась за 50 лет. Куда приведет ее рыхлая асфальтовая лента, если мы двинемся в путь от самого ее начала, например, на велосипеде? Может быть не только к станции? Может быть, здесь встречаются два мира, два времени. Куда же она приведет?

Зеленогорск, как и Комарово – территория детства.

Семья наша снимала дачи в Зеленогорске, как мне кажется, с начала времен. То есть с самого моего рождения. Соответственно и с первых месяцев жизни Александра (Саши) Вольперта, моего одногодки.³ Начиная с 60-х, обосновались в самом начале Курортной, недалеко от перекрестка с улицей Восстания, перебираясь периодически на несколько домов в одну или другую сторону. Нынче возле этого перекрестка построен огромный пансионат-башня «Балтийский берег». В то время на его месте был бескрайний травяной холм. На нем мы играли в войну. Там можно было потеряться, спрятаться так, что тебя вообще не находили.

Возле этого перекрестка обитала семья Бориса Вольперта и наша – то есть бабушки Розы и моих родителей.⁴ Руткисы в 60-е снимали дальше, на Александровской улице, тоже выходящей на Курортную.⁵ К ним иногда на

время приезжали родители Иосифа – Мария Моисеевна и Александр Иванович. У Бродских не было денег снимать дорогую зеленогорскую дачу. Впрочем, и мои родители, можно сказать, отдавали последнее. Естественно, на этих дачах периодически мелькал Оська.

Иосиф подарил свой велосипед, старенький синий «Спутник», двоюродному брату Мише Руткису. Сам им практически не пользовался. Летом велосипед проезжал с другими вещами в Зеленогорск на дачу. Навещая Ахматову в Комарово, Ося иногда добирался на электричке до Зеленогорска – следующей остановкой. Здесь он брал бывший свой велосипед и на нем отправлялся к Анне Андреевне в гости.

Путь его лежал по длинной, тихой, очень зеленой Курортной улице, мимо Дома архитекторов. Курортная улица, в отличие от остальных, уже тогда была асфальтирована, и велосипед катился легко среди еловых аллей, сосен и финских дач.

Не об этих ли велосипедных прогулках вспоминает Михаил Мейлах?

4 июля 1972 года Иосиф отбыл из страны Советов, как оказалось, навсегда. Все произошло неожиданно и быстро. Дома остались покинутые старики, совершенно потерявшиеся, не знающие, как жить дальше. Александр Иванович и Мария Моисеевна привыкли к испытаниям и ударам судьбы. Они были сильными, мужественными людьми. Но в непрерывной череде преследований, травли и несчастий этот последний удар был особенно коварен и жесток. Осины родители пребывали в совершенной прострации. Руткисы предложили поехать с ними на

дачу. Это оказалось, в каком-то смысле, спасением.

На следующий год совместный выезд на дачу повторили, только место сменилось. Поселились совсем близко к остальным. Две крохотные комнаты в домике на дне оврага – прямо у крыльца протекал ручеек. Сыро, но очень тихо, живописно и не так накладно. Овраг местами зарос, как дремучий лес. Тогда же мы с Сашей Вольпертом в его зарослях выкладывали из дерна новую тропинку, бегали по тенистой таинственной дорожке друг другу в гости. Наши дома стояли наверху, на горе среди сосен.

Дачи в Зеленогорске снимали за триста рублей за сезон. После третьего лета, Руткисы с Марией Иосифовной и Александром Ивановичем перебрались во Всеволожск. Несколько лет дача поддерживала их силы, но затем родители Оси стали часто болеть и попеременно лежали в больницах. В 1983 и 1984 годах их не стало.

Недавно, во время прогулки по окраинам Зеленогорска я обнаружил, что домик на дне оврага полностью разрушен. Нашел остатки фундамента и печной трубы. Дома по адресу: Восстания, 7 больше нет и на карте.

Дальше, дальше бежит асфальтовая лента Курортной улицы. За территорией «Дома архитекторов», похожей на сосновый бор, влево уходит улица Танкистов, а от нее бежит через лес, петляя в старых тенистых ельниках, дорога на Щучье озеро. К озеру, только с другой стороны, часто ходили гости Анны Андреевны. Бродский фотографировал там своих друзей, Женю Рейна. Тогда озеро было совершенно диким, с маленькой лодочной станцией на Зеленогорском берегу.

³ Двоюродный брат Иосифа Бродского, сын Б.М. Вольперта.

⁴ Борис Моисеевич Вольперт – дядя Иосифа Бродского, Роза Моисеевна Кельмович – тетя Иосифа Бродского, старшая сестра Марии Моисеевны Вольперт.

⁵ Раиса Моисеевна Руткис – тетя Иосифа Бродского, младшая сестра Марии Моисеевны Вольперт.

Дальше, дальше бесшумно летит велосипед. Скоро граница Комарово и где-то здесь, в стороне от дороги все еще прячется за деревьями дача, на которой славная компания встречала новый 1964 год, и где второго января Марина Басманова подождала занавески.

Дальше, дальше...

И вот Комарово. Писательская деревня, «будка» Ахматовой, дом Мейлаха... Дача Бергов давно сгорела. Земля в Комарово стоит дорого, и кого волнует обуглившаяся память. Но остается для нас, как путеводная звезда, как источник силы, маленькое кладбище в лесу.

Анна Андреевна, здравствуйте!

ВЗГЛЯД С ПОБЕРЕЖЬЯ СТОКГОЛЬМСКОГО АРХИПЕЛАГА ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В Швецию Иосиф Бродский приезжал в 1974 и 1978 годах. В 1987 – посетил Стокгольм, чтобы получить Нобелевскую премию по литературе. После этого он появлялся на побережье Балтики каждый год, до 1994 года включительно. Чаще – летом, снимая дачу на одном из островов Стокгольмского архипелага. В 1992 он два месяца жил в домике на острове вместе с женой, Марией Соццани.

Стокгольм, побережье, острова архипелага напомина-

ли ему Карельский перешеек. О шведской столице Бродский писал Якову Гордину: «главное – водичка и все остальное – знакомого цвета и пошиба. Весь город – сплошная Петроградская сторона. Пароходики шныряют в шхерах, и тому подобное, и тому подобное».

В беседе с Петром Вайлем заметил, что Швеция напоминает ему детство «в деталях, до мельчайших подробностей»... «Знаешь, с какой стороны должен подуть ветер или прилететь комар».

Из интервью Бенгту Янгельду:

«Последние два или три года я каждое лето приезжаю более или менее сюда, в Швецию, по соображениям главным образом экологическим, я полагаю. Это экологическая ниша, то есть ландшафт, начиная с облаков и кончая самым последним барвинком, не говоря про гранит, про эти валуны, про растительность, практически про всё – воздух и так далее, и так далее. Это то, с чем я вырос, это пейзаж детства, это та же самая широта, это та же самая фауна, та же самая флора. И диковатым некоторым образом я чувствую себя здесь абсолютно дома, может быть, более дома, чем где бы то ни было, чем в Ленинграде, чем в Нью-Йорке или в Англии, я уже не знаю где. <...> Это просто, как бы сказать,

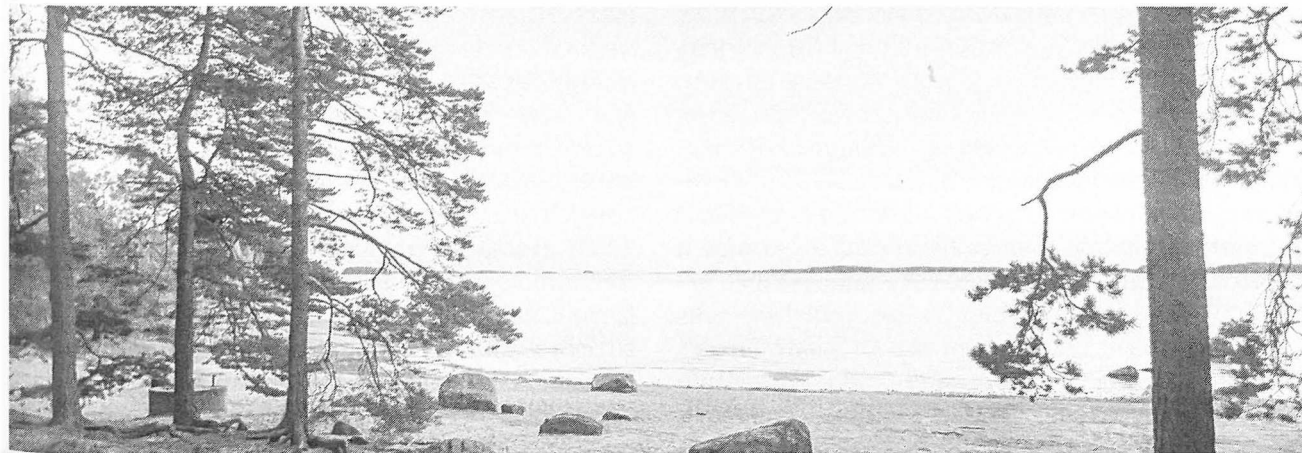
естественная среда, самая известная среда, которая известна для меня физически».

К лучшему, из написанного Бродским, наиболее близкому мне по звучанию и смыслу, я отношу первую строфу стихотворения «Шведская музыка».

«Когда снег замечает море
и скрип сосны
оставляет в воздухе след глубже,
чем санный полоз,
до какой синевы могут дойти
глаза?
До какой тишины
может упасть
безучастный голос?»

Стихи посвящены писательнице Кароле Хансон, и как будто бы написаны под впечатлением от посещения Швеции в 1978 году. Название говорит о том же. Но читая «Шведскую музыку» вслух, я неизменно вижу зимний берег Финского залива, заиндевелые сосны вдоль пляжей Комарово и Зеленогорска. Ничего не могу поделать. Мне кажется, я знаю, что стояло перед глазами Иосифа, когда рождались эти строки.

Оставим за кадром то, что они не о природе, скорее, о беспредельности человеческого сознания... Стихи еще о ностальгии. Они кончаются фразой: «...так стенные часы, сердцебиенью вторя, остановившись по эту, продолжают идти по ту сторону моря».

Два академика

На академической даче в Комарово мне случилось побывать всего пару раз.

Я заканчивала университет и меня попросили позаниматься французским с ученицей старших классов, моей четверюродной сестрой. Так я оказалась в квартире недалеко от площади Мужества.

Никакого толка от занятий не получилось. Я старалась изо всех сил, пытаюсь воспроизвести то, чему учили меня, а Наташа, как звали мою родственницу, относилась к этому как к веселой игре. В итоге смеяться начинали мы обе. А потом к нам присоединился рыжий и очень озорной кот-подросток.

Так продолжалось до самого лета, а потом Наташа пригласила меня на день рождения, который должен был состояться у них на даче. Я согласилась – с радостью, но не видя в этом событии ничего грандиозного.

В отличие от меня мама отнеслась к моей предстоящей поездке серьезней некуда: внимательно осмотрела мой наряд, заставила меня заменить любимые открытые босоножки на что-нибудь более приличное и несколько раз повторила, чтобы я была сдержанной и воспитанной, а главное – не забывала, что нахожусь в гостях у своих знаменитых родственников.

Так я и оказалась в том самом доме на Курортной улице, не похожем на то, что мне до сих пор случалось видеть. Старый двухэтажный дом, вокруг которого настоящая сосновая роща, ни кустов, ни клумб с цветами, ни яблонь. Внутри старинная мебель, закрытая полотняными чехлами как в историческом фильме. На одном из таких диванов я переночевала, приехав в следующий раз.

Такого интересного и занимательного дня рождения мне не случалось видеть. Наташа придумала разные викторины и даже нечто вроде поля чудес, когда нужно было угадывать слово, открывая одну букву за другой. Одно из таких слов было очень длинным, мне доставался один приз за другим. В какой-то момент, почувствовав неловкость, я нарочно стала называть редко встречающиеся буквы... но в слове обнаруживались и они тоже!

В последующие разы мы с Наташей играли в бадминтон и катались на велосипедах по улицам и дорожкам. Один раз для меня это закончилось настоящей аварией. У велосипеда, который я в то день выбрала, были не в порядке тормоза. Обнаружилось это лишь, когда я, разогнавшись по наклонной дорожке, безуспешно пыталась снизить скорость. Впереди был забор, поворот, где уже находилась

ЗЛАТА ВЛАДИМИРОВНА ЛИННИК

Писатель, член Союза писателей Санкт-Петербурга

моя спутница, оказался достаточно узким. Чтобы не сбить ее, я отважно направила свой велосипед прямо в забор. Испугаться как следует не успела, точнее, в последний момент испугалась не за себя, а за очки. Забор приближался как в режиме стоп-кадра: вот он еще достаточно далеко, а теперь прямо передо мной, а затем... Пришла я в себя уже висая на этом самом заборе. Далеко внизу в одной стороне валялся велосипед, а в другой – мои очки в красной пластмассовой оправе. Все остались целы.

Моя мама – урожденная Линник. Двоюродная племянница Юрия Владимировича и Людмилы Павловны. Да, младшего из двух знаменитых ученых и его супруги.

Академические родственники в нашем доме были чем-то вроде небожителей, персонажей мифов и легенд. Ими восхищались, из раза в раз повествуя об их заслугах и достоинствах. Перечислялись как заслуженные прославленные члены семьи, так и те, кто не смог ими стать, преждевременно уйдя из жизни.

Но о том, чтобы даже подумать о них как о тех, с кем можно разговаривать, поддерживать общение, не могло быть и речи. Несколько моих визитов в Комарово стали исключением.

– Они гении, а мы обыкновенные люди, – постоянно слышала я. – Нечего им докучать.

Как-то раз, перебирая вместе с мамой семейный архив, я случайно наткнулась на письмо, где упоминалась мама, еще в студенческие годы. Юрий Владимирович интересовался, куда исчезла «юная Александра», почему она не заходит в гости.

– Я не могла этого сделать, – ответила мама на мои расспросы. – Нас воспитывали очень скромными и такое казалось мне непозволительной дерзостью.

Так сложилось, что мама поддерживала отношения с Людмилой Павловной – вдовой Юрия Владимировича и бабушкой Наташи Линник. Изредка в разговорах мамы со своей тетей Антониной Ивановной – двоюродной сестрой Людмилы Павловны – заходила речь о тех родственниках и об их непростых взаимоотношениях. Но это обсуждалось в узком кругу, а меня по молодости лет не интересовало.

Людмила Павловна была старейшей и главной женщиной нашего семейного клана. Во Всемирной Сети о ней нет ни единого слова. Уже много лет спустя я узнала, что она была геологом, почти до девяноста лет ездила в экспедиции, а потом стала работать во Всероссийском научно-исследовательском геологическом нефтяном институте, лучше

всех в институте составляя отчеты об экспедициях. Отметила свой столетний юбилей.

Об этом юбилее я узнала уже постфактум. В разговоре мама упомянула, как торжественно отметили эту дату. Прибыла даже Наташа, которая к тому времени уже была замужем в Германии.

— Минутку! – прервала ее я. – Почему там не было нас? Мы такие же члены семьи, почему нас не пригласили? Мне бы так хотелось, чтобы Людмила Павловна, которая знала меня еще студенткой, узнала, кем я выросла. И с Наташей я бы с удовольствием повиделась...

Никакого ответа я не добила. А несколько лет спустя телефон Людмилы Павловны перестал отвечать. На похороны никого из нас тоже не позвали. Вот вам и семейный клан...

Так получилось, что рассказывать о своих знаменитых почти что легендарных родственниках выпало именно мне. Узнав о номере журнала, посвященного Комарово, мама извлекла из архива папку с пожелтевшими газетными вырезками, на которых были рукописные пометки, и брошюрами, изданными в Ленинградской Академии наук. Читая их, я удивлялась, восхищалась, чувствовала гордость и очень жалела, что этих людей уже нет на свете. Очень многое осталось для меня непонятным – мои познания в математике и физике на уровне основательно забытой школьной программы. В интернетовских статьях нашлись лишь сухие перечисления научных работ и даты биографии.

Как сумела, я постаралась рассказать современникам о тех, кто жил и творил в доме на Курортной улице.

*По материалам
газетных и журнальных статей.*

**СЕМЬЯ ЛИННИК:
ДВА АКАДЕМИКА, ИСКУССТВОВЕД,
А ТАКЖЕ ЗАСЛУЖЕННЫЙ ГЕОЛОГ**

Владимир Павлович

«После шумного Финляндского вокзала удивительно приятно попасть в мир тишины, столетних сосен, белого снега. Но Владимир Павлович приезжает в Комарово не отдыхать. Здесь ему плодотворней работается»...

Так начинается статья, вышедшая 17 марта 1974 года в газете «Ленинградская правда» и посвященная академику Владимиру Павловичу Линнику.

— Человек и наука, – повторяет ученый свой любимый афоризм, – это два вогнутых зеркала, вечно отражающих друг друга.

Корреспондент начинает беседу в столярной мастерской, где гениальный ученый сам вытачивает детали к своим приборам. Любовь к физическому труду у него с юности.

Владимир Павлович родился 6 июля 1889 года в Харькове. Рано потеряв отца, он воспитывался у дяди в Белой Церкви. Окончив с золотой медалью гимназию, в 1909 году он поступил в Киевский университет.

Путь талантливого самородка к знаниям был нелегким и непростым. Воздав должное его незаурядным способностям, профессора предпочитали допускать к знаниям в первую очередь студентов дворянского происхождения. Дядя, он же приемный отец Владимира Павловича, был кузнецом.

Будущий академик подружился с мастером физической лаборатории, которая в начале Первой мировой войны стала мастерской для ремонта военных приборов. Здесь Владимир Павлович и начал изготавливать свои первые оптические стекла.

Как рассказывал корреспонденту газеты ученый, вначале опыты были встречены с глубочайшим равнодушием. При Обуховском заводе уже существовал небольшой оптический цех. Но время было военным, и армии требовались оптические приборы. Владимиру Павловичу поручили изготовление линз и перископов.

В 1914 году он окончил Физико-математический факультет с дипломом 1 степени и был утвержден ассистентом университета. После Октябрьской революции его пригласили работать ассистентом в Киевский политехнический институт, а затем по приглашению академика Д.С. Рождественского – в Ленинградский оптический институт. Именно там раскрылся его талант изобретателя. Основные работы академика условно делятся на пять групп: оптика рентгеновских лучей, исследования оптических систем, микроскопия, применение оптики в машиностроении, разработка новых методов измерения в астрономии.

Оригинальный метод сейчас известен в мировой науке как метод Линника или «метод вращающегося кристалла». Неутомимый тонкий исследователь, видевший в своих работах широкие горизонты практического приложения, Владимир Павлович создавал разнообразные приборы – остроумные по замыслу и простые по исполнению. На обычный микроскоп вместо объектива ставилась небольшая насадка – микроинтерферометр. С его помощью определялась чистота поверхности до 0,02 микрона. Другой прибор определял прямолинейность плоскости с точностью до доли микрона. Приборы, созданные академиком Линником, стали незаменимы для промышленности, где особенно важна точность измерений. Своей «всепоглощающей страстью» академик Линник называл астрономию.

Вместе с корреспондентом Владимир Павлович зашел в домашнюю обсерваторию, расположенную на дачном участке. Все сделано руками самого ака-

демика. Здесь стоял телескоп солидных размеров; по словам Владимира Павловича, он лишь вдвое меньше самого большого телескопа, существовавшего в России в годы его детства. На этом телескопе ученый испытывал свои оптические приборы, предназначенные для астрономии.

В брошюре, вышедшей в издательстве Академии наук СССР в 1953 году, рассказывается о дальнейшем научном и творческом пути великого ученого.

В 1934 году ему была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации.

В том же году он был утвержден профессором ЛГУ, а в 1939 году избран действительным членом Академии наук СССР.

Начиная с 1948 года Владимир Павлович работал в Главной астрономической обсерватории в Пулково и являлся членом астросовета при АН СССР. Значительное внимание он уделял астрономическим наблюдениям, где создал новые методы исследования. Был председателем совета по постройке шестиметрового телескопа БТА, предложил использовать азимутальную монтировку в этом инструменте. В 1957 году предложил конструкцию телескопа, в котором для компенсации атмосферных искажений использовалось составное зеркало с перемещаемыми элементами. Руководил разработкой облегченных и составных зеркал для отправки в космос.

Академик Линник дважды удостоен Государственной премии СССР – в 1946 году за работы по контролю микрометрии поверхностей и в 1950 году, совместно с группой работников за внедрение в серийное производство предложенных им приборов.

Образцы приборов, созданных по идеям и под руководством Владимира Павловича Линника, демонстрировались в 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе и получили высшую награду «Grand Prix».

Владимир Павлович Линник воспитал большой коллектив сотрудников, многие из которых продолжают самостоятельно развивать его идеи и начинания. Он был кавалером пяти орденов Ленина, орденов Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

Умер 9 июля 1984 года в Ленинграде. Похоронен на кладбище в Комарово.

Ирина Владимировна (1922–2009) старший научный сотрудник Эрмитажа, кандидат искусствоведения. Специалист по голландскому искусству и атрибуции живописных полотен. Ей принадлежит заслуга в опознании более 250 ранее безымянных произведений, в том числе Халса и Рембрандта. Автор книг о Франсе Халлсе, Караваджо, собраниях Эрмитажа. Ее книга «Голландская живопись

XVII века и проблемы атрибуции картин» не имеет прямых аналогий даже за рубежом.

В газете «Ленинградская правда» от 31 декабря 1967 года Ирина Владимировна рассказывала: «Самым ярким впечатлением уходящего года было открытие в Эрмитаже еще одной картины Рембранта. Подозревать, что «Поклонение волхвов» является рембрантовским подлинником, а не копией, я стала подозревать уже давно. Но нужны были доказательства убедительные и неопровержимые. Мне удалось их найти. Когда приехавший в Эрмитаж крупнейший специалист по Рембрандту профессор Фрейбургского университета в ФРГ Курт Баух, подтвердил мое открытие, сказав при этом «Вот это неожиданность!» я испытала огромную радость».

«Это небольшое по размерам великолепно сохранившееся живописное полотно до сих пор не привлекало внимания искусствоведов, – рассказывает в другой ленинградской газете. – Считалось, что это копия, а оригинал хранится в одном из музеев Гетеборга. Научный сотрудник Эрмитажа И. Линник, изучавшая ленинградский холст, убедилась, что это бесспорно работа Рембрандта. В нижней части полотна удалось восстановить характерную для гениального голландца подпись и дату 1632.

Это открытие подтвердила и рентгенографическая экспертиза. Под верхним слоем красок сохранились многочисленные переделки – следы творческих поисков великого художника.

«Поклонение волхвов» – говорится в статье, – двадцать шестая по счету картина Рембрандта в Государственном Эрмитаже, которую решено включить в постоянную экспозицию музея».

Юрий Владимирович.

В «Ленинградской правде» от 28 июня 1964 года в разделе, посвященном авангарду советской науки, вышла заметка о Юрии Владимировиче Линнике.

«Много времени он уделял педагогической деятельности, – говорится в брошюре, вышедшей в 1975 году в издательстве Академии Наук. В течение почти тридцати лет он был профессором Ленинградского государственного университета. Именно Юрий Владимирович организовал в послевоенные годы в ЛГУ подготовку специалистов по теории вероятностей и математической статистике».

Математика была главным в жизни Ю.В. Линника, но его интересы ей не ограничивались. Он владел семью языками, любил и хорошо знал поэзию. Имел обширные познания в истории, особенно в военной. Юрия Владимировича вспоминают как обаятельного и удивительно остроумного собеседника. Математики многих стран вспоминают его острые шутки и юмористические стихи, которые он писал на четырех языках.

Вот собственно и все.

Сколько предсказала кукушка

■ С чего начать? С того мартовского телефонного звонка 1963 года? Или с освещенного торшером столика в ресторане гостиницы «Европейская»? Или с прогулок по тихим улочкам Комарово? А может, с того памятного вечера начала девяностых на Манхэттене, когда я провозжал его в отель куда-то в Даунтаун? Все эти встречи, наверняка малозначительные для него, были весьма значительны для меня, особенно после его кончины... К сожалению, непрофессионализм, лень и нетерпение отринули от меня привычку вести дневник. И, сознавая это, я тем не менее не находил в себе достаточной воли исправить упущение, надеясь на свою память. Но память, увы, оказалась малонадежным помощником. И точность придется подменять смыслом, с надеждой, что я не согрешу совестью перед ним...

Кардиологию на улице Пархоменко я знал, сам лежал когда-то и не раз навещал друзей. И палату, в которую поместили Гранина, нашел без труда. Вошел. Гранин сидел рядом с кроватью под присмотром проводов от какой-то аппаратуры. «Сидит, уже хорошо», – подумал я, глядя на бледное лицо под поредевшей взъерошенной шевелюрой. Чистое, аккуратное одеяние возвращало память в домашнюю, не больничную, обстановку... Почуввав постороннее присутствие, Гранин разъял сомкнутые веки, обвел тусклым взглядом палату и наткнулся на меня. Сла-

* Печатается с личного разрешения И.П. Штемлера по тексту из кн. «О Данииле Гранине. Воспоминания» (СПб.: Вита Нова, 2019. С. 461–482). Публикуется с сокращением).

ИЛЬЯ ПЕТРОВИЧ ШТЕМЛЕР

член Союза писателей Санкт-Петербурга,
член Союза кинематографистов,
вице-президент Петербургского ПЕН-клуба

бым голосом предложил сесть рядом, на кровать. Я сел. С минуту мы помолчали...

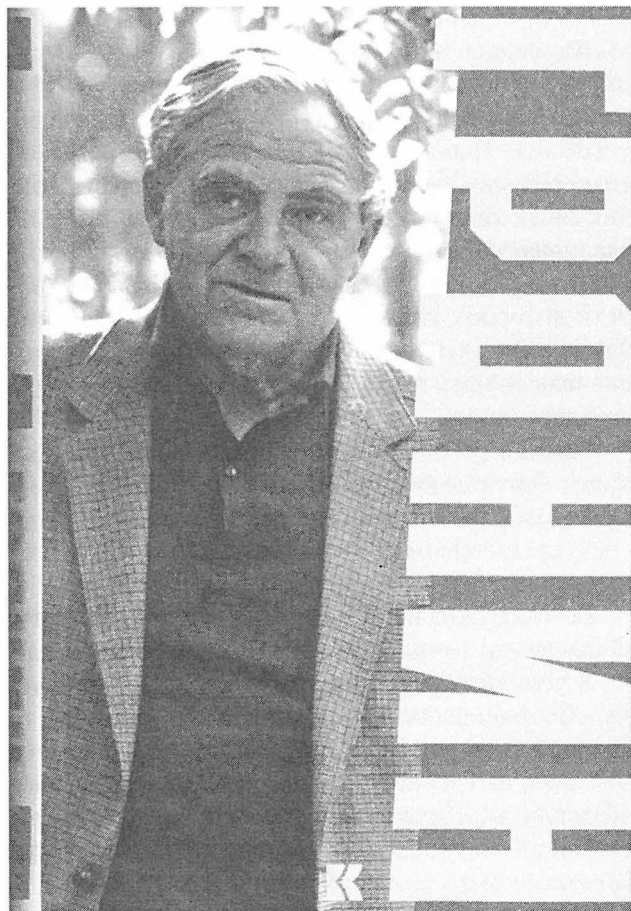
Видишь, куда меня занесло, – промолвил Гранин. Я ответил, что не самое плохое место. Гранин улыбнулся и согласился.

Я сказал, что и сам здесь лежал с экстрасистолией...

С чем-чем? С экстрасистолией? – с привычной иронией растянул Гранин слабым голосом.

Я засмеялся, а на вопрос о причине моего смеха, выразил уверенность, что он обязательно выберется отсюда.

– С экстрасистолией, с провалами в пульсе, – вернулся я к разговору, – после отъезда дочери в

Обложка книги

эмиграцию у меня появилась сильная экстрасистолия. Здесь у меня ее сняли. Здесь хорошие врачи.

Да, здесь хорошие врачи, – согласился Гранин. – Есть и хорошенькие.

Тем более, – кивнул я. – Но не стоит задерживаться, мы с вами еще не все обошли в Комарово, а лето на исходе.

Но многое успели. – Он поднял голову и с неожиданной бодростью промолвил: – Помнишь, как мы нагрянули на дачу Фаддеева, в «академиках»?

Еще бы, – меня удивил вдруг помянутый визит годичной или двухгодичной давности на дачу академика.

Гранину тогда уже было за девяносто. Мы перешли железную дорогу и принялись спускаться к приморской половине Комарово, в «академгородок». Он шел впереди, я за ним. Довольно крутую лесенку Гранин лихо миновал, не нуждаясь в вытянутых для страховки моих руках. Отстраняясь ладонями от назойливых колких иголок лиственниц, Гранин говорил через плечо:

Тут где-то живет Феликс Лурье, а ниже у дороги дача Людвиг Дмитриевича. Вы слышали о нем? – И в ответ на мое невнятное блеяние пояснил: – Академик Людвиг Фаддеев. Физик-математик... Кстати, почти твой ровесник. (Этот переход от «вы» на «ты» и обратно в устах Гранина всегда оставался для меня загадкой).

Поросшая мхом скамейка у основания лестницы услужливо предлагала себя путнику. И я решил этим воспользоваться, сославшись на свою усталость. Гранин, делая вид, что не понял моей хитрости, участливо согласился. Мы присели. Терпкий запах хвои кружил голову, наполняя ноздри и разливаясь под рубашкой липким теплом. Далекие макушки лиственниц кололи низкое небо, из прорехи которого, казалось, и доносилось кукование одинокой кукушки. Добрая птаха отпустила нам вначале восемь лет, потом подумала и накинула еще двенадцать...

Выходит, с десятков на брата, – заключил Гранин. – Тебе еще куда ни шло, а мне она что-то перехватила, больше ста обещает.

Кукушке сверху лучше знать, – заупрямился я. – А зачем мы идем на эту дачу?

Всегда нужна цель, – ответил Гранин. – Кстати, Фаддеев как-то спрашивал о тебе. Познакомлю вас.

Я усмехнулся, решая: сказать или воздержаться? Еще обидится, хотя и определил меня как-то «бестактным», чем меня нередко попрекает жена, ссылаясь на гранинский авторитет. Нет, не скажу, воздержусь... Дело давнее, пустяковое, но все же. На какой-то городской тусовке меня остановил Гранин, чем-то заинтересовавшись. Я принялся рассказывать. В этот момент подошел важный чин из Смольного. Гранин, не взглянув на меня,

прихватил его под руку и направился вглубь зала. Я так и остался стоять, запнувшись на половине фразы, будто оплеванный... Нет чтобы извиниться, не говоря уж о «познакомить-представить» ... хотя бы из вежливости. Подобное случалось не раз. Не знаю, ощущал он при этом какую-то неловкость, но ту мою усмешку оценил по достоинству. «Познакомлю, познакомлю вас. Фаддеев интереснейшая личность, – проговорил он. – Ученик Фока. Физик-теоретик. Нас познакомил Абрам Федорович Иоффе...»

Когда Гранин рассказывал о замечательных ученых, я «впадал в транс», готовый слушать до бесконечности. Не только под чарами имен великих умов науки. Меня завораживала сама манера изложения, глубина его знаний, а главное, личное общение со многими из его великих современников. Порой мне тоже хотелось что-то вставить «свое», как мальчишке при разговоре взрослых. Как-то журнал «Аврора», выхлопотав спецдопуск, командировал меня на международный конгресс по космической газодинамике, проходивший в роскошном крымском санатории «Парус», и я решил козырнуть перед Граниным. «А я видел Харитона, Гинзбурга, Шкловского, – задиристо произнес я. – А с Зельдовичем даже обедал вместе, рассказывали друг другу анекдоты. Такой коренастый, кривоногий и мужчина в очках. Любил ходить в шортах». – «Это на него похоже, – недовольно кивнул Гранин. – Между прочим, у Зельдовича даже не было высшего образования. Он стал академиком «Гонорис кауза» – по совокупности трудов. Ну и что вы вынесли от общения с корифеем?» – «Он громко хохотал, аж падали очки, – ответил я. – Еще он азартно играл в пинг-понг с американцем-физиком по фамилии Колгейт. Поговаривали, что тот физик был настоящий миллионер, из семейства “королей Зубной пасты”». – «Однако вы не много вынесли из общения со звездами науки». Оконфуженный, я тем не менее всякий раз пытался спровоцировать Гранина на разговор о науке. Особенно он любил вспоминать визиты на дачу «папы Иоффе», рассказы Абрама Федоровича о встречах его с Резерфордом, Бором, Эйнштейном... Вот и визит к Людвигу Фаддееву, возможно, виделся сейчас Гранину как возвращение к былым встречам на «академических» дачах.

Заглянем к Феликсу Лурье? – предложил я. – Ему всегда есть что рассказать интересное.

У него крутая лестница. Пошли к Людвигу. Или ты устал?

Вот еще. – Я поднялся со скамьи и зашепшил по тропинке вслед за бодро шагавшим Граниным. Вспомнилась недавняя история: Гранин сядил в мою машину, на переднее сиденье. Уложил одну ногу и собирался закинуть вторую. Валера Попов,

не оценив ситуацию, толкнул дверь и зашиб небранную ногу. Ни один мускул не дрогнул на лице Гранина, чуть повернув голову к заднему сиденью, он полдороги успокаивал смущенного младшего коллегу-писателя. Самостоятельно покинул автомобиль и зашагал к дому таким же бодрым шагом. «Старая школа», – прокомментировал Валера – я согласился...

Мы остановились у ограды дачи. Гранин, не переступая порога калитки, громко окликнул хозяев. Тотчас на крыльце появилась женщина и, узнав гостя, засуетилась в порыве радушия. В простом домашнем одеянии и в рабочих рукавицах, она выглядела молодожаво, при наверняка солидно сибранных годах жизни.

Даниил Александрович, миленький, – поспешила она навстречу, стягивая рукавицы. – Что ж вы так, и не предупредив... Заходите, заходите... А я вот вожусь с насосом, что-то не качает...

Это как же, Анна Михайловна?! – игриво проговорил Гранин. – Как же муж, академик, физик... И какой-то там насос не качает?

Людвига Дмитриевича нет дома, вот насос и запряился, – подхватила Анна Михайловна.

Как – нет дома? – с обидой, как мне показалось, произнес Гранин.

Сейчас я ему позвоню. – Едва договорив, Анна Михайловна метнулась в дом.

Мы с Граниным переглянулись. Честно говоря, я полагал, что визит был оговорен, а оказывается – экспромт...

Видишь, люди работают, а мы с тобой мешаем. – Гранин присел в соломенное кресло с крученными подлокотниками. – Тут где-то у них был крольчатник...

Я окинул взором ухоженное дачное пространство перед двухэтажным домом. Колодезный сруб с насосной надстройкой, какие-то приспособления, забранная вьюном беседка с самоваром у входа.

На даче у Иоффе жила лиса с целым выводком лисят, – проговорил Гранин. – Где же ваш крольчатник, Анна Михайловна?

Крольчатник? – переспросила воротившаяся хозяйка. – Нет у нас крольчатника, на кой он нам? Вот скворечник есть, для птичек-синичек уголки висят, а крольчатник нам не нужен... Скоро Людвиг Дмитриевич придет. Он так обрадовался...

Хозяйка мельком оглядела меня с некоторым недоумением – почему это Гранин не представляет своего спутника?

А пока я вас чаем угощу, с вареньем, – помолчав, объявила она. – Замечательное варенье, из крыжовника.

Из кры-жов-ника? – улыбаясь, протянул Гранин.

Он с добротой смотрел на хозяйку, она ему явно нравилась. Да и не могла подобная женщина не

нравиться, есть такой тип русских женщин с открытым лицом, западающим в душу при первом же знакомстве...

– Из кры-жов-ника, – с удовольствием повторил Гранин. Замечательно. Люблю из крыжовника.

Меня же распирала злость. Собственно, какого черта?! Сорвал меня с работы, предложил погулять, я, скрепя сердце, оставил рукопись, согласился. И теперь сижу рядом, безмолвно, словно его тень.

Я тоже писатель... Хотя и не такой классик, как Даниил Александрович, но тоже... член Союза писателей, – едва сдерживаясь, произнес я и представился.

О! Да я вас знаю, – засмеялась Анна Михайловна. – Вы пишете... извините, сразу и не припомню...

Ну... не напрягайтесь, – смутился я. – Поговорим о другом...

Гранин нахмурился. Я физически чувствовал его недовольство, только чем, непонятно...

Вспоминаю, вспоминаю, – прервала Анна Михайловна. – Речь шла о каких-то пенсионерах и собачке...

«Нюма, Самвел и собачка Точка», – подсказал я.

Да, да. Собачка Точка, – подхватила Анна Михайловна. – Нам с Людвигом Дмитриевичем понравился ваш роман, спасибо...

Гранин произнес что-то невнятно-одобрительное и улыбнулся хозяйке своей обаятельной улыбкой. Каким-то непостижимым образом такая улыбка, как мне казалось, отделялась от его сосредоточенного лица и витала своей отдельной жизнью, покоряя собеседника.

Мы все же пойдем к себе, Анна Михайловна, не будем ждать академика.

Как?! – воскликнула Анна Михайловна. – Он же едет. Вот-вот нагрят... Людвиг Дмитриевич очень расстроится...

Нет-нет, мы пойдем. – Гранин встал легко и решительно. – Нам еще в гору подниматься... по стариковски.

Ну... Даниил Александрович, что вы? – произнесла Анна Михайловна. – Такое признание из ваших уст я слышу впервые...

Говорить при Данииле Александровиче о другом писателе неуместно, – сорвался я. – Если этот писатель не нобелевский лауреат...

Тогда я вас задерживать не буду, – засмеялась Анна Михайловна.

Едва мы покинули дачу академика, как Гранин обернулся ко мне и вновь укорил в бестактности. Злость продолжала меня распирать.

Так с какой же целью мы заглянули на ту дачу? – буркнул я.

Скучный ты человек, Илюша, – через плечо промолвил Гранин. – Разве повидать такую милую женщину – не достойная цель? Кстати, роль женщин в

судьбах гениальных мужчин – интереснейшая тема для писателя. Особенно в науке...

Я молчал, глядя в спину шустро шагавшего по лесной тропинке Гранина. Досада за впустую потраченное время все не отпускала, хотелось дерзить... Сказать о том, что эти самые «гендерные» отношения не менее интересны и среди другой категории «особых» мужчин. Скажем, самих писателей... Вспомнить о том, как в далекие годы удачливый молодой писатель, «лауреат всех премий», совершал гусарские набеги из Ленинграда в одно московское издательство пополнять свой «донжуанский» список среди женщин-редакторов. О чем и поведала одна моя приятельница-редактор. И я все годы хранил эту тайну, не раз испытывая искушение «плеснуть бензинчика на угасающие угольки его памяти». В то же время я не был уверен, что по-

добное откровение он примет с мужской бравадой. Наоборот, я положу конец нашей дружбе. В этом наши принципы совпадали...

Вот и сейчас, в больничной палате Кардиологического центра на улице Пархоменко, я поглядывал на сидящего в кресле Гранина, вспоминая прогулку на дачу академика. Хотя с тех пор прошло несколько лет...

Ты еще здесь? – прервал мои мысли Гранин. – О чем думаешь?

Вспоминаю кукушку в академгородке.

– Дура-птица, много на себя берет, – буркнул Гранин.

Поживем – проверим, – ответил я, встречая взглядом вошедшего в палату врача.

Вскоре Даниила Александровича выписали из больницы.

Орбели в Комарово*

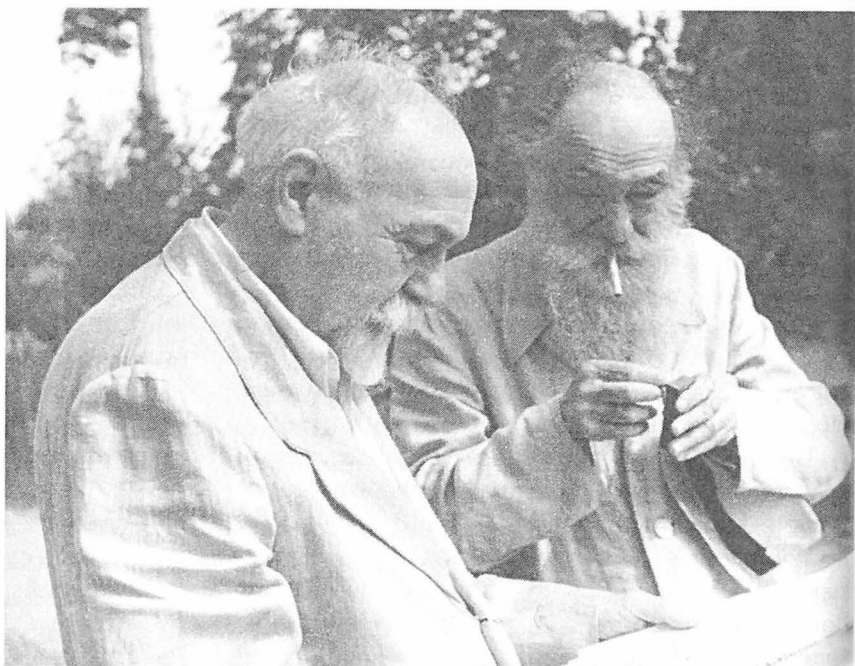
АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ СЛЕДКОВ

доктор биологических наук,
писатель, поэт, член Союза писателей Санкт-Петербурга

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 14 октября 1945 года «О постройке дач для действительных членов Академии Наук СССР», в посёлке Келломяки были выделены участки под строительство для выдающихся деятелей науки, где, в числе прочих, обосновались два академика – физиолог Леон Абгарович и востоковед Иосиф Абгарович Орбели.

К тому времени их старший брат Рубен, юрист, теолог и историк, был уже несколько лет как похоронен на армянском кладбище в Москве, где на надгробном камне выбили слова – «Навстречу сыну человеческому».

Вкратце напомним, что братья Орбели родились на Кавказе в армянской семье, род которой берет начало в XII веке. Их отцом был Абгар Иосифович Орбели, известный в Закавказье юрист, а матерью – Варвара Моисеевна Аргутинская-Долгорукова,

Братья Л.А. и И.А.Орбели в Комарово

происходившая из старинного княжеского рода.

Рубен родился в 1880, Леон (Левон) – в 1882, Иосиф (Овсеп) – в 1887 году. Все трое братьев окончили классическую гимна-

зию в Тифлисе, после чего Рубен, по воле отца, выбрал юридический факультет Петербургского университета, Леон поступил в Военно-медицинскую академию, а Иосиф – на историко-филоло-

* Частично материалы данной статьи были опубликованы автором в Выпуске 4 Альманаха «Смоляной путь» за 2017 год на стр. 14-22 и в книге «Рубен. Ольга. Анна. Русудана», изданной в 2020 году.

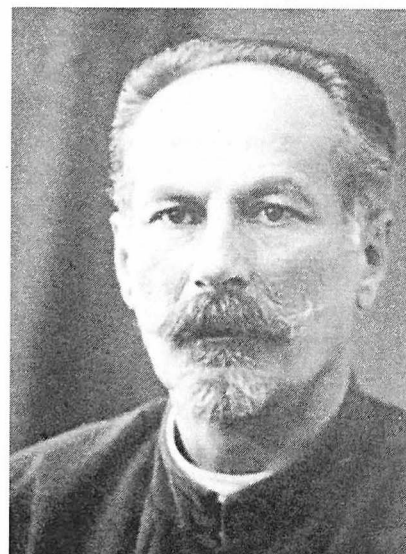
Венчание Рубена и Ольги

Из семейного архива Орбели

Братья Орбели с родителями

Р.А. Орбели в начале 1940-х гг.

гический факультет университета, где через три года сконцентрировался на востоковедении.

После окончания университета Рубен Орбели работал в Сенате и в 1907 году женился Ольге Никольской, сестре своего педагога, Бориса Владимировича Никольского, в 1919 году расстрелянного большевиками.

Леон Орбели, чудом избежав отправки на японскую войну, уже будучи приписан к строящемуся в Аргентине крейсеру, который, в конечном итоге, не был продан России из-за санкционных

угроз латиноамериканцам со стороны Великобритании, в начале XX века стал работать под руководством академика Ивана Петровича Павлова (1849–1936).

А Иосиф Орбели, начиная с 1906 года, участвовал в археологических раскопках древнего города Ани экспедицией, которую возглавлял академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934), ставший его научным руководителем.

Рубен Орбели после смерти отца в 1912 году пережил глубочайший духовный кризис, и с тех пор религия стала главным пред-

метом его научных изысканий. Вскоре уровень его теологических познаний возрос настолько, что он, не имея богословского образования, читал лекции о Христе, на которые собиралось множество людей, и в конечном итоге стал основателем и руководителем христианского кружка. Однако после революции Рубен Абгарович лишился и работы, и возможности заниматься религиозной деятельностью. Вместе с супругой, Ольгой Владимировной Никольской, и родившейся в 1910 году дочерью Русуданой,

Иосиф Орбели – студент

Военный врач Леон Орбели

была вынуждена подрабатывать преподаванием литературы и ведением кружков ликбеза на заводах. Важно отметить, что её племянница, дочь расстрелянного брата Бориса, Анна Никольская была в 1934 году арестована и выслана в Алма-Ату, а через три года вновь осуждена и отправлена на лесоповал в лагерь на север Свердловской области.

Анна Никольская

Рубен Орбели в библиотеке АН

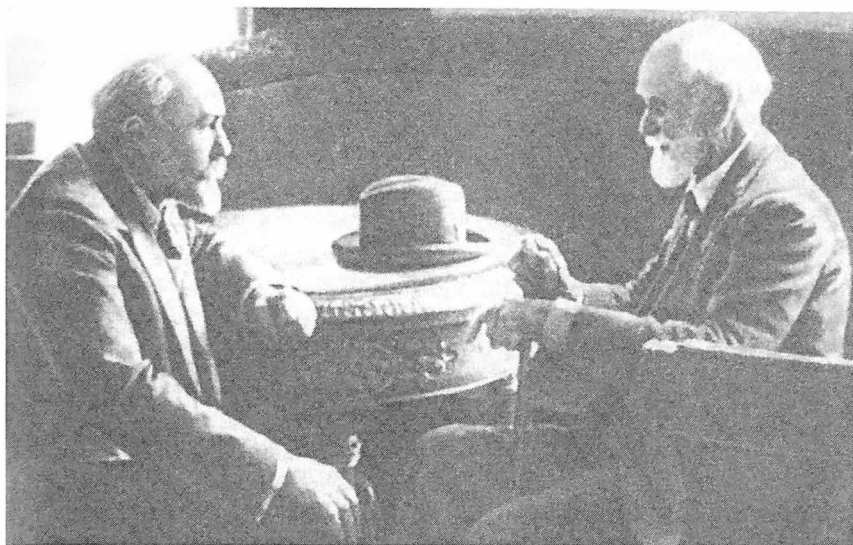
он в поисках работы переезжал в Тамбов, затем в Кисловодск, пытался трудоустроиться в Москве и Тбилиси, а вернувшись в Петроград, работал в Библиотеке Академии наук, Ленсовете, Институте им. Лесгафта, в Институте организации, экономики

и охраны труда, в Академии наук, во Всесоюзном коммунистическом сельскохозяйственном университете им. И.В. Сталина, но нигде подолгу не задерживался.

Денег, получаемых Рубеном Абгаровичем, постоянно не хватало, и Ольга Владимировна

В те годы Леон и Иосиф Орбели постепенно заняли ведущие посты в научной иерархии. В 1934 году И.А. Орбели был назначен директором Эрмитажа, а еще через год стал академиком. И в том же 1935 году академик Л.А. Орбели был заместителем Ивана Петровича Павлова на XV Международном физиологическом конгрессе, а после его смерти «унаследовал» и все учреждения, ранее возглавляемые им.

В конце 1930-х годов их старший брат, познакомившись с начальником Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) Фотием Ивановичем Крыловым (1896–1948), наконец, получил постоянную работу, заключавшуюся в изучении истории водолазного дела, а затем

Л.А.Орбели и И.П. Павлов

параллельно занялся подводной археологией.

Война и блокада резко переменили судьбы братьев. Иосиф Абгарович организовал эвакуацию более миллиона музейных экспонатов из Ленинграда и создал в подвалах Эрмитажа бомбоубежище, работая в соседнем подвале и получая, как и прочие горожане, мизерный хлебный паёк, затем был отправлен в эвакуацию, но уже в 1943 году вернулся в музей, куда попало тридцать артиллерийских снарядов и две авиабомбы, о чём, как и о многих других разрушениях, свидетельствовал на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками.

Леон Орбели во время войны фактически возглавил физиологическое направление в военной науке, получил звание генерал-полковника медицинской службы, совмещая её с работой на посту вице-президента Академии Наук СССР, и был награждён несколькими высшими боевыми орденами. Именно он помог в эвакуации смертельно больного старшего брата из блокированного Ленинграда в Москву. Однако истощение и болезнь оказались необратимыми. Р.А. Орбели скончался 9 мая 1943 года, через месяц после неожиданной смерти своего лечащего врача, генерал-майора Петра Васильевича Мандрыка, чьим именем впослед-

ствии был назван Центральный военный госпиталь.

Победа в войне не стала окончанием испытаний для этой семьи. Леон Абгарович, создавший школу физиологов, опиравшихся в исследованиях на эволюционный подход в изучении функций организма, способствовал развитию «формальной генетики» и, как и его братья, имел несчастье руководствоваться при принятии решений сугубо научными принципами. В результате, он был обвинён в развале павловского направления, пропаганде «вейсманизма-морганизма» и прочих грехах, уволен с военной службы и лишён всех постов, за исключением заведования небольшой группой. И лишь после смерти Сталина ему пришлось ненадолго возглавить новое научное учреждение, известное нам под названием Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова. Подвергся опале и Иосиф Абгарович, уволенный с должности директора Эрмитажа. Однако после отставки братья получили, наконец, возможность находиться, по большей части, в Комарово, где продолжали вести научную работу, встречаться с коллегами, воспитывать многочисленных учеников.

Русудана Рубеновна Орбели, ставшая востоковедом, вышла замуж за Алексея Петровича Мандрыка (1918–1986), сына врача, который пытался спасти её отца. В 1945 году при испытании крупнокалиберного пулемёта Алексей получил тяжелейшие травмы и остался слепым. Тем не менее, благодаря собственному мужеству и помощи супруги он стал одним из выдающихся историков науки, часто консультируясь в Комарово с Иосифом Абгаровичем.

Анна Никольская (1899–1977), ставшая прекрасным писателем и переводчиком, вышедшая замуж за биохимика

И.А. Орбели на Нюрнбергском процессе

Р.А. Орбели с водолазами ЭПРОН в октябре 1939 г.

Бориса Ивановича Ильина-Какуева (1886–1972), также время от времени приезжала в Комарово. Что же касается семьи старшего брата, то они чаще проводили лето в Разливе, где снимали дачу у родителей Марка Петровича Гальперина, ныне одного из ведущих специалистов в области микроэлектроники, оставившего воспоминания о тех годах, в которых он отметил, что братья Орбели приезжали к ним с семьями в дни рождения Оли Мандрыка, дочери Алексея Петровича и Русуданы Рубеновны, или присылали машину и забирали в Комарово, где, как привило, все собирались на даче у Иосифа Абгаровича. Именно Ольге Алексеевне, наряду с её бабушкой и мамой, мы обязаны сохранением и передачей в Ленинградский филиал архива Академии наук творческого наследия Рубена Абгаровича Орбели и Алексея Петровича Мандрыка, которое в будущем предстоит изучать нескольким поколениям историков. Необходимо отметить, что в прошлом году этот фонд № 1104 был существенно пополнен материалами, хранившимися у Ларисы Георгиевны Кондратьевой, подруги Ольги Мандрыка, вдовы академика К.Я. Кондратьева (1920–2006), которые также, начиная с 1960-х годов, жили в Комарово.

В Комарово выросли и дети, и внуки академиков Орбели. Сын И.А. Орбели, Дмитрий, стал медиком и отцом сына, Георгия. К сожалению, оба они умерли, не дожив до 30 лет, но в браке Георгия Дмитриевича с палеонтологом, художницей и активным деятелем тогда еще полуподпольного рок-движения Ириной Юрьевной Кузнецовой, внучкой академика В.П. Линника, в 1995 году родился сын, Дмитрий Орбели, являющийся правнуком Иосифа Абгаровича.

Дочь Л.А. Орбели, Мария, усыновила мальчика, но умерла

Иосиф Орбели и Алексей Мандрыка в Комарово

в молодом возрасте, после чего Леон Абгарович стал приемным отцом этого ребенка по имени Абгар, ныне работающим в Физико-техническом институте имени А.Ф. Иоффе. Абгар Леонович,

также проживающий в Комарово, основал в конце XX столетия «Общество-мемориал братьев Орбели» и посвятил значительную часть своей жизни увековечиванию их памяти.

Семья Орбели, Мандрыка и Гальпериных.

Ольга Никольская-Орбели во втором ряду в центре, в первом ряду (слева направо): Русудана Орбели, Алексей и Ольга Мандрыка

Вспоминая Комарово

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ «СЦЕНЫ ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ».
Нью-Йорк, 2020)

ЕЛИЗАВЕТА ВАЛЕНТИНОВНА КИРПИЧНИКОВА
(1947–2020)

генетик, внучка биолога и географа
академика Л.С. Берга

<...>

ДАЧА БЕРГА

Странная история... С дачей академика Берга, которому Нобелевской премии не досталось, связаны сразу три Нобелевских лауреата. Последний из них там и сейчас «прописан». Нынешний ее владелец – физик, академик Алфёров, ему вручили «Нобеля» в 2001 году, он разделил премию с двумя другими американскими учеными.

Но до него, в 1987 году – «Нобеля» удостоился наш великий поэт Иосиф Бродский. В былые времена, когда наша семья находилась в Академгородке под Новосибирском, поэт часто приезжал на нашу дачу в Комарово, где он гостил у художника Якова Виньковецкого, мамино хорошего друга. Яков жил в моей комнате, на втором этаже, писал картины зимой, ставил их сушиться на балконе возле электрической печки и однажды устроил локальный пожар. Страшно перепуганный, он понесся в одних носках по снегу в контору и вызвал пожарных, которые моментально приехали и спасли наш дом от полного уничтожения. Этот эпизод случился зимой 1964–1965 года.

А третий лауреат «Нобеля» – академик Л.В. Канторович. Он хотел купить нашу дачу в 1973 г., и даже подписал с моей мамой, Раисой Львовной Берг, с которой его связывала давнишняя дружба, купчую, но так и не смог стать ее владельцем, потому что КГБ устроило на даче большой пожар сразу же после «подписания».

Тогда Канторович был уже признанным гением, его выдвигали за заслуги в экономике в качестве кандидата на Нобелевскую премию вместе с А.И. Солженицыным еще в 1970 году. Солженицын ее таки получил. Гром среди ясного неба. От этого головокружительного и опасного успеха у Канторовича обострился латентный маниакально-депрессивный психоз, «головка» слегка поехала... По-видимому, не так уж и «слегка», раз пришлось его поместить в больницу, где его маниакальная стадия МДП была успешно подлечена.

Знаменательно, что «Нобеля» он все же удостоился, но позже, в 1975 году, причем, одновременно

с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Опять попал в крамольную компанию. Это было уже после пожара столь желанной им дачи и выезда моей мамы в эмиграцию.

Тем не менее, поразительный факт, что, пережив два пожара, «наша дача», дача академика Берга, не перестала играть роль гнезда, приносящего мировую славу своим «птенцам».

Нашу дачу в Комарово, а вернее, дом, где прошли все каникулы моего детства, подожгли в ночь с 9 на 10 ноября 1973 года. По словам очевидцев, пожар был роскошный. Жаль, что мне лично не пришлось присутствовать.

Нам позвонили где-то около часу ночи и сказали: «Ваша дача полыхает». Мы были в городе, на своей Питерской квартире на Маклина, (теперь – Английский проспект, как до революции).

Но наутро мы с мамой приехали спозаранку, в полдесятого, с замиранием сердца, мы уже подходили к «пожарищу». Дом снаружи почти не пострадал, отсутствовала часть крыши, и двери все были настежь. Но внутри ... Второй этаж, где одна из двух комнат была – моя, просто отсутствовал. Его уже не было, как и лестницы, которая к нему вела.

Под лестницей, на месте выгоревшей кладовки, была настоящая воронка, которая продолжала дымиться, несмотря на то, что ночью три пожарных машины вылили тонны воды. Как будто там бомба взорвалась. Странное впечатление. А, впрочем, впоследствии я обнаружила в саду на клумбе пустую канистру из-под бензина, что прояснило криминальный характер пожара.

А все остальные четыре комнаты – внизу – были целы, но в разной степени покрыты копотью и сажой. В двойной двери, ведущей на веранду из проходной комнаты, игравшей роль гостиной, стекла оказались выбиты. Дверь эта была заперта на ключ, причем дважды. Поджигателям, в спешке покидавшим горящий дом, пришлось в голову вылезти через эту дверь на веранду, разбив стекло.

Чистые осколки стекла валялись на веранде на полу, а все остальные стекла были черными от сажи. (Улика №3). Чтобы не пораниться, пролезая в образовавшуюся дыру с торчащими острыми углами стекол, они достали из шкафа плотной ткани, репсовый летний костюм ярко-зеленого цвета – продырявленное «свидетельство» поджога валялось на полу возле двери в растерзанном виде. (Улика №2).

А первая – это разбитое окно в ванной комнате, через которое преступники проникли в дом. Стекла – совершенно прозрачные и чистые, не закопченные пожаром, лежали под окном снаружи. Я сама их обнаружила, видела, как говорится, своими глазами.

[Прошу прощения: стёкла, как целые, так и разбитые, явно встречаются в этом тексте слишком часто.]

Несколько дней спустя меня вызвали, якобы, в милицию, где следователь, которому поручено было «расследование» этого пожара, пытался убедить меня в том, что мы сами виноваты в пожаре, что, уезжая с дачи в тот же день, мы не погасили окурки или что-то в этом роде... И это за десять часов до пожара! Я ему объяснила, что налицо – кража со взломом, плюс поджог. У меня есть неоспоримые доказательства. Разбитое до пожара окно в ванной, единственного помещения в доме, с не запертой дверью. Стекла – не закопченные. И прочие все улики перечислила.

Когда мы в следующий раз приехали в Комарово, земля уже покрылась тонким слоем снега, а «улики» – осколки чистых стекол... исчезли не только под окном ванной, но даже и внутри дома, на веранде. Интересная деталь! Их кто-то успел убрать, причем сразу же после моей беседы со следователем.

Моя любимая веранда вообще не пострадала. Там, в угловом шкафчике, я с великой радостью и изумлением обнаружила драгоценный флакон моих французских духов – Мадам Роша. Прекрасно помню свою радость, как некий подарок судьбы – не украли!!! Но где же грибы, которые я сама солила, они же стояли на столе, вернее, на дачном буфете, на той же веранде. Так вот: они исчезли. Причем, все, и в баночках – больших и малых, и в кастрюльке. Камни остались на поверхности.

Кто же их украл? Те, кто поджигали, или соседи, пришедшие наутро, чтобы вынести все, что можно, из дома, якобы оберегая наше добро от воров? Как, например, родственники великого композитора присвоили бронзовую лампу моего деда. Но их видели другие «доброжелатели» и нам донесли... Так вот, они якобы спасали нашу лампу от воров, ну и грибы, наверное, тоже... «спасли». Но мне уже было как-то все равно, как-то «не до грибов». Потерявши голову, по волосам не плачут. Впрочем, эта поговорка скорее про Марию-Антуанетту.

И три чудесные книги тоже были украдены, уже после пожара. На их месте на столе явственно выделялся след – не засыпанный сажей прямоугольник чистой кожи черного цвета. Любители книг не поленились встать пораньше.

<...>

Накануне пожара я сама закрывала дачу на зиму. Мы уехали в два часа пополудни, после «праздника» 7 ноября, когда мы там в последний раз ночевали. Сестра Маша пригласила гостей, некоторые из них оставались с нами два дня на даче. Вечером восьмого ноября заходила в гости и соседка, моя подружка Оля Баранникова, со своим молодым мужем. Мы с ними немного поболтали, и в полночь они ушли к себе домой.

Утром я все убрала, дочиста вымела пол, собрала постельное белье, чтобы постирать в городе, и внезапно решила, что жаль оставлять прекрасные картинки в запертом на зиму доме. Сняла со стен не только большую репродукцию Вермейера (девушка в малиновом платье, читающая у окна письмо), но даже наши детские рисунки и увезла их в Питер, в городскую квартиру.

Мудрое решение, хоть что-то удалось спасти. Предчувствие ли это было, или добрый ангел-хранитель сумел подсказать?

Потом мы заперли дом и вышли в мокрый осенний сад. Наш «участок» (60 соток), на три четверти покрытый сосновым лесом, в силу субъективности восприятия, казался гораздо меньше в сравнении с тем же садом моего раннего детства...

Почти у самой калитки я обернулась и посмотрела издали на наш розовый деревянный дом при закатном освещении низко стоящего по-зимнему солнца, на покрытую золотыми и бурными листьями крышу, которая представляла собой дивную абстрактную картину, на фоне северного, лиловатых тонов неба, в обрамлении узора из черных стволов обнаженных лиственных деревьев и темно-зеленой хвои елей и рыжих сосен... Мы несколько мгновений стояли, любуясь и с грустью прощаясь с этим милым домом, не ведая, что этой крыши мы больше никогда не увидим.

2003

<>...

КОМАРОВО

Там было столько комаров, что мы считали название это вполне оправданным, не подозревая о ботанике Комарове. А раньше, до Финской войны, этот поселок назывался Келомяки. Следующая станция – финский городок Териоки получил название «Зеленогорск», а предыдущий, дачный

поселок Куоккало, где расположена усадьба великого художника Ильи Репина, переименован в «Репино».

Однажды ранней весной, когда мы с сестрой проводили там весенние каникулы, катались на лыжах по замерзшему и запорошенному снегом заливу, под ярким мартовским солнцем, к нам приехали мамы подружки со своими мужьями – праздновать мамин день рождения – 27 марта. Мне тогда было лет 11. Точно. Потому что они пели: «Сорок пять. Баба ягодка опять!». Нам с сестрой – смешно. Вот так ягодка – такая солидная «баба» с сединой в волосах. Но дальше – больше. Они все выпили, закусили и запели уже вовсе неприличные куплеты, сочиненные по дороге к нам.

«Ехали к Райке,
Какали в сарайке...
Дело было около
Станции Куоккало».

* * *

Мы с мамой впервые приехали на дачу в Комарово летом 1951 года, мне было 4 года. На нашу розовую дачу с голубым забором. Этот новый дом, подаренный деду Сталиным в 1947 году, достался маме в наследство от её отца, а моего деда – академика Льва Семёновича Берга.

Дед умер в декабре 1950 года, мне было 3 с половиной, и я его всё-таки помню немножко. Старенький дедушка, с его седой бородой, да к тому же именуемый «Лев», внушал мне какой-то непонятный страх. Был смешной эпизод, когда меня спросили, как дедушку зовут, я страшно смутилась и, не без лукавства, сказала: «Карп». Так звали его полудикого, громадного кота, моего ровесника, пережившего деда еще на 17 лет. Дедушке эта моя детская «шутка» очень понравилась и он долго хохотал, повторяя:

«Да, да, деточка, все правильно, меня зовут Карп!»

Прекрасно помню, как мы с мамой шли по заросшей тропинке, ведущей от сторожки к даче. Густая, высоченная трава по краям тропинки значительно превышала меня ростом. Я шла, как лилипут в лесу, в направлении громадного – так мне тогда казалось – нежно-розового дома. Лиловые внизу, а выше – оранжевые стволы стройных сосен казались невероятной высоты – до самого синего неба. Мое любопытство было до предела возбуждено.

С дачи раздавалось мелодичное и звонкое пение девичьих голосов. Как раз в это утро девушки мыли окна к нашему приезду, пели и смеялись.

Мама спросила у них, когда мы вошли в пустой дом: «Чем же вы окна-то моете?»

Они со смехом отвечали: «Тряпок мы не нашли – так своими трусами моем!»

А за открытыми окнами, в солнце пронизанном лесу, птичий оркестр восславлял праздник жизни.

24 марта 2004 года вдруг получаю по электронной почте такое письмо из Москвы, (автор этого письма – Юра Артемьев, он же – Котя – загадочным образом нашел меня ровно через полвека – во Франции):

«Лиза!

Если ты помнишь, был однажды такой случай. На даче в Комарово где-то в 1953 году гостил у вас мальчишка 15 лет, тебе было 6, а Машке – 5 лет, была на даче замечательная Элен-Дуар, няня-французенка, а в маленьком домике жила балетная девочка Марина Годлевская.

По соснам лазил совершенно независимый, серо-голубой с поперечно-полосатым коротким хвостом кот Карп и ловил птиц, вылеживая в засаде иногда целыми днями.

По окрестностям бродили Евгений Шварц и Виталий Бианки, и на старом немецком велосипеде в белой панамке ездил Дмитрий ич с авоськой, наполненной молочными бутылками.

Твоя мать – Раиса Львовна – с блокнотом, карандашом и линейкой лазила по зарослям наперстянки Digitalis и учила меня, по ходу дела, вариационной статистике.

Все это во мне как-то отразилось и закрепилось на долгие годы.»

Юра Артемьев

«Котя, очень трудно отвечать полвека спустя... «мальчику» из счастливого детства, ставшего фоном и сокровищницей всей последующей жизни.

1953 год. Впечатление такое, что тебе удалось приоткрыть на мгновение... крышку шкатулки, найденной в глубине пластов времени – глубоко зарытого клада, а там...

Залитая солнцем веранда, увитая цветущей турецкой фасолью, и музыка – неаполитанский танец Чайковского, а мы, дурехи, хихикали и пели: «У-ва-жа-е-мая баб-ка – уважаемая бабка» ...

Имелась в виду наша 40-летняя мамаша. Прелестная балерина-Марина танцует, а мы все были в нее влюблены... Как прекрасно она танцевала! У нее был такой сногшибательный балетный наряд – совершенно настоящий, пачки и атласные розовые тапочки – нам, девчонкам, на зависть! И как ты на нее смотрел, а я, за тобой наблюдая, ее к тебе ревновала, считая ее моей и больше ничьей. Уже

наблюдались собственнические инстинкты и связанные с ними ранние уроки будущих страданий.

А твоя мама – такая милая, добрая и женственная – тоже за тобой исподтишка наблюдает и беспокоится. Ее материнское сердце сжимается, предчувствуя твои страдания от неразделенной любви, ты еще такой юный и недостаточно привлекательный для итальянской красотки Мариночки. Ей тогда было тринадцать с половиной, как Джульетте, а тебе – пятнадцать, как Ромео.

Ты был такой высокий, что приходилось на тебя смотреть, задрав лицо, и это слегка раздражало.

За столом на той же веранде наши мамы рисовали абажуры для ламп. Такие красивые абажуры, с оранжевыми цветами вроде настурций, цветущих по краям крыльца веранды и вдоль дорожки.

Мы с сестрой тоже часто там рисовали. Потом наши картинки даже попали на выставку детского рисунка в Русский Музей».

МИТЯ ОРБЕЛИ

В наших детских играх главную роль играл маленький мальчик, сын наших соседей – Митя Орбели. 1946 года рождения, он был поздним и единственным ребенком директора Эрмитажа, академика Иосифа Обгаровича Орбели и Антонины Николаевны Изергиной, которая заведовала там же отделом импрессионистов.

Большие карие глаза, правильные черты лица, худющий, с тоненькими ногами, Митя приезжал к нам на дачу на велосипеде, чтобы пригласить меня и сестренку Машу к себе – играть. Это было интригующе интересно и никогда – не скучно. С ним мы так веселились, что эта радость осталась на всю жизнь, как подарок судьбы.

Этот Митя – умный и обаятельный мальчик – был щедро наделен редкостными дарованиями. Поражало в нем и то, что он знал о жизни нечто такое, что нам и в голову прийти не могло. Митя знал, что рано умрет. Причем, к смерти он относился с юмором. Всегда смеялся над ней. Как будто жалел всех, кто его любил и жалел, не хотел их огорчать... У него был врожденный порок сердца – незаросший Баталов проток. Его маме было сказано, что без сложнейшей и опасной операции ребенку едва ли удастся дожить до 18 лет. Шансы выжить после требуемой операции тогда не превышали пяти процентов. Мать решила операцию не делать.

Когда ему было 4 года, он уже выбрал свою будущую профессию. Он хотел стать врачом и уже в пять-шесть лет знал не только специфический медицинский жаргон, но у него уже имелись солидные познания и в анатомии и фармакологии, он мог назвать по-латыни любую кость и многое другое.

Мы, естественно, увлекались игрой в доктора.

В крайнем возбуждении, мы – девчонки просто сгорали от любопытства, что еще придумает этот вундеркинд. Мы всегда были его «пациентами». Митя – доктор, приняв важный и суровый вид, ставил нам не только диагноз после ряда нескромных и смешных вопросов, но и лечил нас в «диспансере» – маленьком деревянном домике, специально для игр построенном в саду. Примочки, компрессы, уколы, банки и горчичники, таблетки (ненастоящие) и даже настоящий массаж – мы просто подышали от смеха. К тому же, он был поэт и неутомимый затейник, артистически декламировал стихи и рассказывал массу смешных историй и анекдотов знал великое множество. Память у него была – феноменальная. Обладая приятным голосом и имея хороший слух и память, он пел нам и взрослым арии из опер вроде Пиковой Дамы – непередаваемо смешно.

На наши дни рождения в июле и в августе Митя Орбели организовывал настоящие спектакли. Он был и режиссером, и актером, и декоратором. Театральные сценки – сценарии к ним он сам сочинял, вокальные номера, шарады, акробатические номера, в которых мы с сестрой были сильны...

Его обаяние и артистизм, в сочетании с эрудицией, были неподражаемы и притягивали к нему не только детей. С ним всегда было весело и интересно, все каникулы в Комарово мы почти десять лет подряд проводили вместе.

Это и было счастливое детство.

А в мои тринадцать лет, когда я обнаружила, что он отдаляется от нас из-за новых своих «взрослых» увлечений, мне показалось, что я в него влюблена, и мне пришлось пережить свои первые «страдания» от неразделенной любви. Его бодрая веселость, фантастически-мрачный юмор, в сочетании с умом, безошибочным тактом и врожденным вкусом – одним словом, он обладал тем, что называют харизмой. Не попасть в сети его обаяния было невозможно.

Митя превратился в юношу очень рано, когда мне еще и мечтать не приходилось – привлекать взоры противоположного пола. Потом мне стало известно, что в пятнадцать лет он уже был страстно влюблен в длинноногую красавицу Татьяну. «И жить торопится, и чувствовать спешит...» – это про него сказано. Высокая, статная, рано «созревшая» черноволосая девочка с синими глазами была так прелестна, что Митя влюбился с первого взгляда. Ей тогда было всего 13 лет. Он страшно удивлялся: «Этого не может быть! Неужели ей только 13 лет? Она кажется совсем взрослой!». Нам, то есть всем окружающим, она казалась довольно странной девочкой, с ней не о чем было говорить, ее ничто не интересовало, она имела всегда какой-то рассеянно-отсутствующий вид.

В тот период Митя посвятил ей поэму, написанную в 1961 (в 1962?) году в стиле Маяковского.

МАЯКОВСКОЕ

Пролог

Когда больно –
не могу молчать,
Гладить в одиночестве
нервы обнаженные.
Люди! Смотрите! –
Хочу показать
Прерванным поцелуем
губы обожженные!
Другой замыкается,
горе если,
Сам с собою
рыдать рад,

А я
демонстрирую
на мировом конгрессе
Собственной души
просветленный препарат!

<...>

* * *

С семнадцати лет он уже жил вместе со своей смешливой и легкомысленной красоткой Таней – пятнадцатилетней, а как только ей исполнилось 18 лет, они поженились. Их сын Егорушка родился в мае 1969 года.

В том же году, 17 марта умерла от рака мать Мити – Антонина Николаевна Изергина. По рассказу Юры Кликича, «Митя очень переживал, но держался, виду не показывал. Он не мог не острить даже в этой ситуации. Тотю отпевали во Владимирском соборе на Петроградской стороне. Когда договаривались об отпевании, оказалось, что, если церковным служителям дать деньги дополнительно, будет петь большой церковный хор, если еще добавить, зажгут центральную люстру, еще – будет бархатное покрывало. И Митя так грустно говорит мне: «Знаешь, Юрочка, мне кажется, что если дать им еще десятку, то они, пожалуй, маму воскресят».

Когда Тотя умерла, Танька стала вести себя совсем уж безобразно. Однажды, в сентябре 1970 года, я приехал, позвонил и узнал, что Митя не живет дома. Танька поколотила его телефонной трубкой, и он перебрался жить к Насте Раковой. Митя Квасов,

узнав об этом, спросил: «Митя! А почему же ты не отбежал на длину телефонного провода?»

Меня трехмесячному младенцу пеленки, Таня при мне вульгарно ругала крошку матерными словами. Казалось, что юного папу-Митю это лишь забавляло и ничуть не шокировало, хотя сам он был воспитан изысканно и никогда не говорил в присутствии «нежных» ушей ничего оскорбительного.

Своей двоюродной племяннице Ольге – внучке Рубена Абгаровича Орбели, брата Митинога отца, умершего в 1943 году от туберкулеза, Митя говорил: «У меня не бывает хорошего настроения. Иногда – эйфория, но чаще – черная меланхолия». Это было еще до смерти его матери, с которой он был очень близок. Тем не менее, в присутствии друзей он никогда никакой меланхолии не показывал. Всегда был весел и крайне внимателен к окружающим, далеко не всегда его состояние можно было назвать эйфорией.

Митя Орбели успел закончить Медицинский институт – блестяще, получив диплом с отличием. Умер он внезапно, когда ему только что исполнилось 25 лет...

Его сын Егор, очень в детстве похожий на маленького Митю, с которым я дружила, вырос без отца. Подавая надежды стать талантливым художником, Егор Орбели прожил всего 28 лет, покончив с собой в полубезумном состоянии. Он повесился в Комарово, на даче своих родителей.

<...>

Однажды я присутствовала при занятом сеансе хиромантии. За столом сидели две «гадалки» – наши уважаемые мамы. Моя мама – Раиса Львовна Берг и мать моего друга Мити – Антонина Николаевна Изергина, к тому времени уже вдова Орбели. Тотя гадала по руке моей матери, а моя мать – Тотя. Обе, конечно, относились к этому занятию не очень серьезно. И вдруг я подслушала, что Тотя, с печальным выражением лица, шепотом сказала моей матери:

– «А у моего Мити на левой руке линии сердца – нет, она вообще отсутствует».

Одна из главных линий, присутствующая у всех людей – и вдруг, отсутствует... Странно и удивительно, однако – это факт, что такой серьезный порок сердца имеет свой «отпечаток» на ладони.

2004–2008

Комарово. Морская, д. 5. Фасад дачи начала XX века

Дача Юхневича. Современное фото

Запах детства. Комарово

(ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ Е.Н. БОЯРСКОЙ «БОЯРСКИЕ. ТЕАТРАЛЬНАЯ ДИНАСТИЯ», СПб., 2021.

ПЕЧАТАЕТСЯ С РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА)

Лучшие воспоминания детства связаны с дачей. Самые душевные посиделки и самые искренние разговоры всегда возникали не веранде нашего дома в Комарове. Это в 60-ти километрах от Питера, бывшая финская территория, между Финским заливом и Щучьим озером.

Сегодня Комарово – престижное и вполне «окультуренное» место, а поначалу это была болотистая сырая территория, добирались от городской квартиры часа два, о машинах в ту пору речь даже не шла, и от станции шли пешком по лесной дорожке, частенько с сумками, иногда увязая в грязи. Строили сначала нехотя. Папа сам рыл фундамент, у него даже обострился радикулит, не дававший о себе знать со времён окопов! Потом родители страшно полюбили наш маленький комаровский домик. Иногда они приезжали туда последней электричкой после спектакля, а наутро уезжали на репетицию. Просто посидеть на веранде, покурить на свежем воздухе и посмотреть на сосны!

Дом был совершенно необорудованным. Когда мы перебирались ранним летом из города, перевозили всё – холодильник, телевизор, посуду, бельё... Не было ничего в двух экземплярах – всё в одном. Когда уезжали из города, городская квартира совершенно пустела. Осенью возвращались с дачи, перевозили весь скарб обратно в город – дача пустела. Долгое время телевизор был на даче у одних только нас, и все соседи набивались к нам на веранду смотреть «Сагу о Форсайтах» или чемпионат по футболу. Надо ли говорить, что родители и не думали возражать?

Недавно мы построили на том же участке новый дом, – зимний, со всеми, как говорится, удобствами. Теперь это моё основное место жительства.

Весь наш посёлок – «намоленное пространство», где живёт некий «гений места». Я знаю там каждую тропинку, каждое дерево в лесу, каждую ямку на дороге. Да и почти всех людей, живущих там.

Построить дачу моих родителей буквально заставили наши ближайшие родственники, в итоге ставшие и ближайшими соседями по даче: «Царь Иван» и «Царица». Похоже на названия пьес.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА БОЯРСКАЯ

член Союза писателей Москвы,
театровед, переводчик

«Царь Иван» – это прозвище, которое дали в семье строгому и суровому Ивану Ивановичу Сегенюку, родному брату нашего родоначальника, священника Александра Ивановича. А «Царица» – его жена, Елизавета Яковлевна.

Почему «Царь»? Не только из-за царской осанки и величественной повадки. Ещё и потому, что всю бурную актёрскую семейку Иван Иванович на протяжении всей своей жизни пытался воспитать и приструнить, не понимая и не принимая вольного актёрского образа жизни. Опять гости на даче? Прекратите тратить деньги на гостей! Миша в театральный институт, по вашим стопам? Пусть лучше идёт деньги зарабатывает! Денег вам в долг дать на новый шкаф? Зачем вам новый шкаф, что вы туда складывать будете? Но надо отдать ему должное – в деньгах не отказывал никогда, будучи по нашим меркам зажиточным просто «по-царски». Иван был очень близок в молодости с братом, моим дедом. В Первую мировую он воевал в том же полку, где Александр Иванович был священником; потом тоже жил в Колпино, неподалёку от брата. Елизавета Яковлевна, «Царица», его жена, была одной из прихожанок и «поклонниц» отца Александра и мечтала войти в семью на любых условиях. В итоге она вышла замуж за овдовевшего к тому времени Ивана Ивановича. Не все в нашей семье относились к «Царице» хорошо. Ходили про неё самые нелицеприятные слухи: о сотрудничестве с «органами». Якобы у Ивана Ивановича не было другого выхода, кроме как жениться на ней, чтобы самому не попасть под арест. Якобы в молодости она имела виды на самого Александра Ивановича, а впоследствии именно она написала на него донос, послуживший причиной ареста. Есть где разгуляться фантазии! Что ни строчка – сюжет для романа. Но я думаю, это издержки времени, когда подозрения падали даже на близких. К тому же теперь я знаю, кто написал донос. (Даже при том, что я два раза использовала слово «якобы», сколько кошмара сконцентрировалось в двух фразах, передающих некоторые нюансы вполне, к сожалению, типичных для того времени взаимоотношений между людьми!) В любом случае,

я пишу о временах, когда весь этот ужас был давным-давно в прошлом, когда страсти «оттремели», и они оба, и Иван Иванович, и Елизавета Яковлевна, были (во всяком случае для меня) просто дачники, просто родственники, пожилые и глубоко религиозные люди. Даже на даче у них целый угол самой тёплой комнаты отводился иконам, и по вечерам всегда уютно горела лампада. Комаровское детство ассоциируется именно с ними.

Когда я родилась, Иван Иванович высказал желание стать крёстным отцом. Естественно, это сочли за честь. Елизавета Яковлевна стала крёстной матерью. Сама бездетная, она прекрасно находила общий язык с детьми и была для меня и моих подружек изумительной дачной «наперсницей». Она знала много игр, которые затевала со своими сёстрами ещё до революции. Рассказывала нам массу разных баек, присказок, говорила о старых традициях, религиозных обрядах. Играла с нами в словесную дореволюционную игру: «Барыня прислала сто рублей». «Барыня прислала сто рублей, что хотите, то купите, «да» и «нет» не говорите, чёрного и белого не покупать, не смеяться, не хохотать». Далее покупатель и продавец вступали в словесное и психологическое единоборство. Казалось бы, что трудного не сказать «да»? Или не засмеяться? А вы попробуйте! Практически невозможно.

Кока Лиза («кока» – сокращенно от слова «крёстная») знала наизусть массу стихов детских поэтов, которые в корне отличались от того, что сочиняли в советское время. Эти слова – «до революции» – она частенько произносила, и постепенно у нас в голове сложился светлый и радостный образ того удивительного мира, который видела она, который видели наши бабушки и дедушки и который мы никогда не увидим. Девичья фамилия у неё тоже была какая-то «дореволюционная»: Доссон.

«Царица» знала стишки и загадки хулиганского характера, на грани приличия, чем повергала меня и моих подружек буквально в истерическое состояние. Чего стоит, например, такая загадка: «Чёрная, мохнатая, к животу прижатая». На её вопрос «Что это?» мы только открывали рты, не зная, что и подумать... Оказывалось, что это – муфта. Впрочем, это предмет вполне из дореволюционной поры. (Пожалуй, воздержусь приводить здесь другие загадки того же колорита.) Мы часами ходили за ней с просьбой рассказать очередную байку. Иногда в качестве «платы» она требовала набрать корзину шишек для самовара, и только тогда выдавала очередной «шедевр».

Ежевечерний самовар был у них традицией. Он начинал дымить ровно в семь. Старинный, медный, – чай получался с изумительным запахом дымка. Это не то, что чай в пакетиках! У нас тоже

был самовар, но мы его ставили только по особым случаям. Он, кстати, жив и сейчас, но служит исключительно украшением нового дома.

Перед 1-м сентября Елизавета Яковлевна извлекала на свет какие-то таинственные снадобья и помогала своими старинными средствами нам излечивать синяки и сводить бородавки, «добытые» за лето. Надо сказать, с успехом.

Как-то кока Лиза рассказала нам про убийство царской семьи... Сейчас даже трудно представить, насколько смелыми были эти рассказы! Конечно, она не могла сбивать нас с пути советского воспитания. Но ей, видимо, хотелось хоть немного вправить нам мозги, и она осторожно высказывала восторг по поводу «царских девочек»: они в Первую мировую работали в госпиталях, как все! А «царский мальчик» был очень сильно болен, кровь не останавливалась, если он ушибался. Ну ладно, случилась революция, царя убили, так зачем же и детей? Кока Лиза рассказывала, что она с сёстрами и подругами знала все привычки царских отпрысков, знала, что они читают, какие сласти любят, куда ходят, чем увлекаются. Царские дети, ровесники коки Лизы, были ей, как родные братья и сёстры. Надо сказать, эти беседы западали нам в душу очень глубоко и заставляли думать самостоятельно, а не просто принимать на веру постулаты советского воспитания. Если и была она связана с пресловутыми «органами», то не знаю, как это всё могло в ней сочетаться. Наверное, могло. Учитывая ещё религиозность, получалась невероятная смесь.

В городе они жили на Литейном, неподалёку от любимого всеми нами Спасо-Преображенского собора, и родственники часто приходили к ним на церковные праздники, по дороге заходя в «Спас». В однокомнатной квартирке на Литейном я бывала очень часто. Добиралась от Пяти углов на троллейбусе одна или с дачной подружкой Наташей Максимовой. Кока Лиза гадала нам на картах, учила раскладывать пасьянсы. Помню, в третьем классе я попросила её погадать нам на то, примут нас в пионеры или нет. Кока Лиза долго и серьёзно вглядывалась в свою старую затёртую колоду, раскинутую на столе, а потом очень уверенно сказала: «Примут!». Как в воду глядела. Позже она «раскидывала» нам карты на «женихов». Она знала множество карточных фокусов, опять же «дореволюционных». Удивительно интересно рассказывала про Наполеона (он был её любимым героем), про его ссылку на остров Святой Елены и читала нам строки: «Тебе подарю я полмира, но Францию – только себе!» Это у неё получалось здорово. Она, конечно, по натуре была актриса, лицедейка. Ещё мы с её слов выучили лермонтовский «Парус», который тоже почему-то ассоциировался с Наполеоном.

Их городская квартира для нас вся была полна секретов: буфет красного дерева с потайными дверцами; старинная люстра с витражным стеклом; иконы, лампы; огромное кресло; какой-то особый запах старых вещей, старинного быта. У крёстных чудом сохранялся этот «дореволюционный» дух, которым мне, благодаря им, посчастливилось хоть немного пропитаться в раннем детстве.

Наша дача, как и городская квартира, никогда не пустовала. В Комарове находится театральный Дом отдыха. Раньше назывался дом отдыха ВТО – Всероссийское Театральное Общество. Естественно, чуть ли не каждый приезжавший туда появлялся у нас на даче. Помимо этого, к нам на дачу приезжала Валентина Ковель с Вадимом Медведевым, Нина Ургант, молодая, красивая, её сопровождал Кирилл Ласкари, за которым она была тогда замужем. Они приезжали с чуднейшим пуделем Зурико. Ирина Ивановна Сергеева жила здесь иной раз подолгу со своей мамой и собаками; бывал и Игорь Горбачёв, друг и многолетний партнёр моей мамы по Александринской сцене, а в 70-е годы руководитель театра. (Была такая шутка в актёрском капустнике перестроечного времени: «Объявление. Игорь Олегович Горбачев срочно и за любые деньги купит у Михаила Сергеевича Боярского имя и отчество».)

На даче тоже устраивались бурные вечеринки, как водится, за полночь, до утра. Темперамент у всех – дай, Боже! Голоса поставленные, профессиональные! Хохот стоял на нашей веранде такой, что стены дрожали. Соседи у нас люди терпеливые, интеллигентные, всё сносили, никто не жаловался.

Дмитрий Шостакович

Бывало, присоединялись! На комаровской даче не раз бывал Иннокентий Смоктуновский. Он снимал домик неподалёку от нашего. В тот период он играл с моей мамой у Розы Сироты в телевизионном фильме по роману Стейнбека «Зима тревоги нашей». Это один из лучших спектаклей, созданных на нашем телевидении. Лидия Штыкан, по всеобщему мнению, не уступала Смоктуновскому, который, как известно, принёс на нашу сцену и на экран новое понимание органики актёрского существования.

Неподалёку жили Алиса Бруновна Фрейндлих и Игорь Петрович Владимиров. Тоже заходили «на огонёк». Игорь Петрович с завистью смотрел на нашу шикарную сирень и всё жаловался, что кустов сирени у него много, но они не цветут. Однажды мама, идя утром на электричку, наломала нашей сирени и привязала цветущие ветки к кустам, росшим у Владимирова. Выйдя на крыльцо, он не сразу понял, что случилось: вдруг за ночь его сирень зацвела?.. Но увидев, что ветки привязаны, сразу смекнул, чьих это рук дело, и подждал маму после вечерней электрички...

Николай Черкасов, тоже комаровский дачник, встречая нас с мамой у станции, любил подкинуть меня вверх с присказкой: «Грыбочечек ты мой!» При его высоком росте от этих подбрасываний захватывало дух!

Я помню, как папа репетировал на даче свою роль, когда снимался в фильме-опере Дмитрия Шостаковича «Катерина Измайлова». Галина Вишневская пела партию Катерины, а мой папа играл её мужа убиенного, Зиновия Борисовича. По ходу сюжета он даже хлестал по щекам знаменитую оперную диву! У папы голоса не было, хотя слух был отличный. За него пел оперный певец. И вот папа на даче заучивал слова, тянул своим хрипловатым голосом: «Я-а-а, Зиновий Бори-и-и-исович!», чтобы потом на съёмках открывать рот «впад» с текстом. Однажды в Лондоне, при встрече с Ростроповичем после его концерта в Альберт-холле, я напомнила ему об исполнителе роли Зиновия Борисовича. Ростропович обрадовался, вспомнил, как мой папа «пел» вместе с Вишневской и как много он привнёс на съёмочную площадку фильма-оперы, будучи прекрасным драматическим актёром.

Свадьбу моего старшего брата Олега справляли в Комарове, рядом с дачей, на «Финской поляне», как её называют местные жители, 20 июня. Это был большой риск, вдруг дождь? Но как-то так складывалось, что дождя ни в тот день, ни на следующий, – в мой день рождения, не случилось. (Кроме одного случая, но об этом – позже.) И мы рискнули. Это была удивительная свадьба. Мы получили разрешение от местных властей на её проведение в лесу. Вбили колышки прямо в землю, сверху положили доски, покрыли простынями.

Воду брали прямо из ручья, еда была совершенно простая: картошка, какие-то маринады. Помню, очень помог Сергей Александрович, Мишин отец. Он «кулинарил» всюю! Приехал дня за два и всю организацию этого непростого процесса взял на себя! Провели электрический провод на поляну, включили музыку. А Миша целовался с подружкой невесты, и мы это видели. Буквально через несколько лет, когда Миша снялся в «Собаке на сене», в нём с трудом узнавали долговязого парня на свадьбе, который всех веселил и охотно делил своё внимание между симпатичными гостями. Потом мы всё лето находили в лесу бутылки, пустые и полные: пустые – значит, кто-то выпил прямо под кустом, а полные – спрятал, а потом не нашёл. Поляну мы, конечно, убрали, всё привели в порядок. Ту комаровскую свадьбу вспоминают до сих пор! После этого мне приходилось бывать на многих свадьбах, в ресторанах и шикарных дворцах, где для веселья нанимают известных музыкантов, а весь процесс режиссируют профессионалы, но лучше той комаровской свадьбы тёплой белой ночью на поляне, и красивее невесты в белом, Танечки Штыкан, танцующей босиком на траве, не было!

Миша тоже проводил свои счастливые отроческие дни на нашей даче в Комарове и питает к ней самые нежные чувства. Старший брат, он был командиром моим и моих подружек. Помогал строить шалаш под названием «халабуда». Вернее, руководил. Нам нравилось подчиняться. «Мне жарко!» – говорил Миша, развалившись в гамаке, и мы с дачной подругой Машей Митягиной что есть силы обмахивали его газетами. «Мне холодно!» – через минуту заявлял «барин», и мы укрывали его этими же газетами. «Мне жарко!» – раздавалось ещё через минуту, и всё повторялось. Гонял нас, крапивой по-стегивал, если мы что-то не так делали. Домострой! Конечно, мы были слегка влюблены в него. А как не влюбиться? Он ведь был ещё и мастер по ловле мух: бесподобно мог прямо на лету поймать! Мы просто диву давались. Что ж, талант – он во всём талант!

Миша и Олег оборудовали себе верхнюю комнату, чердак: махонькая «келья», две койки. В то время у нас можно было достать польский журнал «Film». Один из немногих журналов, который давал какое-то представление о западной жизни. В польском варианте, но тем не менее. На обложках этого журнала печатали портреты западных кинозвёзд. Миша с Олегом вырезали эти портреты и обклеивали ими потолок и стенки. Боже, какие там были красотки! Пола Ракса, Мэрилин Монро, Софи Лорен, Брижит Бардо... Кстати, после гастролей Александринки в Польше в 1959 году на обложке этого журнала появилось лицо Лидии Штыкан в роли Синтии из спектакля «Голос Америки». Но нет пророка в своём отечестве! Её лицо не попало на ту ребячью

«доску почёта». Для Олега она была просто мама, а для Миши – «кока Лида».

Мужские лица тоже попадались: Марчелло Матростяни и Жерар Филипп, помню, поразили моё воображение. К сожалению, со временем всё пришло в такую ветхость, что, скрепя сердце, пришлось ободрать эту отсыревшую красоту и заклеить приличными обоями. Но это я сделала лишь тогда, когда портреты великих актёров буквально покрылись плесенью.

На чердаке хорошо прослушивались «вражеские голоса» и музыкальные программы с Запада. Особая интонация отличала дикторов этих «голосов»: в шумовом потоке их узнавали по одному слову. Могли ли мы тогда подумать, что Севу Новгородцева позже увидим по нашему государственному телевидению?! Та комнатка казалась мне окном не просто «на Запад», а в какие-то иные миры.

Дача – отличное место для самого разного рода «страшных историй», на которые Миша тоже был мастер. Помню один вечер, накануне Ивана Купала: папа рассказывал страшные истории о кинешемском разбойнике Чуплыгине или пересказывал Гоголя с его «чертовщиной», а Миша излагал истории типа «отдай мою руку»: так зывала еженощно из озера бедная женщина к своему мужу, который ударил её по руке, а она возьми да и утопись! В окно светила полная луна, вселяя тревогу, и надо было набраться мужества, чтобы выйти после этих рассказов на улицу. Так что, свои актёрские способности Миша оттачивал на нас где только можно.

Как-то с двумя комаровскими соседями Миша раздобыл «сорокопятку», пластинку с двумя песнями «Битлз», и, как он рассказывает, каждую сторону прослушали подряд раз по четыреста, запивая музыкальные впечатления портвейном. Но пьяны были не столько от портвейна, сколько от потрясшей их музыки: непривычной, такой далёкой, и вдруг ставшей очень близкой, сразу и на всю жизнь давшей ощущение чистейшего счастья и свободы! Одна из песен была «Lady Madonna». Сколько лет прошло, а он это помнит. Кстати, именно Миша впервые дал мне послушать «Битлз», подарил плёнку «Abbey Road» и навсегда привил мне любовь к этой музыке. Логическим завершением семейной «битломании» было посещение концерта сначала Ринго Старра в «Октябрьском», куда Миша взял с собой меня, и, конечно, эпохальный концерт Пола Маккартни на Дворцовой. Автограф Маккартни, конечно же, у Миши есть. Миша упорно совал ему ручку в правую руку, от волнения забыв, что Пол – левша. Наверное, Миша вряд ли поверил, если б тогда, при прослушивании «сорокопятки», ему сказали, что он сыграет с Маккартни на консерваторском рояле «Lady Madonna». А точнее,

во время посещения Консерватории, куда проник и Миша, сэр Пол сел к роялю, начал наигрывать мелодию, потом встал, не закончив, а на его место сел Миша и доиграл до конца.

У моего папы был друг и соученик Евгений Горюнов. Алексей Адашевский, его сын, внук знаменитого актёра Александринки Константина Игнатьевича Адашевского (Алексей взял фамилию деда и мамы после развода родителей), прочтя первое издание этой книги, прислал мне своё минималистское, но внутренне очень эмоциональное воспоминание-эссе, которое я с удовольствием помещаю здесь целиком.

«Дорогая Катя!

Мои «истории», о которых я тебе упомянул – это взгляд в прошлое. Довольно далёкое, поскольку более тесно я общался с дядей Колей и тётёй Лидой в детстве, когда мой родитель благополучно ещё пребывал в роли отца семейства. А Николай Боярский был его близким и давнишним другом.

Отец учился на одном курсе с Николаем. Боярские «сомнительных» знакомств не чурались. (Мой отец родился в Париже, так как его отец во время Первой мировой попал в плен, и остался за границей.) Дружба продлилась и во время войны. Оба стали актёрами. Оба служили в ленинградских (это имечко я, однако, пишу со скрипом) театрах. Оба не шибко афишировали боевые награды. Ордена Славы «вживую» я видел (и с замиранием дотрагивался) только у Николая Александровича.

В школе нас водили в театры (бедные актёры: зал полон шорохов, приглушенных увещеваний учителей, сдавленного смеха и шарканья). Но у актёрских детей свои воспоминания. Приятно сказать: «Здрасьте, дя Коля!» входящему в театр Боярскому (актёрского входа в Комиссаржевке не было, актёрам нужно было миновать зрительский вестибюль), – и услышать в ответ: «Здорово, Алёха». Зависть обеспечена.

А то ещё дед-александринец посадит внука в ложу прямо над сценой и – «Я скажу Лиде, что вот, мол, мой сидит», а она, играя, подойдет поближе и подмигнёт...

Или всплывёт в памяти лето в Комарове. Погода замечательная. Боярский тюкает топориком – строится дачный домик. Столешница ещё лежит во дворе. На ней запотевшая «маленькая» водки в окружении собственных огурцов-редиски-лука. Дядя Коля с моим родителем устраиваются на куске шифера, перекинутом через полено. Я встаю сзади, треск, оба хлопаются на землю. Николай Александрович, будучи выдающимся комедийным артистом, мог шутить «на полном серьёзе». Со строгим выражением лица, начинал обычно издали: «Алёха, при тебе ли царский указ?!» Фраза из «Бориса Годунова»). Вот и тут: «Да ты подослан, этот че-

ловек не оставит нас в покое, кого вы вырастили?» Смятение овладевает детским умом. А вдруг это всерьёз? Пауза выдерживается – добрейшая улыбка расплывается на челе крёстного. «Вот тебе редиска и на мороженое за хлопоты. Ну, давай-ка, валя!».

Николай Боярский был моим крёстным. История моего крещения примечательна и, наверное, типична для глухого советского времени.

1959 – год моего рождения. Родители – актёры академического театра. Для совершения Обряда нужно предъявить паспорт, заполнить бланки и всё такое. Николай находит выход – приводит знакомого священника домой (благо сохранились старые связи), приносит бидон со святой водой, изображает церковный хор.

Тут уместно отметить, что Боярские всегда «держались кланом», друг другу помогая.

В известной степени в сферу своего попечительства Николай Александрович включил и меня. Когда родители развелись – мне кажется, что дядя Коля этого не одобрял, по крайней мере его тесная дружба с моим отцом ослабла, а вот меня он опекал. То ведро грибов пришлёт, то контра-марки, то просто «звякнет».

Последний раз я видел дядю Колю на похоронах отца. Он опоздал, мы медленно выезжали на автобусе с территории больницы. Вдруг кто-то говорит (Всеволод Кузнецов?): «Ребята, стоп, Коля». Он был нездоров, идти было нелегко, зимний сырой ветер. Сел в автобус, проехал с полкилометра. «Пойду я... А ты, Алёха, давай, держись... Указ-то царский при тебе ли?»...

С пожеланиями всяческих творческих и «про-ческих» успехов, «гамбургская ветвь», – Алексей Адашевский».

Спасибо, Алексей! Ты – часть нашего «клана»!

Детские дачные дни рожденья – это особая статья. Я просыпалась утром, выходила на аллею, ведущую от крыльца к калитке, и собирала подарки с кустов сирени. Я по-прежнему отмечаю свой день рождения на даче. Один-единственный раз отошла от традиции и собрала всех родственников и друзей на кораблике. Представляла себе идиллическую картину: белая ночь, тепло, музыка, все сидят на палубе с бокалами вина, любуются красотами города, молодёжь танцует. Единственный раз за многие годы именно в этот день, в этот вечер, в Питере разыгралась непогода. Не просто дождь, а самая настоящая буря, со штормовым ветром и даже градом! Вода в реках и каналах поднялась так, как даже по осени никогда не поднималась! Люди и без того плохо стояли на ногах, а тут ещё палуба ходуном ходит. Всё бы ничего, кораблик был крытый, но возникла проблема: как сойти с него? К набережной не причалить, кораблик бьётся бортами о гранит. Молодёжь с помощью команды кое-как перепрыгнула через

перила на парапет, прямо с крыши капитанской рубки. Но среди гостей было несколько пожилых дам, и лазать по крышам они совсем не стремились. Самыми трезвыми в нашей разношёрстной компании оказались Максим Леонидов и Миша Боярский. Да и самыми физически крепкими. Миша, Коля Боярский, Саша Боярский снизу подавали, а Максим принимал в свои объятия дам. Ирина Ивановна Сергеева была в восторге: «Ах, как это романтично! Меня давно не обнимали молодые мужчины!» Труднее всего было с нашей соседкой по улице Марата, Валерией Валентиновной. (За много лет знакомства она превратилась из соседки в ближайшего друга.) У неё болели ноги, и была она грузной дамой. Платье слегка задралось во время «передачи» от одного знаменитого артиста к другому, и то, что скрывало платье, засияло лиловой «совдеповской» байкой. «Ничего, не тушуйтесь, Валерия Валентиновна, – изрекла со свойственным ей юмором Ленка Балашова. – Зато теперь, когда Макс будет петь «Девочку-виденье», – вы знаете, что это про вас!» Не надо было ей этого говорить, от хохота ноша оказалась ещё под большей угрозой. Слава богу, всё обошлось. Но страшно подумать: а если б кто-то упал между бортом и набережной?... А всё потому, что изменила в тот год даче! Природа сделала предупреждение...

Несмотря ни на что, все участники того «исторического похода» вспоминают его с восторгом. А если б всё прошло тихо-мирно, может, воспоминания не стали бы такими яркими.

Дни рождения на даче, хоть и проходят иногда бурно, с ночным купаньем или прыжками через костёр, всё же намного безопаснее.

От комаровской дачи у меня ощущение абсолютно такое же, как в «Других берегах». Так происходит со многими, для кого дача стала не просто местом для выращивания картошки или поджаривания шашлыка, а чем-то большим. Действительно, советские дачи были некоей слабой заменой усадебной жизни. Когда я читала Набокова, я узнавала эти чувственные ощущения и запахи, связанные у Набокова с Вырой и Рождеством. Абсолютно всё моё. И это во мне отзывалось таким сочувствием и болью. Наверное, те, у кого не было такой любимой дачи, дома, не смогут понять до конца этот автобиографический роман, да и всю подспудную набоковскую ностальгическую боль, которой пронизано его творчество. Что значит потерять навсегда дом, где прошло твоё детство? Я представляла: если бы меня лишили моего Комарова? Если, не дай, Бог, моя жизнь повернулась так, что пришлось бы уехать за границу? Потерять Питер – ужасно. Но первая мысль, которая у меня бы возникла: а как без Комарова? Это не просто малая родина, это основная Родина, отчий дом.

В Комарове совершенно особый сосновый воздух. Лечебный. Мой отец перенёс сложную операцию и находился в очень тяжёлом состоянии. Врачи думали, что не выживет. Он пролежал в больнице два месяца. И вот больница в августе закрывалась на ремонт. Врачи советовали перевести его в другую больницу, – в госпиталь ветеранов войны. Но я знала, что это не лучший выход: другие врачи, другие медсёстры, всё другое, заново осваиваться... И я решила проигнорировать медицинские предостережения и отвезти папу на дачу. Меня заставили подписать бумагу, что я забираю его из больницы под свою ответственность. Врачи говорили, что, если отключить кислород, которым отец дышал (две трубочки в носу), если ему не делать капельницы, он не протянет и пары дней. Но произошло какое-то чудо. Первые дни он лежал в комнате, не вставая. Приезжала из комаровского ВТО медсестра, делала уколы. Потом он перебрался на веранду. А уже через неделю самостоятельно доходил до телефонной будки, и я могла уезжать в город на работу: он мне звонил. За неделю он буквально поднялся на ноги. Даже доходил до любимой комаровской библиотеки. Лена Цветкова, бессменный наш библиотекарь, тому свидетель. Это целый километр! Что это, как не воздух, который помог, и стены дома родного, которые вылечили? Он прожил потом ещё пять лет.

Тамара Михайловна Абросимова, друг и коллега моего отца, мечтавшая в юности об актёрской стезе, а ныне уже народная и известная артистка, вспоминала свой шок, когда однажды вышла из поезда в Комарове и вдруг – идёт Штыкан, которую она только что видела в роли соблазнительной француженки Бланш в «Игроке». А рядом с ней – Николай Боярский, – король Испании из только что виденного фильма «Дон Сезар де Базан». Мадемуазель Бланш и король Испании несут на плечах здоровенную доску, подобранную где-то у станции. Ну как же – дача! Хозяйство!

Хотя, если честно, попытки вести хозяйство не увенчались особым успехом. Огород, скажем прямо, был в запустении, и хозяйство хоть как-то держалось только усилиями нянюшек и тётушек, обихаживавших меня летом. Мама сажала только цветы. А положено было сажать картошку. Были даже некоторые нормы и предписания по количеству посадок! Часто соседи жаловались и просили принять меры, потому что к ним с нашего участка летели семена сорняков...

Однажды мы с мамой ехали на велосипеде на Щучье озеро. До тех пор, пока сама не научилась крутить педали, я сидела в маленьком плетёном креслице, прикреплённом к раме: это была практически единственная вещь, которую она привезла с гастролей в Париже. По правую сторону от дороги восседала на скамье грузная дама в тёмной одежде,

рядом с ней – молодой человек. Это была Ахматова, чья «будка» (так она называла крохотный летний домик) находилась буквально в ста метрах от дороги. Рядом сидел, вероятно, Анатолий Найман. Я не помню этого, была практически младенцем. Уже после смерти Ахматовой мама взывала к моей памяти и даже говорила, что по дороге на «Щучку» мы не раз видели Ахматову, но этого память, к сожалению, не сохранила.

Конечно, вся комаровская жизнь так или иначе отмечена тем, что эта маленькая точка на Карельском перешейке пересеклась с жизнью великого поэта.

Когда мама умерла (не дожив нескольких дней до 60 лет!), встал вопрос – где похоронить? И тогда Олег вспомнил, что когда-то она говорила как бы вскользь: «Вот бы лежать на комаровском кладбище! Хорошая тут компания! Анна Андреевна!» Это было не так легко осуществить, но написали все нужные письма от театра, помог Миша, который был в ту пору уже в славе. Теперь там небольшой семейный «склеп». Спустя шесть лет там же похоронили и папу.

Рядом с могилами моих родителей со временем появилась могила актрисы Розы Балашовой, близкого друга нашей семьи, игравшей много лет в Пушкинском театре.

Когда нас с Розиной дочкой Леной Балашовой (той самой, что «окрестила» нашу соседку, спасённую с терпящего бедствие корабля, «девочкой-виденьем»), привозили в зимний пионерский лагерь в Комарово, наши родители шли гулять на кладбище, к могиле Ахматовой.

Зимний пионерский лагерь в доме отдыха ВТО, – это ещё одна особая страница, связанная с Комарово. Актёрский дом отдыха на время зимних школьных и студенческих каникул отдавали «театральному горошку», актёрским детям. Комнаты были на двоих, всё же это не настоящий пионерлагерь, а дом отдыха! Можно было в столовой (скорее это всё же был ресторан) заказать меню на следующий день – выбрать из трёх вариантов завтрак, обед и ужин, подчеркнуть нужное карандашиком. Кормили очень хорошо. А путёвки стоили нашим родителям, как членам ВТО, просто копейки.

Для меня зимний лагерь ВТО был счастьем, потому что в нормальный пионерский лагерь я не ездила. И родители бы не допустили, да и дача была выстроена, – не зря же? А Ленка Балашова все летние каникулы проводила в летнем лагере в Сестрорецке, что было предметом моей страшной зависти. Они ходили в походы, устраивали костры, организовывали КВН, концерты (это тоже был пионерский лагерь для актёрских детей). Ну и, конечно, там происходили какие-то бесконечные,

переходящие из лета в лето, романы. А Балашова, как выяснилось позже, когда всё это стало для нас воспоминаниями, страшно завидовала, что я живу летом на даче! Как обычно – хорошо там, где нас нету. И вот зимой мы оказывались вдвоём, без родительской опеки, среди своих сверстников. Ленка со своим «пионерским» опытом и общительностью, и я – скромный закомплексованный (да-да!) ребёнок, с жадной познания и общения... Что творилось порой в нашей комнате! Ущерб мы наносили театральному обществу немалый. Особенно страдали кровати. Нет, ничего такого не думайте. Мы прыгали со шкафа на кровать... И у нас дома на улице Правды, и в лагере, это почему-то было любимым развлечением. Летать хотелось?! Просто безумное, какое-то безудержное, сумасшедшее веселье!

В одну из зим нашей соседкой оказалась Алиса Бруновна Фрейндлих с маленькой Варенькой. Трудно сказать, как её угораздило приехать отдыхать во время школьных каникул. Обычно актёры избегали соседства с «пионерами». Она терпеливо сносила наше веселье. Вот ведь интеллигентный человек! И только однажды робко подошла к нам в ресторане и, извиняясь, сказала: «Девочки, одна просьба, чуть тише с 9 до 10 вечера. Варенька в это время засыпает, а как заснёт – шумите дальше, она спит крепко!» Уж не помню, вняли мы этой просьбе, или нет. Боюсь, что нет... Простите, Алиса Бруновна!

К нам в гости всё время приезжали из города подружки и друзья, ночевали вповалку, хохотали как безумные. Над чем? Вспомнить невозможно. Вообще по прошествии лет кажется, что основной эмоцией в детстве и юности была «смеховая», если это вообще эмоция. Хохотали по поводу и без, хохотали до слёз над чем ни попадя, хохотали до колик и полуобмороков! У Балашовой до сих пор не пропало это свойство – хохотать от души и по любому поводу. Иногда идём с ней в театр, подозревая, что на плохой спектакль, но не скорбим по этому поводу, а утешаем себя: «Плевать, что плохой спектакль, хоть посмеёмся от души!»

А когда мы стали постарше (ездили мы в этот зимний лагерь упорно, вплоть до старших курсов института), развлечения несколько изменились. В каминной нам разрешали устраивать танцы, и лояльная директриса лагеря, Нинель Семёновна, даже не обращала внимания на то, что мы выключали свет! Иногда она входила с подносом в полутёмную «комнату отдыха» и говорила: «Дети, быстро взяли кефирчик!» В комнате явно пахло дешёвым портвейном, но она делала вид, что не замечает. Почему-то нам доверяли и относились к нашим проказам снисходительно. Частым гостем был Боря Гребенчиков, соседями по комнате были

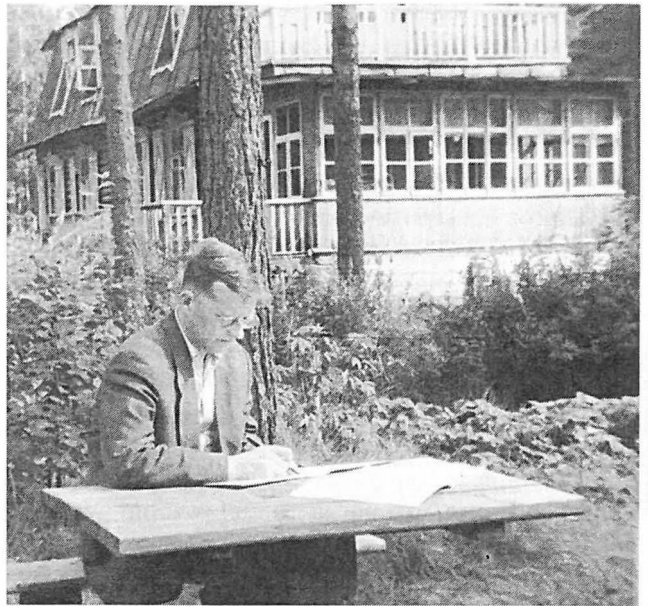
Андрей Ургант, Паша Белинский, – сын Александра Аркадьевича. При всём том мы укатывались на лыжах до омертвления конечностей, катались на санках с комаровских горок, ведущих к заливу, ездили на финских санках по льду залива чуть ли не до самых фортов! Однажды как-то резко стемнело, замело наш след, и мы еле-еле догадались, в какую сторону нам надо возвращаться. Лыжные маршруты всегда пролегали мимо Щучьего озера и кладбища. Не знали мы тогда с Ленкой, что это кладбище «приютит» наших родителей...

После того как на комаровском кладбище похоронили Анну Ахматову, оно постепенно превратилось в настоящий некрополь деятелей культуры. Впоследствии там похоронили академика Дмитрия Лихачёва и писателя Александра Володина; режиссёров Илью Авербаха, Наума Бирмана, Владимира Венгерова, Иосифа Хейфица, Зиновия Корогодского. Многие из этих людей были близкими друзьями моих родителей. Рядом похоронен Аркадий Шалолошвили, Мишин однокурсник, с которым они ух как погуляли в пору начала Мишиной известности; Мишин друг, композитор Виктор Резников (это его песню «Спасибо, родная!» Миша поёт, как личную исповедь); Аркадий Кацман, соученик моих родителей и легендарный педагог нашей театралки на Моховой, выпустивший два блестящих актёрских курса: 1979 год выпуска, знаменитый курс, сыгравший спектакль «Братья и сёстры» (Игорь Скляр, Лена Попова, Андрей Краско и также многие нынешние актёры Малого драматического театра) и следующий курс, 1983 года выпуска, сыгравший «Ах, эти звёзды», – великолепную пародию на советскую и западную эстраду. (В этом спектакле впервые блеснул музыкальными способностями Максим Леонидов, потрясаяще играли и пели Пётр Семак, Татьяна Рассказова, Ирина Селезнёва.) От этого кладбища нет тягостного, мрачного ощущения.

На могилу Кацмана частенько приезжают его бывшие студенты. Как-то Игорь Скляр, прекрасный актёр, которого страна узнала по песне «На недельку до второго я уеду в Комарово», долго не мог попасть на нужное шоссе и добраться до кладбища. Когда он выходил из машины и спрашивал у прохожих или гаишников: «Как проехать в Комарово?», они думали, что это снимают передачу «Скрытая камера», и только смеялись в ответ.

Помимо Кацмана, на том кладбище похоронено много других педагогов театрального института, практически половина преподавательского состава. Там действительно «собралась» неплохая компания. Наверное, у них и правда есть что вспомнить и о чём поговорить.

Однажды в годовщину смерти моей мамы, сразу после какого-то концерта в прибрежном доме

Дмитрий Шостакович на даче

отдыха, приехал к нам на дачу Миша. Это как раз был пик его «мушкетёрской» славы. Мы сидели на веранде, а рано утром вдруг захотелось пойти на кладбище. Идём мы по лесной тропинке обратно: Миша в шляпе и весь в чёрном, я – в дачной старой линялой кофте. Идём, мирно беседуем. Вдруг из леса выходит человек с корзинкой: из тех сумасшедших грибников, которые чуть не затемно выползают в лес, чтобы сорвать самые первые свеженькие грибочки. Человек с корзинкой вышел на тропинку, увидел нас в предрасветном тумане и замер. Мы прошли мимо, никак не реагируя, продолжая тихо разговаривать. Он смотрел нам вслед некоторое время, а потом резко развернулся и ушёл точно в том же направлении, откуда пришёл. Наверное, вернулся домой без добычи. Интересно, что сказала его жена, когда он заявил, что только что в лесу встретил д'Артаньяна?

Миша, кстати, очень любит лес и умеет собирать грибы. У него в комаровском лесу были свои места, и до сих пор наши соседи называют одну канаву неподалеку «Мишкиной канавой».

В Комарове есть места, связанные с Бродским, Шостаковичем, Улановой, Смоктуновским, Берггольц, Солженициным, Тарковским, с братьями Стругацкими. И с многими другими людьми из ушедшего «советского ренессанса». Это, несомненно, маленькая культурная столица.

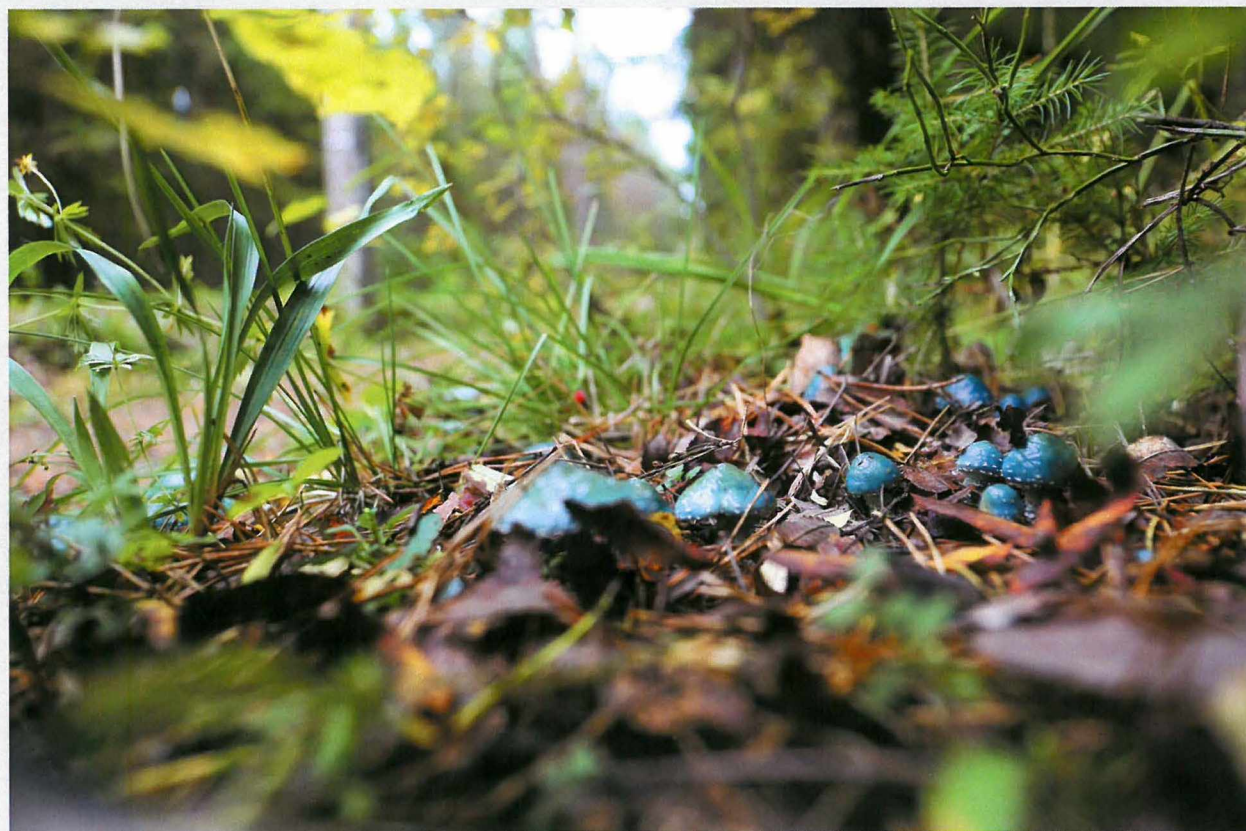
Теперь на финском взморье многое меняется. Особняки за высокими заборами отвоёвывают территорию. Разрушаются, безжалостно сносятся уникальные деревянные виллы северного модерна. Старая и новая жизнь отделены друг от друга подчас только узкой тропинкой. Они смотрят друг на друга с близкого расстояния, и своего презрения не скрывают ни те, ни другие. Комаровская аура ещё

«Беседка, где репетировала Г. Уланова» (акварель).
Май 2022 г. Худ. Н.М. Подопригора

Болотистое озеро. Фото: Вероника Undina

Комаровский заповедник. Фото: Вероника Undina

живет, но дышит всё слабее, и боюсь, может быть безвозвратно утеряна.

Но Комарово, и люди, преданные ему, сопротивляются! В 2004 году в Комарово был создан небольшой музей. Это не музей Ахматовой, это музей посёлка Комарово, который для культуры России сыграл не меньшую роль, чем подмосковное Переделкино, и даже большую, поскольку Переделкино – только писательский уголок, а в Комарове находится Дом творчества писателей и Дом отдыха театральных деятелей, Академгородок, и огромное количество частных дач самых выдающихся людей XX столетия. Поблизости, в Репино, Дом кинематографистов и Дом композиторов, в Зеленогорске – Дом архитекторов. В музее рассказывается обо всех, чья жизнь оказалась связана с Комарово: от академика Ивана Павлова, композитора Дмитрия Шостаковича, до режиссёра Алексея Германа, поэта Иосифа Бродского. Вернее, Ирина Снеговая, филолог и создатель музея (и ей, и Лене Цветковой – огромное спасибо за музей, и за всё, что они делают для Комарово!), рассказывала не об отдельных людях, а об эпохе, о Творце и власти, о комаровском «гении места», вдохновившем на творчество, на неформальное общение в тяжкие годы XX века многих и таких разных людей. Нашлось в музее местечко и для моих родителей.

Говорят, один из недавно возникших особняков, как раз по дороге на Щучье озеро, принадлежит семье Дмитрия Медведева. (То есть особняк есть, но негде взять точные сведения, чей он!) Раз так, может, он заинтересуется судьбой Комарово? Щучье озеро недавно объявили «заказником», появилась природоохранная зона «Комаровский берег». Но этого мало! Скоро легендарное место может превратиться в узкие проезды между высокими заборами...

Прогуливаясь вечером по комаровским дорожкам, мы видим как на стареньких верандах с витражами, порой оставшимися ещё со времен, когда поселок назывался Келломяки и был территорией Финляндии, зажигаются лампы под абажурами, – семьи садятся ужинать. Скандинавский прохладный воздух Комарова пока ещё наполнен удивительными флюидами, которые, раз объёв человека, уже не отпускают от себя никогда. Ещё недавно ходил по Первой дачной Олег Каравайчук, сочиняя на ходу свою странную гениальную музыку. Ходил как комаровский «дух». Удивлял комаровцев своей бесплотностью.

Комарово – самостоятельная духовная сущность. Очень хотелось бы сохранить эту жизнь, это «намоленное пространство» маленького посёлка между Финским заливом и Щучьим озером, сыгравшего не последнюю роль в жизни города и страны.

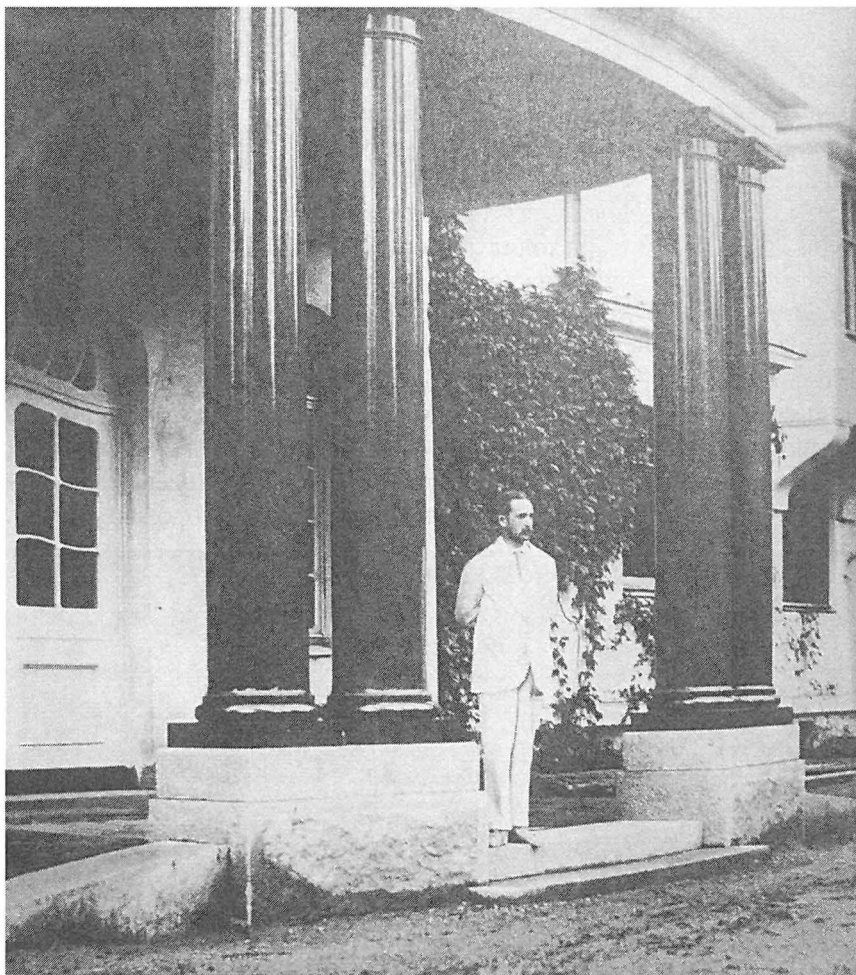

Финский залив в Комарово

Келломяки. Дача Агафона Карловича Фаберже

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СКУРЛОВ

кандидат искусствоведения, историк фирмы Фаберже

Агафон Фаберже на пороге своего загородного дома в Левашово. 1907 г.

Фото: Архив Татьяны Фаберже

Агафон Карлович Фаберже (1876–1951) – второй сын Карла Густавовича Фаберже. Женат (1897) на Лидии Александровне Трейберг, дочери петербургского купца 1-й гильдии, придворного поставщика Александра Трейберга (фирма «Александр», Невский, 11 – собственный дом, фабрика зонтиков на Канонерском проспекте). Имел с Лидией пятерых сыновей: Агафона (1898–1960), Петра (1902–1970), Федора

(1904–1971), Игоря (1907–1982) и Рюрика (1909–1978). Один из них – Федор Агафонович – отец Татьяны Фаберже (1930–2020). Семья в конце 1918 года нелегально перешла финскую границу. Лидия и пять ее сыновей пришли на собственную дачу в Келломяках. Жившие там финны (прислуга) не ожидали визита и расположились в доме по-хозяйски. Лидия была с ними очень строга. Агафону Карлови-

чу в тот раз бежать не удалось. Его задержал красноармейский патруль, но отпустил за 1000 руб.

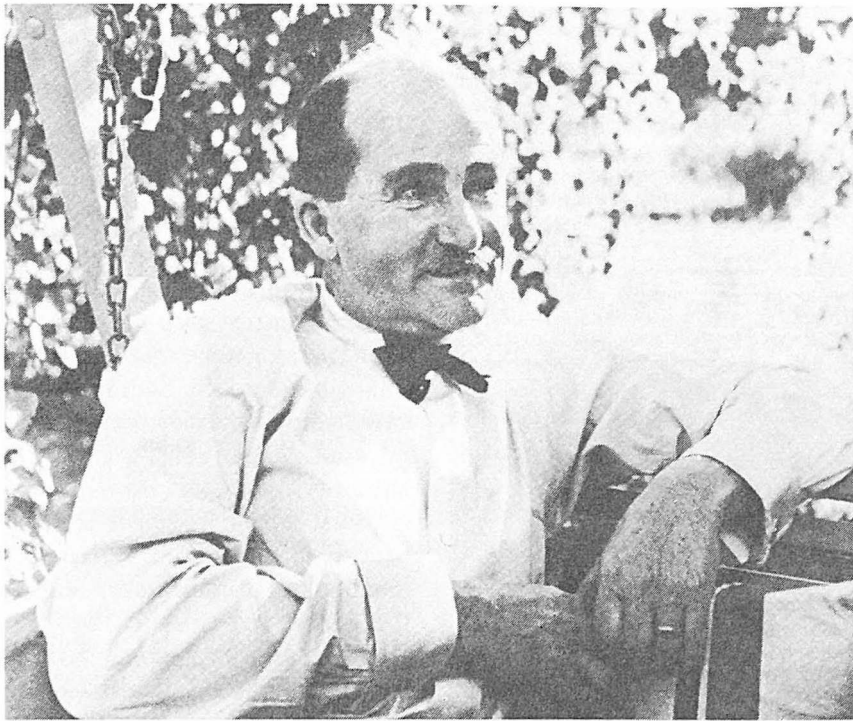
В 1931 году Лидия Александровна Фаберже приехала в Келломяки с сыном Игорем, которому было 24 года. Целью поездки была продажа дачи. В Швейцарию была отправлена вся мебель, которая разместилась в доме Лидии и ее сыновей в Женеве (дом был куплен в 1925 году, продан после смерти вдовы Рюрика в 2002 году). У Татьяны Федоровны Фаберже, сохранилось кресло с дачи в Келломяки.

Дети Агафона могли играть на пляже в Келломяки с маленьким Димой Лихачевым в 1912–1915 гг. Известно, что Агафон Карлович всегда носил с собой свои лучшие бриллианты, среди которых выделялся уникальный синий бриллиант. Как писал академик А.Е. Ферсман, Агафон носил свои коллекционные бриллианты в «бронированном кармане» (?). Именно эти бриллианты, Агафон показывал Сергею Лихачеву, отцу Димы, на пляже в Келломяки.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев на бланке председателя Правления российского Международного фонда культуры 01.06.1992 г. ответил на мои вопросы, касающиеся пребывания семьи Лихачевых в Келломяки на начале века:

«Уважаемый Валентин Васильевич!

Могу лишь сообщить Вам следующее из моих воспоминаний довоенного (до I Мировой войны) времени.

Агафон Карлович Фаберже. Хельсинки, 1936 г. Из архива Т.Ф. Фаберже

Фрагмент архитектуры здания бывшей дачи Агафона Фаберже. Фото В.В. Скурлова, ноябрь 1998 г.

Наша купальная будка стояла на пляже рядом с будкой Фаберже, но которого из них – я не знаю. С какими-то детьми я играл у своей будки. По-моему, это было в Куоккале, хотя одно лето мы жили в Келломяках.

Запомнилось следующее ВАЖНОЕ. Мой отец и относительно молодой Фаберже сидели на песке и разговаривали у наших будок. Фаберже сказал отцу, что больше всего он любит необработанные камни. Он вынул из кармана золотую табакерку и стал показывать свои любимые камни, вынимал их, разглядывал на свет.

Отец был поражен – такая ценность, а вдруг потеряется в песке?

Отец часто об этом рассказывал, и поэтому я этот эпизод запомнил. Запомнил также, что Фаберже был в светло-сером костюме (в купальных костюмах тогда не сидели и не загорали, а прятались от солнца, особенно дамы).

О сотрудниках Фаберже я ничего сообщить не могу.

С уважением

(личной подписи нет – В.С.).

Дача Агафона Фаберже. Келломяки

В ноябре 1998 г., по личной просьбе Татьяны Федоровны Фаберже мы съездили с ней на бывшую дачу Агафона в Комарово. Машину нам выделил директор АО «Русские самоцветы» А.С. Горыня. По дороге шофер, весьма начитанный петербуржец рассказал мне про повесть писателя Николая Никитина «Потерянный Рембрандт», одним из персонажей которой является

антиквар Агафон Бержере, прототипом которого, естественно был Агафон Карлович Фаберже. В повести указывалось, что Бержере с молодой женой и сыном бежал через Терриоки в Финляндию. Признаться, я этой книги совсем не знал и удивился начитанности простого ленинградского шофера.

Мы легко нашли на Морской улице дачу детского сада № 8 Василеостровского района. На

Дача детского сада № 8 Василеостровского района в Комарово (бывшая дача Агафона Фаберже, Келломайки). Фото Ольги Лариной 1984 г.

даче совсем никого не было. Мы зашли в дом, где еще стояли детские кровати с матрасами. Сфотографировались. Через несколько дней я еще раз приехал на дачу, уже выпал снег. Я позвонил директору детского сада № 8 Василеостровского района. Она мне сказала, что дача уже два года не эксплуатируется из-за запрета пожарного надзора. В марте следующего 1999 г. я с горечью узнал, что дачу сожгли бомжи. В июне того же года мы еще раз приехали туда с Татьяной Федоровной, уже на пепелище. Остался только дворовый флигель на территории дачного участка, который был

Т.Ф. Фаберже на крыльце бывшей дачи ее деда Агафона Фаберже. Ноябрь 1998 г.

Дача Агафона Фаберже зимой

не маленький, более трех гектар. С тех пор территория не освоена, хотя было много желающих ее приобрести.

Как мне рассказывали историки поселения Келломайки-Комарово, в 1930-е годы на бывшей даче Агафона Карловича был некоторое время мебельный магазин, затем жили новые хозяева. Дача пережила две войны (финскую и Великую Отечественную), что удивительно, поскольку многие дачи сгорели. Архитектором дачи (по воспоминаниям детей Карла Шмидта) был Карл Карлович Шмидт, двоюродный племянник Карла Фаберже, тот самый, который участвовал в строительстве загородного дома Карла Фаберже в Левашово (подаренный отцом в 1907 г. Агафону Фаберже) и знаменитого каменного особняка «дома Фаберже» в стиле модерн на Большой Морской улице, 24, перестроенного К. Шмидтом в 1901 году. У Карла Шмидта тоже была большая семья, шестеро детей и собственная деревянная дача в Келломайки, недалеко от дома Агафона, которая к сожалению не сохранилась.

Татьяна Федоровна Фаберже и Валентин Васильевич Скурлов на руинах бывшей дачи Агафона Фаберже в Комарово (Келломайки). Лето 1999 г.

Фото: Архив В.В. Скурлова

Комарово: взгляд из Москвы и Подмосковья

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ РУДНЕВ

критик, журналист, литературовед, писатель

Последние несколько лет каждый год в летние месяцы мне приходилось отдыхать и проводить время в писательском доме творчества «Комарово». И традиция эта стала ничем ненарушимой.

Однако Комарово я знаю ещё со времён далёких 70-х годов уже прошлого века, когда, будучи юным студентом, я посещал здесь жившую на 1-й Дачной улице свою родственницу, ленинградского медика-физиолога, одно время бывшую заместителем директора Института радиологии, Наталью Андреевну Запольскую (1911–1981), а также бывал у здравствующего благополучно и поныне, перешагнувшего 90-летний рубеж своей жизни филолога и педагога Дмитрия Лазаревича Резникова, дача которого находится в конце Большого проспекта, уже потерявшись среди современных новостроек. Дача Д.Л. Резникова, которой раньше владел его отец профессор-философ Л.О. Резников, соседствует с дачами известного литературоведа Б.С. Мейлаха, перешедшая потом к его сыну М.Б. Мейлаху, также известному филологу. Здесь же дача В.Г. Базанова, когда-то бывшего директором Пушкинского дома – их злые языки окрестили «Спас на крови» и «Спас на цитатах», а иногда их еще именовали не без некоторой ядовитости «Ампири во время чумы».

И в разное время, разные годы и десятилетия я неизменно посещал Комарово – и летом,

и в зимнюю стужу – всегда испытывая самую сердечную привязанность к этому святому, без преувеличения говоря, месту, всегда меня тянуло сюда.

С домом творчества я познакомился уже значительно позже, примерно ранней осенью 2016 года, приехав сюда по договорённости с ныне покойным директором Петром Александровичем Романовым. И так оно продолжалось и дальше, надеюсь, что будет продолжаться в дальнейшем.

Заметим, что комаровский писательский дом творчества – единственный из оставшихся и существующих поныне писательских домов творчества. Известный когда-то, буквально гремевший дом творчества в Переделкине сейчас, по существу, упразднён и там осуществляется совершенно другой, что называется, культурный проект.

По моему глубокому убеждению, Комарово имеет ничуть не меньшее культурно-историческое значение, нежели подмосковный, теперь уже московский писательский городок Переделкино, основанный, как известно, в 1900-х годах по инициативе М. Горького.

Комаровский писательский дом творчества был основан значительно позднее, в 1956 году, но имеет какую-то свою традицию, свою ауру и колорит, связанные, конечно, не в последнюю очередь с чудесной и неповторимой озёрно-финской природой Карельского перешейка, Финским взморьем, иногда,

правда, бывающим холодным и неприветливым, и конечно же, со всякого рода культурно-историческими реминисценциями. Лицо комаровского писательского пансионата, как нам кажется, ещё определяется и тем, что здесь задают тон петербуржцы-ленинградцы, что совершенно естественно, отличающиеся от более непосредственных москвичей известной долей чопорности и сдержанности, но не в негативном смысле этого слова.

В связи с Комаровым в нашем сознании неизменно возникают имена И.Е. Репина, К.И. Чуковского, жившего в молодости в соседней Куоккале, Леонида Андреева, также финляндского дачника, чьё поместье на Чёрной речке (Ваммельсу) было очень известно в предреволюционные годы и имело в писательских кругах шутовское наименование «Аванс» – Л. Андреев слыл одним из самых богатых, высокооплачиваемых писателей дореволюционной России. Нельзя не вспомнить также имена А.А. Блока, С.Н. Сергеева-Ценского, М. Горького, В.В. Маяковского, В.Б. Шкловского, а затем А.А. Ахматовой, о чём будет отдельный разговор, Д.А. Гранина, академиком В.М. Жирмунского и Д.С. Лихачёва – и имя им – легион, что называется.

Всё это и создаёт ту атмосферу, тот воздух, которым отличаются эти места и заставляют приезжать сюда снова и снова, не взирая ни на какие капризы неустойчивого петербургского

климата и переменчивой погоды. Этим местам присуще какое-то своё, даже с трудом поддающееся словесному определению очарование, которое навсегда заставляет привязываться к ним всем сердцем. И всякий раз, когда я возвращаюсь из Комарова домой, в подмосковную Коломну, я долгое время душой нахожусь там. Едва ли кто-то будет спорить с тем, что это дорогого стоит. Я много здесь встретил людей, которые стали моими самыми близкими и любимыми друзьями, по которым я постоянно скучаю и всегда от души радуюсь, когда вижу их вновь, с нетерпением этого дожидаясь.

В комаровском доме творчества по сравнению с переделкинским, мне представляется, значительно более тёплая и сердечная атмосфера – переделкинский дом творчества имел всё же какой-то более официозный и, я бы сказал, даже казённый характер. Для создания такой атмосферы много сделал не так давно ушедший из жизни Пётр Александрович Романов, что бы там о нём ни говорили его недоброжелатели, и эту добрую традицию всячески продолжает уже в новом качестве директор нынешний – молодой и энергичный Александр Багранцев, постоянно пребывающий в неустанных трудах и многочисленных заботах. Стойко борется со всякого рода неурядицами, которых там тоже хватает. А без этого подобное учреждение просто не может существовать. В советское время в доме творчества «Комарово» бывали и жили и Н.К. Чуковский, Л. Рахманов, Н.Л. Браун, позднее, например, Виктор Соснора, а в конце своей жизни – М.М. Зощенко. Существует легенда, что огромный деревянный буфет, находящийся в столовой, был подарен дому творчества именно Зощенко.

Но в первую очередь дом творчества «Комарово» связан с именем Анны Андреевны Ахма-

товой, которая на протяжении долгого времени регулярно отдыхала здесь, останавливаясь в одном и том же 12-м номере «жёлтого» корпуса, часто сжижала на скамейке напротив или в находящейся рядом беседке, которая издавна носит название «ахматовской». Сюда к ней часто приезжала из Москвы её близкая подруга Ф.Г. Раневская, одна из самых интересных и талантливых актрис советского времени, а также очень интересный и оригинальный человек, во многом ни на кого не похожий.

И так было до того момента, пока Ахматова не обрела знаменитую впоследствии литфондовскую дачу, которую она окрестила «будкой» и название это прочно закрепилось – в том же Комарово, на Озёрной улице, где, как известно, в настоящее время находятся 6 литфондовских дач, которые населяет цвет петербургской литературы во главе с В.Г. Поповым.

Нет никакого сомнения в том, что в 12-м номере «жёлтого» корпуса должен быть открыт музей великой поэтессы – и попытки в этом направлении, насколько известно, уже делались. В этом номере появилось что-то из мебели ахматовского времени, а на двери есть её портрет. Но всё это не доведено пока что до конца и там продолжают жить отдыхающие, среди которых бывают отнюдь не только литераторы, как и во всём доме творчества.

Увы, в отличие от прежних времён, ситуация в этом смысле сейчас изменилась далеко не к лучшему. Писатели в доме творчества бывают не так уж часто и не в должном количестве – в то время, как раньше в Комарово отдыхали одни писатели, что называется, эксклюзивно. Но что поделаешь, время теперь в корне изменилось и в этом смысле пока что не представляется возможным что-то поправить. Но всё же здесь бывает в основном

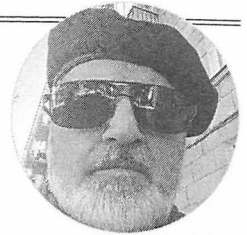
петербургская, а иногда отчасти московская интеллигенция разных специальностей, а не только случайные заезжие люди, «шашлычники», как мы их называем. И литераторы всё же там, к счастью, не редкость.

Для нас нет никакого сомнения в том, что культурная традиция в Комарово не должна прерываться – и это вернейший и первейший залог того, что дом творчества писателей, осенённый именем великой поэтессы, сохранится и будет пребывать в процветающем состоянии – к этому много усилий прикладывает Александр Багранцев, всячески приветствующий и поддерживающий, помимо всего прочего, всякого рода культурные мероприятия и начинания – здесь проводятся ежегодные гранинские чтения, в которых активно участвует, и собственно их организует, дочь Д.А. Гранина М.Д. Гранина-Чернышева, читают свои произведения поэты, прозаики и драматурги – иногда в музыкальном сопровождении, в тех случаях, когда это уместно. Неоднократно читал свои пьесы и рассказы С.В. Кочнев (Бублий), а также и автор этой статьи, который каждое лето неизменно читает в ахматовском зале административного корпуса свои драматические произведения. И это превратилось в своего рода традицию, так же, как и проводящиеся здесь в летний сезон симфонические концерты одного из петербургских оркестров под управлением известного дирижера А.Я. Канторова. Должен признаться, что в Переделкине такого давно уже не наблюдалось.

Если всё это сохранится, то тогда, по моему мнению, возможно будет хотя бы частичное «воскрешение» прежнего литературного лица Дома творчества «Комарово».

Это мое самое заветное желание.

Комаровские байки

АРСЕН МАГОМЕДОВИЧ МИРЗАЕВ

поэт, литературовед, член Союза писателей Санкт-Петербурга

■ Что такое Комарово? Наши с вами современники, жители Петербурга и пригородов, особенно, совсем юные вряд ли смогут дать сколько-нибудь вразумительный ответ на этот вопрос. Какие ассоциации вызывает «курортный поселок Комарово», расположенный, как гласят путеводители, «на Карельском перешейке в часе езды от Петербурга на красивейшем берегу Финского залива»? В лучшем случае, с комарами, в честь которых, по распространенному заблуждению, поселок и назвали: якобы Комарово – самое комариное место на всем перешейке. У большинства же сие дачное местечко вызывает какие-то смутные воспоминания о неких «балтийских скалах», «водопадах», «дюнах» и прочей голимой экзотике из знаменитой песни, исполняемой Игорем Скляром про «на недельку до второго». Кстати, поначалу я никак не мог взять в толк, какое это «второе» имеется в виду; долгое время мне казалось, что речь идет не иначе как о втором Пришествии...

Черное озеро. Фото: Вероника Undina

Подавляющему большинству петербуржцев и жителей Курортного района (особенно совсем юных) до сих пор невдомек, что до 1948 года носил поселок финское имя «Келомякки», а потом был переименован в честь академика Владимира Леонтьевича Комарова, ботаника и географа, перечисление заслуг которого перед отечественной наукой заняло бы занять не один десяток страниц.

Знали ли обо всем этом мы – совсем юные люди в 1960-х – начале 1970-х годов, проводя каждое лето в Комарове? – Куда там! – Так, слышали что-то краем уха про некоего академика (кажется, и рассказал нам о нем впервые сосед-очкарик, которого – вы не поверите! – звали Комариком), про какую-то великую старуху, совсем еще недавно жившую в даче под названием «Будка», – где-то «там, за переездом, кажет-

ся между ВТО и ДТП», – и писавшую стихи... (что за стихи у нее были – никто толком не объяснял, но говорилось всегда подчеркнуто многозначительно: СТИХИ...) Что-то еще долетало до нас – о великих актерах, режиссерах, писателях, художниках – какие-то обрывки, чьи-то несвязные бормотанья... В голове это особенно не оседало. И вообще, до того ль нам было? Да и времени не оставалось «на пустышки». Мы бродили по лесам в поисках оружия и боеприпасов, оставшихся с войны; собирали грибы в лесочке перед железной дорогой; ездили на велосипедах, а потом и на мопедах – на Финский, реку Сестру, Щучье, Красавицу; обустроивали для «настоящих мужских игр» полуразрушенные доты; вели «длительные кровопролитные сражения» (мы, «дачники», воевали при помощи палок, шишек

и всевозможных брызгалок – с «местными», коренными комаровцами); в конце концов, просто играли: в ковбоев и индейцев, в персонажей всех приключенческих книг и фильмов, в салочки, прятки, «вышибалу», «штандер», лапту, в бутылочку... Да мало ли во что еще!..

Потом мы выросли. Учились, женились, работали, путешествовали. В Комарово приезжали все реже и все с меньшей охотой. Ностальгия по любимым с детства местам сохранялась, но прежнего Комарова уже не было. Поселок менялся, разрастался, застраивался. Рядом со скромными деревянными дачами появлялись громадные, роскошные и зачастую безвкусовые особняки. Грибных мест становилось все меньше, все больше в лесах – народа и мусора...

Последний раз мы посетили страну нашего «золотого детства» лет десять-двенадцать назад, но в поселок даже не заезжали. Ограничились общением с друзьями в Доме творчества писателей. Была зима, было весело, было красиво и удивительно чисто в Комарове – всю грязь и весь мусор скрыли сверкавшие на солнце сугробы.

Весной нам никогда еще не случалось здесь бывать. Получив от редактора газеты задание проникнуть в Дом творчества и побеседовать с писателями, мы вооружились диктофоном и, обвешавшись фотоаппаратами, двинулись в путь, радуясь солнцу, весне и возможности поснимать без вспышки.

Писателей в ДТП мы не встретили. Ни одного. В Доме отдыхала группа школьников и несколько «диких» курортников. Пофотографировали мы вволю. Снимали корпуса, столовую, залы, интерьеры, собак, кошек. А вот поговорить удалось лишь с краеведом из Зеленогорска С.П. Лаптевой. Светлана Петров-

на прочла нам лекцию о «серебряном веке русской поэзии»; об Анне Андреевне Ахматовой (той самой «великой старухе»), знаменитой поэтессе, главной комаровской литературной гранд-даме, жившей в Доме и Будке, а похороненной на кладбище недалеко от Щучьего озера; об усадьбе «Мариоки» на Черной речке, где жила актриса и писательница Мария Крестовская, дочь прославленного автора «Петербургских трущоб» Всеволода Крестовского. Госпожа Лаптева – настоящий энтузиаст и подвижник. На общественных началах она читает лекции для детей в созданном директором ДТП Василием Степановичем Хаткевичем несколько лет назад Ахматовском Центре. Как нам сообщила заместитель В.С. Хаткевича, Марина Валентиновна Ефимова, в этом году Дом творчества готов принимать одновременно около 80 детей в сопровождении педагогов. Самая дешевая, двухдневная путевка стоит 650 рублей (в программу входят и экскурсии, и лекции, и даже дискотека). Есть в ДТП и трехдневные путевки (840 р.), и шестидневные. Последние предназначены, в основном, для иногородних. С этого года детскую шестидневную путевку можно приобрести примерно за 3500 р. (стоимость дороги не учитывается; в программу входят не только поездки по ахматовским местам, но и экскурсии на дачу И.Е. Репина «Пенаты», выезд в Петербург с посещением Эрмитажа, Петропавловской крепости, Исаакиевского собора, Зоологического музея, литературно-художественные вечера, занятие в бассейне и многое другое). Благодаря Марине Валентиновне нам

удалось выяснить, что и сколько стоит в ДТП. Итак, путевка (уже не детская, «по линии» Ахматовского Центра, а обычная) на сутки вам обойдется всего в 450 р., если вы без особых претензий, т.е. довольствуетесь наличием умывальника, и в 650 р. («люкс»), ежели вам необходимо иметь в комнате не только раковину, а еще и туалет с душем. Питание в ДТП вас тоже не слишком разорит: в среднем, 150 р. в день. Еда вполне сносная, калорийная, – короче говоря, «нажористая». Для Варвар и прочих ненелюбопытных приведем меню на 25 марта сего года. Итак, завтрак: омлет, геркулесовая каша, чай, бутерброд с колбасой; обед: щи, курица с рисом, салат, кисель; ужин: гуляш с гречкой, салат «здоровье» (капуста с морковью), печенье, яблоко, чай.

А что же многострадальные писатели, которых мы не встретили в ДТП? Почему их там не оказалось? Неужели же все они такие бедные? Или такие жадные (им, вроде бы, и денег-то меньше требуется, чем простым смертным – едут-то они по путевкам Литфонда, со скидками)? Все гораздо проще: зима-весна – не сезон для писателя. Он должен приехать летом и не на один-два дня, а на месяц-другой, и успеть не только написать несколько кг. пьес/романов/поэм/эссе/статей, но и с коллегами творчески пообщаться, пропуская – под гуляш с гречкой – одну-две запотевшей белой... Только после этого, как известно, и начинается настоящая писательская жизнь, и вдохновение приходит, и муза прилетает (с третьей белой подмышкой). Вот что нам поведали чуть позже по телефону отсутствовавшие в ДТП писатели.

<2004–2005>

БАЙКИ ПО ТЕЛЕФОНУ

ВИКТОР ТОПОРОВ (1946–2013),

критик, переводчик, публицист, мемуарист:

Первые секретари горкома традиционно жили в Комарове на даче бывшего шоколадного короля Бормана. Лишь Романов распорядился построить себе дачу в Осиновой Роще. Комарова он не любил, потому что там, по его утверждению, «жидовским духом пахло». Когда Романова забрали в Москву, его приемник Зайков заикнулся было о том, что ему тоже неплохо бы поселиться в Осиновой Роще, но ему велели сидеть в Комарове и не высовываться. Со скуки он решил воздвигнуть на территории резиденции шоколадного короля каскад фонтанов. Что и было сделано. Однако фонтанам не хватало воды. Поэтому на них замкнули одну из двух комаровских водокачек. В результате, Дома творчества писателей и театральных деятелей остались без воды. Поднялся страшный шум и через несколько дней фонтаны опустили, а писателям воду вернули. Зайков, однако, своей мысли не оставил. И тогда рабочие принялись прокладывать трубу к другой водокачке, расположенной в академической части Комарова. Обитатели академической части (в основном, эти были уже дети и внуки академиков, на которых академики, по известному выражению, «отдыхают») страшно всполошились, накручивали академика Лихачева за них вступить. И академик Лихачев ходил тогда очень гордый, потому что ему прислала «письмо любви и дружбы» Раиса Максимовна Горбачева, и на него была главная надежда. Он рвался в бой. Однако неизвестно, чем дело закончилось бы, но вот когда до смычки двух труб, тянущихся со стороны водокачки и дачи Бормана, оставалось всего пара метров, Зайкова тоже забрали в Москву, а Соловьев, пришедший ему на смену, о таких глупостях забыл. Это все происходило, скорее всего, в 1985 году...

Колоритной фигурой был врач Дома творчества писателей по фамилии Гурвич. Принимая больных и стараясь внушить им доверие, он говорил: «Вы не волнуйтесь, я врач очень опытный, на этом кладбище половина мертвецов – мои пациенты».

В начале 1970-х годов в Комарове появился сын Шостаковича на белой американской машине. Машину он купил в Америке на гастролях, со всеми прибабасами и наворотами, но не знал о необходимости платить за нее пошлину. Поэтому в результате с машины свинтили и систему кондиционирования, и радиоприемник с магнитофоном и, в конце концов, запасное колесо. Шикарная белая тачка в сочетании с именем сына Шостаковича, который тоже был композитором, пленила наших комаровских дам и тачка эта стала передвижным... приютом любви. Молодым

ПАВЕЛ КРУСАНОВ,

писатель, петербургский фундаменталист:

Ну, я могу рассказать о том, что делали молодые писатели в Комарове на конференции, которая была, сколько помнится, поздней осенью 1992 года. Дело было так. Сидели мы на прозаическом семинаре, который вел Валерий Попов. Туда же зашел Сережа Коровин, который жил в то время в Доме творчества и писал какой-то сценарий для Ленфильма, который, в результате, из-за смерти режиссера, так и не был востребован. Сережа поразил всех присутствующих тем что, увидев таракана (а дело было, кажется, в комнате Валерия Попова), снял с ноги тапок и стал носиться с этим тапком, шлепать им по полу, по стенам, пытаясь уничтожить вражину... После окончания этого содержательного семинара мы встретились с поэтами, немножечко выпили, а потом пошли за добавкой. Мы спешили, потому что хотелось этой добавки, а может и время уже поджимало, – тогда же магазины по часам работали – не круглые сутки. А путь нам перегородил несущийся на полном ходу огромный товарный состав. И нетерпеливый и горячий горец Арсен Мирзаев, попытался пнуть этот мчащийся в ночи состав. – Уходи, мол, с дороги нашей. Эта попытка спорить с грузовым составом привела, в общем, к перелому ноги бедного Арсена. Хотя с помощью товарищей (водку-то все-таки купили), подерживая Арсена, довели его обратно до Комарова. Он сначала вообще не желал врачебной помощи, думая, что это – так, ерунда, само пройдет. А потом мы вызвали скорую, и он покати в Белоостров. Там он со своим переломом просидел часа два в очереди в ожидании, когда, наконец, займутся его ногой. Когда терпенье кончилось, он оттуда сбежал и добрался до платформы, опираясь на какой-то сук... Так он снова вернулся к нам, на нашу дружескую пирушку. С нами еще сидели писатели Сережа Федоров, Дима Кузнецов и две юные поэтессы. Имен их не помню, но были они молоды, прекрасны и вызывали всеобщее восхищение.

отпрыскам академиков, которые ездили в то время, в лучшем случае, на «москвичах» и «победах», на отцовских «волгах», было за ним не угнаться.

Сам академический поселок Комарово, как и подмосковный академический поселок Жуковка, возник из-за страха перед американской атомной бомбой. Вспыхнувший интерес к ядерным исследованиям, которые курировал лично Берия, заставил власть проникнуться особым уважением к фундаментальной науке. Одновременно одинаковые финские домики и участки площадью в один гектар каждый были подарены всем действующим академикам – и московским, и жуковским, и питерским (в Комарове). Вот с этого и возникло Комарово как академический поселок. Когда академики въехали в свои дачи, на территории Комарова появилось двое юношей, которые обходили все дома, сообщали, что вот есть инициатива поставить на гигантской клумбе в центре академического поселка статую товарища Сталина на деньги, пожертвованные в свое время академиками, и протягивали подписной лист. Академики, стараясь перецеголять один другого, жертвовали очень крупные суммы. Молодые люди, собрав деньги, исчезли бесследно. Академики, поняв, что их обманули, обратились в НКВД. Там страшно заинтересовались этим делом, потребовали от академиков подробный отчет о том, кто какую сумму пожертвовал. Преступников НКВД так и не поймало, но сообщило академикам волю политического начальства: идея, мол, хотя и преступная, была в корне замечательной; пожертвования следует повторить и памятник товарищу Сталину – поставить. Что и было сделано. Впоследствии, когда академический поселок стал разрастаться, новые академики, а также доктора наук начали во всю строиться в Комарове. Причем те, которые имели какие-то дополнительные приработки, или хотя бы вовремя стали академиками, ставили себе дачи (скажем, академик Жирмунский), а для запоздавших или менее предприимчивых людей был построен комплекс двухэтажных домов с двухэтажными квартирами, в которые были расселены эти люди. Комплекс этот, в непосредственной близости от академической части Комарова, естественно, тут же получил название «Гадюшник». В частности, там жил академик Лихачев. Лишь в ельцинскую пору, получив какую-то крупную премию, он выстроил для своей внучки дачу поблизости на территории бывшего поселкового управления... Хотя все академики получили по одному гектару, часть из них, а именно те, которые были еще и депутатами, получили по два. Я об этом однажды, в 1991 году, сдуру, написал в «Независимой газете», причем сославшись на конкретную дачу академика Мещанинова. Через три дня после публикации этой статьи у наследников академика Мещанинова оттяпали получастка.

ГАЛИНА ГАМПЕР (1940–2015),
поэт, переводчик:

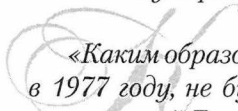

Виктор Соснора очень много рассказывал о Франции. Я только начинаю его спрашивать: «Как? Что?». А он мне: «Ты брось, – кварталы разврата есть только в Петербурге. Во Франции с этим делом все очень строго».

Потом они вот – Герман Плисецкий и он – сидят за столом (Соснора был в Париже, конечно, много раз. Его с Арагоном Лиля Брик познакомил. Он там был и знал, естественно, все пути, все дороги, как пройти туда и сюда, к Эйфелевой... А Герман никогда не был за границей. Его не только не выпускали, но и не печатали после похорон Пастернака. Но он настолько всего этого начитался... Они с Соснорой сидели, рисовали планы и спорили. И, по-моему, Плисецкий даже лучше Виктора знал, как куда пройти, хоть тоже выпивал, без коньяка за стол не садился... Вот в то время – конец семидесятых-начало восьмидесятых – дух пития там витал. Как-то Плисецкому очень захотелось выпить, а выпить-то было нечего (а Плисецкий у меня в комнате сидел, подавленный и в отчаянии), – вдруг входит Соснора и у него – треть или четверть бутылки коньяка. И он торжественно ставит бутылку на стол и говорит: «В жизни всегда есть место подвигу». И мужественно удаляется (ему ведь самому, конечно, хотелось).

ПРИЗРАК АХМАТОВОЙ (Байки не по телефону)

ВАЛЕНТИН БОБРЕЦОВ – петербургский поэт, автор нескольких поэтических книг, участник антологии «Поздние петербуржцы»; филолог. Друзьям и соратникам известно также, что Валя – это... Настя. – В ипостаси Насти Козловой (Казловой) Бобрецов – автор оригинальных стихов и рисунков, проникнутым духом черного юмора. Валентин поделился своей душераздирающей комаровской историей.

«Каким образом нормальный человек мог попасть в 1977 году, не будучи членом Союза писателей, в комаровский Дом творчества? – Да почти никаким. Началось все с того, что в 1975 году я пришел в ЛИТО Давыдова, и он, не сходя в гроб, благословил меня и сразу назначил старостой. Примерно в то же время появился там некто Миша Чистяков со своим другом Леонидом Ильичем (Ильич – отчество; фамилия в данном случае не важна). Принято считать, что анекдоты авторства не имеют. Но благодаря Ильичу у меня появился такой вот анекдот. Встречая Леонида, я с ним раскланивался, доставал бумажку и, не глядя на него, зачитывал: «Здравствуйте, уважаемый Леонид Ильич!» Рассказывать подоб-

ные анекдоты стали ближе к 1980-му году. Может быть, они возникли и независимо от моего, но приятно считать, что ты стоял у истоков... А Миша Чистяков был очень хороший мальчик, но носил комсомольский значок. Он работал инженером на заводе «Полиграфмаш», писал стихи и был членом комитета комсомола. Однажды Миша попался на глаза заведующему культурным сектором обкома ВЛКСМ, которого собирались перевести в Москву, и он искал себе замену. Чистяков подходил по всем параметрам: и комсомолец, и на заводе работает, и русский, и стихи пишет, – значит, какое-то отношение к культуре имеет. И поэтому его стали понемножечку натаскивать...

В те поры раз в несколько лет проводились всесоюзные фестивали поэзии. Выдвигались по два человека от каждой союзной республики и – также по двое – от обеих столиц. И вот в 1976 году, когда каждый руководитель ЛИТО стал выдвигать своих кандидатов, Давыдов предложил меня. К тому же кто-то из уже выдвинутых кандидатов очень вовремя запил... И вот, благодаря совместным усилиям Давыдова и Чистякова, я совершенно неожиданно для всех прошел. И поехал в Душанбе как представитель славной ленинградской литературы. Руководителями нашего семинара на том фестивале были официальный поэт Марк Лисянский и либерал (по тем временам) Петр Вегин. С последним и водочки попили, и на Джимми Хендриксе сошлись, с которым Вегин был лично знаком. Возможно, он являлся единственным на тот момент человеком из СССР, который встречался с Хендриксом. Так вот, и Лисянский, и Вегин стихи мои одобрили, заявив, что из «колыбели трех революций» вечно какое-то идеологически выдержанное и бесталанное говно присылали, а тут, мол, впервые приехал нормальный человек и хороший поэт.

В результате, стихи мои распечатали в различных и консервативных, и либеральных московских изданиях. А когда я вернулся в Ленинград, меня наградили путевкой в Комарово на льготных условиях, что вызвало, конечно, зависть и злобу у не прошедших кандидатов. Это был уже в марте 1977 года. Первая неделя в Доме творчества прошла очень весело. Приезжал ко мне разный народ. Например, Кол Черниговский, Леон Карамян, довольно известные тогда персонажи. И была еще со мной одна барышня. Назовем ее Т. А в соседнем номере жил Виктор Конецкий, с которым мы вступили в бартерные отношения. Дело в том, что Конецкий в ту пору только пил и ничего не ел. Он никогда не выходил из номера и, кажется, даже не вставал с постели. Поэтому я ходил за водкой – для себя и Конецкого, а взамен он отдавал свою еду барышне Т., а меня иногда просил стихи ему почитать.

Когда деньги кончились, и водку покупать было больше не на что, Т. уехала в город раздобывать финансы. Так я впервые остался один и мог, наконец, отдаться творчеству. Сел я писать стишков. Оказался он неважным и был впоследствии выброшен, но писался на мотивы «Каменного гостя», с упоминанием донны Анны. Дописавшись до глубокой ночи, я погасил свет и лег, собираясь отойти ко сну. И вдруг я услышал приглушенное церковное пение, и в комнату величественно вплыла седая Анна Андреевна в длинном белом одеянии. Она, неслышно ступая, плавно передвигалась по номеру и что-то тихо говорила. Слов я не смог разобрать.

Естественно, при появлении неживого человека, меня охватил ужас. Я впал в ступор и долго не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Наконец, когда Ахматова отошла в дальний угол комнаты, я сбросил с себя одеяло, метнулся к светильнику и нажал кнопку. Когда зажегся свет, поэтесса исчезла. На этом все и закончилось.

В те годы интересы мои лежали далеко от акмеизма и, тем паче, Ахматовой. Но с ней тогда, в 1976 году, была связана одна история. Я стоял возле «Сайгона» и беседовал с Иваном Дантоновичем Чежиным, тоже довольно известным в то время. И тут подошел какой-то прихрамывающий человек и сразу же включился в наш разговор. А говорили мы как раз о недавно вышедшем в «Лениздате» черном томике Анны Андреевны. Чежин нас познакомил. Это оказался поэт Виктор Кривулин. Витя проявил к книге Ахматовой большой интерес. А я был счастливым обладателем черного тома, но не слишком в этот момент его ценил и мог легко с ним расстаться. Я сказал Кривулину, что на том Пастернака из «Малой серии» я бы Ахматову поменял. Обмен, к сожалению, не состоялся.

Позднее я специально интересовался насчет Ахматовой. Выяснилось, что она не только бывала в Доме творчества, но и могла жить в том самом номере. Я не помню, в какой точно день я увидел призрак, но вполне вероятно, что это было именно 5 марта – в день смерти Анны Андреевны.

От каких-либо комментариев по поводу этого происшествия предпочитаю воздержаться.

«ТРЕПЛИВОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ» НАТАЛИИ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВОЙ

Наталию Перевезенцеву я знал раньше лишь по ее стихам. Наташа – член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор нескольких поэтических сборников. Едва ли не половина ее стихотворений посвящена родному городу. Любовью к Питеру я для себя объяснял и ее «профессиональное хобби» – неформальное краеведение (так можно условно определить жанр нескольких Наташи-

ных книг, посвященных истории Петербурга и окрестностей; одна из них рассказывала о домах, людях и жизни легендарной Пушкинской улицы, другая приглашала читателей в увлекательнейшее «путешествие по Балтийской железной дороге в старом вагоне старого поезда». Известно мне было и о том, что у Перевезенцевой есть цикл статей, посвященных поселкам Курортного района. И все же о многом из того, о чем она поведала мне во время нашей беседы, я не имел прежде ни малейшего представления.

ПОЭТ, ПРОЗАИК... ИНЖЕНЕР-ОПТИК

Родилась я в Ленинграде, а живу в Санкт-Петербурге. По своей основной специальности – инженер-оптик. Но получилось так, что я стала литератором. Мне всегда было интересно, чем жил и дышал Петербург, и в какой-то момент я стала писать книги о городе. Первая такая книга выросла из цикла передач: сначала на радио «Санкт-Петербург», потом на радио «Россия» – известные «Прогулки с Виктором Бузиновым». Книга, посвященная Пушкинской (улице, на которой я живу), называлась «Я вышла из дома». Издана она в 2002 году. Традиционное краеведение – с большим количеством дат, имен, названий – оно мне как-то не близко. Но люблю просто рассказывать истории, – не только о домах, – о людях, которые жили в этих домах, как они были связаны. А вторая книга – неформальный путеводитель по Балтийской железной дороге: от Санкт-Петербурга до Гатчины Балтийской (в Гатчину, как известно, можно проехать и «балтийским» ходом, и «варшавским» ходом). Прежде всего, это, конечно, сам Балтийский вокзал, затем – Дачное, Ульянка, Лигово, Красное Село с его богатейшей историей, Дудергоф, Тайцы, Мариенбург и немного Гатчина.

«ТРЕПЛИВОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ»

Виктор Михайлович Бузинов книги, подобные моим, назвал как-то «краеведением с человеческим лицом». Для себя я определяю это по-другому: «трепливое краеведение». Но несерьезность не означает ненаучность; я ручаюсь за приведенные факты и даты, но хотела бы рассказать об этом с массой каких-то бытовых подробностей, поскольку быт уходит. Даже когда рассказываешь школьникам о быте 60-х годов XX века, приходится объяснять некоторые понятия... Издательство «Остров», выпустившее мою книгу о Балтийской дороге, собирается издавать и другие путеводители по железным дорогам. Но мне сейчас ближе всего

Приморская железная дорога. Как ни странно, эта дорога довольно мало описана в литературе. В 20-е годы (переиздана в 30-е), выходила книга В.Л. Некрасовой «Путеводитель по северным окрестностям Ленинграда». Великолепная книга, но, по условиям того времени, издана она была в несколько сжатой форме. И все же до сих пор это одна из лучших книг, посвященных Приморской железной дороге. Я же стала интересоваться дорогой, когда писала серию статей об областных достопримечательностях для газеты «Новости Ленинградской области». Тогда я с удивлением и радостью открыла для себя: «Серебряный век» – все ездили в Курорт, Сестрорецк, Териоки. (Маленькое отступление. Как-то я решила уточнить, что, собственно, входит в Курортный район, какие населенные пункты. Смотрела карты, различные специальные сайты. В результате, выяснила: это довольно узкая полоса, которая тянется вдоль побережья Финского залива, а ее границы – за Зеленогорском и, соответственно, – уже после Ольгино).

«КАКОЙ КУРОРТ – БЕЗ БЛОКА?...»

Кстати, если уж речь зашла о Зеленогорске (Териоках), то невозможно не сказать о Блоке, о знаменитом дачном териокском театре, в котором играла актриса Басаргина (Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок). Ну, а если называть имена, то мне, прежде всего, вспоминаются Репин, Чуковский... Вообще, Курортный район имеет интересную историю, как, впрочем, и другие районы города. Но у него есть одна особенность – сюда люди приезжали, в основном, отдыхать. Да и теперь, я думаю, тема отдыха для района актуальна, поскольку и сейчас Курортный район – это система здравниц, пансионатов и т.д. Собственно говоря, наш Курорт – это ведь первый российский курорт европейского типа. Есть замечательные письма Горького о том, как он отдыхал в Курорте, какие смешные стихи он там писал и как комментировал тогдашние методы лечения. Вообще, Курорт сам по себе – место богатейшее. И не только своей природой. О Курорте писали едва ли не все известные писатели. Берешь Алексея Толстого – Даша из «Хождения по мукам», проводила лето в Сестрорецке. Именно здесь Анатолию Федоровичу Кони было предложено стать министром юстиции. От предложения он, правда, отказался. И вот Кони описывал все свои мучения и терзания по этому поводу. А сколько интересных политических разговоров велось на террасе знаменитого ресторана в Сестрорецком Курорте! Вообще, это район, о котором можно рассказывать и рассказывать... И все эти точки на карте в Курортном районе связывают две железные дороги: Выборгская и Приморская.

ИСТОРИЯ – БОГАТЕЙШАЯ!

Строились эти железные дороги в 70-е–90-е годы XIX века. И сразу же изменились близлежащие окрестности. А поскольку это места благоприятные для отдыха, то сюда начали приезжать дачники, – в основном, из Петербурга. И дачная история, связанная с этой местностью, – богатейшая. Но я бы не хотела сейчас называть имена, выдавать тайны... И ведь существует еще история этих мест с точки зрения финнов. Вы знаете, есть такие «горячие финские парни», которые и сейчас считают, что Карельский перешеек должен принадлежать Финляндии. Ну, мы, конечно, так не думаем, но финский элемент на этой территории необычайно интересен: как, к примеру, происходило общение между русскими и финнами? Они и жили-то порой в одних и тех же поселениях. Вот та же Райвола (Роцино). Правда, это уже Выборгский район, но она находится почти на самой границе с Курортным районом. Существовали одновременно и финская, и русская Райвола. Любопытно, как здесь соседствовали финский элемент с русским, как происходило «смешение языков». Надо сказать, собственная культура ярче всего проявляет себя на границе с чуждой. Самый яркий пример – финско-шведская поэтесса Эдит Сёдергран, которая в то же время – и часть русской культуры.

СОЗВЕЗДИЕ ИМЕН

Насколько мне известно, в Курортном районе есть замечательные краеведы, но, к сожалению, практически не появляется новых книг. Были отдельные издания, посвященные Сестрорецку, Зеленогорску, но они выходили, кажется, еще в 1970-х годах. А книг о Курорте в целом вообще не появлялось.

Если все же нужно назвать какие-то значимые имена, то можно сказать так: Сестрорецк – это Петр Первый, Зоценко; ну, и еще – история нашего оружейного дела, знаменитый Сестрорецкий завод, где сохранилось очень многое, завод этот представляет огромный интерес с точки зрения промышленной архитектуры. Териоки – целое созвездие имен, начиная с того же Репина. Ну, и комаровский Дом творчества: Евгений Шварц, например, не говоря уже о других писателях, которые прошли через этот Дом. Круг имен очертить довольно сложно. Мне очень хотелось бы рассказать и о П.А. Авенариусе, строителе Приморской железной дороги (сохранилась его великолепная дача на территории военного санатория в Тарховке). Это человек, благодаря которому была построена не только дорога, но и вообще, Курорт. Но невозможно рассказать сразу обо всем. А жаль...

ЛЭП в сторону Зеленогорска. Фото Вероника Урсова

Прогулки с Гранинным

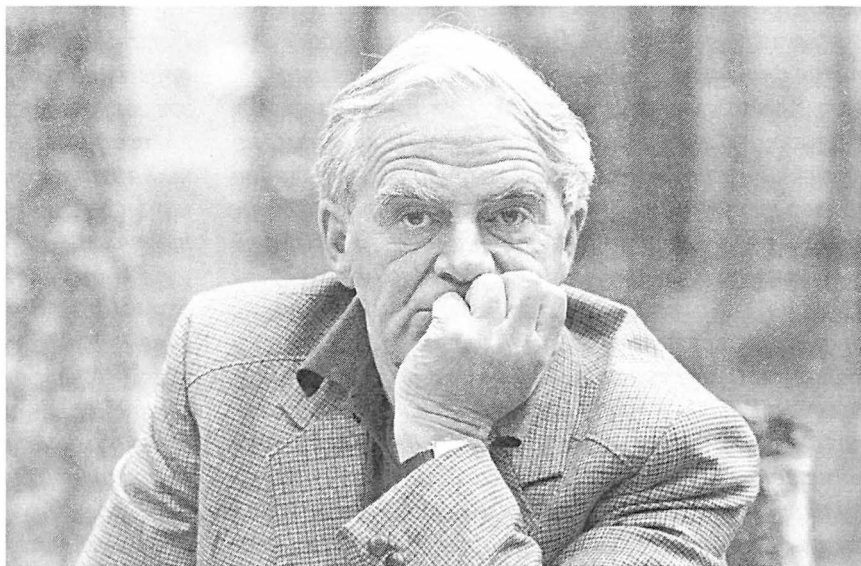
ФЕЛИКС МОИСЕЕВИЧ ЛУРЬЕ

писатель, историк, искусствовед,

член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Петербургского ПЕН-клуба

Мы знали друг друга давно, ему обо мне говорила Т.К. Галушко. При встречах раскланивались, познакомились в 1997 году. Он пришел к нам в литфондовый домик без приглашения. Почти с порога спросил, сколько раз я переписываю свои тексты. Оказывается, он мучился тем, что Хемингуэй переписывал до двадцати раз, а он – всего лишь семь. Мы быстро подружились. В Комарово встречались два-три раза в неделю, подолгу гуляли, в городе – один-два раза в месяц, иногда у него, иногда шли к кому-нибудь, чаще просто гуляли.

Прогулки по Комарово были особенно хороши. За многие годы Даниил Александрович исходил поселок вдоль и поперек. Маршруты прогулок прокладывал он. Летом, в субботу или в воскресенье, в отличную солнечную погоду, гуляя два-три часа, можно никого не встретить. Иногда за заборами слышатся шорохи, приглушенные голоса, ото всюду струится аромат свежести, неосознанная радость. Мы не раз говорили об особой, неповторимой комаровской ауре. Объяснение ее у нас не получилось, есть что-то неуловимое, чего мы никогда не узнаем. Рядом Репино, Зеленогорск – абсолютно не похожи на наше Комарово. Два лета с женой жили в Репино на даче друзей, отличные условия, полная свобода, тишина, скучали, даже тосковали. В Комарово – никогда, не нужны никакие развлечения. Даже воздух в Комарово другой. И библиотека наша особенная. Дом родной. Душа библиотеки – Е.А. Цветкова, делает много больше своих обязанностей.

Даниил Александрович Гранин

Разговаривать с Даниилом Александровичем всегда было интересно, интересны его вопросы, еще интереснее ответы. В 2002 году я закончил книгу «Блистательный Петербург». Спросил его, о чем написать, что перенесло бы читателя в XVIII или XIX век. Тотчас получил отличный ответ: «Напишите об исчезнувших звуках и запахах». Если я увлекался, задавал много вопросов, он жестко протестовал. Даниил Александрович умел и любил слушать, предпочитал задавать вопросы, чем отвечать на чужие, рассказывал о себе, о чем-либо редко и немногословно. Он был членом президентского совета, и об этом никогда не говорил. Один лишь раз сказал, что наедине с Ельциным посоветовал ему сменить позорившего его военного министра. Несколько раз вживую слышал его выступления. Всегда производили впечатление. Был потрясен его речью в Бундестаге 27 января 2014 года, потрясены

были и немцы, многие плакали. 90-летний ветеран говорил 40 минут. Прежние противники аплодировали стоя.

В городе, когда договаривались идти гулять, встречались у ворот его дома. Он никогда не заставлял себя ждать. Шли на Каменный или Крестовский остров, на Марсово поле, в Летний сад, по Васильевскому острову, около Стрелки, куда в конце царствования Петр I с Троицкой площади перенес морской порт. Там сохранились некоторые постройки первой четверти XVIII века. В городе больше говорить приходилось мне. Во время длительных прогулок всегда шли пешком, не припомню, чтобы садились отдохнуть. На обратном пути близ его дома заходили в кафе, платили наперегонки.

В 2004 году напротив метро «Горьковская», на Кронверкском проспекте, разговор зашел об Итальянском (Европейском) Ренессансе. Даниил Александрович

спросил, не хочу ли подготовить новое издание «Образов Италии» П.П. Муратова? Когда Муратов писал эту замечательную книгу, Италия была другой. Он годами жил на Апеннинах, исходил и изъездил все. Для комментариев требовалось повторить его маршруты. Невозможно. Но этот разговор имел последствия: сел писать книгу о Флоренции. Недавно вышло третье издание.

Предпочитая слушать, Даниил Александрович был превосходным рассказчиком, тонким, остроумным, ироничным. Анекдоты рассказывал артистически, слегка подыгрывая жестами, мимикой, интонацией. Мое их повторение никуда не годится. Прихожу к нему, сидит на веранде, рядом коляска с двухмесячной правнучкой Сонечкой, сосредоточенно разглядывающей потолок. Хорошо отрепетированным трагическим голосом Даниил Александрович обиженно говорил: «Не хочет со мной разговаривать».

Пошли гулять, подходим к девушке, продающей фрукты. Даниил Александрович спрашивает, хороши ли яблоки. Продащица отвечает, что хорошие. Гранин ей: «Покажите лицом». Девушка изображает кислую гримасу. Думаю, продащица знала, что он от нее хочет. Даниил Александрович до мелочей продумывал все, и всегда – никаких экспромтов.

Он тщательно выбирал темы для будущих книг, мне кажется, ни разу не ошибся. Звонит, просит не откладывая зайти. Захожу, протягивает толстую папку с рукописью романа «Вечера с Петром Великим», волнуясь, срывающимся голосом просит срочно прочитать. Волнение понятно: любой писатель опасается понижения планки нового произведения в сравнении с предыдущим. Прочитал, возвращаю рукопись, волнуется еще больше, в прихожей спрашивает: «Ну, как, можно читать?» Таким волнующимся

Марсово поле

я его ни до, ни после не видел. Дважды ходил на презентации этой книги, выступал, хвалил. Работая над романом, Даниил Александрович использовал все доступные печатные источники, их чрезвычайно много, посещал архивы. К «Вечерам с Петром Великим» можно было бы дать подзаголовок: «Документальное повествование». Его роман выгодно отличается от творения А.Н. Толстого «Петр I», сообщавшего читателям, каким наше правительство желало видеть первого русского императора. У Гранина Петр I живой и правдоподобный.

И позже Даниил Александрович продолжал заниматься

Летний сад

Петром I. Наряду с литературой о нем, он внимательно следил за выходом книг наиболее талантливых современных писателей. Дал ему капитальный труд известного историка А.В. Островского «Солженицын: Прощание с мифом». Узнав, что я знаком с автором, попросил от его имени пригласить Александра Владимировича к нему в Комарово. Как известно, Гранин – единственный воздержался при голосовании об исключении Солженицына из Союза писателей. Втроем сидели у него на веранде. Даниил Александрович вспоминал, как на него давили, требуя, чтобы он покался в «воздержании», как перестали печатать и выпускать за границу, как на просьбу пощадить Гранина Суслов ответил, что не знает такого писателя.

Еще один человек, с которым я познакомил Гранина – Рафаил Шоломович Ганелин, член-корреспондент Российской академии наук, крупнейший историк. Я знал трех выдающихся рассказчиков: А.М. Панченко, Р.Ш. Ганелина и профессора Б.В. Аврина. Говорят, блистательными рассказчиками были Н.С. Тихонов и В.Б. Шкловский. Я ранжировал Ганелина вторым. Рафаил Шоломович предполагал говорить о легенде, будто Сталин встречался с Гитлером

Даниил Гранин с женой Риммой Михайловной

незадолго до начала войны. Даниил Александрович твердо заявил: «Нет, мы будем говорить о другом». Обсуждали причины и последствия «Ленинградского дела». Именно эта тема его тогда интересовала.

Даниил Александрович не был лишен честолюбия. Всплески честолюбия удовлетворялись им следующим образом. Он с удовольствием ходил на Сытный рынок – его там узнавали. Особенно нравилось ему, когда продавец брал с него за покупку ниже цены (не из-за денег). Однажды уже купивший возмутился, почему ему только что продали дороже, чем Гранину. Распираемый гордостью продавец ответил: «Вы что, не видите, кто это?!» Даниил Александрович был счастлив. Несколько раз слышал от него этот рассказ. Сижу, читаю С. Цвейга, в голове вертится мысль: «Какой же я дурак и бездарь в сравнении с ним». Звонит Даниил Александрович, зовет гулять. Идем, спрашиваю его: «Бывали ли у вас мысли, что он глупец и бездарь?» Даниил Александрович останавливается, смотрит на меня жалостливо и с удивлением спрашивает: «Что за ерунду вы несете?»

Не припомню, до какого возраста Даниил Александрович ходил на Щучье озеро, кажется, купался и после своего девяностолетия. Он обладал редкост-

ным здоровьем. За несколько месяцев до его кончины дал ему читать первую главу своих воспоминаний. Обругал, я переписал заново. Нечастое свойство его организма: он с годами становился интереснее, значительнее. Предполагаю, что это отражение постоянной напряженной работы.

Римму Михайловну, жену Даниила Александровича, знал состарившейся, обремененной болезнями. Она мне казалась более открытым человеком, чем муж. Помню ее красочный рассказ о приезде в Комарово Виктора Платоновича Некрасова, не всегда воздержанного к водке. Даниилу Александровичу ее рассказ с некоторыми подробностями явно не нравился. Он молча нахохлился, пыхтя под нос. Даниил Александрович волновался

о ее здоровье, трогательно о ней заботился. В городе звонит, просит прийти. Встречаемся, первая фраза: «Римма умерла, об этом говорить не будем». Та прогулка прошла в молчании.

Писательская братия особенно склонна к проявлению жгучей, испепеляющей зависти к ближнему и неистребимой потребности в распространении сплетен. Каких только небылиц не наслушался я про гранинскую дачу, про ее владельца, про многое другое. Дача его скромная, советская, построенная на заработанные деньги, этим и хороша, нормальному человеку ни больше, ни меньше не нужно. Я – владелец двухкомнатной кооперативной квартиры в Академическом поселке, вся площадь – 33 квадратных метра, другой мне не надо. При ком-то Даниил Александрович сказал, что пришел к Феликсу в его «халупу». Про халупу тотчас донесли. При очередном его визите встречаю приветствием в своей халупе. Посмеялись.

За месяц-полтора до кончины Даниил Александрович позвонил, попросил приехать. Сидели минут пятнадцать, он трудно говорил, начал впадать в дремоту, я понял, что пора прощаться, он улыбнулся, сказал, что скоро переедет в Комарово и мы оба замечательно погуляем. Есть о чем поговорить.

Надгробие Граниных в Комарово

Центральные ворота Комаровского кладбища

Надгробие Александра Моисеевича Володина.
Русский драматург,
сценарист и поэт

Надгробие Наума Борисовича Бирман.
Советский режиссёр театра и кино,
сценарист

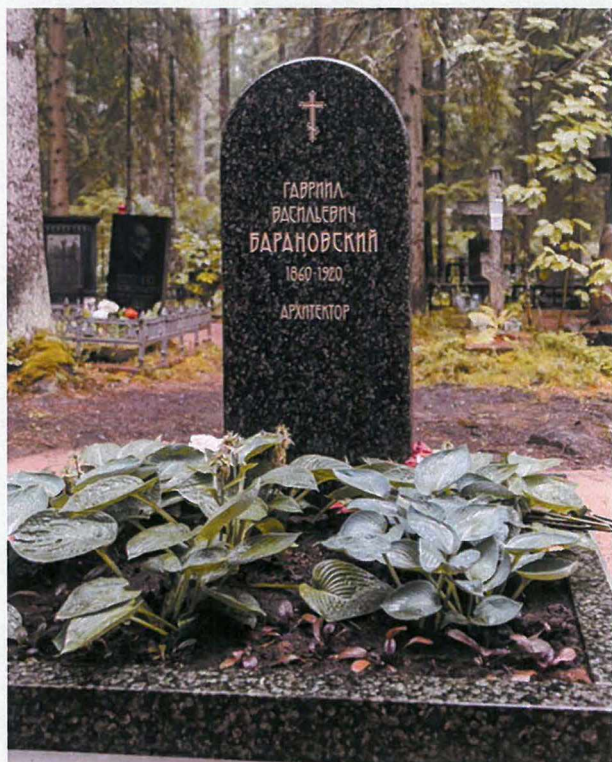
Надгробный памятник семьи Лихачёвых.
Дмитрий Сергеевич Лихачёв – Советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор. Академик АН СССР. Член Союза писателей СССР

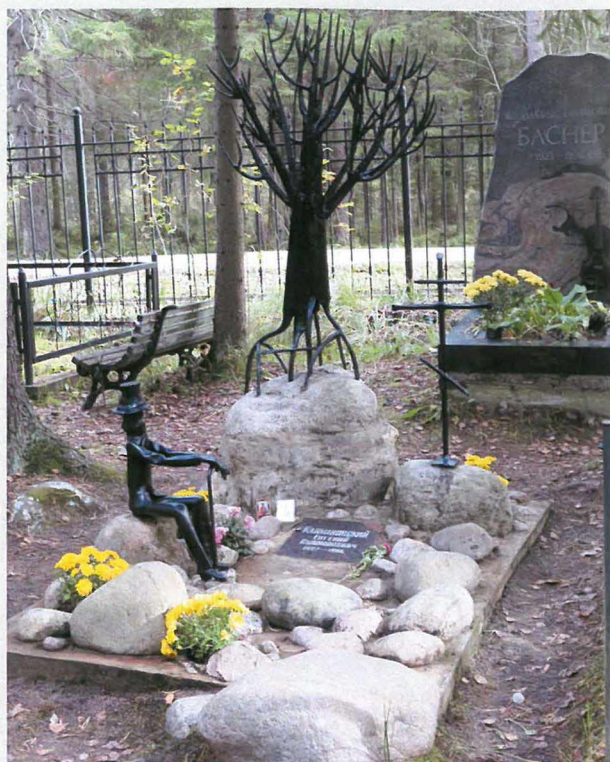
Надгробие Татьяны Михайловны Вечесловой.
Балерина

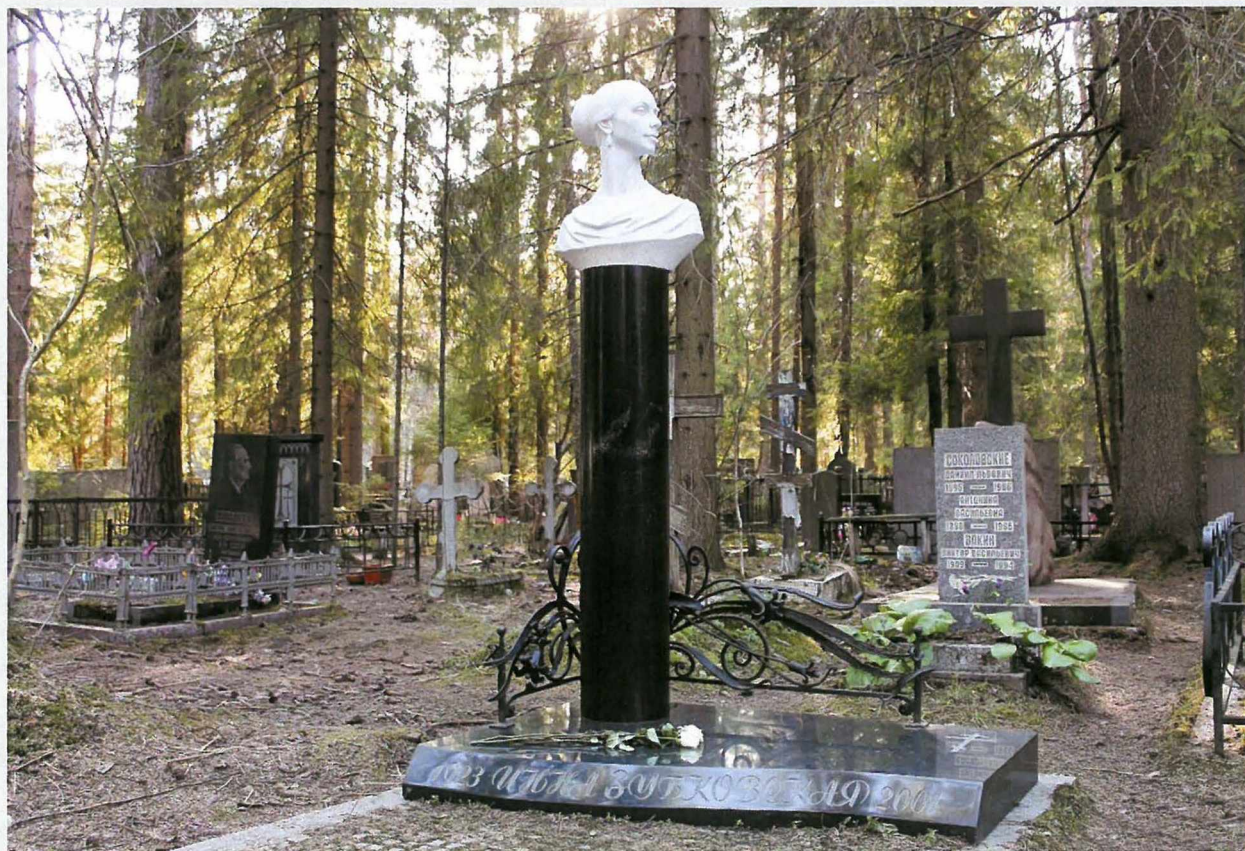
Надгробие Иосифа Ефимовича Хейфица.
Кинорежисер

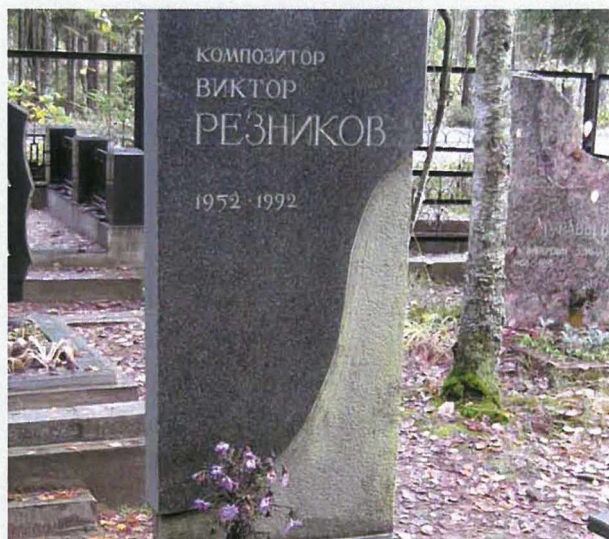
Надгробие Гавриила Васильевича Барановского.
Русский архитектор, гражданский инженер,
искусствовед и издатель

Надгробие Евгения Соломоновича Калмановского.
Литератор

Надгробие Инны Борисовны Зубковской.
Артистка балета и педагог, профессор. Народная артистка РСФСР

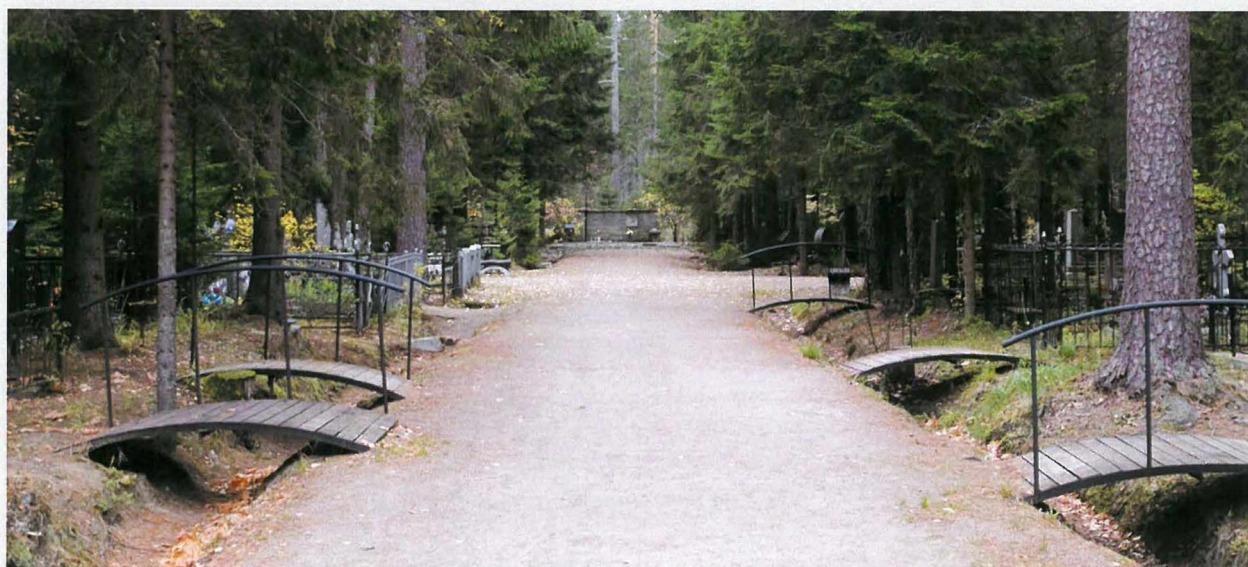
Надгробие Виктора Михайловича Резникова.
Советский и российский композитор,
поэт-песенник, исполнитель

Надгробие Андрея Ивановича Краско.
Советский и российский актёр театра и кино,
телеведущий

Могила Нины Николаевны Ургант.
Советская и российская актриса театра и кино

Аллея Комаровского кладбища

ДОЖДЬ НЕ ШЁЛ, А СТОЯЛ НАД ПОСЁЛКОМ...

(Из последней книги «Складни»)

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДМИТРИЕВ
поэт, член Союза писателей Санкт-Петербурга

* * *

Дождь не шёл, а стоял над посёлком,
нависал, как дырявая сеть.
На промокшие сосны и ёлки
из окна было зябко смотреть.

Значит лето прошло, не иначе.
Так чего же я делаю тут?
Опустели зелёные дачи.
Поразъехался пишущий люд.

В щели домика холодом тянет.
Здесь навряд ли бы выжил без дров
выдающийся русский ботаник,
академик В.Л. Комаров.

Даже шишки, слетая на землю,
издают неестественный всхлип
Я любую погоду приемлю,
только с этой, по-моему, влип.

Ни Попова, ни Штемлера нету.
И появятся скоро не вдруг.
Значит осень. Закончилось лето
и пора уезжать в Петербург.

* * *

А дым струится до небес –
всё выше, выше...
Как хорошо построен лес –
ни стен, ни крыши, –
сплошные окна в три ряда
и все раскрыты.
Смотри – звезда, ещё звезда –
зажглась в зените.
Да, вся бесстрашие, полёт –
горит, мерцает,
и наши судьбы наперёд
прекрасно знает.

* * *

Жене Татьяне

Девочка на самокате,
мальчик на велосипеде
не спеша куда-то катят,
не спеша куда-то едут
вдоль по берегу, по краю
серебристого залива,
нас почти не замечая,
медленно, неторопливо...

Впереди конец июля.
Позади макушка лета.
Прокатили, промелькнули...
Почему я вспомнил это?
И залив, и тёплый вечер,
и прогулку между сосен –
Этот мир такой беспечный.
Там ещё не скоро осень.
Там я счастлив. Не иначе.
И для грусти нет причины...

Поздно вечером на даче
задремлю – всплывёт картина,
где опять куда-то едут,
растворятся в закате
мальчик на велосипеде,
девочка на самокате...

КОМАРОВСКИЕ ...

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА АНИКИНА

*поэт, прозаик, переводчик, критик, редактор,
член Союза писателей Санкт-Петербурга*

КОМАРОВСКИЕ ЯБЛОНИ

Здесь яблоки рождаются каждый год,
наполненные матовым сиянием:
им в лица дышит низкая луна.

Я ночью шла, а яблоки во тьме
над сонною землею невесомо
раскачивались в воздухе, как лодки,
как рыбы с серебристой чешуей.

И ветер напряженно замирал,
когда в его ладони погружались
тяжелые, молочные плоды,
и запахом бесстыдной бледной плоти
напитывался выдох мой и вдох,
и тот порыв, бессмысленный и жадный,
как всякое желанье обладать,
и хруст сведенных судорогой скул,
и – белой вспышкой впрыснутый под кожу –
короткий миг, отчетливая боль.

Держи меня, шершавый и горбатый,
усталый ствол о тысяче ветвей,
держи меня, прозрачный черенок,
короткая, сухая пуповина.

Раскачивай над листьями слепыми,
над муравьиным шорохом травы –
еще один твой матовый фонарик,
еще один латунный колокольчик,
зажатый крепко в маленькой руке.

БЕСЕДКА

Перешагну порог – и надо мной
беседки старой зонтик жестяной.
И свежий дождь, по-августовски спелый,
покатится на гулкий, ржавый щит,
притихнет лишь – и снова застучит
по крышке гробовой, окаменелой.

И древнею напитана бедой,
и молодой напоена водой,
земля откроет поры корневые,
и хлынет под непрочный мой навес
сырая мгла, которой дышит лес,
и мертвые деревья, и живые.

И станет он невидим даже мне,
тот, кто со мной сейчас наедине
под взглядами соснового конвоя...
Мелькнет над лесом рваная строка,
и дождевая черная рука
в беседке нас укроет с головою.

КОМАРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Хоронили писателя в три, но уже в полвторого
к поезду, с которого можно попасть в Комарово,
подтянулись тяжёлые лексусы – что катера,
перед узким проливом толпились и тихо качались.
Поезда пробегали, кричали своё, не печалься,
ибо смерть беспечальна, когда ей приходит пора.

Кто попроще, тот ехал сюда электричкой с Финбана,
кто собрался с утра, кто – поднял своё тело с дивана,
пересилил себя, отыскал, перебрав гардероб,
чёрный плащ или чёрный пиджак, не надёванный сроду,
и поплёлся с морской стороны, проклиная погоду,
на Господню делянку, глядеть на писательский гроб.

Шли родные, чужие, случайные, важные люди,
кто читал, не читал, кто читать уже больше не будет,
и деревья качались, подобия паникадил.
Шли живые писатели, те, что пока помоложе,
в вековом лабиринте кладбищенских узких дорожек
примечая ревниво пустые места меж могил.

БРЕДУ К ЗАЛИВУ В КОМАРОВО...

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ БОЙЦОВ

*поэт, доцент кафедры философии и культуры
Российской Академии художеств, кандидат философских наук*

Бреду к заливу в Комарово,
Среди машин неверен шаг,
За домом дом, за словом слово,
Не заблудился бы, дурак.
Куда ни ступишь, всюду тени
Кружат без бабушки с косой,
И раз в неделю новый гений
Летит в ларёк за колбасой.

У них ключи или отмычки
От опечатанных дверей,
Не прочитаешь без привычки
Столбцы забытых словарей.
О тени, тени! Слова ради,
Просить кого из вас? – Тайком
Открыть мне мудрые тетради.
А то, останусь дураком.

КОМАРОВО К.43

Есть в Ахматовской деревне
Краше всех земных даров
Говор подлинный, напевный
У дворян шести дворов.
Чудом выжившие братцы
Среди питерских трущоб,
Вас, наверное, двенадцать,
Тех, что с голосом ещё.
Погорюем слова ради
За писательским столом,
В новом русском Цифрограде
Смыслы слов идут на слом.

В Петербурге в Комарово,
До Финляндии чуть-чуть,
Ни без хлеба, ни без крова
Есть писательская чужь.
Промышляет, сколько может,
Словоподданный народ;
Кто на вид как ангел божий,
Кто совсем наоборот.
То в стихах, а это в прозе,
Но всему товарный срок –
На писательском привозе
Время пробует на слог.
По читательской причуде
Новый – глуп, вчерашний – стар.
Очень редко был и будет
Первой свежести товар.

Мы приедем до второго
Появления Христа
И поплачем в Комарово,
Как Мария у креста.
За разбитую до крови
Морду русского стиха,
Своего ещё во слове,
Плохо, что не без греха.

Перед храмом у порога
Стихотворцев сколько здесь?
Посвящённых так немного,
Да Иуда тоже есть.

В Комарово жить забавно,
Ну до слёз, – как лечь в строку
Поэтессы самой главной
В бывшем, прожитом веку.
Брат-залив как лес и домик,
Бывший финский, обрусел.
Сердце, с кем ты на пароме
В приграничной полосе? –
Бог – судья, но людям тоже
Мёртвых хочется судить.
Век прочтён, а новый сможет
Что-то вечное родить?
Жизнь по дням мелка в забаве,
Ночь слезами глубока,
Толчя на переправе,
Всем от ночи до денька.

КОМАРОВСКИЕ ПРОГУЛКИ

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ИЛ'ЮХИНА
поэт, член Союза писателей Санкт-Петербурга,
член Союза Российских писателей

ДАЧА ТОМАРСА

Сосны смолистые, розовый дым, Колокольная горка.
Шелесты, запахи близкой беды, но не больно, не горько.
Белые зонтики, свет кружевной, самовар на веранде...
Если все это еще не со мной, то с кем, бога ради?
Водит рассеянность бледными пальцами – Томарс играет.
Кружится музыка над постояльцами дачного рая.
Дети хохочут, качели плетеные, небо горящее.
Всё, что на свете чужое и темное – ненастоящее.
Счастье, – казалось бы, неугасимое, – тлеет и тает.
Мертвая бабочка, ветром носима, летает, летает.

* * *

Сентябрьский луч зажгёт цветные стёкла,
дома в поселке сонны и пусты.
Как старички, прижавшись к стенке теплой,
на солнце млеют поздние цветы.

Когда бы можно было жить, не зная,
что мир намного больше и грустней,
чем ёжики в траве, тропа лесная,
пенёк в опятах, дятел на сосне.

Не сетовать, что резвые потомки
вконец разворотили колею.
Закрывать глаза – и проскользнуть по кромке,
бомжом предзимним волоча в котомке
нехитрую вселенную свою.

КОМАРОВСКИЕ ПРОГУЛКИ

Здесь то горка, то озеро,
эти ярве и мяки,
и оранжево-розовый
свет, неяркий и мягкий,
за стволами сосновыми
от шоссе до залива,
нас морочит, и снова мы
бродим неторопливо,
словно в храме с колоннами,
что смолой мироточат,
и вполне просветленными
возвращаемся к ночи
на участок старателей
Комаровского лета –
наше гетто писателей,
токовище поэтов.

ОСЕННЕЕ, ДАЧНОЕ

Небо серой затянуто ватой –
Бог жилище свое утеплит.
Тишина. Только яблоки падают,
будто тукает сердце земли.
Сладко мне – между прошлым и будущим,
с привиденьями накоротке, –
шебуршиться в дому обезлюдевшем
позабытым жуком в коробке.
И в награду мне, скитнице-бражнице,
не приемлющей осень в расчет,
солнце яблочным боком покажется –
словно что-то возможно ещё.

УЖИН НА ТРАВЕ

Скатилось солнце с Колокольной горки,
алеют сосны в медленном огне.
Мы, сгрудившись в траве вокруг скатёрки,
как воробьишки в солнечном пятне,
чирикаем, восторженно щебечем,
клюём закуску, песенки поём.
Но тень уже нас трогает за плечи –
бессмертных нас в неведеньи своём.
Глядишь, и залюбуется Всевышний,
и в сердце надвигающейся тьмы
оставит свет, а в нём – коньяк и вишни,
и маленькие солнечные мы.

* * *

Куда бы нынче ни брели вы
в осенней хмари Комарова –
здесь все кончается заливом,
где пахнут тиной валуны,

где с колокольчиком тоскливым
ходила по цепи корова,
священна и неприхотлива,
вдоль мелкой пенистой волны.

Ни Канта, ни императива.
Её скелет известняковый
все лижут языки залива
под звон бубенчика луны.

А ветер носит сиротливо
никем не слышимое слово...
Любите нас, пока мы живы,
не лживы и не холодны.

НА МОГИЛЕ АХМАТОВОЙ

РОМАН ГЕННАДЬЕВИЧ КРУГЛОВ

кандидат искусствоведения, доцент, секретарь Союза писателей
России, поэт, писатель, переводчик, критик, исследователь искусства

«Белка песенки поёт...»

А.С. Пушкин

НА МОГИЛЕ АХМАТОВОЙ

По вертикальному стволу
Нисходит яркий зверь –
В горизонтальной смерти мглу
Не верится теперь.

То легким росчерком хвоста
Объединит миры,
То в землю шепчет что-то там,
Ладонью рот прикрыв,

Мгновение сидит ещё,
Вновь в небеса бежит...
И жить на свете хорошо,
И хорошо – не жить,

Эпохи шив своей судьбой
В невидимую сеть
И между небом и землёй,
Как белка, песни петь.

Помнишь, мы с тобою шли на озеро
В день рожденья лягушачьих орд?
Вся дорога прыгала, елозила
Россыпями ювелирных морд.

Медленно, под ноги глядя с трепетом,
Обходя несчастных лягушат,
Пропустили радугу над берегом
И двояковыпуклый закат.

Вязкой грязью осторожно хлопая,
Лес не увидали по пути.
Мы щадили крохотное, хрупкое.
Мы хотели правильно пройти.

– Я плеск волны. Я есть на самом деле.
Предрешены в моем мгновенном теле
Все брызги, и мельчайший пузырек,
И то, как я пошевелю песок.

– Я трубчатый тростник. Зеленой жаждой
Мой корпус полон; в пустоте, во тьме
Звучит немолчно мысль обо мне
И воплощается в колене каждом.

– Я человек. Кругом тростник и волны –
Нет, очевидно, смысла на земле...
Хоть скоро смоет и песок холодный –
Снимаю обувь, оставляю след.

Строит воздушные замки паук,
В них и живет.
Сам из себя, точно доктор наук
Что-то плетет.

Ель наряжает. Транжир, сибарит
И казначей,
Он то на нитке висит, то царит
В центре лучей,

Но не летает, – он только паук,
Зодчий седин.
Я ведь такой же. Мой маленький друг,
Ты не один.

Солнечная полянка
Жуткая, как приманка.
Птичьим трещаньем жарко,
Звонко натоplen лес.
Чья-то большая сила
Смотрит в упор в затылок,
И стрекоза застыла
В пристальном хрустале.

Смолкла хитро сорока,
Навострена осока,
Сладко и плотно соткан
Солнечный сон земли...
Кто за спиной? Осины.
Знаю, что я один и
Собственной паутины
Пленник и властелин.

Из изумрудной чаши,
Как из последней чаши,
Ужас быть настоящим
Мне заглянул в глаза.
Птицы и ветви в выси,
Снизу грибы и слизи,
Всюду пространство жизни
И неизвестность – за.

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ АХМАТОВ
поэт, критик,
член Союза писателей России

«КАКАЯ ТИШЬ, КОГДА С УТРА»

* * *

Какая тишь, когда с утра
За стол рабочий сядешь рано.
Вот хрустнул череп комара
Под пальцами, а вот упрямо

До сотрясения мозга шмель
В стекло бьет головой пушистой...
И тополиная метель,
И полный штиль бумаги чистой.

Какой неслыханный провал
В сырую плоть бумаги белой.
Я только нынче осознал
Свое писательское дело

Продуктом чуткой тишины
Внутри, равно как и снаружи,
Где даже шорохи важны,
А грохот музыки не нужен.

Стихи – не музыка и не
Поставленное в рифму слово,
Стихи – лишь тишина во мне,
Посредством чтения вполне
Из текста созданная снова.

* * *

Мои стихи из сора не растут.
Они растут, скорее, из позора,
Из воспаленной совести. Измором
Они меня, как правило, берут.

Что одуванчик или лебеда?!
Для хищных строчек нету лучше яства,
Чем на душе измучившейся язва,
Чем сердце сокрушившая беда.

* * *

Я как-то гостил у поэта
В глубокой таежной глуши.
Он раньше был баловнем света
И судьбы чужие вершил.

Его я однажды за чаем
Спросил: «Вы известный поэт,
Мы вас полстолетья читаем,
Откройте же славы секрет».

И он мне тогда, колоброду,
Сказал без особых затей:
«Чем ближе быть хочешь к народу,
Тем дальше держись от людей!»

«ДОМ ТВОРЧЕСТВА»

Просветы меж тучами ярки,
Шуршат кивера камышей,
Щетинятся сосны гусарски,
Залив гонит волны взашей.

Играет в щенячьем запале
С газетным клочком ветерок,
Пасутся на пляже мангалы,
Пощипывая песок.

Пейзаж комаровский безлюден,
В нем редок как цапля поэт.
Ученых здесь больше не будет,
Художников тоже здесь нет.

Урезала Родина квоты
Творцам всех мастей на жилье.
Оставив, по крупному счету,
На пляжах турье и жулье.

И все же, бредя от залива
В убогий Дом Творчества свой
Ты кажешься даже счастливой,
И я очарован тобой.

* * *

Вот паук посвятил свою жизнь клочковатой сосне,
В арматуре ветвей обустроив сквозное жилище.
То в сосновых чешуйках, как Будда сидит в полусне,
То, на стропях качаясь, от щедрого неба ждет пищу.

Созревают чернила в чернильницах круглых черник,
Ими даже неграмотным грех языка не испачкать.
Раздвигает пещеристым телом хвою маховик,
И березки танцуют своих лебедей в белых пачках.

Поролоновым мхом обложив черепа валунов,
Август, словно музейщик проводит подсчет экспонатов,
Не мешая ему, отодвинув тихонько засов,
Из ахматовской будки выходит похмельный Ахматов.

Не нарушив собою пейзажа, садится за стол,
Раскрывает тетрадь, и тому паучишке подобно
Ждет, когда же с небес залетит к нему вкусный глагол,
Нет, не пушкинский, жгучий – ахматовский, матовый, сдобный!

* * *

В парную ночь брожу, травы дурман
Вдыхая, жду, откуда грянет осень.
В той стороне бесшумно сквозь туман,
Как беглые, вошли в поселок лиси.
От звездопада скроюсь под навес
И сомневаюсь сам в себе – в уме ли?!
Здесь грубой вязки зеленеет лес,
Такой шершавый, шерстяной, что если
За ниточку легонько потянуть,
То можно быстро распустить это вязанье.
И медленно курится млечный путь
Эпиграфом к ночному мирозданию.

4 АВГУСТА

Земля, как мыльный шар на трубочке сосны,
Покачиваясь, радугой играет.
И птицы быстрые из самой глубины,
Как спицы, в такт друг другу подражают.

И кроны легкие подергивает рябь
От ветерка кисельного. Замедлен,
Весь лес блестит органной тяжкой медью,
И трубы сосен полукругом в ряд

Трубят, захлебываясь желтой смолою.
Под их пергаментной тончайшею корою

Такая музыка, корнями роя грунт.
Уходит вверх, сильна и волокниста,
Стремительна, пронзительнее свиста,
В своем усердьи напрягает грудь.

И где-то высоко, где облако не тает,
Она уходит в небо на таран.
Иглами колет воздух, как нарзан.
Зеленым облачком к вершине расцветая.

Громадный лес отлажен, как орган,
Настроен, как орган, и отлучен от сует.
Здесь взвешен каждый шорох, каждый грамм,
И день на полпути за соснами буксует.
И человек, входящий в этот лес,
Как винтик малый точного прибора,
Обязан место знать свое, коль скоро
Он хочет, чтоб орган гудел от стройных месс,
Сосною каждою своей трубя с небес.

5 АВГУСТА

Над крышами зазубренными дач
Безмолвно бездна распахнулась снова.
«Лицом к лицу лица не увидать» —
Такая ночь стоит над Комарово.

Здесь разглядеть и малости нельзя,
А, скажем, прочитав письмо от Лиды —
Что Чжань Юэ перевести на идиш.
И вправду, легче выколоть глаза,
Чем вдруг признать, что ничего не видишь.

Оса в ночи бодает лбом стекло,
И кажется, что лоб ее из меди,
А звук, что издает ее крыло,
Единственный. Напротив у соседей

Решились все же лампочку зажечь
И отнесли ее на подоконник,
А щель меж шторками дает такую течь
В колючий сад, где выстиран шиповник,

Что слепнет отсыревшая трава,
И мечется репейник бестолково,
И в голову все не идут слова,
Чтоб описать ночное Комарово.

* * *

Холодный август. Комарово.
Устав почти весь день писать,
Я выхожу под вечер снова
Вкруг дач писательских гулять.

Калейдоскоп колодца звезды
Являет мне в конце трубы.
Подрагивают чутко ноздри
Внизу чернеющей воды.

Мечеть сосны зовет беззвучно,
И перед входом понимать
Я начинаю, что насущно
Необходимо обувь снять,

Иду по пузырькам иголок,
Как будто пятки пьют нарзан,
Откидывая темный полог,
Что так искусно хвойноткан.
Отсюда, выбрав верный ракурс,
Могу спокойно посмотреть
Сквозь пятьдесят четвертый август,
Что жить осталось ровно треть,

Что главное – нечутким словом
Мне, рифмачу, как и врачу
Не навредить, а остальное
И знать не очень-то хочу.

ОНА ГУЛЯЛА ЗДЕСЬ ОДНА...

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ЕГОРОВА
поэт, член Союза писателей России

Памяти
Анны Ахматовой, Николая Гумилёва,
Льва Гумилёва

* * *

Там меж стволов еще светлее...
Анна Ахматова

Она гуляла здесь одна
Меж комаровских сосен стройных,
Так величава и спокойна
И так задумчиво грустна.

Дневные завершив труды,
Спускалась медленно к заливу
И, может быть, была счастливой
В соседстве неба и воды.

И что земная слава ей –
Убогой страннице, гонимой!
Она идет наветов мимо
Туда, где сад, где друг любимый,
Где меж стволов еще светлей...

Сохранившая русское слово,
Не покинувшая страны,
Упокоенна в Комарово,
Под покровом лесной тишины.

А на Ржевском глухом полигоне
(С той поры миновало сто лет)
В годы смут, революций, агоний
Был расстрелян великий поэт.

Храбрый воин, служивший Отчизне,
Проливавший за Родину кровь...
Ни креста, ни могилы, ни тризны –
Есть лишь память да наша любовь.

На Никольском кладбище, у Лавры,
Упокоился мученик Лев.
Над могилой церковные главы
Да зелёные кроны деревьев.

И все трое трагический, крестный
Путь прошли в те суровые дни.
Верю я, что в пределах небесных
Снова соединились они.

ТАМ, ГДЕ МОРЕ ПО КОЛЕНУ...

ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА МЕДВЕДЕВА
поэт, журналист, публицист

* * *

Там, где море по колено,
там, где сосны-великаны,
ни гранатов, ни шопена,
только бульканье стакана,
да обветренные чайки
вечно начеку...
если там не полегчает –
вырывай чеку.

* * *

«Мужчина, у вас педаль застряла!»...
Из турникета Финляндского вокзала
он пытается вырваться, хоть и потеряй велосипеда,
на электричку, которая увезет его к свету
небесному, распыленному через хвою,
к морю блаженному, чаячьему вою;
хоть один выходной, хоть одно в пропадающей
жизни оконце!
Бледный, словно моллюск, мужчина бьется
в створках ракушечных сломанного турникета...
тщетно. В Питере никогда не бывает лета.

* * *

Это мое мелкотемье – берег, залив,
вот я опять мягкотело бреду в заплыв,
довольно нелепый – руками касаясь дна,
песочные скрепы дарит неглубина.

Будет вода мутновата, тепла, пресна,
будто бы ванна, хоть и кругом леса.
Друзья усмехнутся, солнцу подставив бок:
«Пойти искупнуться? Слишком неглубоко».

А я, обругавши чаек, взметнувши рыб,
словно упав случайно, плещусь навзрыд.
Вниз устремляются тени, и кажется мне,
только в одном спасение – в неглубине.

* * *

Хочу с тобою на залив, жить на заливе,
не там, где росчерки олив, а где дождливей,
где навалились валуны на пляж белесый,
где слезы долгие сосны, надрыв березы,
где ветер брызгает песком, окурок – пеплом,
где ты замерзнешь босиком, а я – под пледом.
Жить, всех на свете позабыв, как в глупой песне.
Пока в нас плещется залив – мы не исчезнем.

АХ, СПАСИБО ВАМ, АННА АХМАТОВА

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЙЛОВ

*член Союза писателей России, военный журналист,
участник боевых действий в Афганистане
и на Северном Кавказе*

Мы на кухне с училкою бывшей
Развели разговоры за жизнь.
Говорим, поднимаясь всё выше и выше,
И летим, хоть за звёзды держись,
О поэзии века двадцатого,
А заветные грёзы меж строк...
Ах, спасибо вам, Анна Ахматова,
За уютный такой вечерок.

Было время, творения Ваши
Переписывал я от руки.
Позаимствовать Ваше хотелось бесстрашие,
И свечей, и любви, и тоски.

А теперь, со своими заплатами,
Пьём «какаву» свою не спеша...
Ах, спасибо вам, Анна Ахматова,
За ночной разговор по душам.

А ещё был денёчек отличный,
Просто в юность билет раздобыл,
Томик Ваш, как товар, как товар заграничный,
Я в Шиндане за чеки купил.
Нынче ж томик – как повод порадовать,
Чтоб соседку мою расспросить...

Ах, спасибо вам, Анна Ахматова,
За негромкие эти часы.

И училка студенткою ночи
Проводила у книг дорогих,
Молодыми ночами из редких источников
Постигая таинственный стих.
Что искало в мучениях адовых,
Нас на старенькой кухне нашло...
Ах, спасибо вам, Анна Ахматова,
За нежданное это тепло.

Наше время стихов не умножит,
Как трагичные Ваши года.
Но училка на Вас чем-то очень похожа,
Поэтична, печально-горда.
Вечер дальше пасьянсы раскладывал.
Не дано им совпасть, и не жаль...
Ах, спасибо вам, Анна Ахматова,
За домашнюю эту печаль.

БРОШУ ЛЕТНЮЮ ЖАРУ...

ИРИНА ТОЛДОВА
поэт

ЗАПЛЫВ

Брошу летнюю жару
Огнедышащих асфальтов –
В Комарово, не на Мальту
Оголтелым кенгуру
Прискачу, маша руками,
Раздеваясь на бегу,
Без раздумий оставляя
Хлам вещей на берегу
И блаженную прохладу
Расплескавшейся воды
Принимая, как награду,
После вздорной суеты.
И отчаянно рискну
Вдаль уплыть, забот не зная,
По барханистому дну
Ручками перебирая.

КОМАРОВСКИЙ МИРАЖ

Не поеду я отдыхать на юг,
Не заманит курортов просинь.
Мне всего милей комаров приют,
Старой будки облезлый профиль.

Здесь любой предмет говорит о ней:
Острых веток сосновый ворох,
Еле слышный скрип пожилых дверей
И колодезный старый ворот.

А когда под утро, продрогнув весь,
Воздух моря стряхнёт туманы,
Она лёгким шагом пройдёт здесь –
Комаровская донна Анна.

КОМАРОВО

Ахматов топит самовар
Стихами.
Его объёмлет жаркий пар –
Не пламя.
Он очищает здесь стихи
От плевел
И воскуряет фимиам
Деревьям.

Когда бы с душами дриад
Получше
Состроить все, что здесь звенят
Созвучья,
Ахматов выплыл бы со дна
Стакана
И нам кивнула б из окна
Та – Анна.

ЗЕЛЁНЫЙ ШАТЁР

Комарово, Комарово.
Нет ни супа, ни второго,
Всё какой-то перекус.

Мелок здесь залив и пресен,
Всюду в полудиком лесе
Комариный писк и кус.

Но куда греет лето,
Нам как будто дела нету
До подобной чепухи:

Осенясь шатром зелёным,
Неприкаянно замрём мы
Под хорошие стихи.

НОЧЬ В КОМАРОВО

Когда сквозь дым и суету,
Сквозь запах шашлыка и пива
Размытым берегом залива
Я безнадежно побреду

По серому песку,
Тогда
В случайном и нестройном хоре
Я вдруг услышу голос моря –
Непостижимый, как всегда.

Прорежет воздух птичий крик,
И ветер, чешущий осоку,
Очнётся и взлетит высоко.
И запоёт иной тростник.

Иной –
о яростных мечтах,
О чёрных кораблях смолёных,
Мечах, от жажды раскалённых
И медноблещущих щитах.

О том, как, разбиваясь вдрызг,
И возрождаясь без потери,
Иные волны хлещут берег
Осколками счастливых брызг.

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПОЛЯНСКАЯ
*поэт, переводчик с польского и сербского языков,
член Союза писателей России*

Ночь так ясна, и тишина такая, –
Хоть запасайся впрок.
С еловых сонных лап смолой стекает
Ночное серебро.

Сосновый ствол мерцает и струится,
До тени истончён,
И слышно, как едва вздыхает птица
Неведомо о чём.

И кажется, я заглянуть посмела
Сквозь морок долгих лет
За край непостижимого предела,
Где тишина и свет.

«ЗДЕСЬ ВСЁ – СТИХИ. ВИТАЕТ ГЕНИЙ МЕСТА»

*«Здесь всё меня переживёт...»
А. Ахматова*

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА СЕМЁНОВА
*поэт, писатель, художник,
член Союза писателей Санкт-Петербурга*

Здесь всё – стихи. Витает Гений места.
Диван Гитовича и серебристый лох.
Из домика ахматовское кресло
Совсем недавно кто-то уволок.
Три женщины: прекрасные Елены –
Писательские жёны за стеной.
Конечно, были слёзы и измены,
Но тучи проходили стороной.
Когда весною зацветает ландыш,
Как будто свечи белые зажгли
В зелёном храме, сразу понимаешь,
Что небеса касаются земли.

И в этой заурядности строений,
В заборе из штакетника живёт
Неистовый источник вдохновений
И будоражит нас, который год.

* * *

Комарово – наш яблочный рай,
Искушение покруче Адама.
Хочешь белый налив выбирай
И срывай его с дерева прямо,
Или спелой китайки плоды,
Чтоб за хвостики брать из варенья,
На столе оставляя следы
Своего преступления.
Здесь всегда нам пекли пироги,
И традиция эта осталась,
А за чаем мирились враги,
И такое случилось.
На наливочку и перебор
Шестиструнной гитары
Приходил под зелёный шатёр
Молодой или старый.
Мы, досужей молве вопреки,
Словно ангелы в небе парили.
За какие такие грехи
Нас к изгнанию приговорили?
Видно древо познания горчит
И молчит на прощанье.
У поэта украли ключи
От ворот мироздания...

КЕЛЛОМЯКИ

По ком же колокол звонил
В посёлке Келломяки?
Осталось несколько могил,
Какие-то бумаги.
На общем снимке столько лиц
Доверчиво открытых,
И мир распахнут без границ,
Развёрнут, словно свиток.
Век дачной жизни пролетел,
Балы и променады.
Все эти люди не у дел,
Как будто так и надо.
Что будет через сотню лет?
Останутся преданья,
Мол, в Комарове жил поэт,
А дальше как в тумане,
Вот эту ёлку посадил...
И снова краеведы
Расскажут: колокол звонил,
И громко звал к обеду.

* * *

Отыскалась янтарная комната
В Комарове на Кудринском, 5.
Эти кроны червонного золота,
Кто их будет теперь охранять?

Каждый кустик украшен гирляндой,
В ярком венчике на голове,
И штакетник резьбой палисандровой
Щеголяет в налипшей листве.

Наш колодец с открытою дверкою
Превратился в фонтан Тюильри
С амальгамой старинного зеркала,
С золотую рыбёшкой внутри.

Я себя ощущаю букашкой,
Утонувшей в меду янтаря,
Ослеплённой блестящими бляшками
Сентября, октября, ноября.

* * *

Собеседник по-прежнему дорог.
Что театр? Что шопинг шальной?
И не радует каменный город,
На природу поедем со мной,
Пошуршать прошлогодней листвою,
Потерявшей оттенки огня,
Ни о чём сокрушаться не стоит,
Лучше вместе стихи сочинять.
Потихоньку спуститься к заливу,
Поглядеть на пустой горизонт,
Выпить кофе вдвоём сиротливо,
Что поделаешь – мёртвый сезон.
Я-то знаю, мой славный попутчик,
Просияв молодежавым лицом,
Может столько ещё отчебучить,
Припечатать весёлым словцом.
И тогда этот день безотрадный
Превратится в сплошной карнавал...
Электричка ушла, да и ладно,
Приютит комаровский вокзал.

БОРИС ЮРЬЕВИЧ ЦУКЕР
член Союза писателей России

«ОБОШЕЛСЯ ЭТОТ ДЕНЬ СО МНОЙ СУРОВО»

* * *

КЕЛЛОМЯКИ – ФИНСКОЕ НАЗВАНИЕ КОМАРОВА

Обошелся этот день со мной сурово,
Жить заставил в непонятной передраге.
Помню, поезд отправлялся в Комарово,
А приехал почему-то в Келломяки.

Мне бы выбраться из этой безнадеги,
Но исчезло станционное окошко.
Только лошади, замызганные дроги,
Да унылая мелодия гармошки.

На платформе расфуфыренные стервы
Краснощекие, без признаков печали,
Лопотали по-чухонски: «Терве, терве»,
И как будто бы меня не замечали.

Попадал и не в такие переделки,
Но потом судьба оказывала милость.
Вот и тут: вагон подкинуло на стрелке,
И мое инновренье завершилось.

Ну и бог с ней, с этой странною причудой!
Двадцать первым веком я вполне доволен.
Только слышится порою: ниоткуда
Манит звоном призрак горки колокольной.

* * *

АННЕ АХМАТОВОЙ

Грустным дождиком лето запив,
Провожает друзей Комарово,
И вздыхает печально залив,
С одиночеством встретившись снова.

Осень дым прицепила к трубе,
Хохлому раскидала у стенки,
Я иду по шуршащей тропе
На свидание с Анной Горенко.

Здесь, у бездны, масштабы не те,
Здесь ферзей отличаешь от пешек,
И горит на надгробной плите
Разноцветный букет сыроежек.

* * *

*Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят.*
Анна Ахматова

Медью сосен наполнилось слово,
Серый сумрак сгустился в гранит.
Даже мох на земле Комарово
Вдохновения тайну хранит.

И поэтому здесь так непросто
Подобрать для стиха звукоряд:
До сих пор комаровские сосны
На твоём языке говорят.

* * *

В эту сказку попасть очень просто:
Комарово прилежно хранит
Мир, где с небом целуются сосны,
А волна обнимает гранит.

Там закат беззащитен и матов,
Непривычны вражда и печаль,
И в ахматовской будке Ахматов
Наливает духмянистый чай.

В этом нету ни капельки вздора:
До сих пор у скрипучих ворот
Воплощеньем волшебного сора
С лебедой одуванчик растёт.

* * *

АННЕ АХМАТОВОЙ

Лег ручей на дюну, словно трещина,
Парус белой точкой вдалеке...
Грузная, немолодая женщина
Прутиком рисует на песке.

Здесь пореже мучают вопросами,
И пускай сомнителен уют,
Главное, что сосны комаровские
Никогда ее не предадут.

А тоску рассыплют на осколочки,
Уберут печали острый нож
Ося Бродский и любимец Толечка,
Что на Модильяни так похож.

Для иллюстрирования журнала были использованы фото из открытых источников интернета, а также сайтов:
terijoki.spb.ru, spb-tombs-walkeru.narod.ru, kramarev.ru, kanoner.com, nanevskom.ru, flickr.com,
karpovka.net, vseгда-pomnim.com

История Петербурга *журнал*

№ 3(87)/2022

Главный редактор **С.Н. Полторак**.

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е.А. Тальянова**.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Полторак».

Подписано в печать 22.08.2022. Формат 60 x 84 ¹/₈.

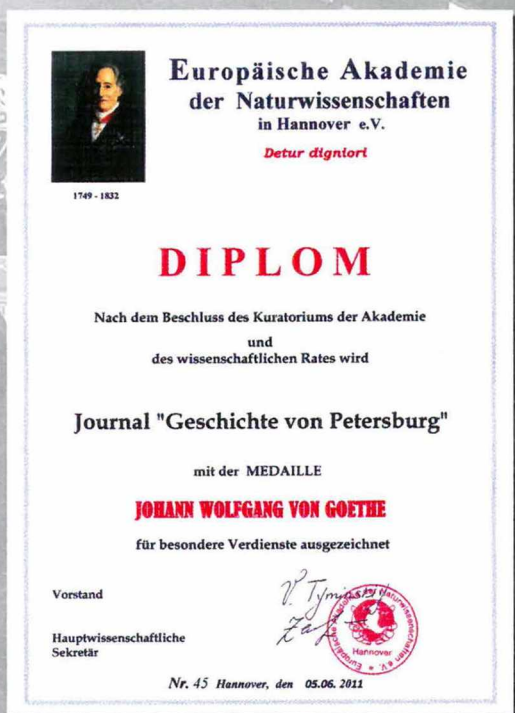
Объем 20,5 п. л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ПСП-ПРИНТ»
192212, Санкт-Петербург, ул. Белградская, д. 30, лит. А, пом. 15 Н.
Тел.: (812) 655-09-33.

Заказ № 87830. Цена свободная.

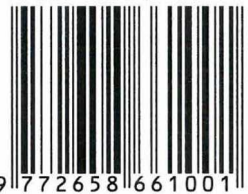
Журнал «История Петербурга» —
лауреат Анциферовской премии

№ 7 916

ISSN 2658-6614

9 772658 661001

Редакция благодарит кандидата искусствоведения
Валентина Васильевича Скурлова за поддержку в выпуске
этого номера журнала.